

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

4 (62)

Октябрь – Ноябрь – Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2018

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),
член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),
проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),
проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва) проф. *А.Ф. Строев* (Париж),
д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин), д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),
д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),
д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2018
  - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2018
  - © Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2018

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

4 (62)

October – November – December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2018

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Stroeve* (Paris), Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Alexsey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ!

В этом году свой юбилей отмечают двое наших друзей и коллег: 23 сентября исполнилось 90 лет Р.Ф. Мунчаеву, а 23 октября – 65 лет В.А. Гаинову. Оба юбиляра – сотрудники Института археологии РАН, оба – яркие личности и известные ученые.

РАУФУ МАГОМЕДОВИЧУ МУНЧАЕВУ – 90 ЛЕТ

Рауф Магомедович Мунчаев – доктор исторических наук, профессор, Советник РАН, член-корр. РАН, член-корр. Германского Археологического Института, член-корр. Итальянского института Африки и Востока, директор Института археологии РАН в 1991–2003 гг. Крупнейший специалист в области археологии, древнейшей истории и культуры Кавказа и Ближнего Востока (эпохи неолита, энеолита и ранней бронзы). Автор более 300 научных публикаций. Рауф Магомедович возглавлял целый ряд экспедиций: с 1950 г. по н.в. (Северный Кавказ, Среднее Поволжье, Ставрополье, Болгария, Афганистан, Ирак, Сирия); с 1969 по 1984 г. – начальник Иракской, с 1988 г. по н.в. – Сирийской экспедиции ИА РАН. Свою научную деятельность Р.М. Мунчаев успешно совмещает с огромной организационной работой в редколлегиях ряда ведущих научных журналов, диссертационных и экспертных советах, научных фондах.

ВАСИФУ АБИДОВИЧУ ГАИБОВУ – 65 ЛЕТ

Васиф Абидович Гаибов – к.и.н., старший научный сотрудник Отдела классической археологии РАН – известный специалист по истории и археологии Центральной Азии в античное и раннесредневековое время, сотрудник целого ряда экспедиций в Узбекистане, Туркменистане, Сирии, Северном Причерноморье (Херсонес, Таманский полуостров, Фанагория), автор более 190 научных публикаций.

Мы, их коллеги и друзья, от всей души поздравляем Рауфа Магомедовича и Васи́фа Абидовича с их замечательными юбилеями и желаем им крепкого здоровья, долголетия, бодрости духа и новых творческих успехов в научной деятельности.

Друзья, коллеги, ученики,
Отдел классической археологии ИА РАН,
Редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры»

ИСТОРИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 7–16
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 7–16
©Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-7–16

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА ГАБАЛА

Л.Х. Мустафаев*, У.Р. Гейдарова**

*Национальный Музей истории Азербайджана, Баку, Азербайджан
qafqaz8310@rambler.ru

**Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан
samkhet@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса о возникновении античного города Габала, являвшегося на протяжении нескольких столетий столицей Кавказской Албании. Археологические раскопки на античном участке Габалы были начаты еще в 60-е гг. прошлого столетия и с успехом продолжены в начале нового. Обнаруженный в ходе раскопок 2012 г. культурный слой эпохи поздней бронзы – раннего железа позволил пролить свет на решение данного вопроса. Авторами проанализированы многочисленные остатки материальной культуры, найденные в ходе раскопок последних лет, в первую очередь материалы из культурного слоя эпохи поздней бронзы – раннего железа, обнаруженного на территории Античного городища Габалы. Археологический материал, свидетельствует не только о высоком уровне хозяйственной жизни данного общества в период поздней бронзы – раннего железа, но и позволяет говорить о сопровождающем его социальном расслоении. Авторы приходят к мнению, что поселение, возникшее здесь на рубеже II–I тыс. до н.э., дало жизнь античному городу Габале – столице Кавказской Албании. Достаточно высокий уровень хозяйственной деятельности, развитые социальные отношения, богатые ресурсы способствовали ускорению становления и формирования античного города.

Ключевые слова: античная Габала, керамика, хозяйственные ямы, каменные мотыги, овальное сооружение

Данные об авторах: Мустафаев Лачин Халид оглу – научный сотрудник Национального Музея истории Азербайджана; Гейдарова Ульвия Рафаил гызы – научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Азербайджана.

Рис. 1. 3-й и 4-й раскопы античного городища Габала.
(по: Babayev et al. 2016, fig.1)

Археологические раскопки исторической Габалы (Габалинский район Азербайджанской Республики) сыграли огромную роль в деле изучения вопросов, связанных с историей возникновения и развития Кавказской Албании, исследованием ее материальной и духовной культуры. С 1967 по 1990 гг. на территории античного городища Габалы, расположенного в долине между реками Карачай и Гочаланчай и занимающего площадь более 50 га, велись стационарные археологические раскопки. С 2005 г. раскопки на этой территории были возобновлены при финансовой поддержке Азербайджано-Корейской Ассоциации Культурного Обмена СЕБА (Сеул-Баку), под руководством видного азербайджанского ученого, члена-корр. НАНА, д.и.н., проф. И.А. Бабаева. В результате многолетних раскопок, наряду с изучением археологических памятников, был собран колоссальный материал, позволивший изучить социально-экономические и культурные связи населения

Албании, хозяйственную жизнь, религиозные воззрения, погребальные обряды, характерные особенности строительной техники ее жителей. Кроме того, удалось проследить связи Кавказской Албании с другими странами античного мира в военной, социальной, культурной и торговой сферах, установить влияние античного мира на материальную культуру страны, прежде всего, на строительную технику, возникновение денежного обращения, различные отрасли ремесленного производства и на погребальные обряды¹.

Первые упоминания о Габале встречаются у античных авторов Плиния (I в. н.э.)² и Птолемея (II в. н.э.)³. Как показали раскопки на античном городище, развалины древней Габалы, упомянутой у Плиния как «*praevalent oppida Albaniae C abalaca*» (H.N. VI. 29), находились именно здесь. Раскопки данного городища дали богатый материал античной эпохи (IV в. до н.э. – I в. н.э.): различного типа гончарные сосуды, строительная керамика (обожженные кирпичи и черепица), разнообразные украшения, металлические изделия, оружие и орудия труда, клады монет, остатки крупных общественных зданий и других построек и т.д.

Впервые находки и культурный слой эпохи поздней бронзы – раннего железа были обнаружены в нижних слоях 3-го раскопа в 2012 г.⁴ В следующем 2013 г. на 4-м раскопе площадью 1500 м² были вскрыты те же слои с богатым археологическим материалом⁵. Таким образом, в северной части античного городища были найдены остатки поселения более ранней эпохи, которое, разросшись в середине I тыс. до н.э., превратилось в город, ставший столицей Кавказской Албании⁶ (рис.1).

Верхний горизонт 4-го раскопа относится к античной эпохе, а точнее – к IV в. до н.э. – I в. н.э. В 2011 г. на этом участке в верхних слоях, относящихся к I в. до н.э. – I в. н.э., на глубине 40-50 см, наряду с остатками четвертого овального сооружения, были обнаружены остатки других строений⁷. Следует отметить, что первое овальное сооружение на античном городище было вскрыто еще в 1983 г. на 3-м раскопе. Длина здания равна 74 м, а ширина 23 м. В ходе археологических раскопок последних лет были найдены остатки второго и третьего овальных в плане строений, расположенных к северо-востоку от первого здания. Все эти сооружения были построены из сырцового кирпича на фундаменте, сложенном из валунов. Третье овальное сооружение относится к III в. до н.э. и является наиболее древним. Эти уникальные постройки носили общественный характер и были присущи лишь городской культуре. Кроме того, пока ни на Кавказе, ни в Азии не обнаружены аналоги таких сооружений. Подобные строения еще раз доказывают факт существования крупных и густонаселенных городов на территории Кавказской Албании в античную эпоху. Клавдий Птолемей, как известно, перечисляет названия 29 городов и других менее крупных населенных пунктов, расположенных на территории Кавказской Албании.

¹ Бабаев 1990.

² Латышев 1949, 297.

³ Латышев 1948, 254.

⁴ Babayev, Mustafayev, Ismayilov, Alishov 2014, 120–121.

⁵ Babayev, Mustafayev, Alishov, Huseynov 2015, 26–27.

⁶ Babayev, Nəcəfova, Mustafayev, Alişov, Hüseynov 2015, 407–413.

⁷ Babayev, Mustafayev 2017, 7.

Рис. 2. Хозяйственные ямы эпохи поздней бронзы – раннего железа.
(по: Babayev et al. 2016, fig.3a)

В верхних культурных слоях городища удастся проследить план древних строительных остатков, чего не скажешь о строениях в нижних слоях, разрушенных постройками, хозяйственными и мусорными ямами последующих эпох.

Часть находок, обнаруженных в верхних античных слоях городища, была собрана с поверхности полов строительных сооружений или в культурных слоях. Археологический материал представлен фрагментами крупных хозяйственных кувшинов, различной керамической утвари, остатков черепицы, обсидиановых и кремниевых находок и костей животных. Встречаются также мелкие детали металлических изделий (медь, бронза, железо), среди которых остатки украшений, бытовых и сельскохозяйственных орудий и оружия. Комплексный материал в основном дают мусорные ямы. В культурных слоях античной эпохи были также вскрыты ямы, отличающиеся по форме и размерам. Среди них большинство составляют хозяйственные углубления овальной и округлой формы. Не случайно самый крупный продовольственный склад античной эпохи на территории Азербайджана обнаружен на 3-м раскопе городища Габалы, под строительными остатками второго овального сооружения. Этот амбар относится к IV в. до н.э. Здесь были обнаружены углубления со следами днища и тулова более чем 200 кувшинов, вкопанных по плечи в землю (ныне не сохранившихся там), множество различных по размеру фрагментов самих кувшинов, а также несколько каменных крышек от них. Такой огромный продовольственный склад в античную

пору не мог быть собственностью одного человека или небольшого коллектива людей. Он мог принадлежать населению крупного города и, скорее всего, носил общественный характер⁸. Как ни удивительно, но вокруг территории склада не было обнаружено остатков строений, связанных с ним. Это говорит о том, что после укладки кувшинов площадь вокруг была укреплена и временно накрыта. Согласно результатам палинологического анализа содержимого одного из кувшинов, первоначально в нем хранили вино. Кроме того, обнаружение фрагментов керамического сосуда-ойнохойи возле и внутри одного из кувшинов продовольственного склада еще раз подтверждает его целевое назначение. Также добавим, что земля вокруг кувшинов была голубовато-зеленого цвета из-за вина, стекавшего из трещин или проливавшегося во время его черпания. Впоследствии, как показали анализы проб, в кувшинах хранили зерно, грецкие и мелкие орехи⁹. По-видимому, емкости, ставшие непригодными для хранения вина, впоследствии использовали для хранения других продуктов. Так как иногда на раскопе прослеживаются лишь следы от вкопанных в древности кувшинов, можно предположить, что после того, как склад утратил свое назначение, сосуды, еще пригодные для использования, были изъяты. В целом данные свидетельствуют о том, что склад использовался на протяжении более ста лет.

Обнаруженные в ходе раскопок на античном городище редкие артефакты дают наиболее интересную информацию. Археологический материал свидетельствует не только о высоком уровне хозяйственной жизни данного общества в период поздней бронзы – раннего железа, но и позволяет говорить о сопровождающем его социальном расслоении. Из пласта данной эпохи был добыт богатый фактологический материал: многочисленные фрагменты керамики, зернотерки, каменные мотыги различного размера, обсидиановые и кремневые пластины и т.д. Строительных остатков исследуемой эпохи на этом участке пока не обнаружено. Возможно, одной из причин этого можно считать наличие многочисленных и глубоких мусорных ям античного периода, которые пререзают нижние культурные слои.

Анализ полученных сведений, позволяет проследить динамику развития отдельных отраслей хозяйственной деятельности. Факт обнаружения на 4-м раскопе многочисленных хозяйственных ям, расположенных на территории общей площадью в 1500 кв.м, имеет огромное научное значение. Кроме того, ямы расположены рядами в определенном порядке¹⁰ (рис. 2). Аналитический разбор фактов, собранных в ходе раскопок, привел к заключению, что целевым назначением этих ям было хранение продуктов питания. Никаких строительных остатков, связанных с этими ямами, обнаружено не было.

Еще до появления античного города на данном поселении четко прослеживаются следы интенсивной жизни, ярким доказательством чего следует считать обнаруженные хозяйственные ямы. Диаметр и глубина продовольственных ям различны. Диаметр колеблется в пределах 1–2 м, а глубина иногда достигает 2 м. В ходе очистки ям в центральной части их дна удалось выявить небольшие углубления диаметром 17–20 см и глубиной 10–12 см¹¹ (рис. 3). В одних случаях в углуб-

⁸ Babayev, Mustafayev 2017, 8.

⁹ Babayev, Jabiyev, Yi, Kim, Kwon, Seong, Yi, Abbasova, Najafova 2009, 115.

¹⁰ Babayev, Najafova, Mammadova, Mustafayev, Huseynov, Alishov 2016, 27.

¹¹ Babayev, Najafova, Mammadova, Mustafayev, Huseynov, Alishov 2016, 27.

Рис. 3. Хозяйственная яма с углублением внутри.
(по: Babayev et al. 2016, fig.7)

лениях на дне ям были обнаружены сгнившие, а в других – обуглившиеся остатки древесной породы (уголь). Пучки, собранные из тонких веток, размещались вертикально в яме с целью сохранения зерновых продуктов и предотвращения их гниения¹². Древесные пучки способствовали вентиляции воздуха в яме и, таким образом, сохраняли зерновые запасы от порчи¹³. С помощью прутьев легко можно было заранее проверить, в каком состоянии находится зерно на дне ямы. Следовательно, продукты удавалось уберечь от влажности и гниения. Наличие различных по форме ям, предназначенных для хранения продовольствия, помогает в деле изучения занятий и хозяйственной жизни проживавшего здесь населения, как в эпоху поздней бронзы – раннего железа, так и в античный период. Этот факт свидетельствует о том, что население Азербайджана из поколения в поколение передавало ценные знания о способах хранения продовольствия.

В целом обнаруженные хозяйственные ямы позволяют создавать определенные исторические реконструкции: 3 тысячи лет назад огромный продовольственный склад мог возникнуть в густонаселенном поселении. Особенно подобное характерно для земледельческого населения. Это, в свою очередь, еще раз доказывает, что в период поздней бронзы – раннего железа в северной части античного городища Габалы существовало поселение оседлых земледельцев с глубоко укоренившейся социальной дифференциацией. Данный процесс в своем дальнейшем развитии в V–IV вв. до н.э. способствовал возникновению на этой территории

¹² Babayev, Najafova, Mammadova, Heydarova, Mustafayev 2017, 48–49.

¹³ Babayev, Mustafayev 2017, 9.

античного города Габалы, занимавшего видное место в социально-политической, военной, экономической и культурной жизни древнего Азербайджана.

Керамический ассамбляж нижних культурных слоев также вызывает огромный интерес. Он в основном состоит из красных, серых, серо-черных, черных, чернолощенных и серо-лощенных образцов¹⁴. Аналогичный материал встречается и на других памятниках Азербайджана. Керамика эпохи поздней бронзы – раннего железа отличается своим многообразием и богатым орнаментом. Наружная поверхность крупных, толстостенных хозяйственных кувшинов украшена гребенчатым узором. Чаще всего корпус и плечики таких сосудов украшались широким, выпуклым пояском. Поверхность этого пояса в свою очередь орнаментирована глубокими врезными параллельными линиями ромбовидной и угольчатой формы. На кромке горловины кувшинов с широким горлом наблюдаются врезные глубокие линии в виде углов¹⁵. Подобный орнамент характерен для керамики данной эпохи. Другие находки в основном представлены фрагментами кувшинов, тарелок, кастрюль, емкостей для воды и т.п. изделий гончарного производства. Также был обнаружен интересный керамический предмет овальной формы, предназначение которого осталось неясным¹⁶. Это расширяющийся кверху корпус толстостенного, черного обжига с красноватым отливом сосуда. По центру на плоском дне изделия имеется разрез овальной формы. Склеенные фрагменты одного из таких сосудов, позволили установить его форму (рис. 4). Остальные обломки принадлежат другим подобным изделиям.

В ходе археологических раскопок были обнаружены многочисленные находки каменных мотыг, причем как из слоев эпохи поздней бронзы – раннего железа, так и из верхних античных. Наличие в античных слоях каменных мотыг опять же объясняется вырытыми в тот период хозяйственными и мусорными ямами. В процессе рытья этих ям каменный и частично керамический материал оказался в верхних пластах. Можно предположить, что в период поздней бронзы – раннего железа каменные мотыги широко применялись в хозяйственных работах. Они имеют самые различные размеры. Здесь попадаются как очень крупные, так и мелкие экземпляры (рис. 5). Размер мелких орудий составляет 8–10 см, а крупные подчас достигают 26 см в длину. Следует отметить, что, несмотря на широкое применение каменных мотыг в земледелии Азербайджана в эпоху ранней бронзы, они встречаются и в более ранних памятниках, например, эпохи неолита. Это свидетельствует о том, что мотыжное земледелие охватывало очень долгий промежуток времени. В Фонде археологии Национального Музея истории Азербайджана хранятся экземпляры каменных мотыг эпохи ранней бронзы, обнаруженные на территории Азербайджана на различных памятниках, сходные с каменными мотыгами из Габалы. Подобную мысль можно высказать и в отношении керамических изделий.

Следующая находка из исследуемых культурных слоев – это каменная зернотерка. На территории Азербайджана данное орудие широко представлено в хозяйственной жизни человека самых разных эпох, включая неолит, а также античность.

¹⁴ Babayev, Mustafayev, Alishov, Huseynov 2015, 30–31.

¹⁵ Babayev, Najafova, Mammadova, Mustafayev, Huseynov, Alishov 2016, 27.

¹⁶ Babayev, Najafova, Mammadova, Heydarova, Mustafayev 2017, 218, № 1963.

Рис.4. Керамический сосуд овальной формы.
(по: Babayev et al. 2017, №1963)

Рис.5. Каменные мотыги (кон. II – нач. I тыс. до н.э.)
(по: Babayev et al. 2017, fig.4)

Таким образом, можно утверждать, что культурный слой эпохи поздней бронзы – раннего железа, обнаруженный на территории античного городища Габалы, собранный богатый археологический материал доказывают, что поселение, возникшее здесь на рубеже II–I тыс. до н.э. дало жизнь античному городу Габале – столице Кавказской Албании. Достаточно высокий уровень хозяйственной деятельности, развитые социальные отношения, богатые ресурсы способствовали ускорению становления и формирования античного города.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабаев, И. 1990: *Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э.* Баку.
- Латышев, В.В. 1948: Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть первая. Греческие писатели (продолжение). *ВДИ* 2, 215–314.
- Латышев, В.В. 1949: Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть вторая. Латинские писатели (продолжение). *ВДИ* 2, 271–356.
- Babayev, I., Mustafayev, L., Ismayilov, R., Alishov, N. 2014: Report on the archaeological investigations on the Ancient site, Gabala in 2012. In: İ. Babayev (ed.), *Reports of the Gabala archaeological expedition 2011–2012*. Baku, 114–149.
- Babayev, I., Mustafayev, L., Alishov, N., Huseynov, S. 2015: Report on the archaeological investigations at the Ancient site, Gabala in 2013. In: İ. Babayev (ed.), *The Gabala archaeological expedition: Reports, findings 2013*. Baku, 22–57.
- Babayev, I., Najafova, I., Mammadova, B., Mustafayev, L., Huseynov, S., Alishov, N. 2016: Brief report on the archaeological investigations at the Ancient site, Gabala in 2014. In: İ. Babayev (ed.), *The Gabala archaeological expedition: Reports, findings 2014*. Baku, 24–45, 129–155.
- Babayev, I., Najafova, I., Mammadova, B., Heydarova, U., Mustafayev, L. 2017: Brief report on the archaeological investigations at the Ancient site, Gabala in 2015. In: İ. Babayev (ed.), *The Gabala archaeological expedition: Reports, findings 2015–2016*. Baku, 46–63, 213–223.
- Babayev, I., Jabiyev, G., Yi, S., Kim, J., Kwon, O., Seong, J., Yi, G., Abbasova, E., Najafova, I. 2009: About the results of the first joint Azerbaijan-Korean expedition in Gabala. *Azerbaijan Archaeology* 12 (1), 113–122.
- Babayev, İ.A., Nəcəfova, İ.M., Mustafayev, L.X., Alişov, N.Ə., Hüseynov, S.A. 2015: Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası Antik Qəbələ dəstəsinin tədqiqat işləri haqqında. In: M.N. Rəhimova (ed.), *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2013–2014*. Bakı, 407–414.
- Babayev, İ.A., Mustafayev, L.X. 2017: Antik şəhərin IV qazıntı sahəsindən əldə edilən Son Tunc–Erkən Dəmir dövrünə aid maddi mədəniyyət nümunələri. İn: *Muzey, arxiv və kitabxanalarda qorunan milli dəyərlərin tədqiqi, təbliği, mühafizəsi və bərpası*, I Respublika elmi konfransının materialları, “Elm və təhsil”. Bakı, 6–11.

REFERENCES

- Babaev, I.A. 1990: *Goroda Kavkazskoy Albanii v IV v. do n.e.–III v. n.e.* [The cities of Caucasian Albania in the 4th BC–3rd AD]. Baku.
- Babayev, I., Mustafayev, L., Ismayilov, R., Alishov, N. 2014: Report on the archaeological investigations on the Ancient site, Gabala in 2012. In: İ. Babayev (ed.), *Reports of the Gabala archaeological expedition 2011–2012*. Baku, 114–149.
- Babayev, I., Mustafayev, L., Alishov, N., Huseynov, S. 2015: Report on the archaeological investigations at the Ancient site, Gabala in 2013. In: İ. Babayev (ed.), *The Gabala archaeological expedition: Reports, findings 2013*. Baku, 22–57.

- Babayev, I., Najafova, I., Mammadova, B., Mustafayev, L., Huseynov, S., Alishov, N. 2016: Brief report on the archaeological investigations at the Ancient site, Gabala in 2014. In: İ. Babayev (ed.), *The Gabala archaeological expedition: Reports, findings 2014*. Baku, 24–45, 129–155.
- Babayev, I., Najafova, I., Mammadova, B., Heydarova, U., Mustafayev, L. 2017: Brief report on the archaeological investigations at the Ancient site, Gabala in 2015. In: İ. Babayev (ed.), *The Gabala archaeological expedition: Reports, findings 2015–2016*. Baku, 46–63, 213–223.
- Babayev, I., Jabiyev, G., Yi, S., Kim, J., Kwon, O., Seong, J., Yi, G., Abbasova, E., Najafova, I. 2009: About the results of the first joint Azerbaijan-Korean expedition in Gabala. *Azerbaijan Archaeology* 12 (1), 113–122.
- Babayev, İ.A., Nəcəfova, İ.M., Mustafayev, L.X., Alişov, N.Ə., Hüseynov, S.A. 2015: Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası Antik Qəbələ dəstəsinin tədqiqat işləri haqqında. In: M.N. Rəhimova (ed.), *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2013–2014*. Bakı, 407–414.
- Babayev, İ.A., Mustafayev, L.X. 2017: Antik şəhərin IV qazıntı sahəsindən əldə edilən Son Tunc–Erkən Dəmir dövrünə aid maddi mədəniyyət nümunələri. In: *Muzey, arxiv və kitabxanalarda qorunan milli dəyərlərin tədqiqi, təbliği, mühafizəsi və bərpası*, I Respublika elmi konfransının materialları, “Elm və təhsil”. Bakı, 6–11.
- Latyshev, V.V. 1948: Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. [Information of ancient writers about Scythia and the Caucasus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2 (24), 215–314.
- Latyshev, V.V. 1949: Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. [Information of ancient writers about Scythia and the Caucasus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2 (28), 215–314/

ANCIENT CITY OF GABALA: ARCHAEOLOGICAL FINDS OF THE LATE BRONZE TO THE EARLY IRON PERIOD

Lachin Khalid oglu Mustafayev*, Ulviya Rafail gizi Heydarova**

*National Museum of History of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan
qafqaz8310@rambler.ru

**Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Azerbaijan
samkhet@mail.ru

Abstract. The article is a study of the origin of the ancient city of Gabala, which was the capital of the Caucasian Albania during several centuries. Archaeological excavations on Gabala began in 1960s and were continued today. The cultural layers of the Late Bronze and the Early Iron Ages, revealed during the 2012 season, shed a new light on the solution of the issue of Gabala's development. The authors analyze numerous remains of the material culture found during the recent excavations on Gabala. Archaeological material certifies not only to the high level of the economic life of this society during the Late Bronze to the Early Iron Ages, but also allows suggesting its social differentiation. The authors conclude that the settlement emerged here at the turn of the second and first millenniums BC gave life to the ancient city of Gabala. Sufficiently high level of economic activity, developed social relations, rich resources contributed to the acceleration of the formation and the development of the ancient city.

Keywords: ancient city of Gabala, pottery, household pits, stone hoes, oval building

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 17–28
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 17–28
©Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-17–28

ОТКРЫТИЕ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ С ДВОЙНЫМИ ЗАГОНАМИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ С ПОМОЩЬЮ ДИСТАНЦИОННЫХ И ГЕОФИЗИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Т.Н. Смекалова

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
tnsmek@mail.ru

Аннотация. В 2007–2018 гг. в Северо-Западном Крыму с помощью дистанционных и геофизических методов были открыты многочисленные поселения позднего бронзового века с двойными каменными загонами диаметром до 50 м, ранее неизвестные археологической науке. Всего к настоящему времени выявлено 17 таких загонов, и число их, по мере систематического изучения региона, постоянно растет. Рядом с загонами обнаружены жилища в виде заглубленных котлованов, стены которых состоят из плит, поставленных на ребро. Новый культурно-хозяйственный пласт в виде двойных загонов и жилища-полуземлянки удалось обнаружить только благодаря магнитной съемке в сочетании с анализом космических снимков, так как в силу полной «погруженности» в землю на поверхности нет никаких внешних признаков этих объектов, кроме растительных. Проведенный на одном из поселений эксперимент показал, что электромагнитная съемка эффективна для выявления аномалий не только от полуземлянок, но и от других объектов на поселении (глинобитных площадок). Каменные двойные ограды позднего бронзового века являются загонами для скота, а, значит, говорят о скотоводческом характере экономики племен позднего бронзового века. Поселения занимают определенную ландшафтную нишу и приурочены к балочным системам, располагаясь на мысах или берегах крупных балок. То, что на поселениях с несколькими жилыми и хозяйственными строениями присутствует обычно только один двойной загон, говорит об особенностях социальной структуры общества. Дома, очевидно, принадлежали отдельным семьям, а стадо смешанного состава являлось собственностью всей общины.

Ключевые слова: археология, поздний бронзовый век, Северо-Западный Крым, загон для скота, полуземлянки, магнитная съемка, космические снимки, электромагнитная съемка

Данные об авторе: Смекалова Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, заведующий отделом естественнонаучных методов в археологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Статья написана при финансовой поддержке проектов № 18-49-910001 РФФИ «Северо-Западный Крым в позднем бронзовом веке по данным естественно-научно-археологических исследований» и № 18-00-00486 «Зарождение и ранняя эволюция сельского хозяйства в равнинном и предгорном Крыму. Экономические модели и адаптационные стратегии древнего населения к изменяющимся природным, социальным и политическим условиям».

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху поздней бронзы (XIII–X вв. до н.э.) Крым населяли племена, ведущие оседлый образ жизни и занимающиеся земледелием и скотоводством. Им соответствуют поселения сабастиновской и белозерской культур. В Северо-Западном Крыму эти памятники исследовались В.А. Колотухиным¹, который также составил карту их распространения. Главным результатом раскопок В.А. Колотухина было выявление на каждом из поселений по несколько (до 10) помещений, представлявших собой неглубокие прямоугольные котлованы размером от 4 до 8 м, стенки которых были облицованы плоскими камнями, стоящими на ребре. Входы часто устраивались в виде узких коридоров, устроенных так, что одна из их стенок являлась продолжением стены помещения². В жилищах находились очаги, зольные ямы, по несколько хозяйственных ям. В глинобитных или песчаных полах выявлены столбовые ямки, идущие по оси помещения, от опор, которые поддерживали двускатную кровлю³. Поселение Бурун-Эли (рис. 1, а, ВЕр) В.А. Колотухин относил к развитому этапу сабастиновской культуры и определял его нижнюю дату второй половиной XIV в. до н.э., а белозерское поселение Бай-Кият (рис. 1, а, ВКр) датировал XII–XI вв. до н.э.⁴

Г.Н. Тощев в своей обобщающей монографии сравнил результаты, полученные В.А. Колотухиным для Северо-Западного Крыма, с материалами других крымских памятников эпохи поздней бронзы⁵.

В 2007–2018 гг. разведками автора в Северо-Западном Крыму было открыто и исследовано с помощью комплексной методики, сочетающей анализ космических снимков, магнитную съемку и выборочные раскопки, более 30 новых поселений эпохи поздней бронзы, что говорит о высокой степени заселенности региона в этот период (рис. 1а, б). Выявленные поселения дали новый материал для изучения системы расселения в эпоху позднего бронзового века, хозяйственных типов населения, а также социальной структуры общества⁶.

ЛАНДШАФТНАЯ ПОЗИЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Поселения позднего бронзового века, так же, как и сменившие их поселения раннего железного века, занимают особую ландшафтную нишу, располагаясь на мысах между двумя сходящимися балками или на их берегах⁷. Такой выбор местоположения объясняется возможностью использования рельефа местности для укрытия людей и скота от холодных ветров в осенне-зимнее и особенно в весеннее время, когда у домашних животных появляется приплод. Кроме того, у дна глубоких балок, прорезающих многометровую толщу известняков, легче достигнуть

¹ Колотухин 1990, 2000, 2003.

² Колотухин 2003, 102–114.

³ Колотухин 2003, 115.

⁴ Колотухин 1990, 139; 1997, 151–153; 2000, 526–553; 2003, 56.

⁵ Тощев 2007, 195–197.

⁶ Смекалова 2010; Смекалова, Кутайсов 2017.

⁷ Смекалова, Кутайсов 2017, 93, 94.

водонесущего горизонта путем рытья колодцев. В верховьях оврагов сооружались дамбы для удержания талой воды в зимне-весенний период.

Приметы поселений эпохи бронзы – проявляющийся в обнажениях мощный гумусированный грунт золистого цвета, насыщенный обломками костей животных и лепной керамики. С наличием этого слоя связаны и другие внешние признаки поселений: многочисленные норы грызунов, лис и густая растительность с преобладанием чертополоха колючего (*Onopordum acanthium*), дикого лука, полыни, льна дикого⁸.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Археологические разведки поселений эпохи поздней бронзы в Северо-Западном Крыму проводились по мультидисциплинарной методике, сочетавшей дистанционные, геофизические и традиционные археологические методы⁹. Большую часть поселений эпохи поздней бронзы удалось выявить на весенних и летних космических снимках из интернет-ресурса Google Earth Pro по контрастным пятнам растительности, а также по золистому цвету почвы на вспаханных полях. GPS-координаты интересующих объектов считывались с космических снимков, и по ним прокладывались маршруты для натурных *автомобильно-пеших обследований*. Выявление поселений эпохи поздней бронзы представляет известную сложность, так как каменные сооружения этого времени почти полностью «утоплены» в землю и не видны на поверхности в силу нарастания с течением времени почвенного слоя.

Окончательный ответ о существовании и планировке поселения эпохи поздней бронзы дают только *магнитная и электромагнитные съемки*, которые проводились с использованием Оверхаузеровской четырехдатчиковой системы на базе канадского магнитометра GSM-19WG фирмы Gem Systems и электромагнитного измерителя EM38 канадской фирмы Geonix. На геофизических картах положительные аномалии показаны темным, а отрицательные – светлым тонами. Дома позднего бронзового века на магнитных картах отражаются в виде положительных аномалий приблизительно прямоугольной формы (магнитное заполнение полуземлянок) с отрицательным обрамлением (немагнитные известняковые стены). На картах электрической проводимости, заснятых с помощью EM38, над полуземлянками фиксируются положительные аномалии, так как их заполнение лучше проводит электрический ток, чем вмещающая среда.

РЕЗУЛЬТАТЫ МАГНИТНОЙ СЪЕМКИ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Наиболее примечательным открытием, сделанным с помощью магнитной съемки, является обнаружение в Северо-Западном Крыму больших (45–50 м) двойных каменных загонов на 16 поселениях позднего бронзового века. Открытие этих загонов является новым словом в исследовании памятников эпохи поздней бронзы в Крыму, так как данные объекты в силу своих значительных размеров,

⁸ Смекалова 2010.

⁹ Smekalova et al, 2016.

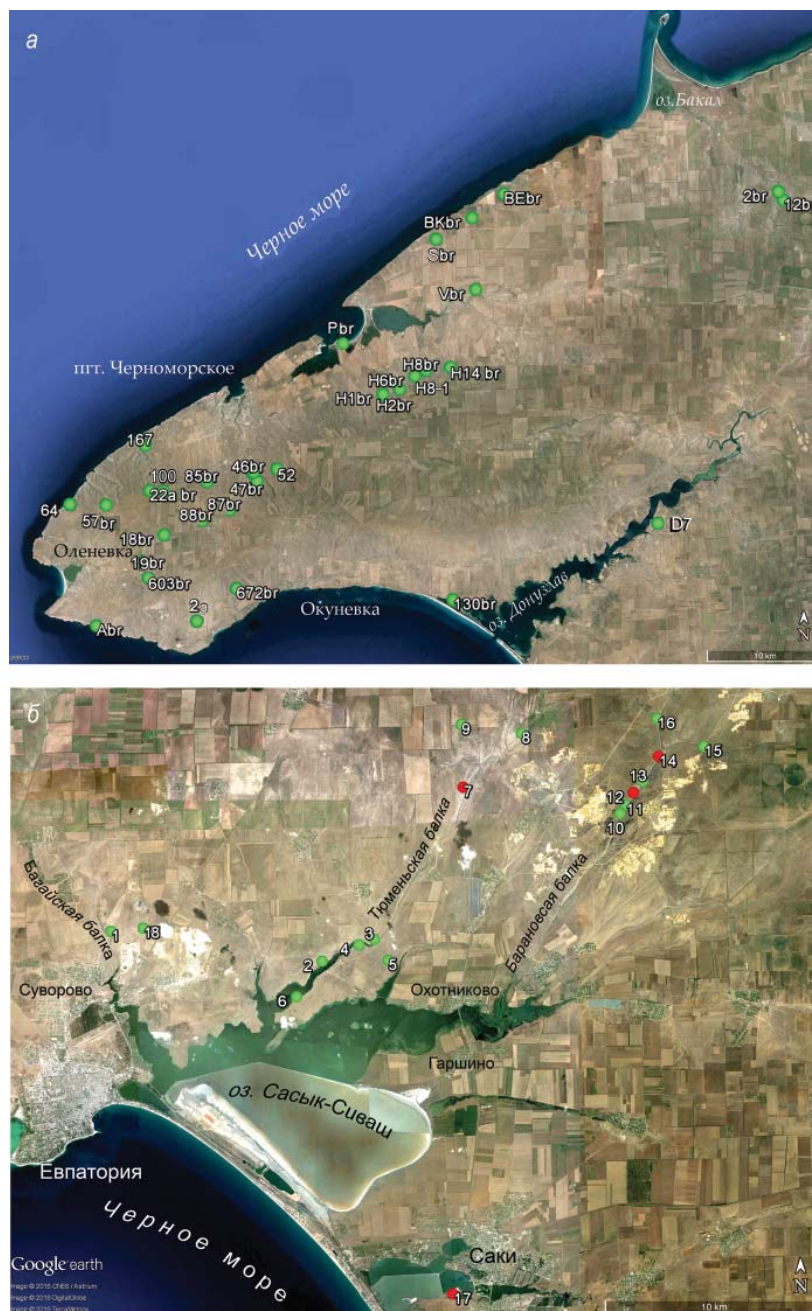

Рис. 1. Памятники эпохи поздней бронзы на Тарханкутском п-ве (а) и в системе водосбора оз. Сасык-Сиваш (б).

Sbr – Скалистое 2, VEbr – Бурун-Эли, BKbr – Бай-Кият, Abg – Атлеш, D7 – Донузлав 7, 1- Багай 1 и 2; 2 – Тюмень 15; 3 – Тюмень 7; 4 – Тюмень 1а; 5 – Тюмень 3; 6 – Тюмень 4; 7 – Тюмень 16; 8- Тюмень 10; 9 – Тюмень 11; 10 – Бораш 2; 11, 12 – Бораш 3 и 4; 13 – Бораш 5; 14 – Бораш 6; 15 – Бораш 9; 16 – Бораш 10; 17 – Тузла; 18 – Багай 3

полной погруженности в землю и задернованности ранее не были известны науке и открыты только благодаря магнитной съемке.

Самый северный из найденных двойных загонов обнаружен нами в балочной системе, впадающей в оз. Бакал (рис. 1а). По карте магнитного поля в мысовой части поселения был выявлен двойной каменный загон диаметром большей части 48 м и малой – 17 м¹⁰ и несколько полуземлянок с каменной обкладкой стен котлована [там же, рис. VI.2.20, 2]. Почвенный разрез, заложенный в месте расположения двойного каменного загона, установил наличие особого слоя светло-серого цвета, насыщенного мелкими фрагментами костей животных и лепной керамики позднего бронзового века. Проведенный А.В. Борисовым (Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН) почвенно-химический анализ показал, что золистый цвет почвы является следствием не сжигания, а микробиологической минерализации растительного материала (навоза) и его нагрева вследствие экзотермических реакций при разложении.

Наибольшее число двойных загонов (8) выявлено на п-ве Тарханкут. Первый двойной загон, наряду с заглубленными жилищами, был открыт в 2007 г. на поселении Н1, находящемся на мысу между двумя глубокими балками в 1,5 км юго-восточнее п. Снежное (рис. 1а).¹¹ Здесь же обнаружены группы прямоугольных полуземлянок¹². На месте этого поселения позднее возникло поселение раннего железного века, к которому относятся каменные постройки-дома и группы зерновых ям¹³, составляющие, вероятно, единые комплексы «дом-зернохранилище».

Поселение Н2 занимает аналогичное предыдущему положение в ландшафте: на мысу между глубокими балками (рис. 1а). Здесь по результатам магниторазведки обнаружен двойной загон, состоящий из каменного круга диаметром 28 м и примыкающего к нему овала размером 48 м (рис. 2а, 1). В 200 м к югу от первого загона с помощью космических снимков и магнитной съемки был открыт еще один овальный загон примерно таких же размеров, что и первый (рис. 2а, 2). Полуземлянок здесь пока не обнаружено.

Следующее к востоку поселение Н6 занимает такое же положение в ландшафте, что и поселения Н1 и Н2 – на мысу между двумя балками (рис. 1, а). По магнитным данным, здесь выявлен двойной загон, состоящий из малой круглой загородки диаметром около 28 м и примыкающей к нему большой овальной ограды размером примерно 45 м¹⁴. Вся исследованная территория покрыта линейными чередующимися положительными и отрицательными аномалиями, расстояние между которыми 17–18 м. Это следы границ пахотных полос – «длинных полей» раннего железного века¹⁵.

Поселение Н8-1 располагается в верховьях следующей к востоку глубокой балки (рис. 1а) и занимает площадь не менее 1 га. Магнитная съемка выявила овальный загон диаметром 43 м (рис. 2б, 1) и не менее пяти заглубленных в землю жилищ, стенки которых сложены из камня (рис. 2б, 2).

¹⁰ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI.2.20, 1.

¹¹ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI.3.26, 1.

¹² Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI.3.26, 1-1, 1-2.

¹³ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI.3.26, 2, 4.

¹⁴ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI.3.36, 1.

¹⁵ Смекалова, Волошинов, Гарипов 2016, 287–290; Смекалова, Лисецкий, Буряк 2017, 67–70.

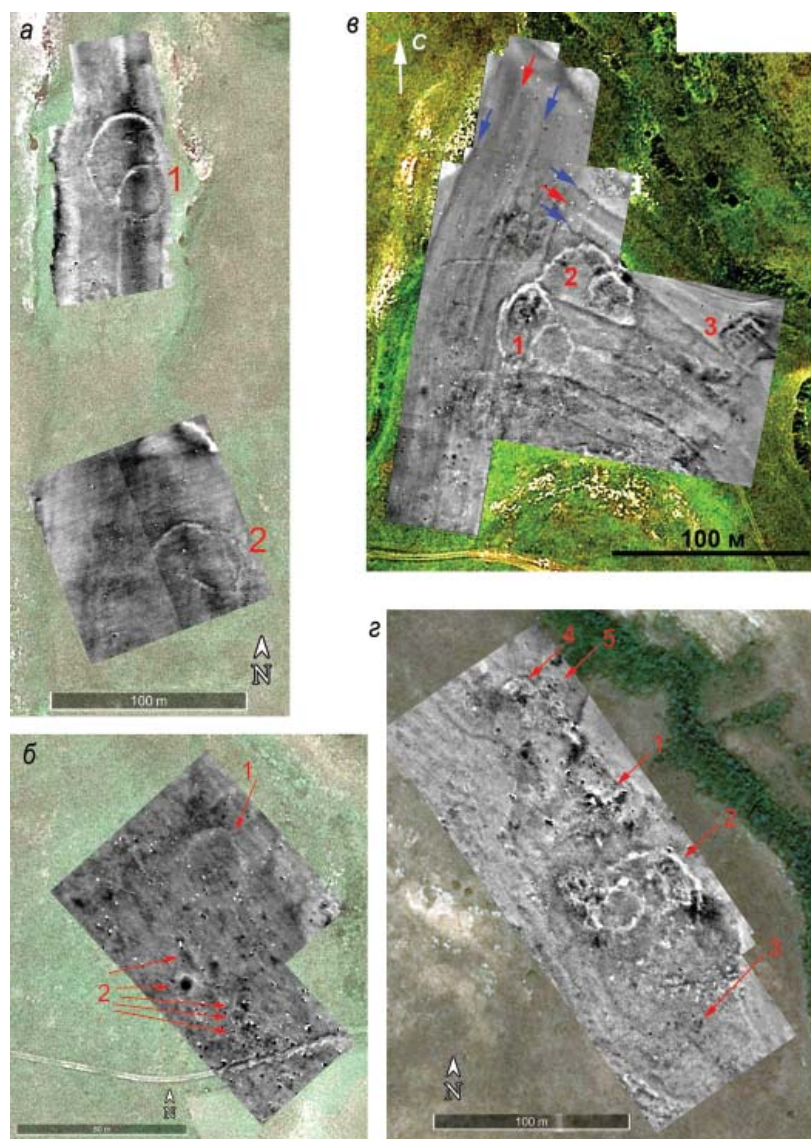

Рис. 2. а – Магнитная тоновая карта поселения позднего бронзового века Н2 в районе Джарылгачского озера. Хорошо видны чередующиеся темные и светлые полосы – следы распашки плугом с боковым отвалом, два двойных овальных загонов (1, 2) и маленькая каменная постройка к северу от загона.

б – Магнитная карта, заснятая на поселении Н8-1, показанная на фоне космического снимка. 1 – овальный каменный загон, 2 – полуземлянки с котлованами, обложенными камнями. в – Магнитная карта поселения позднего бронзового века 22а. 1, 2 – овальные каменные двойные загоны, 3 – каменное строение. г – Магнитная карта поселения 57br. 1 – каменное строение Нового времени, 2 – каменный двойной загон и 3 – полуземлянки позднего бронзового века 4 – каменные наземные постройки и 5 – группа ям раннего железного века

Поселение Н8 занимает такую же ландшафтную позицию, как и поселения Н1, Н2 и Н6: на мысу между двумя сходящимися оврагами. Здесь был выявлен крупный двойной загон, состоящий из каменного круга диаметром 28 м и примыкающего к нему овала диаметром 45 м¹⁶. В южной части поселения на магнитной карте фиксируются прямоугольные полуземлянки, отстоящие друг от друга на 50 м¹⁷. Общая протяженность поселения вдоль берега балки – 200 м. Шурфы, заложенные на месте загона и полуземлянки, дали керамический материал позднего бронзового века и фрагменты костей крупного и мелкого рогатого скота¹⁸.

Поселение Н14 расположено в 2,5 км к востоку от поселения Н8, на мысу между двумя балками, спускающимися к оз. Джарылгач (рис. 1а). Здесь с помощью магнитной съемки удалось выделить до 6 жилых и хозяйственных комплексов. Разведочный шурф выявил на одном из них каменный короб из тонких плит в углу заглубленного помещения с каменными стенами. Керамический материал относится к позднему бронзовому веку¹⁹.

Поселение 603 находится на мысу, образованном Южной Оленевской балкой и ее южным притоком (рис. 1). Магнитная съемка обнаружила овальный двойной загон эпохи поздней бронзы²⁰.

Поселение 22а располагается традиционным образом: на мысу между двумя западными притоками крупнейшей на Тарханкуте балки Кипчак (рис. 1а). Магнитная съемка показала, что здесь находилось два больших двойных овальных загона, смыкающихся друг с другом (рис. 2в, 1, 2). В 50 м к востоку от них располагалась крупная прямоугольная каменная постройка (рис. 2в, 3).

Поселение 100, открытое автором в 2018 г., занимает аналогичное предыдущему поселению положение: находится на соседнем к востоку мысу, образованном двумя сходящимися восточными отрогами балки Кипчак (рис. 3а). Здесь располагался большой двойной каменный загон наибольшим диаметром 50 м. Размеры меньшей части загона примерно 25 х 20 м. На выбитой проселочной дороге, пересекающей этот загон, были найдены многочисленные мелкие обломки лепной керамики с характерными «расчесами», фрагмент толстостенного сосуда с налепным валиком и резным орнаментом «елочка» вокруг горла (рис. 3б), обломок обуха каменного шлифованного топора.

Поселение 57бр. занимает мыс в верховьях Малой Кастельской балки (рис. 1а). Магнитная съемка, проведенная в 2017 г., выявила в центральной части поселения крупный двойной загон размером более 50 м (рис. 2з, 2) и, к юго-востоку от него, полуземляночные жилища (рис. 2з, 3).

Поселение Донузлав 7 располагается на мысу юго-восточного берега оз. Донузлав (рис. 1а). На магнитной карте отчетливо проявился двойной каменный загон диаметром около 60 м²¹ и более десяти заглубленных жилищ²².

Второй из исследованных районов Северо-Западного Крыма – обширная территория балочной системы оз. Сасык-Сиваш (рис. 1б). Особенно обжитым в древ-

¹⁶ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI.3.43, 2.

¹⁷ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI.3.43, 1.

¹⁸ Смекалова, Кутайсов 2017, 116–117, рис. VI.3.43.

¹⁹ Смекалова, Кутайсов 2017, 118–119.

²⁰ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI.3.53, 1.

²¹ Смекалова 2017, рис. 17, 1.

²² Смекалова 2017, рис. 17, 2.

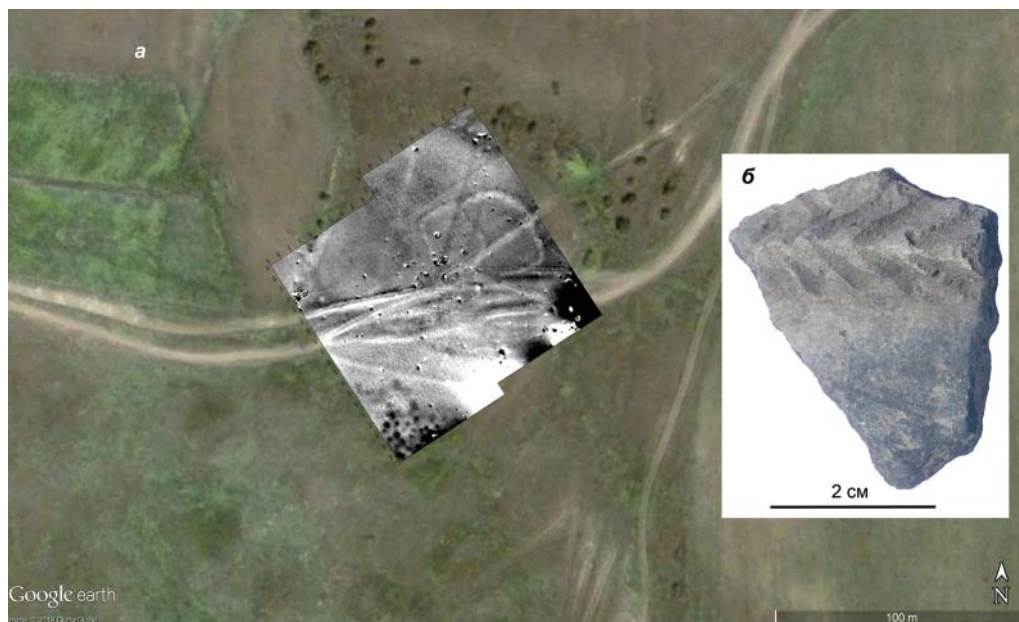

Рис. 3. а – Карта магнитного поля пос. Тюмень 15, помещенная на космический снимок от 4 мая 2010 г. Цифрами отмечены полуземлянки, проявившиеся в виде положительных аномалий с отрицательным «обрамлением». Синим квадратом отмечена площадь электромагнитной съемки, показанная на рис. 3б. б – Карта изменения электрической проводимости, полученная на участке пос. Тюмень 15 (см. рис. 1а), показанная на фоне магнитной карты. Цифрами отмечены полуземлянки (11 и 12) и хозяйственный двор с глинобитным полом, проявившиеся в виде положительных аномалий. в – Двойной каменный загон для скота на поселении позднего бронзового века Госпитальный 2 на окраине Керчи. Фотография Смекаловой Т.Н., май, 2017 г.

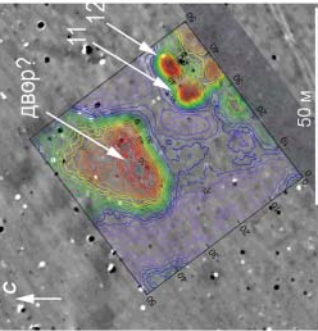
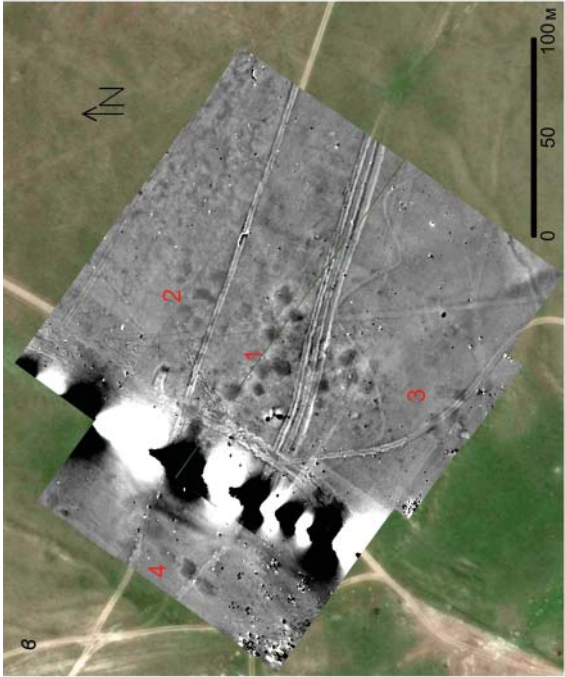
ности было нижнее течение Тюменской балки, там, где она обводится за счет родников.

На водоразделе Тюменской и Катурской балок с помощью космических снимков и наземных разведок открыто большое поселение Тюмень 3 эпохи поздней бронзы (рис. 1б, 5). Магнитная съемка выявила не менее двух десятков жилых домов-полуземлянок и группы хозяйственных ям²³. Дома располагаются вдоль овальной линии. Двойной каменный загон здесь пока не обнаружен.

Поселение Тюмень 15 находится на правом пологом берегу Тюменской балки (рис. 1б, 2). Магнитная съемка выявила не менее 32 прямоугольных жилищ-полуземлянок в ряд (рис. 4а, 1–32). Карта электрической проводимости, заснятая в средней части поселения, показала, что электромагнитный метод эффективен для выявления аномалий не только от полуземлянок (рис. 4б, 11, 12), но и от хозяйственной площадки-двора с глинобитным полом (рис. 4в). Двойной загон здесь пока не обнаружен.

²³ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI.4.17.

Поселение Тюмень 7 находится на мысу Тюменской балки и ее притоком (рис. 1б, 3). Магнитная съемка выявила овальный каменный загон размерами 45 x 28 м, а также группу из пяти жилищ-полуземлянок, расположенных в ряд, и еще пять небольших ям или полуземлянок, находящихся поблизости²⁴.

На западном берегу соседней к востоку Барановской балки, в верхнем ее течении, находится поселение Бораш 10. Проведенная магнитная разведка выявила двойной загон диаметром примерно 48 м²⁵.

Поселение Багай 1 находится на пологом мысу на левом берегу Багайской балки, впадающей в северо-западный угол оз. Сасык-Сиваш (рис. 1а, 1). Магнитная съемка выявила крупное поселение позднего бронзового века, состоящее из четырех компактных групп заглубленных в землю прямоугольных жилищ (всего не менее 56), типичных для поселений позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму (рис. 4в).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ВЫВОДЫ

Главным результатом проведенных в Северо-Западном Крыму исследований с помощью космических снимков и магнитной съемки было выявление двойных загонов для скота на многочисленных открытых за последнее десятилетия поселениях позднего бронзового века. На многих из них по данным магнитометрии обнаружены также дома-полуземлянки с котлованами, облицованными каменными плитами.

Каменные двойные загоны были ранее не известны на поселениях эпохи поздней бронзы и никогда ранее археологами в Крыму не обнаруживались. Впервые раскопки подобных сооружений были осуществлены в 2017 г. на поселении позднего бронзового века Госпитальный 2 при строительстве трассы «Таврида» на северной окраине г. Керчи (рис. 4г).

Археологи, возможно, и раньше встречали при раскопках части подобных загонов, но полностью понять их структуру не могли из-за небольших открытых площадей. Поэтому в археологической литературе мы не смогли найти аналогий, но имеются, как нам кажется, довольно точные этнографические параллели. В Греческой Македонии, в горной стране Пиндос, до сих пор сохранились каменные и деревянные двойные и тройные загоны, служащие для доения овец²⁶. Подобные загородки с отделениями могли служить также для стрижки овец.

Безусловно, выявление одинаковых двойных каменных загонов на обширной территории от окрестностей оз. Бакал (Раздольненский р-н) на севере до Тюменской балочной системы (Сакский р-н) на юге в сочетании с полуземляночными жилищами позволяет поставить вопрос о единой археологической культуре и хозяйственном типе населения позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму. Небольшие родственные группы, состоящие из отдельных семей, жили в отдельных домах, а стадо смешанного состава являлось собственностью всей общины.

Для характеристики этого населения необходимы дальнейшие исследования по разработанной нами междисциплинарной методике, а также раскопки.

²⁴ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI.4.13.

²⁵ Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VI.4.27, 16.

²⁶ Chang, Tourtellotte 1993, 260, рис. 6.

ЛИТЕРАТУРА

- Колотухин, В.А. 1990: Поселение Бурун-Эли в Северо-Западном Крыму. *Древности Степного Причерноморья и Крыма* 1, 137–144.
- Колотухин, В.А. 2000: *Киммерийцы и скифы Степного Крыма (Подкурганные погребения Степного Крыма начала железного времени)*. Симферополь.
- Колотухин, В.А. 2003: *Поздний бронзовый век Крыма*. Киев.
- Смекалова, Т.Н. 2010: *Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Каталог*. (Материалы к археологической карте Крыма II). Симферополь.
- Смекалова, Т.Н. 2017: Новые археологические памятники в верховьях оз. Донузлав в Северо-Западном Крыму. *ПИФК* 1, 149–173.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А. 2017: *Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век*. Санкт-Петербург.
- Смекалова, Т.Н., Лисецкий, Ф.Н., Буряк, Ж.А. 2017: Изучение позднескифского поселенческого и агрохозяйственного комплекса Борот-Хане в предгорном Крыму естественными методами. *Stratum Plus* 4, 57–80.
- Смекалова, Т.Н., Волошинов, А.А., Гарипов, А.С. 2016: Дистанционные и геофизические методы в изучении системы расселения, пространственной структуры и хозяйственных типов позднескифских поселений Юго-Западного Крыма. *Stratum plus* 4, 269–298.
- Тоцев, Г.Н. *Крым в эпоху бронзы*. Запорожье.
- Chang, C., Tourtellotte, P.A. 1993: Ethnoarchaeological Survey of Pastoral Transhumance Sites in the Grevena Region, Greece. *Journal of Field Archaeology* 20, 249–264.
- Smekalova, T.N., Yatsishina, E.B., Garipov, A.S., Pasumanskii, A.E., Ketsko, R.S., Chudin, A.V. 2016: Natural science methods in field archaeology, with the case study of Crimea. *Crystallography Reports* 61, 533–542.

REFERENCES

- Chang, C., Tourtellotte, P.A. 1993: Ethnoarchaeological Survey of Pastoral Transhumance Sites in the Grevena Region, Greece. *Journal of Field Archaeology* 20, 249–264.
- Kolotukhin, V.A. 1990: Poselenie Burun-Eli v Severo-Zapadnom Krymu [The Settlement of Burun-Eli in the North-Western Crimea]. *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma* [Antiquities of the Steppe Black Sea Coast and the Crimea] 1, 137–144.
- Kolotukhin, V.A. 2000: *Kimmeriysy i skify Stepnogo Kryma (Podkurgannye pogrebeniya Stepnogo Kryma nachala zheleznogo vremeni)* [The Cimmerians and Scythians of the Steppe Crimea (The Steppe Crimean Kurgan burials of the Early Iron Age)] Simferopol.
- Kolotukhin, V.A. 2003. *Pozdnyy bronzovyy vek Kryma* [The Crimea during the Late Bronze Age]. Kiev.
- Smekalova, T.N. 2010: Pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka na poluostrove Tarkhankut: Katalog [Sites of the Bronze and the Early Iron Age on the Tarkhankut Peninsula: Catalog. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma [Materials to the archaeological map of Crimea]. II). Simferopol.
- Smekalova, T.N. 2017: “Vorota” na Tarkhankut. Novye arkheologicheskie pamyatniki v verkhov'yakh oz. Donuzlav v Severo-Zapadnom Krymu [The “Gate” of Tarkhankut. New Archeological Sites in the Upper Reaches of the Lake Donuzlav in the Northwestern Crimea]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 149–173.

- Smekalova, T.N., Kutaysov, V.A. 2017: *Akrheologicheskiy atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdnyy bronzovyy vek. Ranniy zheleznyy vek. Antichnost'* [Archaeological Atlas of the Northwestern Crimea. Late Bronze Age. Early Iron Age]. Saint Petersburg.
- Smekalova, T.N., Lisetskiy, F.N., Buryak, Zh.A. 2017: Izuchenie pozdneskifskogo poselencheskogo i agrokhozyaystvennogo kompleksa Borut-Hane v predgornom Krymu estestvennonauchnymi metodami [A study of the Late Scythian settlement and agricultural complex of Borut Khan in the foothills of the Crimea by natural science methods]. *Stratum Plus* 4, 57–80.
- Smekalova, T.N., Voloshinov, A.A., Garipov, A.S. 2016: Distancionnye i geofizicheskie metody v izuchenii sistemy rasseleniya, prostranstvennoy struktury i khozyaystvennykh tipov pozdneskifskikh poseleniy Yugo-Zapadnogo Kryma [Remote and geophysical methods in the study of the settlement system, the spatial structure and economic types of the Late Scythian settlements of the South-Western Crimea]. *Stratum plus* 4, 269–298.
- Smekalova, T.N., Yatsishina, E.B., Garipov, A.S., Pasumanskii, A.E., Ketsko, R.S., Chudin, A.V. 2016: Natural science methods in the field archaeology, with the case study of Crimea. *Crystallography Reports* 61, 533–542.
- Toshchev, G.N. 2007: *Krym v epokhu bronzy* [Crimea in the Bronze Age]. Zaporozh'e.

DISCOVERY OF THE BRONZE AGE PINFOLDS IN NORTHWESTERN CRIMEA: REMOTE SENSING AND GEOPHYSICAL METHODS

Tatiana N. Smekalova

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
 tnsmek@mail.ru

Abstract. The paper deals with the double pinfolds (up to 50 m in diameter) at the Late Bronze Age settlements discovered using remote and geophysical methods in 2007–2017 in Northwestern Crimea. By now, researches have already revealed fifteen oval stone double pens. These structures were first revealed here. Dwellings in the form of pits with the walls of stone slabs set on edge were found near the pens. The new economic and cultural phenomenon constituted by double pens and earth dwellings nearby could be found only thanks to large-scale magnetic surveys in combination with analysis of satellite photos. The stone double fences of the Late Bronze Age are animal pens and suggest an animal breeding character of the economy of the Late Bronze Age tribes here. Settlements of the Late Bronze Age occupy a peculiar landscape niche situated on promontories between two converging arroyos of the banks. The fact that at the settlements including several dwelling and economic buildings there is always only a single double pen suggests some peculiarities of the local social structure. The houses belonged to particular families while the entire community owned the livestock.

Keywords: archaeology, Late Bronze Age, North-Western Crimea, pinfolds, pit houses, magnetic survey, satellite images, electromagnetic survey

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-29–41

МИДИЙСКИЙ ЯЗЫК И НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНЕМИДИЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Р.С. Меликов

*Национальная Академия Наук Азербайджана, Научный центр «Азербайджанская
Национальная Энциклопедия», Баку, Азербайджан
raufmalikov@list.ru, raufmalikov@yahoo.com*

Аннотация. Племена мидян и Мидия упоминаются в источниках с последней трети IX в. до н.э. В конце VII – начале VI в. до н.э. сложилась обширная Мидийская империя, что способствовало распространению мидийского языка, относящегося к северо-западной группе иранских языков. Окончательно мидийский язык, по-видимому, оформился в Мидии-Атропатене. Письменные памятники на мидийском языке не обнаружены. Отдельные мидийские слова – преимущественно имена собственные, племенные названия и топонимы – сохранились в ассирийских, вавилонских и греческих источниках, а также в древнеперсидских надписях. Среднемидийский (атропатенский) язык не исчез с включением Атропатены (Адурбадаган) в состав Сасанидской державы, а затем Арабского халифата. Арабские авторы IX–XII вв. сообщают о распространенном на территории Южного Азербайджана языке ādaḡī (азери). Лексико-этимологический и грамматический анализ сохранившегося материала азери свидетельствует, что он относится к северо-западной группе иранских языков. Язык азери сохранился до наших дней в виде реликтовых северо-западных иранских диалектов – харзани, халхали, карингани и др. В статье предлагается условная периодизация мидийского языка: 1) древнемидийская языковая эпоха – с последней трети IX в. до н.э. по 20-е гг. IV в. до н.э.; 2) среднемидийская (атропатенская) языковая эпоха – с 20-х гг. IV в. до н.э. до XII в.н.э.; 3) новомидийская языковая эпоха – с XII в. до настоящего времени. Далее приводятся некоторые этимологии древнемидийских имен, которые в разноязычных и разновременных источниках однозначно отмечены как мидийские.

Ключевые слова: Мидия, Атропатена, Адурбадаган, мидийский язык, язык ādaḡī (азери), древнемидийская ономастика

Впервые страна мидян (KUR a-ma-da-a-a)¹ упоминается в надписи ассирийского царя Салманасара III, датируемой 834 г. до н.э. Племена мидийцев (ассир. madaī, др.-перс. māda-, греч. Μηδοί) обитали в северо-западной части Иранского нагорья. Первоначально территория мидийского племенного союза включала

Данные об авторе: Меликов Рауф Сейфуллаевич – кандидат исторических наук, заведующий редакцией «История» в Научном центре «Азербайджанская Национальная Энциклопедия».

¹ Grayson 1996, 68.

район современных Хамадана-Зенджана-Казвина и области далее к юго-востоку². В VIII–VII вв. до н.э. западномидийские племена платили дань ассирийцам. Во второй половине 70-х годов VII вв. до н.э. здесь вспыхнуло антиассирийское восстание³, в результате которого возникло Мидийское царство. В конце VII – начале VI в. до н.э. сложилась обширная Мидийская империя, границы которой на западе доходили до р. Галис⁴. В 550 г. до н.э. после восстания мидийского наместника Парсы – Кира – к власти пришла династия Ахеменидов⁵. Покорив Мидию, Кир формально сохранил Мидийское царство и принял титулы мидийских царей; часть мидийской знати сохранила свое привилегированное положение при Ахеменидах⁶.

В 330 г. до н.э. империя Ахеменидов рухнула вследствие «Восточного похода» Александра Македонского. После смерти Александра Македонского и гибели регента его державы Пердикки, в 321 г. до н.э. в Верхней или Малой Мидии возникло новое государство Атропатова Мидия или Мидия-Атропатена⁷ (*Mād-i Atrpātākān). Нижняя или Великая Мидия осталась в орбите эллинистических государств⁸. Около 20 г. н.э. династия Атропатидов пресеклась, а власть в Атропатене перешла в руки младшей ветви парфянских Аршакидов⁹. В 244 г. Атропатена (Адурбадаган) оказалась под властью Сасанидского Ирана. В 40-е гг. VII в. Адурбадаган (Азербайджан) был захвачен арабами. Впоследствии территория Азербайджана включалась как в тюркские, так и иранские государства. В настоящее время Южный Азербайджан находится в составе Исламской Республики Иран.

В мидийском племенном союзе мидийский, вероятно, был языком межплеменного общения (т.к. многие исследователи полагают, что не все 6 племен этого союза были ираноязычными). В период существования Мидийского царства, вследствие завоеваний превратившегося в обширную империю, функции и ареал распространения мидийского языка значительно расширились для обслуживания аппарата управления и осуществления хозяйственно-налоговой деятельности. Отдельные мидийские слова – преимущественно имена собственные, племенные названия и топонимы – сохранились в ассирийских, вавилонских источниках, а также в древнеперсидских надписях и сочинениях античных авторов. На основании этого материала реконструированы некоторые словообразовательные модели и основные историко-фонетические черты, отличающие мидийский от других древнеиранских языков¹⁰. По этим признакам мидийский относят к северо-западной группе иранских языков.

Связных письменных текстов на мидийском языке не обнаружено, хотя некоторые исследователи полагают, что персы заимствовали мидийскую клинопись, возникшую под влиянием урартской¹¹. Однако это предположение не может быть

² Грантовский 2007, 168–169.

³ Starr 1990, N 43, 48, 50.

⁴ Медведская 2010, 137–173.

⁵ Grayson 1975, 106.

⁶ Дандамаев 1985, 18.

⁷ Алиев 1989, 58.

⁸ Алиев 1989, 67.

⁹ Алиев 1989, 103–104.

¹⁰ Mayrhofer 1968, N 1; Schmitt 1989, 87–90; Расторгуева 1990, 25–84; Эдельман 1999, 13–14.

¹¹ Herzfeld 1910, 63; Дьяконов 1956, 367; Струве 1968, 49–50; Diakonoff 1970, 120.

доказано, пока не будут найдены мидийские надписи¹². Большинство исследователей полагает, что некоторые политические, социальные, религиозные и прочие специфические термины были заимствованы из мидийского в древнеперсидский язык¹³.

Окончательно мидийский язык, по-видимому, оформился в Мидии-Атропатене. Некоторые ученые полагают, что в Атропатене существовала среднемидийская (атропатенская) письменность арамейского происхождения¹⁴. Один из немногих арамейских по языку памятников постахеменидского периода, обнаруженных на территории Ирана, – это надпись из Саин-кале (бывшая провинция Восточный Азербайджан, совр. остан Зенджан)¹⁵. Мидийские заимствования имеются в арамейской надписи Артаксия I из Зангезура (II в. до н.э.)¹⁶. Некоторые исследователи считают, что арамейские надписи из Армази (Грузия) I–II вв. н.э. скрывают иранские (мидийские) словоформы¹⁷.

Мидийские заимствования в древнеперсидском и фонетические особенности мидийского языка исследованы в грамматике А. Мейе¹⁸, в глоссариях Р. Кента¹⁹ и В. Бранденштейна, М. Майрхофера²⁰. Анализу мидийской лексики, сохранившейся в трудах Геродота и других греческих авторов, посвящены работы Р. Шмитта²¹. Общеметодологические проблемы реконструкции мидийского языка исследованы в работе М. Майрхофера²². Наиболее полная сводка мидийской лексики, извлеченной из неиранских источников, приводится в работе В. Хинца²³.

Среднемидийский (атропатенский) язык не исчез с включением Мидии-Атропатены в состав Сасанидской державы, а затем Арабского халифата. Так, арабские авторы IX–XII вв. (Йакуби, Масуди, Хаукаль, Йакут, Балазури и др.), а также Бируни (X–XI вв.) и Асади Туси (XI в.) сообщают о распространенном на территории Южного Азербайджана языке ādaḡ (азери)²⁴. На основании этих сведений можно сделать вывод, что азери не фарсидский язык, но, несомненно, иранский, т.к. наряду с дари и пехлеви, а иногда вместе с фарси противопоставляется кавказским языкам²⁵. Лексико-этимологический и грамматический анализ сохранившегося материала азери свидетельствует, что он относится к северо-западной группе иранских языков²⁶.

¹² При раскопках в Нуш-и Джан тепе (середина VIII–VII в. до н.э.), расположенного на исторической территории Мидии, был обнаружен фрагмент надписи, от которой сохранились лишь конец одного и начало следующего клинописного знака (Brinkman 1970, 107).

¹³ Meillet 1931; Benveniste 1958; 1966; Kent 1953; Дандамаев 1963, 59; Brandenstein, Mayrhofer 1964; Грантовский 2007, 168–169; Mayrhofer 1968, там же имеются подробные сведения об истории данной точки зрения и соответствующей литературе; ср. также Hinz 1973; Mayrhofer 1979.

¹⁴ Касумова 1983, 43; Алиев 2002, 73.

¹⁵ Касумова 1983, 43.

¹⁶ Периханян 1965, 107–127.

¹⁷ Церетели 1941, 41–43; Henning 1958, 39; Церетели 1962, 376–378.

¹⁸ Meillet 1931, 7–14.

¹⁹ Kent 1953, 31–39.

²⁰ Brandenstein, Mayrhofer 1964, 35–43.

²¹ Schmitt 1967; Schmitt 2011.

²² Mayrhofer 1968.

²³ Hinz 1975.

²⁴ Касумова 1983, 43–45; Алиев 2002, 73–74.

²⁵ Касумова 1983, 43–45; Алиев 2002, 74.

²⁶ Миллер 1953, 257–260; Henning 1955, 164; Касумова 1983, 45–46; Алиев 2002, 74.

Несмотря на последующий ход истории и превалирование тюркского языка на территории Южного Азербайджана, язык азери сохранился до наших дней в виде реликтовых северо-западных иранских диалектов – харзани, халхали, карингани и др.²⁷ Эти диалекты обнаруживают близость с талышским языком, с языками заза, гилякским, табаристанским, а также с диалектом Семнана²⁸.

Исходя из вышесказанного, можно предложить условную периодизацию мидийского языка: 1) древнемидийская языковая эпоха – с последней трети IX в. до н.э. по 20-е гг. IV в. до н.э.; 2) среднемидийская (атропатенская) языковая эпоха – с 20-х гг. IV в. до н.э. до XII в. н.э.; 3) новомидийская языковая эпоха – с XII в. до настоящего времени.

Ниже приводятся некоторые этимологии древнемидийского ономастического материала. Причем отобраны имена, которые в источниках однозначно отмечены как мидийские.

Ἀγγάρης – по сообщению древнегреческого автора Динона (IV в. до н.э.), придворный мидийского царя Астиага²⁹. Ф. Юсти возводит это имя к авест. *hañgara* – «певец»³⁰. М. Майрхофер³¹ и Р. Шмитт³² соглашаются с этим значением и сравнивают его с ведическим *āṅgiras* – «певец». Однако Э.А. Грантовский считает, что это имя происходит от известной по эламским текстам профессии **ankuraka* – «винодел», сравнивая первую часть этого имени со средне- и новоперсидским *angūr* «виноград»³³.

Amakan^u/_i – в письме Саргону I (между 715 и 707 гг. до н.э.) «владыка поселения» с западной границы Мидии, не подчинявшийся ассирийским властям³⁴. В первой части явно выделяется *amaka*-³⁵ из *ama*- «сила»; «сильный» + суффикс *-ka*, а *-ana* патронимическое окончание, часто встречающееся в личных именах³⁶.

Ar-ba-ku (ассир.), **Har-bak-ka** (элам.) – в «Письме Ашшуру» Саргона II (около 713 г. до н.э.) имя правителя одной из областей на западе Мидии. Ближе к мидийскому оригиналу ликийское *Arpaku*. Почти все исследователи связывают это имя с греч. Ἀρβάκης. В античных источниках известно несколько лиц, носивших это имя (Xenoph., Hellenica, I, 2, 19; Xenoph., Anab., I, 7, 12; Plut., Artax., XIV, 2). Происходит от иранского **Arbaka* из *arba+ka*, значение «детский», «маленький», «юный», «мальчик»³⁷. Слова в таких значениях, употребляемые как имена, нередко становились социальными терминами и титулами³⁸.

Ἀρπαύης, Ἀρπαύος (Herod., I, 80, 108–113, 117–120, сл.) – представитель высшей знати, приближенный мидийского царя Астиага, во время восстания персов перешедший на сторону Кира. Позже был военачальником ахеменидских войск,

²⁷ Herzfeld 1934, 10, pass.; Henning 1955, 167–175; Yarshater 1987; Алиев 2002, 75.

²⁸ Henning 1955, 174–175; Касумова 1983, 46; Yarshater 1987.

²⁹ Müller 1848, 90.

³⁰ Justi 1963, 16, 17.

³¹ Mayrhofer 1992, 48f.

³² Schmitt 2011, 64–65.

³³ Грантовский 2007, 230, 301; ср. Brandenstein., Mayrhofer 1964, 153.

³⁴ Zadok 2002, 128.

³⁵ Зафиксированы как антропоним (Fuchs, Schmitt 1998, 97; Zadok 2002, 119–120), так и топоним *Amaka*- (Грантовский 2007, 307).

³⁶ Грантовский 2007, 259, 306–307.

³⁷ Грантовский 2007, 305–306; Schmitt 2011, 79–80.

³⁸ Грантовский 1971, 300.

захвативших Лидию. Ἀρπαυός переделано в греческой передаче по образу слова ἄρπαγῆ «грабеж»³⁹. Происходит из **Arbaka*⁴⁰ (см. выше).

Atarparan – в элефантинских папирусах из Египта⁴¹ упоминается как сын Нисайи, мидиец⁴². Имя восходит к *Atar+farna(h)*. *Atar* – божество Огня, а *farna(h)* (авест. *x^varenah-*) – религиозное понятие, означающее «небесная благодать», «благоденствие». Имя в целом означает «фарн (божества) Атара».

Ba-ga-tu-na – в письме ассирийского царя Саргона II (между 715 и 707 гг. до н.э.) мидийский «владыка поселения». Имя происходит из *baga+tuna*, где *baga* – «бог». Содержащееся во второй части имени *-tuna* состоит из *tu-/tav-* «быть могучим», «иметь силу» и суффикса-форманта *-na*. Значение имени «сильный, могучий (знатный) от бога»⁴³.

Birizhatri – «владыка поселения» из Мидии в правление Ашшурбанапала. Происходит из *Bārāzi+x^vāθra*. В первой части имени северо-западноиранское *brz-*, *barz-* – «высокий», «возвышенный». Содержащееся во второй части имени *x^vāθra* происходит из *hu+āθra* и переводится как «хорошее (доброе) место»⁴⁴.

Da-ja-a-uk-ku – в «Парадной надписи» Саргона II имя маннейского наместника одной из мидийских областей, упоминаемого в связи с событиями 715 г. до н.э.⁴⁵ Ранее большинство исследователей отождествляло его с геродотовским Дейоком (Δειόκης – Herod., I, 16, 73, 96–103). Не отождествляя Дайаукку с Дейоком, можно, однако, сравнить эти имена⁴⁶. *Dayaukku* происходит из *dahyu+(u)ka*, где *dahyu* – «страна», а *-(u)ka* – суффикс-формант, означающий наделенность или обладание чем-либо. Возможно также возведение этого имени к *Dahyāuka* – «руководитель страны». Э.А. Грантовский полагает, что *Dahyuka* определенно имя типа титула⁴⁷.

Е-ра-ар-ну-а, Е-ра-ар-на/ни – в ассирийском списке 713 г. до н.э. правитель «города» Сигрина. Около 677–676 гг. Асархаддон упоминает его как правителя области Патушара⁴⁸. Имя определенно иранское и образовано от *farna(h)*. Возможно, восходит к *a(i)wi+farna(h)* и переводится как «наиболее наделенный фарном», «со сверхфарном», «с фарном, дающим наибольшее благополучие»⁴⁹. Однако Р. Цадок считает спорным иранское происхождение имени⁵⁰.

Frāvartiš (Beh., II, 13–17, 64–78; IV, 2–31), **Pa-ar-ru-mar-ti-iš** (вав.), **Pir-ru-mar-ti-iš** (элам.) – имя предводителя восставших мидян в 522–521 гг. до н.э. Вероятно, происходит из мидийского *frāvartī* (ср. авест. *frāvaši* – «благой дух») ⁵¹. Соответствует мидийскому царю Фраорту (Φραόρτης – Herod. I. 73, 96, 102, 103).

³⁹ Schmitt 1967, 133.

⁴⁰ Schmitt 2011, 92–93.

⁴¹ В VI–IV вв. до н.э. на юге Египта, на острове Элефантина существовало военное поселение ахеменидских наемников.

⁴² Cowley 1923, № 6; Kraeling 1953, 45, 49.

⁴³ Грантовский 2007, 259, 260.

⁴⁴ Грантовский 2007, 98, 111.

⁴⁵ Zadok 2002, 94.

⁴⁶ Ср. Benveniste 1966, 81; Gerschevitch 1969, 234; Schmitt 1973, 145–147.

⁴⁷ Грантовский 2007, 287, 288, 304; Zadok 2002, 126; Schmitt 2011, 185–187.

⁴⁸ Zadok 2002, 114.

⁴⁹ Грантовский 2007, 279, 372–374; Fuchs, Schmitt 1999, 397.

⁵⁰ Zadok 2002, 126, 130.

⁵¹ Brandenstein, Mayrhofer 1964, 120; Schmitt 2011, 395–396; 2014, 271.

Gaumāta (DB, I, 36, 44, 46, 49, 65, 70, 73; IV, 7, 81; DBb, 1), **Kam-ma-ad-da** (элам.), **Gu-ma-a-tú** (аввил.), **Γωμήτης** (греч.), **Cometes** (Pomp. Trog. Hist. Filipp. I. 9) – в вавилонском варианте Бехистунской надписи прямо указано: «мидиец [по имени] Гаумата, маг»⁵². По мнению Р. Шмитта, *māta-* значит «gemessen» и имя должно переводиться «размером с быка»⁵³. На мой взгляд, во второй части имени следует видеть суффикс *-mat*, *-ma^{nt}*, означающий наделенность чем-либо, тогда имя будет переводиться как «владеющий (наделенный) скотом».

Ha-na-ši-ru-ka, **Ha-na-zi-ru-ku** – имя из западных районов Мидии, засвидетельствованное в ассирийских анналах под 820 г. до н.э. Ранее почти все историки относили его к неиранским именам, однако Э.А. Грантовский на основании суффикса *-uka* признает его иранским. Он предлагает два значения для *hana* – 1) «старый», «древний», «старик»; 2) «давно», «всегда». Во второй части имени он видит иран. *jiruka*, которое переводит как «быстрый (разумом)», «смышсленный», «(раз)умный». В целом Э.А. Грантовский переводит это имя как 1) «мудрый как старец»; 2) «всегда быстрый», «давно разумный»⁵⁴.

Huvaxštra (Beh., II, 15, 64; IV, 19), **U-ma-kiš-tar** (в «Хронике Гэдда»), **Κυ-άχαρης** (Herod., I, 16, 46, 73, 103, 106) – имя царя Мидии (625–585 гг. до н.э.). Подобное имя в форме U(a)k-sa-tar известно также из «Письма Ашшуру» Саргона II. Имя происходит из *huv+axštra*; где *hu-/huv-* в сложных словах «добрый», «хороший» и *axštra* – «надзор», «защитник». Переводится как «с хорошим надзором»; «хороший защитник»⁵⁵.

Ištumegu, **Ištuvegu** (Сиппарский цилиндр царя Набонида и Вавилонская хроника), **Ir-iš-ti-man-ka** (в эламском варианте Бехистунской надписи), **Ἀστυάγης** (Herod., I, 46, 73–75, 107–112, 114–130, 162; III, 62; VII, 8) и **Ἀστυῖγας** (у Ктесия) – имя царя Мидии, правившего в 584–550 гг. до н.э. Возводится к *ṛšti+vaiga*, где *ṛšti-*, *aršti-* «копье», а *vaiga-* «удар (копьем)». Значение имени «(наносающий) удар копьем»⁵⁶.

Ka-a-ki, **Ka-ki-i**, **Ka-ki-ia** – в ассирийских текстах, составленных в 859 и 856 гг., имя правителей некоторых районов Мидии⁵⁷. Позже, в 530–520-х гг. до н.э. мидиец Какия жил в Вавилоне⁵⁸. Возможно, имя означает «брат» или «дядя»⁵⁹.

Kar-ak-ku – в «Письме Ашшуру» Саргона II (714 г. до н.э.) «владыка поселения» Уриа(к)ку⁶⁰. Происходит от иранского **Kāraka*, из *kāra+aka*, где *kāra* – «войско», «народ», а *-(a)ka* – суффикс. Имя означает «принадлежащий войску», «воин», либо представляет титул «глава войска, народа». Это имя встречается также в персепольских документах – элам. *Ka-rak-ka*⁶¹.

Kaštariti, **Kaštaritu** (ассир.), **Ḫaštaritti** (вав.), **Sattaritta** (элам.) – имя вождя мидян, восставших в 70-е годы VII в. до н.э. против ассирийцев, который стал

⁵² Voigtlander 1978, 55.

⁵³ Schmitt 2014, 182.

⁵⁴ Грантовский 2007, 232.

⁵⁵ Грантовский 2007, 361–362; Zadok 2002, 125, 129; Schmitt 2011, 216–218, 340–341.

⁵⁶ Грантовский 2007, 377–379; Schmitt 2011, 140–143.

⁵⁷ Grayson 1996, 8ff; Zadok 2002, 108, 112; Schmitt 2009, № 72.

⁵⁸ Eilers 1940, 202; Strassmaier 1897, № 51.

⁵⁹ Грантовский 2007, 130–131, 228.

⁶⁰ Zadok 2002, 176.

⁶¹ Cameron 1965, 173; Zadok 2002, 117.

первым царем Мидии⁶². Большинство исследователей отождествляется с именем *Xšaθrita* (Beh., II, 13–17; IV, 2–31). Этим именем также называл себя восставший против персов в 522–521 гг. до н.э. мидиец Фравартиш. Имя происходит из *xšaθra+ita*; где *xšaθra-* «власть», «царство», а *-ita* – суффикс. В целом имя может переводиться как «властный», или «властвующий, царствующий»⁶³.

Ma-aš-dak-ku, Ma-aš-duk-ku и Ma-aš-da-a-a-uk-ku – в «Письме Ашшуру» Саргона II имена собственные двух мидийских «владык поселений», которые в 714 г. до н.э. уплатили дань ассирийскому царю Саргону II⁶⁴. Первое имя, вероятно, звучало как *Mazdaka*⁶⁵, что означает «приверженный Мазде», «почитатель Мазды», «маздовский»⁶⁶. Второе имя должно звучать как *Mazday(a)uka* – «приверженный Мазде», «почитатель Мазды», «маздовский»⁶⁷.

Madumītu – женское имя, отмеченное в Ниппуре в двух документах из архива предпринимателей Мурашу. По мнению Р. Цадока, это имя следует переводить «мидянка»⁶⁸. Ср. со словом *ma-du-u-i-tum*, обозначавшим мидийскую верхнюю одежду⁶⁹.

Nisayi – имя мидянина из арамейских папирусов⁷⁰. Возможно, это имя связано с названием области Нисайя в Мидии.

Ramateia, Ramataia, Ramatei, Ramatua, Ramatiia, Rametii – имя нескольких лиц. В 744 г. до н.э. правитель области Аразиаш⁷¹. В 714 г. до н.э. Саргон II назначил Рамети, сына Каракку, правителем области Уриаку⁷². В 677 г. до н.э. он, вместе с мидийскими вождями Упписом и Занасаной, прибыл в Ниневию к Асархаддону с просьбой о помощи против мидийских повстанцев. В 672 г. до н.э. имя вождя области Ураказабарна⁷³. Имя происходит из *Rāmatav(i)yah-*; где *rāman-* «мир, покой», а *tav(i)yah-* «сила, мощь», «сильный, мощный». Значение имени «могучий миром», «могущественный в мире» подразумевает «сильный, могучий (для обеспечения) мира»⁷⁴.

Σπάκα, Σλακώ (Herod. I, 110), **Spakos** (Pomp. Trog. Hist. Filipp. I, 4, 13) – жена мидийского пастуха Митридата, воспитавшая Кира. Геродот отмечает, что *spaka-* по-мидийски значит «собака (сука)»⁷⁵. Р. Шмитт сравнивает это имя со скифским *Išpakāia*⁷⁶.

⁶² Starr 1990, 363.

⁶³ Zadok 2002, 120; Грантовский 2007, 372; Schmitt 2014, 285.

⁶⁴ Zadok 2002, 114, 127, 129.

⁶⁵ Грантовский 2007, 290–292, 370; Грантовский 1971, 302; Дандамаев, Луконин 1980, 306; Zadok 2002, 129.

⁶⁶ Грантовский 2007, 290–292, 372.

⁶⁷ Дандамаев, Луконин 1980, 306; Zadok 2002, 129; Грантовский 2007, 292, 325.

⁶⁸ Zadok 1977, 113.

⁶⁹ Stolper 1985, № 93:1.

⁷⁰ Kraeling 1953, 45, 49.

⁷¹ Zadok 2002, 129.

⁷² Zadok 2002, 126.

⁷³ Zadok 2002, 114.

⁷⁴ Грантовский 2007, 266–268; Fuchs., Schmitt 2002, 1031–1032; Zadok 2002, 114–115.

⁷⁵ Schmitt 2009, 38, 39.

⁷⁶ Schmitt 2011, 340–341.

Taxmaspāda (Beh., II, 78–91) – мидиец, военачальник ахеменидского царя Дария I. Имя происходит из *taxma+spāda*; где *taxma* – «храбрый», «сильный, мощный», а *spāda* – «войско»⁷⁷.

Up-pi-is (в призмах Асархаддона) – имя мидийского вождя из области Пар(и)-такка⁷⁸, который с мидийскими вождями Занасаной и Раматейей в 677 г. до н.э. прибыл в Ниневию. Имя, вероятно, образовано от иранского *ura-*, которое означает «на», «сверху», ср. авест. *urəta-*, *urama-* – «высший», *urağa-* «более высокий», «превосходящий» (в т.ч., в социальном смысле). Уппис возможно возводить также к *Hu+paisa*⁷⁹.

Zanasana – имя мидийского вождя из области Партукка. В 677 г. до н.э. прибыл в Ниневию вместе с Упписом и Раматейей. В первой части исследователи выделяют компонент *zana-*, но толкования его второй части расходятся. К. Таллквист видит в ней *xšan-* «вредить», «ранить»⁸⁰. Ф. Юсти возводит ее к *šana-* «владеющий людьми, народом»⁸¹. Э.А. Грантовский предлагает два варианта: 1) *Zanāsana* от *as-* «есть» – «предоставляющий пропитание народу, племени»; 2) *Zanačānah* – «доставляющий удовольствие, отраду людям, племени»⁸².

В заключение следует отметить, что в 1988 г. была опубликована статья Х. Санчизи-Верденбург, в которой высказывалось мнение об отсутствии достоверных свидетельств существования Мидийской империи⁸³. Ее последователи пошли значительно дальше, полностью отрицая посредничество Мидии между месопотамской цивилизацией и Ахеменидской державой и ее сколько-нибудь заметную роль в истории Ближнего Востока⁸⁴. Дошло до того, что стало начисто отрицаться само существование Мидийского государства и мидийского языка⁸⁵. Полагаю, что моя статья будет одним из аргументов для опровержения последней точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиев, И. 1989: *Очерк истории Атропатены*. Баку.
 Алиев, И.Г. 2002: *О некоторых вопросах этнической истории азербайджанского народа*. Баку.
 Грантовский, Э.А. 1971: О распространении иранских племен на территории Ирана. В сб.: Б.Г. Гафуров (ред.), *История Иранского государства и культуры*. М., 286–327.
 Грантовский, Э.А. 2007: *Ранняя история иранских племен Передней Азии*. М.
 Дандамаев, М.А. 1963: *Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н.э.)*. М.
 Дандамаев, М.А. 1985: *Политическая история Ахеменидской державы*. М.
 Дандамаев, М.А., Луконин, В.Г. 1980: *Культура и экономика древнего Ирана*. М.
 Дьяконов, И.М. 1956: *История Мидии: от древнейших времен до конца IV в. до н.э.* М.–Л.

⁷⁷ Schmitt 2014, 253.

⁷⁸ Justi 1963, 334.

⁷⁹ Zadok 2002, 92, 96; Грантовский 2007, 271–272.

⁸⁰ Tallqvist 1914, XXIV.

⁸¹ Justi 1963, 379.

⁸² Грантовский 2007, 242 прим. 33.

⁸³ Sancisi-Veerdenburg 1988, 197–212.

⁸⁴ Подробнее см. Медведская, 2010, 51, 54–56.

⁸⁵ См. напр., Rossi 2010, 289–330.

- Касумова, С.Ю. 1983: *Южный Азербайджан в III–VII вв. (проблемы этно-культурной и социально-экономической истории)*. Баку.
- Медведская, И.Н. 2010: *Древний Иран накануне империй (IX–VI вв. до н.э.). История Мидийского царства*. СПб.
- Миллер, В.В. 1953: *Талышский язык*. М.
- Периханян, А.Г. 1965: Арамейская надпись из Зангезура (некоторые вопросы средневековой диалектологии). *Историко-филологический журнал* 4, 107–127.
- Расторгуева, В.С. 1990: *Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков: Фонология*. М.
- Струве, В.В. 1968: *Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии*. Л.
- Церетели, Г.В. 1941: *Армзская билингва*. Тбилиси.
- Церетели, Г.В. 1962: Армзская надпись эпохи Митридата Иверийского. В сб.: Г.В. Церетели (ред.), *Труды XXV международного конгресса востоковедов*. Т. 1, М., 376–378.
- Эдельман, Д.И. 1999: Мидийский язык. В кн.: В.С. Расторгуева (ред.), *Языки мира. Иранские языки*. II. *Северо-западные иранские языки*. М., 13–14.
- Benveniste, E. 1958: Notes sur les tablettes elamites de Persepolis. *Journal Asiatique* 246, 49–65.
- Benveniste, E. 1966: *Titres et noms propres en Iranien ancien*. Paris.
- Brandenstein, W., Mayrhofer, M. 1964: *Handbuch des Altpersischen*. Wiesbaden.
- Brinkman, J.A. 1970: The inscribed silver fragment from Nush-i Jān. *Iran* 9, 107.
- Cameron, G. 1965: New Tablets from the Persepolis Treasury. *Journal of Near East Studies* XXIV, 167–192.
- Cowley, A. 1923: *Aramaic papyri of the fifth century B.C.* Oxford.
- Diakonoff, I.M. 1970: The origin of the «Old Persian» writing system and the ancient Oriental epigraphic and annalistic traditions. In: M. Boyce, I. Gershevich (eds.), *W.B. Henning memorial volume*, London, 98–124.
- Eilers, W. 1940: *Iranische Beamtennamen in der keilschriftlichen Überlieferung*. T.1. Leipzig.
- Fuchs, A., Schmitt, R. 1999: E-parna. In: K. Radner (ed.), *The Prosopography of the Neo-Assyrian Empire*. Vol. 1. Pt. II. Helsinki, 397.
- Fuchs, A., Schmitt, R. 2002: Ramateia. In: H.D. Baker (ed.), *The Prosopography of the Neo-Assyrian Empire*. Vol. 3. Pt. I. Helsinki, 1031–1032.
- Gershevitch, I. 1969: Amber at Persepolis. *Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro* 2, 167–251.
- Grayson, A.K. 1975: *Assyrian and Babylonian chronicles*. Locust Valley–New York.
- Grayson, A.K. 1996: *Assyrian Rulers of the Early First Millennium B.C. II. (858–754 BC). The Royal inscriptions of Mesopotamia. Assyrian Periods*. Vol. 3. Toronto–Buffalo–London.
- Henning, W.B. 1955: The Ancient Language of Azerbaijan. *Transaction of the Philological Society*, Hertford, 157–177.
- Henning, W.B. 1958: Mitteliranisch. *Handbuch der Orientalistik I/4, Iranistik*, I Abschnitt: Linguistik. Leiden–Köln, 20–130.
- Herzfeld, E. 1910: Das Alter der altpersischen Keilschrift. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 64, Leipzig–Wiesbaden, 63–64.
- Herzfeld, E. 1934: Medisch und Parthisch. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* VII, 9–64.
- Hinz, W. 1973: *Neue Wege im Altpersischen*. Wiesbaden.
- Hinz, W. 1975: *Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen*. Wiesbaden.
- Justi, F. 1963: *Iranisches Namenbuch*. Hildesheim.
- Kent, R.G. 1953: *Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven.
- Kraeling, E.G. 1953: *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B.C. from the Jewish Colony at Elephantine*. New Haven.

- Mayrhofer, M. 1968: Die Rekonstruktion des Medischen. *Sonderabdruck aus dem Anzeiger der philosophisch-historische Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften* 1, 1–22.
- Mayrhofer, M. 1979: Zur Frage nicht medisch-persischer Personennamen in Persepolis. In: J. Harmatta (ed.), *Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia*. Budapest, 111–118.
- Mayrhofer, M. 1992: *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. I. Heidelberg.
- Meillet, B. 1931: *Grammaire du vieux-perse*. Paris.
- Müller, C. 1848: *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. II, Paris.
- Rossi A.V. 2010: Elusive Identities in Pre-Achaemenid Iran: the Medes and the Median Language. In: C.G.Cereti (ed.), *Iranian identity in the course of history. Proceeding of the conference held in Rome, 21–24 September 2005*. Roma, 289–330.
- Sancisi-Veerdenburg, H. 1988: Was there ever a Median Empire? In: E. Kurth, H. Sancisi-Veerdenburg (eds.), *Achaemenid History III: Method and Theory*. Leiden, 197–212.
- Schmitt, R. 1967: Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 117/1, 119–145.
- Schmitt, R. 1989: Andere altiranische Dialekte. In: R. Schmitt (ed.), *Compendium Linguarum Iranicarum*, Wiesbaden, 86–94.
- Schmitt, R. 2009: Iranische Personennamen in der neuassyrischen Nebenüberlieferung. In: R. Schmitt (ed.), *Iranisches Personennamenbuch*. Bd. VII, Fz. 1a, Wien.
- Schmitt, R. 2011: Iranische Personennamen in der Griechischen Literatur vor Alexander d. Gr. In: R. Schmitt (ed.), *Iranisches Personennamenbuch*. Bd. V, Fz. 5. Wien.
- Shmitt, R. 1973: Deïokes. *Sonderabdruck aus dem Anzeiger der philosophisch-historischen Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*, 137–147.
- Shmitt, R. 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden.
- Starr, I. 1990: *Queries to the Sungod. State Archives of Assyria*. Helsinki.
- Stolper, M.W. 1985: *Entrepreneurs and Empire. The Murašû Archive, the Murašû Firm and Persian Rule in Babylonia*. Leiden.
- Strassmaier, J.N. 1897: *Inschriften von Darius, König von Babylon*. Leipzig.
- Tallqvist, K. 1914: Assyrian Personal Names. *Acta Societatis Scientiarum Fennicae* XLVIII/1, Helsingfors.
- Voigtlander, E.N. 1978: The Bisitun Inscription of Darius the Great: Babylonian Version. In: *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. Pt. I. *Inscriptions of ancient Iran*. Vol. II. *The Babylonian versions of the Achaemenian inscriptions. Texts I*. London.
- Waterman, L. 1930: *Royal correspondence of the Assyrian Empire*. Vol. I. Chicago.
- Yarshater, E. 1987: Azerbaijan vii. *The Iranian Language of Azerbaijan*. In: *Encyclopedia Iranica*. Vol. III/2, <http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-vii>
- Zadok, R. 1977: Iranians and Individuals Bearing Iranian Names in Achaemenian Babylonia. *Israel Oriental Studies* 7, 89–138.
- Zadok, R. 2002: The ethno-linguistic character of Northwestern Iran and Kurdistan in the Neo-Assyrian period. *Iran* XL, 89–151.

REFERENCES

- Aliyev, I. 1989: *Ocherk istorii Atropateny [Essay on the history of Atropatene]*. Baku.
- Aliyev, I.G. 2002: *O nekotorykh voprosakh etnicheskoy istorii azerbaydzhanskogo naroda [On some issues of the ethnic history of the Azerbaijani people]*. Baku.
- Benveniste, E. 1958: Notes sur les tablettes elamites de Persepolis. *Journal Asiatique* 246, 49–65.
- Benveniste, E. 1966: *Titres et noms propres en Iranien ancien*. Paris.
- Brandenstein, W., Mayrhofer, M. 1964: *Handbuch des Altpersischen*. Wiesbaden.

- Brinkman, J.A. 1970: The inscribed silver fragment from Nush-i Jān. *Iran* 9, 107.
- Cameron, G. 1965: New Tablets from the Persepolis Treasury. *Journal of Near East Studies* XXIV, 167–192.
- Cowley, A. 1923: *Aramaic papyri of the fifth century B.C.* Oxford.
- Dandamaev, M.A. 1963: *Iran pri pervykh Akhemenidakh (VI v. do n.e.)*. [*Iran with the first Achaemenids (the 6th century BC)*]. Moscow.
- Dandamaev, M.A. 1985: *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy* [*Political history of the Achaemenid Empire*]. Moscow.
- Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. 1980: *Kul'tura i ekonomika drevnego Irana* [*Culture and Economics of Ancient Iran*]. Moscow.
- Diakonov, I.M. 1956: *Istoriya Midii: ot drevneyshikh vremen do kontsa IV v. do n.e.* [*History of the Media: from ancient times to the end of the 4th century BC*]. Moscow–Leningrad.
- Diakonov, I.M. 1970: The origin of the «Old Persian» writing system and the ancient Oriental epigraphic and annalistic traditions. In: M. Boyce, I. Gershevich (eds.), *W.B. Henning memorial volume*, London, 98–124.
- Edelman, D.I. 1999: Midiyskiy yazyk. In: V.S. Rastorguyeva (ed.), *Yazyki mira. Iranskiye yazyki*. II. Severo-zapadnyye iranskiye yazyki [*Languages of the World. Iranian languages*. II. North-Western Iranian languages]. Moscow, 13–14.
- Eilers, W. 1940: *Iranische Beamtennamen in der keilschriftlichen Überlieferung*. T. 1. Leipzig.
- Fuchs, A., Schmitt, R. 1999: E-parna. In: K. Radner (ed.), *The Prosopography of the Neo-Assyrian Empire*. Vol. 1. Pt. II. Helsinki, 397.
- Fuchs, A., Schmitt, R. 2002: Ramateia. In: H.D. Baker (ed.), *The Prosopography of the Neo-Assyrian Empire*. Vol. 3. Pt. I. Helsinki, 1031–1032.
- Gerschevitch, I. 1969: Amber at Persepolis. *Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro* 2, 167–251.
- Grantovskiy, E.A. 1971: O rasprostraneniі iranskikh plemyn na territorii Irana. In: B.G. Gafurov (ed.), *Istoriya Iranskogo gosudarstva i kul'tury* [*History of the Iranian state and culture*]. Moscow, 286–327.
- Grantovskiy, E.A. 2007: *Rannyaya istoriya iranskikh plemyn Peredney Azii* [*The Early History of the Iranian Tribes of Western Asia*]. Moscow.
- Grayson, A.K. 1975: *Assyrian and Babylonian chronicles*. Locust Valley–New York.
- Grayson, A.K. 1996: *Assyrian Rulers of the Early First Millennium B.C. II (858–754 BC). The Royal inscriptions of Mesopotamia. Assyrian Periods*. Vol. 3. Toronto–Buffalo–London.
- Henning, W.B. 1955: The Ancient Language of Azerbaijan. *Transaction of the Philological Society*, Hertford, 157–177.
- Henning, W.B. 1958: Mitteliranisch. *Handbuch der Orientalistik I/4, Iranistik*, I Abschnitt: Linguistik. Leiden–Köln, 20–130.
- Herzfeld, E. 1910: Das Alter der altpersischen Keilschrift. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 64, Leipzig–Wiesbaden, 63–64.
- Herzfeld, E. 1934: Medisch und Parthisch. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* VII, 9–64.
- Hinz, W. 1973: *Neue Wege im Altpersischen*. Wiesbaden.
- Hinz, W. 1975: *Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen*. Wiesbaden.
- Justi, F. 1963: *Iranisches Namenbuch*. Hildesheim.
- Kasumova, S.Yu. 1983: *Yuzhnyy Azerbaydzhan v III–VII vv. (problemy etno-kul'turnoy i sotsial'no-ekonomicheskoy istorii)* [*South Azerbaijan in the 3rd–7th centuries (problems of ethno-cultural and socio-economic history)*]. Baku.
- Kent, R.G. 1953: *Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven.
- Kraeling, E.G. 1953: *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B.C. from the Jewish Colony at Elephantine*. New Haven.

- Mayrhofer, M. 1968: Die Rekonstruktion des Medischen. *Sonderabdruck aus dem Anzeiger der philosophisch-historische Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften* 1, 1–22.
- Mayrhofer, M. 1979: Zur Frage nicht medisch-persischer Personennamen in Persepolis. In: J. Harmatta (ed.), *Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia*. Budapest, 111–118.
- Mayrhofer, M. 1992: *Etymologisches Wörterbuch des Altindoirischen*. I. Heidelberg.
- Medvedskaya, I.N. 2010: *Drevniy Iran nakanune imperiy (IX–VI vv. do n.e.)*. *Istoriya Midiyskogo tsarstva* [Ancient Iran on the Eve of Empires (9th–6th centuries BC). The history of the Median kingdom]. Saint-Petersburg.
- Meillet, B. 1931: *Grammaire du vieux-perse*. Paris.
- Miller, V.V. 1953: *Talyshskiy yazyk* [Talysh language]. Moscow.
- Müller, C. 1848: *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. II, Paris.
- Perikhanyan, A.G. 1965: Arameyskaya nadpis' iz Zangezura (nekotorye voprosy srednevekovoy dialektologii) [Aramaic inscription from Zangezur (some questions of medieval dialectology)]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical and philological journal] 4, 107–127.
- Rastorgueva, V.S. 1990: *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika zapadnoiranskikh yazykov: Fonologiya* [Comparative historical grammar of Western Iranian languages: Phonology]. Moscow.
- Rossi A.V. 2010: Elusive Identities in Pre-Achaemenid Iran: the Medes and the Median Language. In: C.G.Cereti (ed.), *Iranian identity in the course of history. Proceeding of the conference held in Rome, 21–24 September 2005*. Roma, 289–330.
- Sancisi-Veerdenburg, H. 1988: Was there ever a Median Empire? In: E. Kurth, H. Sancisi-Veerdenburg (eds.), *Achaemenid History III: Method and Theory*. Leiden, 197–212.
- Schmitt, R. 1967: Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 117/1, 119–145.
- Schmitt, R. 1989: Andere altiranische Dialekte. In: R. Schmitt (ed.), *Compendium Linguarum Iranicarum*, Wiesbaden, 86–94.
- Schmitt, R. 2009: Iranische Personennamen in der neuassyrischen Nebenüberlieferung. In: R. Schmitt (ed.), *Iranisches Personennamenbuch*. Bd. VII, Fz. 1a. Wien.
- Schmitt, R. 2011: Iranische Personennamen in der Griechischen Literatur vor Alexander d. Gr. In: R. Schmitt (ed.), *Iranisches Personennamenbuch*. Bd. V, Fz. 5. Wien.
- Shmitt, R. 1973: Deiokes. *Sonderabdruck aus dem Anzeiger der philosophisch-historischen Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*, 137–147.
- Shmitt, R. 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden.
- Starr, I. 1990: *Queries to the Sungod. State Archives of Assyria*. Helsinki.
- Stolper, M.W. 1985: *Entrepreneurs and Empire. The Murašû Archive, the Murašû Firm and Persian Rule in Babylonia*. Leiden.
- Strassmaier, J.N. 1897: *Inschriften von Darius, König von Babylon*. Leipzig.
- Struve, V.V. 1968: *Etyudy po istorii Severnogo Prichernomor'ya, Kavkaza i Sredney Azii* [Studies on the history of the Northern Black Sea region, the Caucasus and Central Asia]. Leningrad.
- Tallqvist, K. 1914: Assyrian Personal Names. *Acta Societatis Scientiarum Fennicae* XLVIII/1, Helsingfors.
- Tsereteli, G.V. 1941: *Armazskaya bilingva* [Armazi bilingual]. Tbilisi.
- Tsereteli, G.V. 1962: Armazskaya nadpis' epokhi Mitridata Iveriysskogo [Armazi inscription of the era of Mithridates from Iveria]. In: *Trudy XXV mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov* [Proceedings of the XXV International Congress of Orientalists] 1, 376–378.

- Voigtlander, E.N. 1978: The Bisitun Inscription of Darius the Great: Babylonian Version. In: *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. Part I. *Inscriptions of ancient Iran*. Vol. II. *The Babylonian versions of the Achaemenian inscriptions. Texts I*. London.
- Waterman, L. 1930: *Royal correspondence of the Assyrian Empire*. Vol. I. Chicago.
- Yarshater, E. 1987: *Azerbaijan vii. The Iranian Language of Azerbaijan*. In: *Encyclopedia Iranica*. Vol. III/2, <http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-vii>
- Zadok, R. 1977: Iranians and Individuals Bearing Iranian Names in Achaemenian Babylonia. *Israel Oriental Studies* 7, 89–138.
- Zadok, R. 2002: The ethno-linguistic character of Northwestern Iran and Kurdistan in the Neo-Assyrian period. *Iran* XL, 89–151.

MEDIAN LANGUAGE AND SOME OLD MEDIAN ETYMOLOGIES

Rauf S. Melikov

National Academy of Sciences of Azerbaijan, Research Center of «Azerbaijan National Encyclopedia», Baku, Azerbaijan
raufmalikov@list.ru, raufmalikov@yahoo.com

Abstract. The Median tribes and the Media are mentioned in sources from the last third of the 9th century BC. At the end of 7th – the beginning of the 6th century BC a vast Median empire developed that promoted the spread of the Median language belonging to the northwestern group of Iranian languages. Finally, the Median language, apparently, formed in the Media-Atropatene. Written monuments in the Median language were not found. Separate Median words – mainly proper names, tribal names and toponyms have been preserved in Assyrian, Babylonian and Greek sources, as well as in Old Persian inscriptions. Middle Median (Atropatene) language did not disappear with the inclusion of Atropatene (Adurbadagan) in the Sassanian state, and then the Arab Caliphate. Arabic authors of 9th–12th centuries inform about the language Āḍarī (Azeri) spread on the territory of Southern Azerbaijan. A lexical-etymological and grammatical analysis of the surviving Azeri material indicates that it belongs to the northwestern group of Iranian languages. The Azeri language has survived to the present day in the form of relict northwestern Iranian dialects – Harzani, Khalkhali, Karingani, etc. The article proposes a conditional periodization of the Median language 1. Old Median language epoch – from the last third of the 9th century BC to the 320s BC; 2. Middle Median (Atropatene) language epoch – from the 320s BC to the 12th century AD; 3. New Median language epoch – from the 12th century until nowadays. The following are some of the etymologies of the Old Median names that are clearly marked in the multilingual and multi-temporal sources as Medians.

Keywords: Media, Atropatene, Adurbadagan, Median language, Āḍarī (Azeri) language, Old Median onomastic

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 42–48
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 42–48
© Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-42–48

КТО БЫЛ ТРЕТЬИМ ПРАВИТЕЛЕМ КУТИУМА

А.Н. Алимирзоев

*Институт истории им. А.А. Бакиханова, Национальная Академия Наук
Азербайджана, Баку, Азербайджан
alimirzoev.60@mail.ru*

Аннотация. Шумерские царские списки являются основным письменным первоисточником по раннему периоду политической истории кутийских племен, насельников Приурмийской зоны. Списки дошли до нас в разных вариантах и во фрагментарном состоянии, что затрудняет однозначное толкование их сведений. Имена некоторых царей в пробелах указанных списков были восстановлены по другим синхронным текстам. В одном из текстов сообщается о победе аккадского правителя Шаркалишарри над кутийским царем Сарлагом. По мнению Т. Якобсена, имя этого царя, унаследовавшего власть от Инкишуша, в двух вариантах списков стоит на третьей позиции и передано знаками saĝ-LAGAB^{la-gab}. Но подобная ребусная запись имени с использованием логограммы и фонетического компонента не характерна для шумерских династических списков. Учитывая это, были предложены разные чтения. Автор статьи предпочитает читать данное имя в списке «W-B.444» как iā-kil-la-gab и идентифицировать его носителя с Якулабой (ia-ku-la-ba). Его сын Итити, будучи главой города Гасур, оставил короткую надпись в связи с дарами храму богини Иштар. В другом варианте списка («L₁») после имени Инкишуш стоит другое имя (ā-ar-la-ga-ba). Поэтому остается неизвестным, кто был третьим правителем в стране Кутиум, во всяком случае, это был не Сарлаг.

Ключевые слова: кутийское племя, клинописные тексты, шумерский царский список, царство Кутиум, Аккадская династия

Вековая история шумерских городов была связана с кутиями, древними насельниками Южного Азербайджана и прилегающих районов. Многочисленные рукописи шумерского царского списка позволяют, хоть и в общих чертах, восстановить историю кутийской династии, правившей Двуречьем в XXII в. до н.э. Неотъемлемой частью этого списка является перечень кутийских царей с указанием времени их правления. К настоящему времени известно семь рукописей (или вариантов) этого списка. Судя по палеографии знаков, все они были составлены на шумерском языке в 2017–1750 гг. до н.э. Различия в них настолько ощутимы, что исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению. Время правле-

---

Данные об авторе: Алимирзоев Аллахверди Нуси оглы – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом «Древняя история Азербайджана» Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана.

ния царей Кутиума оценивается в них по-разному. Так, Ниппурские рукописи 21 царю приписывают 124 года 40 дней (или 125 лет 40 дней) правления. В Сузской рукописи говорится о пяти царях с общей продолжительностью правления 25 лет, Кишский вариант списка 23 царям приписывает 99-летнее правление. Из-за фрагментарности во всех этих рукописях уцелела всего лишь пара имен. Лучшее всех сохранилась рукопись «W-B.444»¹, где отмечено время правления 20 царей (хотя в конце списка отмечается, что их было 21) с общим правлением 91 год 40 дней.

Исследователи единодушны в том, что в основе всех этих рукописей лежит какой-то не дошедший до нас оригинал. Одни исследователи полагают, что этим оригиналом служил вариант «W-B.444», а другие основным вариантом считают «L₁»². Однако ни то, ни другое мнение не кажется убедительным, ибо известно, что не все цари попали в эти варианты³. Лакуны сравнительно хорошо сохранившегося варианта «W-B.444», содержащего имена Ласираб (=Лаэраб), Хабилкин, Ярлаганда, Сиум, Тирикан, были восстановлены по другим текстам. К сожалению, не со всеми предложенными идентификациями можно согласиться. Так, еще в 1939 г. Т. Якобсен предложил включить в список имя Сарлагаб. В этой статье мы рассмотрим насколько это правомерно.

В конце XXIII в. до н.э. в Приурмийской зоне и предгорьях Загроса происходили крупные демографические и политические перемены, что вынудило Нарам-Суэна заключить договор о дружбе и сотрудничестве с эламским царем Пузур-Иншушинаком. Исходя из союзнического долга, эламский царь организовал крупномасштабный военный поход на эту территорию. Поход завершился успешно; были захвачены и разрушены более 80 населенных пунктов, в том числе Кимаш, Хумурти, Хухунури, Симашки, Кутиум и т.п., после чего к титулатуре Пузур-Иншушинака был добавлен титул «могучий царь Авана»⁴. Известно, что до него в Аване (современный Годин-тепе в Луристане) правил Хитаа (в Сузском списке Hi-ta-a⁵). Наши исследования показали, что их имена в несколько искаженных формах (Ih₅-ta-a, In-ki-šuš) были включены в шумерские царские списки в качестве правителей Кутиума (см. рис. 1, строки 3–4, рис. 2, строки 3–4)⁶. Согласно этим спискам, Ихтаа (иначе Хитаа) правил Кутиумом 5 лет (или 3 года), а Инкишуш (иначе Пузур-Иншушинак) – 7 (или 6) лет.

Мы точно не знаем, кто сверг Пузур-Иншушинака, последнего эламского царя Аванской династии. С момента публикации рукописи «W-B.444» ассириологи так и не пришли к единому мнению относительно чтения имени преемника Пузур-Иншушинака, т.е. третьего правителя кутиев. Чтение последних двух знаков этого имени не вызывает сомнения, чего нельзя сказать о первых двух. Известно, что во

¹ Это старое название глиняного цилиндра, содержавшего список древних династий Двуречья и обнаруженного совместной англо-американской экспедицией при раскопках в Тель-Ухеймире (древнешумерский город Киш) в начале XX в. Первоначально этот цилиндр находился в частной коллекции спонсора раскопок Герберта Уэлд-Бландела, ныне хранится в Ашмолеанском музее Оксфорда; был прочтен Стивеном Ленгдоном. См. Lengdon 1923, 8–30, pl. I–IV; Jacobsen 1939, 5–11.

² Рукопись была обнаружена в Ниффаре (древнешумерский город Ниппур) и обозначается начальной буквой ее издателя Леона Леграна. См. Legrain 1922, 10–28, Planshe I; Jacobsen 1939, 117.

³ Дьяконов 1956, 106, прим. 3.

⁴ В тексте его стелы сохранился начальный слог топонима «Аван». См. Gelb, Kienast 1990, 321–324.

⁵ Glassner 1996, 25–26.

⁶ Алимйрзоев 2012, 50–52.

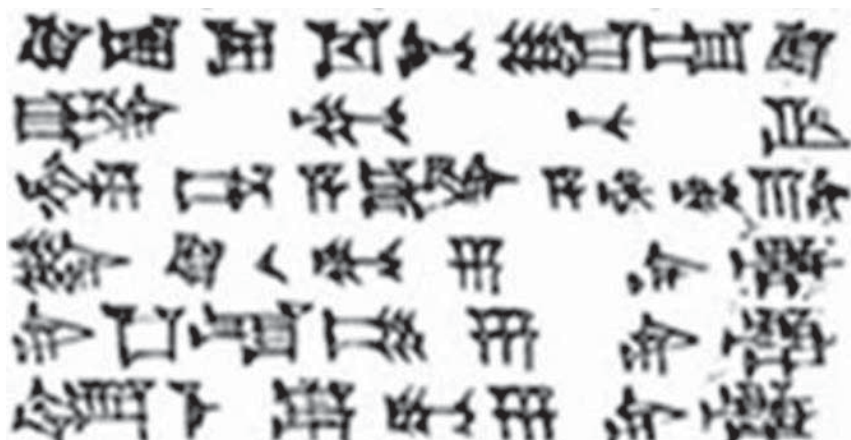

Рис. 1. Часть рукописи «W-B. 444»

время составления рукописи «W-B.444» последние два знака этого имени были многозначными⁷. С. Ленгдон – издатель этой версии царского списка – читал знаки данного имени в слоговой форме как ni-kil-la-gab⁸.

По хронологическим соображениям падение Аванской династии могло произойти при сыне-преемнике Нарам-Суэна Шаркалишарри. В старовавилонской копии датировочной формулы Шаркалишарри говорится: «Год, когда божественный Шаркалишарри в Вавилоне построил храм в честь богини Анунитум и бога Аба и пленил царя Кутиума Сарлага»⁹. Учитывая слог -lag, но игнорируя отсутствие конечного -ab в имени побежденного кутийского царя, Т. Якобсен читал группу знаков после имени in-ki-šuš как sag-LAGAB^{la-gab}¹⁰. Вслед за ним, идентифицируя этого Сарлага с третьим царем в «W-B.444», многие современные исследователи начальный знак принимают за слог sār (или zār), хотя в этот период данный знак в основном применялся для передачи слогов -nī, -ià¹¹. Однако применение за этим слогом гетерограммы с фонетическим компонентом LAGAB^{la-gab} противоречит нормам шумерского правописания. Известно, что аккадцы, эламиты и хурриты в своих текстах нередко записывали определенные понятия посредством шумерских логограмм с добавлением фонетического компонента в слоговой форме. При этом фонетический компонент, с одной стороны, указывал, на каком языке следует читать всю запись, с другой – позволял отличать данное значение от других чтений этой логограммы. Например, если к логограмме (идеограмме) KUR «гора» добавлялся знак -ú, то всю комбинацию следует читать по-аккадски šadū с тем же значением. Кроме того, слово «земля» в аккадских текстах записывалось либо словесно-слоговой форме KI^{tim}, либо же полностью в слоговой форме – er-setim.

⁷ Labat 1952, №№ 231, 483.

⁸ Langdon 1923, 27–28; pl., IV, col. VII: 31.

⁹ Thureau-Dangin 1907, 225.

¹⁰ Jacobsen 1939, 118, note 29; Дьяконов 1956, 105.

¹¹ Labat 1988, № 231.

Рис. 2. Часть рукописи «L₁»

Обычно подобные сложные, изощренные написания применялись либо намеренно, либо же были рассчитаны на то, что по контексту будет понятно, как читать данный знак. Но этого в списке царских имен быть не может. Так какой же контекст может дать понять, как следует читать? Ради чего имя в царском списке стали бы писать так вычурно и изощренно, применяя знаки не в основном, а в крайнем значении, используя двусложные логографические чтения знаков как фонетические. Писец, который взялся бы составлять царский список таким способом, должен был исходить из того, что читатель его просто не поймет. В шумерских текстах логограммы, как правило, не сопровождались фонетическим компонентом; во всяком случае, в царском списке мы не встречаемся с подобным явлением. К тому же, отсутствие других примеров ребусной передачи имен в списке царей ставит под сомнение подобные толкования. Поэтому предложенное У. Халло чтение этого имени как *ià-lagab^{la-gab}*¹² также неприемлемо. Даже если предположить, что третьего царя кутиев звали «Сарлагаб», то в списках его имя писалось бы в чисто слоговой форме – *sar-la-ga-ab* (или же *sa-ar-la-ga-ab*, *sa-ar-la-gab*).

В отличие «W-B. 444», в рукописи «L₁» в начале интересующего нас имени стоит знак PI, который, судя по синхронным текстам, мог передавать слоги - *wá-*, -*à*¹³. Следовательно, знаки этого имени надо читать *à(!)-ar-la-ga-ba*¹⁴.

Судя по именам, в этих рукописях после имени «Инкишуш» упоминаются разные лица. Ж.-Ж. Гласнер считает, что в рукописи «W-B. 444» *i-NA-B-la-gab*, соответствует аккадскому словосочетанию *ikū-kum-la-gabā*¹⁵. Этот автор не включал

¹² Hallo 1971, 711.

¹³ Legrain 1922, 27; Labat 1988, № 383.

¹⁴ Предложенное К. Балканом для этой группы знаков чтение в форме *zar₃-ar-la-ga-ba* также следует признать ошибочным; См. Balkan 1992, 28. Мне не известны другие примеры, где знаки NI и PI могли бы передавать слог -*zar*.

¹⁵ Glassner 2004, 98, 124–125. По мнению автора *ikū-kum-la-gabā* было прозвищем со значением «Oil of an unspeakable stench». Мысль о том, что, став царями, главы кутийских общин принимали

Шарлага в список кутийских царей. Действительно, вряд ли было необходимо включать побежденного и плененного горского вождя в общий список царей Шумера. Известно, что он воевал против Элама и Захара (область в царстве Симашки, севернее современного Хамадана), захваченными к тому времени кутиями. Тогда же мог быть побежден вождь кутиев Сарлаг.

В отличие от других исследователей, мы читаем эти знаки как ià-kil-la-gab¹⁶. Схожее по звучанию имя было обнаружено в древнем Ашшуре. В начале прошлого века при раскопках в Ашшуре (современный Калат-Шеркат) немецкими археологами была найдена небольшая аккадоязычная табличка, составленная от имени Итита. Надпись гласит:

i-ti-ti waklu (PA) mar (DUMU) ia-ku-la-ba in sa₁₀-la-t[i] ga-sur_x (SAG) KI. a-na ilu¹⁴ Istar (^dINANNA) A.MU.RU. «Итита – староста, сын Якулаба [эти вещи] из добычи в местности Гасур богине Иштар посвятил»¹⁷.

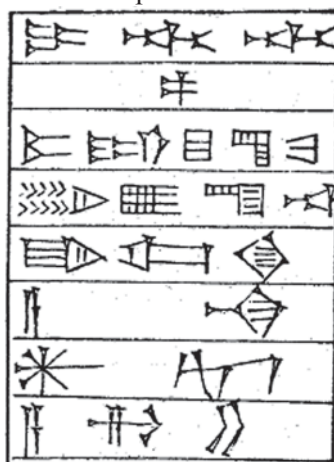

Рис. 3. Надпись Итита

Мы склонны считать, что в W.-В.444 имя Якулаба было передано в искаженной форме «Якиллагаба». Тем не менее остается открытым вопрос, кто из них, Якиллагаб (иначе Якулаба) или Аарлагаба сменил Пузур-Иншушинака («Инкишун») на кутийском троне. Во всяком случае, это был не побежденный Сарлаг. Видимо, спустя три века сами составители шумерских царских списков либо не имели об этом точных сведений, либо не знали, как правильно написать имя кутийского правителя.

ЛИТЕРАТУРА

Алимирзоев, А. 2012: О первых царях Кутиума. *Азербайджан и азербайджанцы* 1–2, 49–54.

тронные имена, допускается и другими исследователями. См. Balkan 1992, 27–29.

¹⁶ Знак, восходящий к схематическому изображению строительного блока (LAGAB), как правило, применялся в словесном значении, но в фонетических записях обозначал слоги -q/kil, -hab/p, -rim/n и т.д. См. Labat 1988, № 483.

¹⁷ Schroeder 1922, 1.

- Дьяконов, И.М. 1956: *История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э.* М.—Л.
- Balkan, K. 1992: Eski Önasiya'da Kut (ve ya Gut) Halkının dili ile eski Türkçe arasındaki benzerlik. *Erdem* 6.1, 1–64.
- Frayne, D. 1993: *Royal inscription of Mesopotamia. Early Periods*. Vol. 2. *Sargonic and Gutian Periods (2334–2113)*. Toronto.
- Gelb, I., Kienast, B. 1990: *Die Altakkadischen Königsinschriften der Dritten Jahrtausends v. Chr.* Stuttgart.
- Glassner, J.-J. 1996: Les dynasties d'Awan et d'Simaški. *Neuve Assyriologiques Brèves et Utilitaires* 1, 25–29.
- Glassner, J.-J. 2004: *Mesopotamian Chronicles*. Atlanta.
- Hallo, W. 1971: Gutium. In: E. Weidner, W. von Soden (eds.), *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie* III, 709–720.
- Jacobsen, T. 1939: *The Sumerian King List*. Chicago.
- Labat, R. 1988: *Manuel d'épigraphie Akkadienne (signes, syllabaire, ideogrammes)*. Paris.
- Langdon, S. 1923: *Historical inscriptions. Containing Principally the Chronological Prism W.-B.444*. London.
- Legrain, L. 1922: *Historical Fragments. The University Museum, University of Pennsylvania*. Philadelphia.
- Schroeder, O. 1922: Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts. Bd. 2. In: *Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft* 37 Leipzig.
- Thureau-Dangin, F. 1907: *Die Sumerischen und akkadischen Königsinschriften*. Leipzig.

REFERENCES

- Alimirzoyev, A. 2012: O pervykh tsaryakh Kutiuma [On the earlier Kings of Kutium]. *Azerbaydžan i azerbaydžantsy [Azerbaijan and azerbaijanians]* 1–2, 49–54.
- Balkan, K. 1992: Eski Önasiya'da Kut (ve ya Gut) Halkının dili ile eski Türkçe arasındaki benzerlik. *Erdem* 6/1, 1–64.
- Dyakonov, I.M. 1956: *Istoriya Midii ot drevneyshikh vremyon do kontsa IV v. do n.e.* [History of Media from ancient times to the end of the 4th century BC]. Moscow–Leningrad.
- Frayne, D. 1993: *Royal inscription of Mesopotamia. Early Periods*. Vol. 2. *Sargonic and Gutian Periods (2334–2113)*. Toronto.
- Gelb, I., Kienast, B. 1990: *Die Altakkadischen Königsinschriften der Dritten Jahrtausends v. Chr.* Stuttgart.
- Glassner, J.-J. 1996: Les dynasties d'Awan et d'Simaški. *Neuve Assyriologiques Brèves et Utilitaires* 1, 25–29.
- Glassner, J.-J. 2004: *Mesopotamian Chronicles*. Atlanta.
- Hallo, W. 1971: Gutium. In: E. Weidner, W. von Soden (eds.), *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie* III, 709–720.
- Jacobsen, T. 1939: *The Sumerian King List*. Chicago.
- Labat, R. 1988: *Manuel d'épigraphie Akkadienne (signes, syllabaire, ideogrammes)*. Paris.
- Langdon, S. 1923: *Historical inscriptions. Containing Principally the Chronological Prism W.-B.444*. London.
- Legrain, L. 1922: *Historical Fragments. The University Museum, University of Pennsylvania*. Philadelphia.
- Schroeder, O. 1922: Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts. Bd. 2. In: *Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft* 37 Leipzig.
- Thureau-Dangin, F. 1907: *Die Sumerischen und akkadischen Königsinschriften*. Leipzig.

WHO WAS THE THIRD RULER OF THE GUTIUM

Allahverdi Nusi ogly Alimirzoyev

*Institute of History named after A.A. Bakikhanov, National Academy of Sciences of
Azerbaijan, Baku, Azerbaijan
alimirzoev.60@mail.ru*

Abstract. The Sumerian King lists are the main written source for the early period of the political history of the Gutian tribes, the inhabitants of the Urmia basin. The lists have come to us in different versions and in a fragmentary state, which makes it difficult to unambiguously interpret their information. The names of some of the kings in the spaces of the lists were restored according to other synchronous texts. In one of these texts, the victory of the Akkadian ruler Sharkalisharri over the Gutian king Sarlag is reported. According to T. Jacobsen, the name of this king who inherited power from the Inkishush is in the third position and was transcribed by signs the sar-LAGAB^{la-gab} in two variants of the lists. However, such a rebus record of a name using logogram and phonetic complement is not characteristic for Sumerian dynastic lists. The author of the article finds it more appropriate to read this name in the “W-B.444” list as ià-kil-la-gab and identify its carrier with Yakulaba (ia-ku-la-ba). His son Ititi, being the head of the city of Gasur left a short inscription in connection with offering to the temple of the goddess Ishtar. In another variant of the list (“L₁”) after Inkishush there is another name (à-ar-la-ga-ba). Therefore, it remains unknown who was the third ruler in the country Gutium, at any rate, it was not Sarlag.

Keywords: Gutean tribes, cuneiform texts, the Sumerian King List, Akkadian dynasty

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 49–60
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 49–60
©Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-49–60

КОММАГЕНА И ПЕРСИДСКАЯ ДЕРЖАВА АХЕМЕНИДОВ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

С.В. Обухов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
veretragna@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена внутреннему положению Коммагены в ахеменидский период (VI–IV вв. до н.э.) по археологическим данным. Автор суммирует археологический материал, накопленный в основном в 1980-е годы. К сожалению, внутренняя история Коммагены как историко-географической области в персидский период практически не разрабатывалась в науке, за исключением небольших справок в обобщающих статьях Дж.-М. Меллинка и В. Мессершмидта, поэтому данная работа в какой-то мере претендует на то, чтобы заполнить существующий пробел в этой области. Автор приходит к следующим выводам. Уже в персидский период Самосата являлась столицей Коммагены, судя по остаткам ападаны, обнаруженной в 1983 г. Возможно, там располагалась резиденция правителя этой территории, подчиненного сатрапу Восточной Армении. Характер эксплуатации крестьян на государственно-общинных землях в Коммагене оставался фактически неизменным с ахеменидской эпохи. Это подтверждается данными о сатрапских центрах в персидской Армении, приведенными в «Анабасисе» Ксенофонта, и указаниями царских манифестов Антиоха I Коммагенского (69–34 гг. до н.э.), относящихся к периоду эллинизма. Характер культуры укрепленного поселения на холме Лидар недалеко от Самосаты указывает на процессы религиозного синкретизма, обычного для регионов Ахеменидской державы. Главным потребителем привозных изделий, в первую очередь керамики, в ахеменидской Коммагене являлась персидская армия. Основная масса местного населения почти не была затронута внешними влияниями или торговлей. Институт династов, известный по коммагенской эпиграфике эллинистического времени, может восходить, по крайней мере, к персидской эпохе. Это косвенно подтверждается открытием на холме Тилле укрепленного сооружения: дворца или усадьбы (?). В целом, археологические данные позволяют судить о том, что Коммагена в персидскую эпоху прочно вошла в политико-культурную орбиту Ахеменидской державы.

Ключевые слова: археология, Ахеменидская империя, Коммагена, Армения, Самосата, ападана, эксплуатация, Лидар, Кархемиш, Тилле

Коммагена в ахеменидский период вошла в состав Персидской державы. Важность этой территории, присоединенной к империи Ахеменидов еще Киrom II¹, заключалась в том, что она контролировала крупные переправы через Евфрат, одна

Данные об авторе: Обухов Сергей Владимирович – младший научный сотрудник кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Меллинка 2011, 285

из них находилась у местечка Зевгма (в позднейшее, эллинистическое время здесь будет основан греческий полис Селевкия-на-Евфрате)², другая важная переправа была выстроена у Самосаты, главного центра всей области (Strab. XVI. II. 3).

В исторической науке уже предпринимались попытки осветить политическую историю Коммагены в составе державы Ахеменидов. Так, например, в статье Г.А. Тирация о связях Коммагены и Армении достаточно подробно рассматривается вопрос персидском владычестве в этих областях³, что представляется важным, если учесть, что Коммагена как историко-географическая область в ахеменидский период входила в состав сатрапии Восточная Армения, созданной в середине V в. до н.э.⁴, а еще ранее – в состав сатрапии Киликия⁵. Наиболее полным трудом о политической истории Коммагены в новохеттский, ахеменидский и эллинистический периоды является фундаментальная работа М. Фаччелла (2006 г.), в которой большое внимание уделяется и периоду персидского господства в Северо-Евфратском регионе. В ней, в частности, на основании нарративных и эпиграфических источников реконструируется история сатрапской династии Оронтидов иранского происхождения, правившей в Коммагене и Армении в ахеменидский и эллинистический периоды⁶. Однако оба автора не уделяют внимания внутреннему положению Коммагены в ахеменидский период, поскольку не используют археологический материал, позволяющий осветить ее внутреннюю историю в данное время⁷. Мы же попытаемся рассмотреть историю этой страны в ахеменидскую эпоху на основе археологического материала.

В 1983 г. во время археологических исследований Самосаты позднеахеменидского времени были обнаружены остатки фундамента сооружения, облицованного рядом ортостатов из известняка; в передней части открывшегося цоколя были найдены две торовидные базы для колонн ахеменидского типа⁸. Использование ортостатов при облицовке построек в ахеменидское время явно навеяно сирохеттскими традициями в архитектуре Коммагены. Этот строительный прием, например, широко применялся в киликийском Кара-Тепе позднешеттского времени IX–VIII вв. до н.э.⁹ В целом, использование этой техники не вызывает удивления: государство Коммагена под названием Куммух в начале I тыс. до н. э. входила в систему сиро-хеттских царств в северной Сирии и Юго-Восточной Малой Азии, образовавшихся в результате разгрома Хеттской державы «народами моря»¹⁰.

Торовидные базы для колонн имеют множество аналогий в Иране и Армении ахеменидского времени: колонны с подобными базами поддерживали перекрытия «царской сокровищницы» в Персеполе¹¹; четыре колонны этого типа были по-

² Tscherikower 1927, 51.

³ Тирация 1956, 69–74.

⁴ Тирация 1956, 70–72. О том, что Армения делилась на две сатрапии вплоть до конца ахеменидской эпохи, свидетельствует Юстин, сообщающий, что за свою доблесть, проявленную в войне с племенами кардухов, Кодоман получил в управление Западную Армению (Justin. Epit. X. 3, 4).

⁵ Herzfeld 1968, 309.

⁶ Facella 2006, 78–135.

⁷ Исключением является лишь небольшая обзорная справка В. Мессершмидта в его статье о доэллинистической Коммагене (Messerschmidt 2008, 34–35).

⁸ Mellink 1984, 448.

⁹ Akurgal 1962, 140, fig. 140; Флиттнер 2011, 337, 343.

¹⁰ Hawkins 1975, 5–10.

¹¹ Dieulafoy 1885, 86, fig. 65; Ghirshman 1963, 207, 215, fig. 205–206, 263.

ставлены при входе в скальную гробницу Дария I в Накш-и-Рустаме в Персиде¹²; в Армении колонны с торовидными базами были использованы при возведении здания общественного назначения V–IV вв. на холме Арин-Берд около Эребуни¹³; торовидные базы колонн засвидетельствованы и в Ай-Хануме греко-бактрийского времени¹⁴. Сочетание анатолийских и персидских архитектурных приемов на примере сооружения из Самосаты отражают архитектурную специфику Коммагены ахеменидского времени.

Возникает закономерный вопрос о назначении сооружения, открытого в ахеменидских слоях Самосаты. По-видимому – это остатки ападаны – многоколонного зала квадратной или прямоугольной формы с плоской крышей, предназначенного для местопребывания сатрапа¹⁵ и приема дани. Характерный пример – огромная ападана в Персеполе, окруженная с трех сторон двойными двенадцатиколонными портиками¹⁶. Если наше предположение верно, то возведение сатрапского центра именно в Самосате вполне закономерно. Этот пункт находился в центре страны и из него можно было контролировать как юг, так и север области, в том числе и по Евфрату. Возможное наличие сатрапского центра в Самосате может говорить и о том, что этот город еще в персидское время был столицей области, подчиненной сатрапу Восточной Армении¹⁷. Подобная практика была обычной для Ахеменидской державы¹⁸.

Сатрапские центры имелись и в Армении, например, Арин-Берд, где зал урартского времени был переделан в ападану. Возможно, Арин-Берд был одной из резиденций сатрапа Западной Армении¹⁹. Сатрапский (?) центр был открыт и на городище Сара-Тепе в Южном Азербайджане, судя по находкам там двух колоколовидных баз колонн²⁰. Как показал Р.Р. Вергазов, ахеменидский официальный стиль в архитектуре оказал весьма существенное влияние на строительное искусство северных сатрапий, в том числе Армении²¹.

Описание сатрапских центров Западной Армении сохранилось у Ксенофонта, сообщающего, что обычно такой центр состоял из дворца правителя и окружающих его деревень (Хен. Анаб. IV. 4. 2, 8). Деревни, в которых жили крестьяне-общинники, должны были коллективно платить подати царю через сатрапа. За сбор налогов отвечал комарх (Хен. Анаб. IV. 5. 24)²². Такой же принцип распространял-

¹² Ghirshman 1963, 230–231, 234, fig. 231–232.

¹³ Оганесян 1960, 79, рис. 45.

¹⁴ Шлюмберже 1985, 33, рис. 13.

¹⁵ В. Мессершмидт (Messerschmidt 2008, 34) осторожно склоняется к этому же.

¹⁶ Сахаров 1944, 144–145, табл. 116, 6-д; Уилбер 1977, 37–44; Miclea 1971, 19, fig. 11–29; Èva 1974, 28–31, А.16–27, 28–34.

¹⁷ Безусловно, к ахеменидскому времени восходит система провинциальных канцелярий древней Армении эпохи эллинизма (Саркисян 1981, 98–102). Может быть, какие-то сатрапские канцелярии (или канцелярия?) имелись и в персидской Коммагене.

¹⁸ Cook 1983, 174–175; Briant 2002, 425–428; Дандамаев 2013, 59.

¹⁹ Тирациян 1960, 99–114.

²⁰ Тирациян 1964, 72–74, рис. 9.

²¹ Вергазов 2017, 294–306. Следует отметить, что аналогичный сатрапский центр, в архитектуре которого использовались колонны с торовидными базами, был открыт при раскопках городища Калалы-Гыр I в Древнем Хорезме. Исследователи датируют его позднеахеменидским временем (Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963, 141–149, рис. 1–5).

²² Не совсем понятно, почему С.М. Крякшарян, анализируя сообщения Ксенофонта, полагает, что в качестве эксплуатируемых выступали рабы или обездоленные общинники (Крякшарян 1979,

ся и на колхов до конца V в. до н.э., пока Колхида не стала независимой от Персидской империи²³. Данная практика сбора налогов настолько прижилась на Востоке, что ее в эллинистическое время целиком восприняли Селевкиды²⁴.

Можно полагать, что нечто похожее существовало и в Коммагене ахеменидского времени, о чем косвенно говорят коммагенские царские надписи эллинистического времени (I в. до н.э.). В нимруд-дагской надписи царь Антиох I, в частности, провозглашает, что для нужд почитания властителя и почитания его предков комы обязуются платить подати жреческим коллективам, обслуживающим святилища царского и династического культов: *προσόδους τε λαμβάνων ἀπὸ κομῶν, ὧν ἐγὼ καθωσίωσα φύσεως ἡρωϊκῆς χάρισιν ἱεραῖς...* (OGIS. 383. сткк. 140–141). Это положение варьируется и в надписях других святилищ²⁵. Ясно, что до создания святилищ царского и династического культов подати от общин во главе с комархами поступали царю. В этом смысле аналогия с системой, описанной у Ксенофонта и в дальнейшем заимствованной Селевкидами, очевидна. Вероятно, за 350 лет эксплуатация податного населения в Коммагене не претерпела существенных изменений, несмотря на развитие товарно-денежных отношений в период эллинизма, что объясняется устойчивостью общинного быта на Древнем Востоке²⁶.

Археологическими раскопками были открыты и другие памятники ахеменидского времени в Коммагене. В 8 км вверх по течению от Самосаты, на восточном берегу, на многослойном памятнике Лидар было раскопано укрепленное поселение с сеткой улиц. Из инвентаря следует отметить типичную керамику, характерную для персидского времени, терракотовые статуэтки иранских всадников, небольшие барельефы (вотивные?) с изображениями сирийской богини плодородия Астарты (Анат)²⁷. Астарта-Анат выступала и как богиня-воительница²⁸, поэтому ее почитание в Лидаре, являющемся, вероятно, сторожевым постом, прикрывающим Самосату с севера, вполне закономерно; к тому же оно хорошо вписывается в синкретическую имперскую идеологию Персидской державы²⁹. Может быть, это свидетельствует о сирийско-иранском характере культуры Лидара. В еврейской военной колонии на Элефантине в Египте ахеменидского времени также почиталась богиня Анат, которая в одном из папирусов названа «Анатбетель»³⁰.

Опорные пункты контроля над областью были построены и на юге Коммагены. Вероятно, одним из Оронтов в V–IV вв. до н.э. была основана крепость *ag-Rāwandān*³¹, названная в честь одного из представителей этой династии.

17). Из сведений, передаваемых Ксенофонтом, это никак не вытекает. Более верно общественные отношения ахеменидской Армении характеризует Я.А. Манандян, правда, он ошибочно полагает, что «основой общественного устройства арменов в ту эпоху (ахеменидскую – прим. авт.) был родовой строй» (Манандян 1943, 8; Манандян 1945, 15–19). Скорее всего, перед нами общественные отношения, присущие древневосточному обществу.

²³ Болтунова 1979, 51–55.

²⁴ Бикерман 1985, 103.

²⁵ Jalabert, Mousterde 1929, 50; Dörner, Goell 1963, 46.

²⁶ Никольский 1953, 379–394; Дьяконов 1963, 16–34.

²⁷ Mellink 1985, 554–555.

²⁸ Gese, Höfner, Rudolph 1970, 212–216; Шифман 1991, 75–76; Элиаде 2002, 191.

²⁹ Дандамаев 2009, 398–407.

³⁰ Волков 1915, 10, 51–52.

³¹ Honigmann 1924, 981.

Возможно, сильный персидский гарнизон был введен и в цитадель Кархемиша на крайнем юго-востоке Коммагены ахеменидского времени. Сам Кархемиш имел важнейшее стратегическое значение, так как владение им способствовало поддержанию контроля над юго-восточной Анатолией и северной Сирией. Воины его гарнизона были захоронены на довольно обширном некрополе II у Деве-Хуюк, расположенном к западу от Кархемиша. Самые ранние захоронения датируются ок. 480 г. до н.э. Из инвентаря погребений следует отметить типичное персидское оружие – акинаки и наконечники стрел характерных типов; греческую привозную керамику – коринфскую (на раннем этапе) и аттическую, поступавшую в этот регион, видимо, через торговую факторию эллинов в Сирии Аль-Мину³²; различные предметы бытового назначения из металла и глины и др.³³ Уникальной для этого региона остается находка в одном из могил некрополя керамического ритона с протомой коня³⁴, имеющего аналогии, в частности, на периферии Персидской империи, а именно в Хорезме³⁵.

В Тилле, где современная река пересекает дорогу Адийаман-Дийярбакыр, вся поверхность небольшого холма была занята тщательно распланированным комплексом ахеменидского времени, существовавшим с начала V в. до н.э. по 332–331 г. до н.э., когда тот, по-видимому, подвергся разрушению войсками Александра Великого. Исследователи полагают, что этот памятник с множеством комнат, которые со всех сторон окружают прямоугольный зал с остатками колон на торовидных базах, построен на фундаменте из базальтовых блоков и представляет собой сооружение дворцового типа³⁶. Не исключено, что в Тилле находилась резиденция одного из локальных правителей, зависимого от области начальника Коммагены. Ксенофонт в «Анабасисе» упоминает некоего знатного перса (?) Артуха, являвшегося доверенным лицом и командиром одного из воинских подразделений сатрапа Восточной Армении Оронта I (Anab. IV. 3. 4), управлявшего этой территорией в конце V в. до н.э. Весьма вероятно, что система локальных династов, подконтрольных царю и плативших ему налоги, которая известна по коммагенской эпиграфике I в. до н.э.³⁷, восходит именно к ахеменидской эпохе. Коммагенские династы в некоторой степени напоминают колхидских скептухов, фактически осуществлявших власть на территории Колхиды в ахеменидскую и эллинистические эпохи (вплоть до времени Митридата VI Евпатора и Аристарха Колхидского)³⁸.

До сих пор остается спорным вопрос: проходила ли через Коммагену знаменитая «царская дорога» из Сард в Лидии до Суз – одной из столиц ахеменидской

³² Вулли 1986, 146–159; Яйленко 1990, 138–148; Браун 2007, 21–24, 26–28.

³³ Moorey 1975, 108–117, fig. 1–4.

³⁴ Moorey 1975, 112, fig. 3:1.

³⁵ Кой-Крылган-Кала 1967, 111–112, рис. 46. 8-10; Калалы-Гыр 2, 2004. 134, 164–165, 167, рис. 3 / 21. 2-5, 5 / 1

³⁶ French 1985, 5–6; Messerschmidt 2008, 35, abb. 6. В некоторой степени планировка «дворцового сооружения» на холме Тилле имеет сходство с укрепленными усадьбами Бактрии ахеменидского времени (Сагдуллаев 1987, 43–48, рис. 35) и с упомянутым небольшим сатрапским (?) центром Саратепа в Южном Азербайджане (Нариманов 1960, 162–164).

³⁷ Kobes 1996, 71–72. Глубоко неверным является определение М.И. Ростовцевым коммагенских династов как «феодалов баронов» (Rostovtzeff 1941, 850). Скорее всего, перед нами родовая знать.

³⁸ Лордкипанидзе 1970, 13

державы?³⁹ Вероятно, как считает А.А. Немировский, путь лежал севернее, пересекая провинцию Западная Армения⁴⁰.

Отдельно следует сказать об одном из маркеров культуры ахеменидского времени – керамических флягах. Они были обнаружены в археологических слоях Самосаты VI–IV вв. до н.э.⁴¹, в погребении начала V в. до н.э. на холме Лидар⁴², на памятниках соседней Армении ахеменидского и раннеэллинистического времени⁴³, а также Хорезма⁴⁴. Единичные экземпляры обнаружены и на территории ахеменидской Бактрии⁴⁵. В подобной таре, которая могла служить и для нужд торговли, жидкости могли перевозиться на значительные расстояния⁴⁶.

Таким образом, в персидскую эпоху Коммагена представляла собой область, затронутую влиянием имперской ахеменидской культуры. Она проявлялась в официальной архитектуре, предметах роскоши (например, керамических ритонах, имеющих аналогии в Средней Азии того же периода) и религии, в частности, в культе Анат-Астарты в Лидаре. Не менее очевидно, что Коммагена прочно вошла в систему политического управления и территориально-административного деления Ахеменидской державы, когда Самосата могла получить статус главного политического центра этой области. Не исключено, что именно там находилась столица правителя области, подчиненного сатрапу Западной Армении. Некоторые данные говорят о том, что Коммагена в персидский период могла быть вовлечена в торговые связи с соседними территориями, прежде всего, с Сирией, через которую осуществлялся ввоз греческой керамики, прежде всего аттического производства (с V в. до н.э.). Очевидно, что именно присутствие персидского гарнизона в Кархемише стимулировало развитие торговых отношений с соседними областями. Находки импортной греческой керамики в захоронениях некрополя Деве-Хуюк показывают, что основным заказчиком и потребителем ввозимых товаров, в первую очередь керамики, была армия. По-видимому, местное сельское население не было затронуто внешними влияниями и торговлей. Это подтверждается анализом социально-экономических отношений в Коммагене в ахеменидский период, аналогичных тем, которые сложились в Армении. Они носили отпечаток традиционных восточных отношений с преобладанием общинно-государственного сектора в экономике.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикерман, Э. 1985: *Государство Селевкидов*. М.
 Болтунова, А.И. 1979: Колхи и держава Ахеменидов (по данным Геродота). В сб.: Б.Б. Пиотровский (ред.), *Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV международной конференции античников социалистических стран «Эйрене»)*. I. Ереван, 51–55.

³⁹ Так в свое время полагал Я.А. Манандян (1954, 18)

⁴⁰ Немировский 2006, 25–33, 37–39

⁴¹ Açar 2004, 58.

⁴² Mellink 1984, 448, pl. 58, fig. 9.

⁴³ Хачатрян 1966, 7; Тирацян 1988, 121. табл. XXXIII, 1–3.

⁴⁴ Воробьева 1973, 38, рис. 14, 3, 137, рис. 35, 7; Кой-Крылган-Кала 1967, 118, 122, табл. VII, 1–3, табл. VIII, 26, 30–31; Калалы-Гыр 2 2004, 117, 119–120, рис. 3, 14, илл. 13, 18

⁴⁵ Gardin 1973, fig. 32

⁴⁶ Тер-Мартirosов 1979, 409–414.

- Браун, Т.-Ф.-Р.-Г. 2007: Греки на Ближнем Востоке. В кн.: Дж. Бордмэн, Н.-Дж.-Л. Хэммонд (ред.), *Кембриджская История Древнего Мира*. Т. III. Ч. 3: *Расширение греческого мира VIII–VI вв. до н.э.* М., 13–46.
- Вайнберг, Б.И., Болелов, С.Б., Лившиц, В.А. (ред.) 2004: *Калалы-Гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме в IV–II вв. до н.э.* М.
- Вергазов, Р.Р. 2017: Официальный стиль Ахеменидов и его отражение в искусстве Северных сатрапий на материале архитектуры. *ПИФК* 2, 294–306.
- Волков, И.М. 1915: *Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V в. до н.э.* М.
- Воробьева, М.Г. 1973: *Дингильдже. Усадьба I тыс. до н.э. в Древнем Хорезме.* М.
- Вулли, Л. 1986: *Забытое царство.* М.
- Дандамаев, М.А. 2009: *Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н.э. Социальные институты и идеология.* СПб.
- Дандамаев, М.А. 2013: *Ахеменидская империя. Социально-административное устройство и культурные достижения.* СПб.
- Дьяконов, И.М. 1963: Община на древнем Востоке в работах советских исследователей. *ВДИ* 1, 16–34.
- Кркаяшарян, С.М. 1979: *Государственное устройство Древней Армении VI в. до н.э. – IV в. н.э.* автореф. дис.... канд. ист. наук. Ереван.
- Лордкипанидзе, Г.А. 1970: *К истории древней Колхиды.* Тбилиси.
- Манандян, Я.А. 1943: *Краткий обзор истории Древней Армении.* М.–Л.
- Манандян, Я.А. 1945: Проблема общественного строя доаршакидской Армении. *Исторические Записки* 15, 3–25.
- Манандян, Я.А. 1954: *О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен.* Ереван.
- Меллинк, М.-Дж. 2011: Анатолия. В кн.: Дж. Бордмэн, Н.-Дж.-Л. Хэммонд, Д.-М. Льюис, М. Оствальд (ред.), *Кембриджская История Древнего Мира*. Т. IV: *Персия, Греция и Западное Средиземноморье ок. 525–479 гг. до н.э.* М., 261–286.
- Нариманов, И.Г. 1960: Находки баз колонн V–IV вв. до н.э. в Азербайджане. *СА* 4, 162–164.
- Немировский, А.А. 2006: Мелитена, Армения и «царская дорога» Ахеменидов. *Studia Historica* VI, 25–39.
- Никольский, Н.М. 1953: Значение проблемы общинного быта в Ассирии для изучения социально-экономической истории народов Древнего Востока. *УЗБГУ* 16, 379–394.
- Оганесян, К.Л. 1960: *Арин-Берд. I. Архитектура Эребуни. По материалам раскопок 1950–1959 гг.* Ереван.
- Рапопорт, Ю.А., Лапиров-Скобло, М.С. 1963: Раскопки дворцового здания на городище Калалы-Гыр 1 в 1958. В кн.: С.П. Толстов (ред.), *МХАЭЭ* 6. *Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961. I. Общий отчет. Памятники первобытного и античного времени.* М., 141–156.
- Сагдуллаев, А.С. 1987: *Усадьбы Древней Бактрии.* Ташкент.
- Саркисян, Г.Х. 1981: О провинциях и провинциальных канцеляриях Древней Армении. В сб.: И.М. Дьяконов (ред.), *Древний Восток и мировая культура.* М., 98–102.
- Сахаров, С.И. 1944: Архитектура Ирана эпохи Ахеменидов. В кн.: В.П. Владимиров, М.Я. Гинзбург, И.Л. Мац, С.И. Сахаров (ред.), *Всеобщая История Архитектуры*. Т. I: *Архитектура древнего мира.* М., 140–155.
- Тер-Мартirosов, Ф.И. Фляги как торговая тара. В сб.: Б.Б. Пиотровский (ред.), *Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV международной конференции античников социалистических стран «Эйрене».* I. Ереван, 409–415.
- Тирациян, Г.А. 1956: Страна Коммагена и Армения. *Известия АН Арм. ССР. Сер. общ. наук* 3, 69–74.

- Тирацян, Г.А. 1960: Колонный зал на Арин-берде и вопрос о сатрапских центрах на армянском нагорье. *Известия АН Арм. ССР. Сер. общ. наук.* 7–8, 99–114.
- Тирацян, Г.А. 1964: Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья в V–IV вв. до н.э. *СА* 3, 64–78.
- Тирацян, Г.А. 1988: *Культура Древней Армении VI в. до н.э. – III в. н.э. (по археологическим данным)*. Ереван.
- Толстов, С.П., Вайнберг, Б.И. (ред.). 1967: *Кой-Крылган-Кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э.* М.
- Уилбер, Д. 1977: *Персеполи. Археологические раскопки в резиденции персидских царей*. М.
- Флиттнер, Н.Д. 2011: *Культура и искусство Двуречья*. М.
- Хачатрян, Ж.Д. 1966: *Материальная культура Древней Армении в V в. до н.э. – IV в. н.э.*: автореф. дис.... канд. ист. наук. Ереван.
- Шифман, И.Ш. 1991: Анат. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. 1. М., 75–76.
- Шлюмберже, Д. 1985: *Эллинизированный Восток*. М.
- Элиаде, М. 2002: *История веры и религиозных идей. От Каменного века до Элевсинских мистерий*. М.
- Яйленко, В.П. 1990: *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М.
- Açar, G. 2004: *Nemrud*. Ankara.
- Akurgal, E. 1962: *The Art of Hittites*. London.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Cook, J.M. 1983: *The Persian Empire*. London –Melbourne–Toronto.
- Dieulafoy, M. 1885: *Achemenides, Parthes, Sassanides. Deuxieme partie. Monuments de Persépolis*. Paris.
- Dörner, F.K., Goell, Th. 1963: *Arsameia am Nymphaios. Ausgrabungen im Hierotheseion des Mithradates Kallinikos von 1953–1956*. Berlin.
- Èva, A. 1974: *Persépolis*. Budapest.
- Facella, M. 2006: *La Dinastia degli Orontidi nella Commagene Ellenistico-Romana*. Pisa.
- French, D. 1985: Tille. *AS* 35, 5–6.
- Gardin, J.C. 1973: *Les céramiques. Fouilles d'Aï-Khanoum*. (MDAFA XXI). Paris.
- Gese, H., Höfner, M., Rudolph, R. 1970: *Die Religionen Altsyriens, Altarabiens und der Mandäer*. Stuttgart–Berlin–Köln–Mainz.
- Ghirshman, R. 1963: *Perse. Proto-iraniens, Médes, Achéménides*. Paris.
- Hawkins, J.D. 1975: Von Kummuch nach Kommagene. *Antike Welt. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte. Kommagene. Sondernummer* 6, 5–10.
- Herzfeld, E. 1968: *The Persian Empire and Studies in Geography and Ethnography of Ancient Near East*. Wiesbaden.
- Honigsmann, E. 1924: Kommagene. *RE* IV, 978–990.
- Jalabert, L., Mousterde, R. 1929: *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. Paris.
- Kobes, J. 1996: *Kleine Könige. Untersuchungen zu den Lokaldynasten im hellenistischen Kleinasien (323–188 v. Chr.)*. Berlin.
- Mellink, J.M. 1984: Archaeology in Asia Minor. *AJA* 88.4, 448.
- Mellink, J.M. 1985: Archaeology in Asia Minor. *AJA* 89.4, 554–555.
- Messerschmidt, W. 2008: Kommagene in vorhellenistischer Zeit. In: E. Winter (hrsg.), *Asia Minor Studien*. 60. ΠΑΤΡΙΣ ΠΑΝΤΡΟΘΟΣ ΚΟΜΜΑΓΗΝΗ. *Neue Funde und Forschungen zwischen Taurus und Euphrat*. Bonn, 1–36.
- Miclea, I. 1971: *Persepolis*. Bukurești.
- Moorey, P.R.S. 1975: Iranian troops at Deve Hüyük in Syria in the earlier fifth century B.C. *Levant* VII, 108–117.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. II. Oxford.

Tscherikower, V. 1927: *Die Hellenistischen Städtergründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit*. Leipzig.

REFERENCES

- Açar, G. 2004: *Nemrud*. Ankara.
- Akurgal, E. 1962: *The Art of Hittites*. London.
- Bikerman, E. 1985: *Gosudarstvo Selevkidov* [*The State of Seleucids*]. Moscow
- Boltunova, A.I. 1979: Kolkhi i derzhava Selevkidov (po dannym Gerodota). In: B.B. Piotrovskiy (ed.), *Problemy antichnoy istorii i kul'tury (doklady XIV mezhdunarodnoy konferentsii antichnikov sotsialisticheskikh stran «Eyrene»)* [*The Problems of the ancient history and culture (Proceedings of the 14th International Conference of Antiquity Historians from Socialist Countries «Eyrene»)*]. I. Erevan, 51–55.
- Braun, T.-F.-R.-G. 2007: Greki na Blizhnem Vostoke. In: J. Boardman, N.G.L. Hammond (eds.), *Kembridzhskaya Istoriya Drevnego Mira*. III.3: *Rasshirenie Grecheskogo mira VIII–VI v. do n.e.* [*Cambridge Ancient History*. III.3: *Expansion of the Greek World 8th–6th Centuries BC*]. Moscow, 13–46.
- Briant, P. 2002: *From Kyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Cook, J.M. 1983: *The Persian Empire*. London–Melbourne–Toronto.
- Dandamaev, M.A. 2009: *Mesopotamiya i Iran v VII–IV vv. do n.e. Sotsial'nye instituty i ideologiya* [*The Mesopotamia and Iran in 7th–4th BC. The Social institutes and ideology*]. Saint Petersburg.
- Dandamaev, M.A. 2013: *Akhemenidskaya imperiya. Sotsial'no-administrativnoe ustroystvo i kul'turnye dostizheniya* [*The Achaemenid Empire. The Social-administrative structure and culture achievements*]. Saint Petersburg.
- Dieulafoy, M. 1885: *Achemenides, Parthes, Sassanides. Deuxieme partie. Monuments de Persépolis*. Paris.
- Dörner, F.K., Goell, Th. 1963: *Arsameia am Nymphaios. Ausgrabungen im Hierothesion des Mithradates Kallinikos von 1953–1956*. Berlin.
- Dyakonov, I.M. 1963: Obshchina na Drevnem Vostoke v rabotakh sovetskikh issledovateley [*The Village community on the Ancient East in scholarly works of Soviet researchers*]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 16–34.
- Eliade, M. 2002: *Istoriya very i religioznykh idey. Ot Kamennogo veka do Elevsinskikh misteriy* [*The History of the faith and religious ideas. From Stone Age until Eleusinian mysteries*]. Moscow.
- Éva, A. 1974: *Perszepolisz*. Budapest.
- Facella, M. 2006: *La Dinastia degli Orontidi nella Commagene Ellenistico-Romana*. Pisa.
- Flittner, N.D. 2011: *Kul'tura i iskusstvo Dvurech'ya* [*The Culture and art of Mesopotamia*]. Moscow.
- French, D. 1985: Tille. *Anatolian Studies* 35, 5–6.
- Gardin, J.C. 1973: *Les céramiques. Fouilles d'Aï-Khanoum. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan XXI*. Paris.
- Gese, H., Höfner, M., Rudolph, R. 1970: *Die Religionen Altsyriens, Altarabiens und der Mandäer*. Stuttgart–Berlin–Köln–Mainz.
- Ghirshman, R. 1963: *Perse. Proto-iraniens, Médes, Achéménides*. Paris.
- Hawkins, J. David. 1975: Von Kummuch nach Kommagene. *Antike Welt. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte. Kommagene. Sondernummer* 6, 5–10.
- Herzfeld, E. 1968: *The Persian Empire and Studies in Geography and Ethnography of Ancient Near East*. Wiesbaden.

- Honigmann, E. 1924: Kommagene. *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* IV, 978–990.
- Jalabert, L., Mouterde, R. 1929: *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. Paris.
- Khachatryan, Sh. D. 1966: *Material'naya kul'tyra Drevney Armenii v V v. do n.e. – IV v. n. e* [The Material culture of Ancient Armenia in the 5th century BC to the 4th century AD]. (PhD Thesis). Erevan.
- Kobes, J. 1996: *Kleine Könige. Untersuchungen zu den Lokaldynasten im hellenistischen Kleinasien (323–188 v.Chr.)*. Verlag.
- Krkyasharyan, S.M. 1979: *Gosudarstvennoe ustroystvo Drevney Armenii VI v. do n.e. – IV v. n.e.* [The State system of Ancient Armenia in the 6th century BC to the 4th century AD]. (PhD Thesis). Erevan.
- Lordkipanidze, G.A. 1970: *K istorii drevney Kolkhidy* [On the history of Ancient Colchis]. Tbilisi.
- Manandyan, Ya.A. 1943: *Kratkiy obzor istorii Drevney Armenii* [Historical Survey of Ancient Armenia]. Moscow–Leningrad.
- Manandyan, Ya.A. 1945: Problema obshchestvennogo stroya doarshakidskoy Armenii [The Problem of social order of pre-Arshakuni Armenia]. *Istoricheskie Zapiski* [The Historical Proceedings] 15, 3–28.
- Manandyan, Ya.A. 1954: *O torgovle i gorodakh Armenii v svyazi s mirovoy torgovley drevnikh vremen* [Trade and cities of Armenia and the world trade in the ancient time]. Erevan.
- Mellink, M.-Dsh. 2011: Anatoliya. In: J. Boardman, N.G.L. Hammond, D.M. Lewis, M. Ostwald (eds.), *Kembridzhskaya Istoriya Drevnego Mira*. IV: *Persiya, Gretsiya i Zapadnoe Sredizemnomor'e ok. 525–479 g. do n.e.* [Cambridge Ancient History. Vol. IV. Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 B.C.]. Moscow, 261–286.
- Mellink, J.M. 1984: Archaeology in Asia Minor. *AJA* 88.4, 448.
- Mellink, J.M. 1985: Archaeology in Asia Minor. *AJA* 89.4, 554–555.
- Messerschmidt, W. 2008: Kommagene in vorhellenistischer Zeit. In: E. Winter (hrsg.), *Asia Minor Studien*. 60. *ΠΑΤΡΙΣ ΠΑΝΤΡΟΘΟΣ KOMMAGHNH. Neue Funde und Forschungen zwischen Taurus und Euphrat*. Bonn, 1–36.
- Miclea, I. 1971: *Persepolis*. Bukurești.
- Moorey, P.R.S. 1975: Iranian troops at Deve Hüyük in Syria in the earlier fifth century B.C. *Levant* VII, 108–117.
- Narimanov, I.G. 1960: Nakhodka baz kolonn V–IV vv. do n.e. v Azerbaydzhanе [The finds of bases of columns of the 5th – 4th centuries BC in Azerbaijan]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 162–164.
- Nemirovskiy, A.A. 2006: Melitena, Armeniya i «tsarskaya doroga» Akhemenidov [The Melitena, Armenia and «royal road» of Achaemenids]. *Studia Historica* VI, 25–39.
- Nikolskiy, N.M. 1953: Znachenie problemy obshchinnogo byta v Assirii dlya izucheniya sotsial'no-ekonomicheskoy istorii narodov Drevnego Vostoka [The communal day-to-day life in Assyria for the study of socio-economic history of nations of the Ancient East]. *Uchenye Zapiski Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Notes of Belorussian State University] 16, 379–394.
- Oganesyan, K.L. 1960: *Arin-Berd. I. Arkhitektura Erebuni. Po materialam raskopok 1950–1959 gg.* [The Arin-Berd. I. The Architecture of Erebuni. On the materials of the excavations 1950–1959]. Erevan.
- Rapoport, Yu.A., Lapirov-Skoblo, M.S. 1963: Raskopki dvortsovogo zdaniya na gorodishche Kalaly-Gyr 1 v 1958. In: S.P. Tolstov (ed.), *Materialy Khorezmskoy Archeologo-Etnograficheskoy Ekspeditsii*. 6. *Polevye issledovaniya Khorezmskoy ekspeditsii v 1958–1961. I. Obshchiy otchet. Pamyatniki pervobytnogo i antichnogo vremeni* [The Materials of Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition 6. The Fieldwork researchers of

- Khorezm expedition in 1958–1961. I. General report. The Sites of the Pre-History and Antiquity*]. Moscow, 141–156.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. II. Oxford.
- Sagdullaev, A.S. 1987: *Usad'by Drevney Baktrii* [*The Homesteads of the Ancient Bactria*]. Tashkent.
- Sarkisyan, G.Kh. 1981: O provintsiyakh i provintsial'nykh kontselyariyakh Drevney Armenii [Provinces and provincial offices of Ancient Armenia]. In: I.M. Dyakonov (ed.), *Drevniy Vostok i mirovaya kul'tura* [*The Ancient Orient and the World culture*]. Moscow, 98–102.
- Sakharov, S.I. 1944: Arkhitektura Irana epokhi Akhemenidov. In: V.P. Vladimirov, M.Ya. Ginzburg, I.L. Mats, S.I. Sakharov (eds.), *Vseobshchaya Istoriya Arkhitektury*. I: *Arkhitektura drevnego mira* [*The General History of Architecture. I. Architecture of the Ancient World*]. Moscow, 140–155.
- Shifman, I.Sh. 1991: Anat. In: S.A. Tokarev (ed.), *Mify narodov mira* [*The Myths of the World*]. I. Moscow, 75–76.
- Schlumberger, D. 1985: *Ellinizirovannyi Vostok* [*The Hellenized East*]. Moscow.
- Ter-Martirosov, F.I. Flyagi kak torgovaya tara. In: B.B. Piotrovskiy (ed.), *Problemy antichnoy istorii i kul'tury (doklady XIV mezhdunarodnoy konferentsii antichnikov sotsialisticheskikh stran «Eyrene»)* [*The Problems of the Ancient History and Culture (Proceedings of the 14th International Conference of the Antiquity historians from socialist countries «Eyrene»)*]. I. Erevan, 409–415.
- Tiratsyan, G.A. 1956: Strana Kommagena i Armeniya [Commagene and Armenia]. *Izvestia Akademii Nauk Armyanskoy SSR. Seria obshchestvennykh nauk* [*Transactions of the Academy of Sciences Armenian Soviet Socialist Republic. Series of Public Sciences*] 3, 69–74.
- Tiratsyan, G.A. 1960: Kolonnyy zal na Arin-berde i vopros o satrapskikh tsentrakh na armyanskom nagor'e [The column hall on Arin-Berd and satrap centers on the Armenian Highland]. *Izvestia Akademii Nauk Armyanskoy SSR. Seria obshchestvennykh nauk* [*Transactions of the Academy of Sciences Armenian Soviet Socialist Republic. Series of Public Sciences*] 7–8, 99–114.
- Tiratsyan, G.A. 1964: Nekotorye cherty material'noy kultury Armenii i Zakavkaz'ya v V–IV vv. do n.e. [Several features of the material culture of Armenia and the Transcaucasia in the 5th–4th centuries BC]. *Sovetskaya Arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 3, 64–78.
- Tiratsyan, G.A. 1988: *Kul'tura Drevney Armenii v VI v. do n.e. – III v. n.e. (po arkheologicheskim dannym)* [*The Culture of Ancient Armenia in the 6th century BC to the 3rd century AD (based on the archeological data)*]. Erevan.
- Tolstov, S.P., Vaynberg, B.I. (eds.) 1967: *Koy-Krylgan-Kala – pamyatnik kul'tury Drevnego Khorezma IV v. do n.e. – IV v. n. e.* [*Koy-Krylgan-Kala, a site in the Ancient Khwarazm, from the 4th century BC to the 14th century AD*]. Moscow.
- Tscherikower, V. 1927: *Die Hellenistischen Städtergründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit*. Leipzig.
- Uilber, D. 1977: *Persepol'*. *Arkheologicheskie raskopki v rezidentsii persidskikh tsarey* [*The Persepolis. Archeological excavations in the residency of Persian Kings*]. Moscow.
- Vaynberg, B.I., Bolelov, S.B., Livshits, V.A. (ed.) 2004: *Kalaly-Gyr 2. Kul'tovyy tsentr v Drevnem Khorezme v IV–II vv. do n.e.* [*Kalaly-gyr 2. The religious center in the Ancient Khwarazm in the 4th – 2nd centuries BC*]. Moscow.
- Vergazov, R.R. 2017: Ofitsial'nyy stil' Akhemenidov i ego otrazhenie v iskusstve Severnykh satrapiy na materiale arkhitektury [The Achaemenid official style and its reflection in the art of northern satrapies on the material of architecture]. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 2, 294–306.
- Volkov, I.M. 1915: *Arameyskie dokumenty iudeyskoy kolonii na Elefantine V v. do n.e.* [*The Aramaic documents of the Hebrew colony in Elephantine*]. Moscow.

- Vorobyeva, M.G. 1973: *Dingil'dshe. Usad'ba I tys. do n.e. v Drevnem Khorezme* [*Dingildshe. The Homestead of the first millennium BC in the Ancient Khwarazm*]. Moscow.
- Vulli, L. 1986: *Zabytoe tsarstvo* [*The Forgotten Kingdom*]. Moscow
- Yaylenko, V.P. 1990: *Arkhaicheskaya Gretsia i Blizhniy Vostok* [*Archaic Greece and the Near East*]. Moscow.

COMMAGENE AND THE PERSIAN EMPIRE OF THE ACHAEMENIDS (BASED ON ARCHAEOLOGICAL SOURCES)

Sergey V. Obukhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
veretragna@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the problem of internal situation in Commagene during the Achaemenid Period (the 6th to 4th centuries BC) based on archaeological data. The author summarizes archaeological material, accumulated mainly in the 1980s. Unfortunately, the inner history of Commagene as a historical and geographical area in the Persian period has not been practically developed in science except for a small reference summarizing papers of J.M. Mellink and W. Messerschmidt, so this work intends to fill the existing gap in this area. Having generalized and analyzed accumulated material, the author comes to the following conclusions. Apparently, Samosata was the capital of Commagene in the Persian period judging by remains of apadana discovered in 1983. Perhaps there was the residence of the ruler of this territory, subordinate to the satrap of Eastern Armenia. The pattern of exploitation of the peasants on the state and community lands in Commagene remained unchanged since the Achaemenid epoch. This is confirmed by the data on the Satrap centers in Persian Armenia, given in the "Anabasis" of Xenophon, and the instructions of the Royal manifestos of Antiochus I of Commagene (69–34 BC) referring to the Hellenism. The nature of the culture of the fortified settlement on the hill of Lidar near Samosata indicates the processes of religious syncretism, usual for the regions of the Achaemenid Empire. The Persian army was primary consumer of imported products, first, pottery in Achaemenid Commagene. The general body of local population wasn't almost affected by external influences or trade. The Institute of dynasts, which is known for Commagenian epigraphy of the Hellenistic time, can ascend at least to the achaemenid epoch. It is indirectly proved by the discovery of the fortified construction, the palace or homestead (?), on the Tille Hill. Overall, the archaeological data allow us to judge that Commagene in the Persian period firmly entrenched in the political and cultural area of the Achaemenid Empire.

Keywords: archaeology, the Achaemenid Empire, Commagene, Armenia, Samosata, apadana, Lidar, Carchemish, Tille

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 61–77
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 61–77
© Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-61–77

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ПЕРСИДСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ (к вопросу о значении термина *bandakā*)

В.П. Орлов

Казанский федеральный университет, Казань, Россия
777warlock777@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается дискуссионный в исследовательской среде вопрос о социальном статусе персидской аристократии в Ахеменидской державе. Автор анализирует семантические значения древнеперсидского термина *bandakā*, при помощи которого персидский царь Дарий I обращается к своим сподвижникам из числа знати, а также обозначает подвластные ему страны. Автор приходит к выводу, что применение термина *bandakā* в качестве обращения царя к своим подчиненным свидетельствует об их высоком социальном статусе, который был обусловлен непосредственной политической связью с фигурой персидского монарха. Кроме того, словосочетание *manā bandakā*, нашедшее на Древнем Востоке отражение в эламском, аккадском и арамейском языках, зачастую было передано переводчиками с искажениями, которые иногда мешают адекватно понимать политические реалии Ахеменидской державы.

Ключевые слова: Ахемениды, аристократия, Дарий I, Бехистунская надпись, социальный статус

Одним из ключевых древнеперсидских понятий, которое используется для обозначения социального статуса представителей персидской аристократии по отношению к Великому царю, является *bandakā*. В Бехистунской надписи термин *bandakā* представлен в форме *badakā*¹ и встречается 10 раз (DB. I. 19, II. 20, 30, 49f, 82, III. 13, 31, 56, 85, V, 8) в словосочетании *manā badakā*. Единожды данное выражение применяется по отношению к подвластным странам, а в остальных случаях к конкретным людям, которые находились в непосредственном подчинении царя Дария I.

На сегодняшний день в отечественной историографии имеется три полных перевода Бехистунской надписи с древнеперсидского языка. В.И. Абаев пере-

---

Данные об авторе: Орлов Василий Павлович – соискатель кафедры всеобщей истории Института международных отношений Казанского федерального университета.

¹ Звук «п» в данном слове не передается посредством древнеперсидской клинописи, а восстанавливается исследователями исходя из этимологии с родственными словами, которые встречаются в среднеперсидском, новоперсидском и некоторых других иранских языках. Подробнее об этом см.: Skjærvø 2016, 17.

водил словосочетание *manā bandakā*, которое применяется к людям, как «мой подчиненный»², М.А. Дандамаев использовал³ вариант «мой раб»⁴, как и Р.С. Меликов⁵. В «Этимологическом словаре иранских языков» *bandakā* переводится как «подчиненный», «подвластный» или «вассал»⁶. Надо сказать, что в отечественной историографии вопрос о переводе и значении словосочетания *manā bandakā* периодически поднимался, но не становился предметом специального исследования. Так, Ю.Б. Юсифов отмечал, что понятие *bandakā* применялось для обозначения морального и служебного подчинения одного юридически свободного лица другому, но вышестоящему⁷. Аналогичного мнения придерживался И.М. Дьяконов, однозначно разделявший понятия «рабство» и «рабы» и понятие «подчиненный», которое как раз, по его мнению, и передавалось при помощи *bandakā*⁸. Зарубежные исследователи заостряют большее внимание на данном термине, дискуссионном с точки зрения перевода и фактического значения.

П. Бриан пишет, что *bandakā* отражает личную связь между Великим царем и представителями персидской аристократии, которая выражается в полной лояльности или верности по отношению к Дарию I со стороны знатных персов⁹. Французский историк отмечает, что смысловое значение *bandakā* крайне сложно передать, даже несмотря на то, что в аккадской версии Бехистунской надписи эквивалентом *bandakā* является термин *qallu*, однозначно связанный с лексикой, передающей значение «рабства» или «зависимости»¹⁰. К. Таплин пишет, что *bandakā* используется только в Бехистунской надписи и может обозначать почетный статус подданного, к которому он применялся¹¹. А. Миссиу, в свою очередь, заключает, что словосочетание *manā bandakā* может свидетельствовать о том, что Дарий I желал подчеркнуть четкую иерархичность персидского общества¹². По её мнению, на вершине социальной и административной иерархии стоял Великий царь, у которого были «квази-личные отношения» с великим богом Ахурамаздой, а с помощью обращения *manā bandakā* персидский царь дистанцировался от представителей аристократии. Такая точка зрения действительно имеет право на существование, если учесть, что монументальная по своим масштабам Бехистунская надпись отражала имперский характер¹³ государства Ахеменидов, в которой главную роль, безусловно, должен был играть Великий царь Персии. П.О. Скьерво также считает, что между Ахурамаздой и Великим царем существует связь, которая достигается за счет жертвоприношений, а *bandakā*, в свою очередь, связан с персидским царем с помощью клятв верности¹⁴. Идею принесения клятвы Ве-

² Абаев 1950, 255–263.

³ Дандамаев 1963, 262–271.

⁴ Однако в последующей монографии исследователь принимает перевод «мой слуга» в качестве более корректного. См.: Дандамаев 1985, 91, 100.

⁵ Меликов 2013, 39–101, 321–334.

⁶ Расторгуева, Эдельман 2003, 74.

⁷ Юсифов 1961, 47.

⁸ Дьяконов 1959, 75, 86; Дьяконов 1956, 328.

⁹ Briant 2002, 65.

¹⁰ Briant 2002, 354.

¹¹ Tuplin 2010, 55.

¹² Missiou 1993, 377–391.

¹³ Подробнее об имперской идеологии в Ахеменидской державе см.: Рунг 2015, 130–140.

¹⁴ Skjærvø 2005, 57, 82.

ликому царю со стороны аристократии также разделяют В. Эйлерс и К. Херреншмидт, утверждающие, что термин *bandakā* отражает добровольную, но в тоже время подчинительную связь между Дарием I и представителями родовой аристократии¹⁵. Похожую точку зрения высказывает Й. Визехёфер, который полагает, что Великий царь номинально сосредотачивал в своих руках все ветви власти и с точки зрения иерархии стоял намного выше всех своих поданных, которых он именовал *bandakā*¹⁶. Дж.М. Балсер в то же время считает, что термин *bandakā* свидетельствовал о вассальной зависимости от Великого царя отдельно взятого лица, которое выплачивало налоги или находилось на военной службе¹⁷. Исследователь также отмечает, что лидийцы, попав под власть персов, переняли слово *bandakā*, которое у них трансформировалось в *bantakashash* и обозначало «вассала» Великого царя¹⁸. Похожее мнение высказывает и Р. Шмидт, который фиксирует, что, скорее всего, *bandakā* не означает подчиненного или слугу, как это часто считалось ранее, а больше соответствует терминам «вассал» или «арендатор»¹⁹. Аналогичной позиции придерживается Д. Борбор, выступающий с резкой критикой в адрес советских историков, которые переводили *bandakā* как «раб» или «слуга». По мнению иранского исследователя, *bandakā* корректней переводить как «[преданный] поданный» или «приверженец»²⁰.

Р. Фрай отмечал, что теоретически каждый чиновник или придворный мог обозначаться термином *bandakā*, который использовался лишь в качестве формы обращения Великого царя к подданным²¹. М. Василеску справедливо замечает, что *bandakā* не использовался по отношению к обычным людям, группам войск, народам, союзникам, а обозначал только конкретные личности, которые занимали достаточно высокое положение, а также страны, перешедшие под власть Великого царя по воле Ахурамазды²².

Интересную интерпретацию понятия *bandakā* посредством анализа материала Ветхого Завета представляет К. Митчелл, которая не согласна с тем, что *bandakā* описывает отношения «вассального» типа. Она полагает, что слово *bandakā* демонстрирует наличие между Великим царем и некоторыми поданными взаимоотношений, которые имели личный и даже священный характер, основанный на преданности и лояльности²³.

Исходя из вышесказанного можно прийти к обобщающему выводу о том, что в современной историографии сложилось две различные точки зрения, касающиеся значения слова *bandakā*: в первом случае историки видят в словосочетании *manā bandakā* отражение жесткой подчинительной связи между Великим царем и всеми остальными жителями Ахеменидской державы, а во втором – своеобразную систему «вассалитета», в которой Великий царь по отношению к представителям аристократии скорее имел статус *primus inter pares*, нежели обладал абсо-

¹⁵ Eilers, Herrenschmidt 1989, 682b–685a.

¹⁶ Wiesehöfer 1996, 31.

¹⁷ Balcer 1995, 79.

¹⁸ Balcer 1984, 214.

¹⁹ Schmitt 1991, 50.

²⁰ Borbor 2015, 16.

²¹ Frye 1984, 109.

²² Vasilescu 2010, 132–133.

²³ Mitchell 2015, 301.

лютной полнотой власти. Для того чтобы дать ответ на вопрос о значении термина *bandakā*, необходимо обратиться к тексту Бехистунской надписи.

Благодаря тому, что Бехистунская надпись помимо древнеперсидского сохранилась на эламском, аккадском и арамейском языках, у нас есть возможность сравнить соответствующие эквиваленты термина *bandakā*. В эламской версии Бехистунской надписи словосочетанию *manā bandakā* соответствует *libar-uri*. М. Хачикян переводит *libar-uri* как «мой слуга»²⁴. А. Миссиу на основе анализа Персепольских фортификационных табличек приходит к выводу, что *libar* («слуга») передает социально-экономическую зависимость человека более низкого статуса²⁵. И. Колдиц отмечает, что *libar* имеет широкий диапазон значений и в текстах Персепольских фортификационных табличек используется для обозначения «приспешников», «слуг», «рабов», а также свободных людей, которые состоят в каких-либо служебных отношениях²⁶. При этом словом *libar* никогда не называет женщин или детей²⁷, хотя термин *kurtaš* используется для обозначения не только взрослых женщин и мужчин, но также мальчиков и девочек²⁸. С. Сато пишет, что в Персепольских фортификационных табличках слово *libar/libap*, во-первых, противопоставляется термину *salur* и соответствует более низкому социальному статусу; во-вторых, люди, обозначенные понятием *libar*, никогда не упоминаются сами по себе; в-третьих, имеет место конструкция «его *libar*», которая описывает определенную степень зависимости одного человека от другого²⁹. Исследовательница также сопоставляет *libar* с термином *kurtaš* и приходит к выводу, что в рабочие отряды, состоящие из *kurtaš*, в малом количестве включались *libar*, которые отличались по статусу³⁰. Б. Функ отмечал, что *kurtaš* представляли собой полузависимую группу населения и некоторые её члены даже могли иметь статус рабов³¹. По мнению М.А. Дандамаева, термином *kurtaš* изначально обозначались рабы-военнопленные, а затем слово приобрело более широкое значение «работник», и им именовались многочисленные люди из низов персидского общества, которые были лично свободны и добровольно работали за плату или временно отбывали трудовую повинность³². В эламской же версии Бехистунской надписи термину *kurtaš* соответствует древнеперсидское слово *māniya*, которое также имеет неоднозначную семантику³³.

Р.Г. Кент переводил *māniya* как домашнее имущество³⁴. И.М. Дьяконов³⁵, наряду с В.И. Абаевым³⁶, считал, что *māniya* можно перевести как домашняя

²⁴ Khačikjan1998, 26, 60.

²⁵ Missiou 1993, 385.

²⁶ Colditz 2000, 118.

²⁷ Colditz 2000, 118.

²⁸ Роллингер, Хенкельман 2018, 70.

²⁹ Sato 1974, 26–27.

³⁰ Sato 1974, 24–30.

³¹ Функ 1990, 10.

³² Дандамаев 2013, 136.

³³ Более десятка различных толкований термина *māniya*, встречающихся в исследовательской литературе, приводятся в работе М.М. Дьяконова, изданной ещё в начале 60-х гг. XX в. См.: Дьяконов 1961, 368–372.

³⁴ Kent 1950, 202.

³⁵ Дьяконов 2012, 201.

³⁶ Абаев 1950, 255–263.

челядь или домочадцы. В.О. Тюрин полагал, что *māniya* означает «домашних», или тех, кто принадлежат к «дому-фамилии»³⁷. Н. Гершевич высказал мнение, что более корректным переводом будет «домашний раб»³⁸, его позицию разделял и М.А. Дандамаев³⁹, хотя изначально отечественный иранист переводил термин *māniya*, встречающийся в Бехистунской надписи, как «рабы вместе с хозяйствами»⁴⁰. П. Бриан также считает, что *māniya* переводится как «домашний слуга»⁴¹. Можно констатировать, что на сегодняшнем этапе развития иранистики понятие *māniya* большинством исследователей принято переводить как «домашние рабы», что соответствует системе патриархального рабства. Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что эламский вариант Бехистунской надписи различает *kurtas* и *libar/libap*, как две обособленные категории зависимого населения. Термин *kurtas* соответствует древнеперсидскому понятию *māniya*, а *libar/libap* соотносится с интересующим нас понятием *bandakā*.

На наш взгляд, разница между *kurtas* и *libar / libap* и, соответственно, *māniya* – *bandakā* вполне очевидна. Она заключается в том, что *kurtas* отражает экономическую дифференциацию общества, а *libar / libap* социальную стратификацию. Таким образом, *libar / libap* обозначает человека, который находился в личной зависимости от другого ввиду своего более низкого социального статуса, но не обязательно экономического. Понять смысловое значение термина *libar / libap* крайне важно, так как ряд исследователей полагает⁴², что именно эламский вариант Бехистунской надписи был записан первым и мог явиться основой для аккадской и древнеперсидской версий.

Однако совершенно однозначно можно утверждать, что генетические различия между эламским языком-изолятом, аккадским, относящимся к семитской группе языков, и древнеперсидским, принадлежащим к индоевропейской языковой семье, были настолько сильны и со стороны богатства лексикона, и с точки зрения историко-культурного развития, что невозможно говорить о какой-либо адекватной семантической передаче термина *bandakā*. Известно, что на момент составления Бехистунской надписи древнеперсидский язык только обретал свою письменную форму, а орфографическая норма и вместе с ней и семантическая традиция ещё не сформировались⁴³. В этой связи позволим себе высказать мнение о том, что степень влияния эламской версии Бехистунской надписи при создании последующих вариантов текста крайне преувеличена в исследовательской среде. Письменный эламский язык в целом был одним из первых, с которым удалось познакомиться древнеперсидским царям и поэтому совершенно не удивительно, что история о воцарении Дария I могла быть записана в первую очередь именно на нем.

В свою очередь аккадский вариант Бехистунской надписи передает *bandakā* при помощи двух понятий – *ardu* (DB. I. 7) и *qallu* (DB. II. 22, 23, 24, 26, III. 31, 34, 37, 39). Ч. Пэ переводит понятие *ardu*, встречающееся во фрагменте DB. I. 7, как

³⁷ Тюрин 1951, 35.

³⁸ Gerschevitch 1948, 139–142.

³⁹ Дандамаев 1974, 333.

⁴⁰ Дандамаев 1963, 262–271.

⁴¹ Briant 2002, 103.

⁴² Оранский 1966; Hinz 1976; Schmitt 2009–2010.

⁴³ Подробнее о развитии древнеперсидского языка см.: Оранский 1966; 1975.

«вассалы»⁴⁴, а *qallu* как «подданный»⁴⁵. Конструкция *anaku ardu*, которая зафиксирована в Бехистунской надписи в форме *anaku (l)ardu*, имеет очень древнее происхождение. К примеру, ещё во второй половине XIV в. до н. э. угаритский царь Никмадда в переписке с Суппилулиумом I обращается к нему при помощи формулы «*anaku ardu la samli larri rabi beliya*» – «Великий царь, мой Господин», я слуга его Величества»⁴⁶. Стоит отметить, что традиция использования на Древнем Востоке терминов, которые исследователями переводятся как «раб», по отношению к лицам, имеющим достаточно высокий социальный статус, очень древняя. Так, Н.В. Козырева, анализируя шумерский термин *ir* («раб/слуга»), встречающийся на печатях из городов Южной Месопотамии первой половины II тысячелетия, отмечает, что адекватно перевести данный термин трудно, так как «он мог использоваться как для обозначения частного раба, т. е. человека совершенно определенно рабского статуса, так и для обозначения “свободного” человека, подчиненного более высокопоставленному лицу. В таком случае этот термин мог выражать лояльность, почтение или зависимость, служебную или личную»⁴⁷.

М.А. Дандамаев полагал, что *ardu* корректней переводить как «раб», но при этом отмечал, что это слово также использовалось для обозначения зависимости в широком смысле⁴⁸. В контексте истории Ахеменидской державы важно рассмотреть использование понятия *ardu* в так называемом Сиппарском цилиндре вавилонского царя Набонида. В данном источнике идет речь о том, как будущий Кир Великий, тогда ещё только правитель Аншана, победил в битве мидийского царя Астиага и увел его в плен. Интересующий нас фрагмент, в котором фигурирует фраза «*lR-su = aradsu*» – «его *ardu*»⁴⁹, с точки зрения понимания является дискуссионным в историографии.

Суть полемики заключается в том, чтобы понять, чьим *ardu* был Кир II, о котором идет речь в тексте. М.А. Дандамаев считал, что Кир II назван рабом Астиага⁵⁰. Однако П. Бриан со ссылкой на Дж. Балсера указывает, что такое понимание данного пассажа ошибочно⁵¹. Аналогичного мнения придерживается и М. Уотерс, который полагает, что Кир был «младшим подчиненным» не Астиага, а непосредственно бога Мардука⁵². Исследователь отмечает, что идея о том, что иноземные народы предстают в виде инструмента возмездия богов, является типичным месопотамским мотивом⁵³. Однако с таким мнением также не согласен ряд исследователей⁵⁴. К примеру, Р. Крац полагает, что Кир являлся *ardu* непосредственно

⁴⁴ Вае 2001, 403

⁴⁵ Вае 2001, 413.

⁴⁶ Greenfield 1967, 117–119.

⁴⁷ Козырева 2016, 483 прим. 8.

⁴⁸ Дандамаев 1974, 54–59.

⁴⁹ Kratz 2002, 48.

⁵⁰ Дандамаев 1985, 270 прим. 9.

⁵¹ Briant 2002, 879. К слову, А.И. Иванчик отмечает, что во французском издании компендиума П. Бриана имеется противоречие, которое заключается в том, что в одном месте автор принимает мнение М.А. Дандамаева, а в другом напротив отрицает его. (Иванчик 2000, 175 прим. 3).

⁵² Waters 2017, 67.

⁵³ Waters 2017, 67.

⁵⁴ Одни исследователи считают, что Кир был *ardu* Набонида, другие – Мардука, третьи – Астиага, а четвертые и вовсе полагают, что непосредственно мидийцев, которые упоминаются в тексте как *lúUmm n-man-da*. Подробнее об этом см.: Kratz 2002, 148.

мидийцев, однако отмечает, что таким образом Кир все равно представал в виде «вассала», деятельность которого была направлена на благо вавилонских богов и царей⁵⁵. Необходимо отметить, что данный вопрос очень спорный и, к примеру, в «Чикагском словаре аккадского языка» дается перевод, согласно которому Кир II все-таки был подчиненным Астиага⁵⁶. В свою очередь, в «Кембриджской истории Ирана» Кир II представлен как *ardu* Мардука, имеющий незначительную армию, что, по мнению авторов, немаловажно, так как описывает ситуацию, когда силы серьезного противника были повержены по воле Мардука, интересы которого представляет сам Набонид⁵⁷. На наш взгляд, идея о том, что в произведении «Сон Набонида» Кир представал в виде орудия возмездия в руках вавилонских богов, отнюдь не безосновательна. Во-первых, она хорошо согласуется, с общей сюжетной линией источника, согласно которой боги дают возможность Набониду восстановить разрушенный мидийцами храм, во-вторых, не совсем понятно для чего Набониду указывать на наличие некой серьезной политической силы в лице Астиага, у которого есть собственные подчиненные цари или областеначальники. Кроме того, нельзя забывать, что Набонид был узурпатором власти⁵⁸ и, таким образом, представить военный конфликт между Киром и Астиагом как волю Мардука, имеющей пользу для Вавилона, могло быть вполне в духе политической пропаганды того времени. Таким образом, возникает закономерный вопрос: могли ли вавилонские писцы времен Дария I знать, что Кир Великий был представлен в «Цилиндре Набонида» как *ardu* Мардука? Мы отвечаем на этот вопрос позитивно и соответственно заключаем, что идея о том, что Кир Великий в «Цилиндре Набонида» предстает как *ardu* Мардука также согласуется с пассажем Бехистунской надписи, в котором говорится, что 23 страны стали *ardu* Дария I по воле Ахурamazды⁵⁹. То есть мы приходим к выводу, что термин *ardu* к моменту правления Дария I уже применялся по отношению к ахеменидским царям и мог ассоциировать их власть с божественной связью.

Другой интересующий нас аккадский термин *qallu*, который в Бехистунской надписи соответствует древнеперсидскому *bandakā*, когда речь идет о подчиненных Дария I, также имеет достаточно давнюю традицию употребления в Месопотамии. В VI в. до н.э. именно *qallu* чаще всего использовался в Вавилоне для обозначения рабов мужского пола⁶⁰. Этимологически термин *qallu* связан с понятиями, обозначающими «легкость», «неважность» или «неполноценность»⁶¹. М.А. Дандамаев отмечал, что в очень редких случаях *qallu* использовался в Нововавилонское время в своем старовавилонском значении, которое соответствовало слову «слуга»⁶². Однако сам отечественный иранист считал, что *qallu* является эквивалентом древнеперсидского *bandakā* и обозначает «раб»⁶³. В этой связи возникает закономерный вопрос: почему в Бехистунской надписи термин *qallu* также

⁵⁵ Kratz 2002, 148

⁵⁶ Gelb, Landsberger, Oppenheim, 1962, 546–548.

⁵⁷ Oppenheim 1985, 545–549.

⁵⁸ Д'Агостино 1995, 170.

⁵⁹ Здесь и далее мы принимаем в качестве наиболее верного перевод Ч. Пэ. (Вае 2001, 403).

⁶⁰ Kleber 2017, 101.

⁶¹ Bradley, Cartledge 2011, 8.

⁶² Dandamaev 1984, 92.

⁶³ Дандамаев 1974, 60.

нельзя перевести словом «слуга» вместо «раб». Похожим вопросом задается и М. Столпер, который, анализируя архивы Дома Мурашу, приходит к выводу, что *qallu*, как и *ardu*, в общем смысле лучше переводить с помощью слова «слуга» (*servant*)⁶⁴, так как оно имеет относительно нейтральные коннотации, нежели термин «раб» (*slave*), который обозначает значительно более низкий правовой статус отдельного взятого человека. Аналогичного мнения придерживаемся и мы, исходя из того, что русское слово «раб» имеет очень сильную негативную коннотацию и вряд ли может отражать реалии аккадо-язычного общества VI в. до н.э.

Кроме того, в аккадской версии Накши-Рустамской надписи Дария I *qallu* трижды соответствует древнеперсидскому термину *marīka*, который М.А. Дандамаев переводит как «подданный»⁶⁵. Схожего мнения придерживался и Р. Кент, считавший, что в общем смысле *marīka* обозначает человека более низкого ранга, а непосредственно в Накши-Рустамской надписи термин может быть переведен как «слуга» (*menial*)⁶⁶. При этом, если обратиться непосредственно к пассажу, где встречается термин *marīka*, то можно констатировать, что Дарий I обращается при помощи него к людям, которые могут уличить Великого царя во лжи⁶⁷, однако не должны этого делать, так как его деяния являются проявлением воли Ахурамазды (B DNb. 50–60). Кроме того, если учесть, что в эламской версии термин *marīka* (аккадское *qallu*) передается с помощью понятия *sak*, которое обычно переводится как «сын»⁶⁸ или «потомок по мужской линии»⁶⁹, то получается, что в понимании эламского переводчика Дарий I мог выступать, как символический отец для тех, кого мы также именуем *marīka* или *qallu*. Такие патерналистские нотки в поведении со стороны эламского переводчика, на наш взгляд, далеко не случайны и даже очень показательны. Именно эламские Сузы стали одним из первых столичных городов для ахеменидских царей⁷⁰, а в тексте Бехистунской надписи говорится, что эламиты трижды поднимали восстание и только на третий раз Великий царь решил послать войско на подавление мятежа⁷¹. Таким образом, можно предположить, что восстания в Эламе были подавлены менее жестоким образом, нежели в других областях империи, и именно это снисходительное отношение Дария I к эламскому народу, который многому научил персов времен Кира Великого, могло найти отражение в понятие *sak* из Накши-Рустамской надписи. Однако аккадский писец в Накши-Рустамской надписи вновь использовал *qallu*, что вполне закономерно, так как в Бехистунской надписи подробно описывается, как Дарий I с помощью войска подавил два восстания в Вавилоне и, соответственно, в очередной раз подчинил вавилонян.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем прийти к выводу о том, что эламский и аккадский термины, соответствующие древнеперсидскому *bandakā*, не могут адекватно отражать те смыслы, которые в него вкладывал Дарий I, когда обозначал покоренные страны и своих полководцев. В каждом отдельно взятом

⁶⁴ Stolper 1985, 21.

⁶⁵ Дандамаев 1974, 61.

⁶⁶ Kent 1950, 202.

⁶⁷ О понятии ложь в понимании Ахеменидов см.: Lincoln 2015, 135–144.

⁶⁸ Dandamaev, Lukonin 1989, 165; Edwards, Gadd, Hammond 1971, 665.

⁶⁹ Tavernier 2004, 17.

⁷⁰ Подробнее о царской резиденции Ахеменидов в Сузах см.: Perrot 2013.

⁷¹ О восстаниях в Эламе см.: Potts, 1999, 316–317.

случае слова, соответствующие понятию *bandakā*, отражали скорее реалии определенного народа, имеющего устоявшуюся письменную традицию и собственный длительный опыт взаимодействия с персами, который мог иметь как негативное, так и позитивное влияние. В подтверждении данного умозаключения можно отметить, что, к примеру, термин «сатрап» (*xšaθrapāvan*), который встречается в Бехистунской надписи (DB. III. 14, 54), не находит адекватного отражения в эламской версии и передается с помощью транслитерации *saksapamana*⁷² или *šakšabama*⁷³, а в аккадской версии вовсе с помощью термина *paḫātu/piḫātu*, который переводится как «областенаачальник» или «наместник» и однозначно не отражает семантические значения, вкладываемые в него персами⁷⁴. В дальнейшем авторы аккадских текстов также переймут эламский опыт, и в аккадском появится слово *ahsad(a)rapanni*, которое будет соответствовать древнеперсидскому *xšaθrapāvan*.

Несмотря на все обозначенное выше, пока нельзя однозначно сказать, какое значение имел термин *bandakā* в Бехистунской надписи, так как мы ещё не обращались непосредственно к тексту источника. Так, *bandakā* являются персы Видарна (Гидарн), Виндафарна, Ваумиса, Артавардия, Гобрий, а также мидиец Тахмасапа и армянин Дадаршиш. Все они выступают подручными Дария I, которые по велению царя отправляются подавлять восстания в тех или иных областях империи. Кроме того, *bandakā* применяется к двум непосредственным сатрапам⁷⁵ – персам Дадаршишу и Виване.

Таким образом, *bandakā* использовался для обозначения не только персов, но и представителей других этносов. Также нужно отметить, что персы Гобрий, Виндафарна и Гидарн фигурируют в числе представителей знатных персидских родов, которые были участниками заговора против Гауматы и могли рассчитывать на протекцию со стороны Дария I. Античные авторы неоднократно свидетельствуют об очень высоком политическом статусе выше обозначенных персов и об их матримониальных связях с царским родом Ахеменидов⁷⁶. На наш взгляд, их положение в вертикали власти Ахеменидской державы не дает никаких оснований именовать их рабами.

В завершение необходимо рассмотреть арамейский эквивалент словосочетания *manā bandakā*, который в тексте Бехистунской надписи, сохранившейся на папирусе IV в. до н.э., выражен посредством слова *ʾlmt*⁷⁷. К сожалению, арамейский текст Бехистунской надписи сохранился лишь фрагментарно и имеет достаточно позднее происхождение. Из-за этого нам неизвестно, какое арамейское слово заменяет словосочетание *manā bandakā* при перечислении Дарием I стран, которые стали ему подвластны. Но при этом мы знаем, что термином *ʾlmt* названы

⁷² Грантовский 1971, 322.

⁷³ Hallock 1969, 211.

⁷⁴ Э.А. Грантовский убедительно доказал, что уже в конце VIII в. до н.э. некоторые иранские имена, зафиксированные ассирийскими текстами, имели значения «хранитель власти» или «хранитель царства», «осуществляющий защиту царства» и др. Тем самым он показал, что термин «сатрап» изначально не был связан с существованием больших государств и административным делением, а приобрел соответствующее значение позднее. Подробнее: Грантовский 1971, 303–304.

⁷⁵ Строго говоря, в Бехистунской надписи только персы Дадаршиш и Вивана имеют титул сатрапов Бактрии и Арахозии соответственно.

⁷⁶ Подробнее см.: Орлов 2016, 776–784.

⁷⁷ Greenfield, Porten 1982, 62.

Гидарн, армянин Дадаршиш, Ваумиса, перс Дадаршиш, Артавардия и Вивана⁷⁸. Стоит отметить, что понятиям *kurtaš* и *māniya* в арамейской версии соответствует слово *bd*, которое обычно переводится как «раб».⁷⁹ Дж. Таверньер пишет, что в некоторых случаях *ʾlym* соответствует термину *marīka*⁸⁰, который мог обозначать поданного или слугу, но никак не раба. Р. Шмидт также считает, что *ʾlym* обозначает слугу⁸¹. С.Р. Тохтасьев отмечал, что термин *bandakā* равнозначен арамейскому *ʾlym* и «обозначает непосредственного подчиненного царя в рамках административной системы и подданных в случае с населением Тигранокерта».⁸²

Надо сказать, что термин *ʾlym* активно используется в арамейских письмах сатрапа Аршамы, которые были найдены в Египте. В этих документах *ʾlym* обозначает зависимого или служивого человека, но не раба. Так, слово *ʾlym* используется для обозначения рабочих, скульпторов и начальника гарнизона, которых Аршама лично пригласил, а также многих других людей, фигурирующих в письмах, в том числе управляющего имением Аршамы (TAD A6.3; TAD A6.4; TAD A6.9; TAD A6.11; TAD A6.12). Кроме того, человек, имеющий в письмах статус *ʾlym*, всегда однозначно стоит выше того, кто обозначается словом *bd*⁸³.

Также важно отметить саму специфику имперского арамейского языка, на котором написаны названные источники. С.В. Лёзов отмечает, что имперский арамейский как официальный письменный язык Ахеменидской империи поддерживался на высоком уровне стандартизации, прежде всего в области орфографии⁸⁴. Исходя из этого, можно предположить, что социальные термины, которые использовались писцами при составлении документов, должны были иметь достаточно строгую и однозначную семантику, чтобы адресат и адресант могли понять друг друга, несмотря на культурные различия.

Мы полагаем, что обращение *ʾlym*, которое встречается в Бехистунской надписи и эпистолярных документах, является формой сервильного обращения между людьми, социальный и политический статус которых значительно различается. Такая форма обращения наглядно демонстрирует иерархичность, существующую в любой вертикали власти.

Таким образом, исходя из анализа значений терминов *libar*, *ardu*, *qallu* и *ʾlym*, которые использовались для обозначения понятия *bandakā*, мы можем прийти к нескольким выводам. Во-первых, древнеперсидское выражение *manā bandakā*, скорее всего, отражало особый тип подчинительной связи между Великим царем и его подданными, которая базировалась на лояльности и верности, а не на сосредоточении в руках монарха безграничной власти. Во-вторых, каждый иноязычный термин, которые использовались для передачи понятия *bandakā*, имел свою, иногда тысячелетнюю, практику применения и соответственно был полисемантивен. Это особенно хорошо прослеживается на аккадском материале, где слова *ardu* и *qallu* могут обозначать как человека с очень низким социальным статусом (например, раба или слугу), так и использоваться в официальной переписке и представлять

⁷⁸ Bae 2001, 377.

⁷⁹ Bae 2001, 377.

⁸⁰ Tavernier 2001, 165.

⁸¹ Schmitt 1996, 95–101.

⁸² Тохтасьев 2013, 94.

⁸³ Folmer 1995, 270.

⁸⁴ Лёзов 2009, 501.

собой сервильную форму обращения для выражения почтения, но далеко не всегда подчинения между адресатом и адресантом. В-третьих, ни один из рассмотренных терминов не может адекватно отражать значение древнеперсидского термина *bandakā*, так как писцы зачастую руководствуются имеющейся в культуре литературной традицией, а также передают термины, выражающие социальные отношения, через призму восприятия представителей завоеванных народов, что может приводить к определенным искажениям. Подводя итог данному исследованию, надо сказать, что древнеперсидское слово *bandakā*, судя по всему, более корректно переводить посредством понятий «подвластный», «подчинённый», «поданный», но ни в коем случае не как «раб» или «слуга». При этом термины *libar*, *ardu*, *qallu* и *ʾut*, когда они выступают эквивалентом *bandakā*, также не следует переводить словом «раб», так как эти термины сами по себе имеют широкий спектр значений, способных лучше отразить социальный статус и характер подчинительной связи отдельно взятых лиц того или иного общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, В.И. 1950: Перевод персидского текста Большой, или Бехистунской надписи. В кн.: В.В. Струве (ред.), *Хрестоматия по истории Древнего мира*. Т. 1. М., 255–263.
- Грантовский, Э.А.: 1971 О распространении иранских племен на территории Ирана. В кн.: Б.Г. Гафуров (ред.), *История Иранского государства и культуры: к 2500-летию иранского государства*. М., 286–327.
- Д'Агостино, Ф.: 1995: Набонид и цилиндр Кира. *ВДИ* 2, 169–175.
- Дандамаев, М.А. 1963: Иран при первых Ахеменидах. М.
- Дандамаев, М.А. 1974: *Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н.э. (626–331 гг.)*. М.
- Дандамаев, М.А. 1985: *Политическая история Ахеменидской державы*. М.
- Дандамаев, М.А. 2013: *Ахеменидская империя. Социально-административное устройство и культурные достижения*. СПб.
- Дьяконов, И.М. 1956: *История Мидии от древнейших времён до конца IV в. до н. э.* М.
- Дьяконов, И.М. 1959: Рабовладельческие имена персидских вельмож. *ВДИ* 4, 70–92.
- Дьяконов, И.М. 2012: *История Мидии*. Баку.
- Дьяконов, М.М. 1961: *Очерк истории древнего Ирана*. М.
- Иванчик, А.И. 2000: История державы Ахеменидов: источники и новые интерпретации. По поводу публикаций: Р. Briant. *Histoire de l'Empire perse. De Cyrus à Alexandre*. Р., 1996; idem. *Recherches récentes sur l'Empire achéménide*. Lyon, 1997 (Topoi. Orient–Occident. Suppl. 1). *ВДИ* 2, 174–198.
- Козырева, Н.В. 2016: *Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н. э. – середина II тыс. до н. э.)*. СПб.
- Лёзов, С.В. 2009: Арамейские языки. В кн.: А.Г. Белов, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова (ред.), *Языки мира: Семитские языки*. Т. I: *Аккадский язык. Северозападносемитские языки*. М., 414–495.
- Меликов, Р.С. 2013: Древнеперсидские надписи. Транслитерация, перевод, глоссарий. Баку.
- Оранский, И.М. 1966: Несколько замечаний к вопросу о времени введения древнеперсидской клинописи. *ВДИ* 2, 107–116.
- Оранский, И.М. 1975: О соотношении периодизации истории языка с периодизацией памятников письменности (На материале истории иранских языков). *Вопросы языкознания* 2, 32–46.

- Орлов, В.П. 2016: Шесть знатных персов и их потомки при Дарии I: положение персидской аристократии в Ахеменидской империи. *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки*. Т. 158. Кн. 3. 776–784.
- Расторгуева, В.С., Эдельман, Д.И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 2 (b–d). М.
- Роллингер, Р., Хенкельман, В.Ф.М. 2017: Греки в Ахеменидской перспективе по данным клинописных текстов из Вавилонии и Персеполя. В кн.: О.Л. Габелко, Э.В. Рунг, А.А. Синицын, Е.В. Смыков (ред.), *IRANICA. Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н. э. – VI в. н. э.* Казань, 65–89.
- Рунг, Э.В. 2015: Имперская идея в государстве Ахеменидов. *ПИФК* 4, 196–212.
- Тохтасьев, С.Р. 2013: Graeco-Iranica из Северного Причерноморья. В кн. А.Н. Коваленко (отв. ред.) *Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник статей к 65-летию В.П. Копылова*. Ростов-на-Дону, 93–96.
- Тюрин, В.О. 1951: Социальное положение kur-taš по документам из «сокровищницы» Персеполя. *ВДИ* 3, 3–23.
- Функ, Б. 1990: Ранние связи греков с державой Ахеменидов в свете древнеперсидских и античных источников. *ВДИ* 2, 3–23.
- Юсифов, Ю.Б. 1961: Термины для рабов в Мидии, Эламе и Персии середины II тысячелетия до н. э. *ВДИ* 4, 32–49.
- Бае, С.Н. 2001: *Comparative Studies of King Darius's Bisitun Inscription*. PhD Diss. Harvard University.
- Balcer, J.M. 1984: *Sparda by the Bitter Sea: Imperial Interaction in Western Anatolia*. Chico.
- Balcer, J.M. 1995: *The Persian Conquest of the Greeks 545–450 B.C.* Konstanz.
- Borbor, D. 2015: The Role of the King of Kings: An Interpretation in Historiography. In: M. Rodziewicz, M. Michalak (eds.), *In Quest of Identity Studies on the Persianate World*. Warsaw, 13–39.
- Bradley, K., Cartledge, P., 2011: *The Cambridge World History of Slavery*. Vol. 1: *The Ancient Mediterranean World*. Cambridge.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Colditz, I. 2000: *Zur Sozialterminologie der iranischen Manichäer. Eine semantische Analyse im Vergleich zu den nichtmanichäischen iranischen Quellen*. Wiesbaden.
- Dandamaev, M.A. 1984: *Slavery in Babylonia: from Nabopolassar to Alexander the Great (626–331 B.C.)*. De Kalb.
- Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. 1989: *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*. Cambridge–New York.
- Edwards, I. E. S., Gadd, C. J., Hammond, N. G. L. 1971: *The Cambridge Ancient History*. Vol. 1. Pt. 2: *Early History of the Middle East*. Cambridge.
- Eilers, W., Herrenschmidt, C. 1989: «Banda». In: *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 3. London, 682b–685a.
- Folmer, M.L. 1995: *The Aramaic Language in the Achaemenid Period: A Study in Linguistic Variation*. Leuven.
- Frye, R.N. 1984: *The History of ancient Iran*. München.
- Gelb, I. J., Landsberger, B., Oppenheim, A. L. 1962: *The Assyrian Dictionary*. Chicago.
- Gerschevitch, I. 1948: Rev.: Cameron G.G. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948. *Asia Majo* 2, 139–142.
- Greenfield, J.C., Porten, B. 1982: *The Bisitun inscription of Darius the Great. Aramaic Version. Text, Translation and Commentary*. London.
- Greenfield, J.C. 1967: Some aspects of treaty terminology in the Bible. In: *Proceedings of the Fourth World Congress of Jewish Studies: Papers*. Vol. 1. Jerusalem, 117–119.
- Hallock, R.T. 1969: *Persepolis Fortification Tablets*. Chicago.

- Hinz, W. 1976: *Darius und die Perser. Eine Kulturgeschichte der Achämeniden*. Baden-Baden.
- Kent, R.G. 1950: *Old Persian: Grammar, Text, Lexicon*. New Haven–Conn.
- Khačikjan, M. 1998: *The Elamite language*. Roma.
- Kleber, K. 2017: Neither Slave nor Truly Free: The Status of the Dependents of Babylonian Temple Households. In: L. Culbertson (ed.), *Slaves and Households in the Near East*. Chicago.
- Kratz, R. 2002: From Nabonidus to Cyrus. In: A. Panaino, G. Pettinato (eds.), *Ideology as Intercultural Phenomena*. Milano.
- Lincoln, B. 2015: Representing the Lie in Achaemenian Persia. In: Ph. Swennen (eds.), *Démons iraniens. Actes du colloque international à l'occasion des 65 ans de Jean Kellens*. Liège, 135–144.
- Missiou, A. 1993: ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The Politics of Translation. *CQ* 43.3, 377–391.
- Mitchell, C. 2015: Achaemenid Persian Concepts Pertaining to Covenant and Haggai, Zechariah and Malachi. In: R. Bautch, G.N. Knoppers (eds.), *Covenant in the Persian Period*. Winona Lake, 291–306.
- Oppenheim, A.L. 1985: The Babylonian Evidence of Achaemenid Rule in Mesopotamia. In: I. Gershevitch (ed.), *The Cambridge History of Iran*. Vol. 2: *The Median and Achaemenian Periods*. Cambridge, 529–587.
- Perrot, J. 2013: *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. London.
- Potts, D.T. 1999: *The Archaeology of Elam: Formation and Transformation of an Ancient Iranian State*. Cambridge.
- Sato, S. 1974: Miscellanea on the Achaemenid Empire. *ORIENT: The Society for Near Eastern Studies in Japan (Nippon Oriento Gakkai)* 10, 21–30.
- Schmitt, R. 1991: *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great: Old Persian Text. Corpus Inscriptionum Iranicarum*. London.
- Schmitt, R. 1996: Bemerkungen zu dem sog. Gadatas-Brief. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 112, 95–101.
- Schmitt, R. 2009–2010: *Bisitun iii: Darius's Inscriptions*, <http://www.iranica.com/articles/bisitun-iii>.
- Skjærvø, P.O. 2005: The Achaemenids and the Avesta. In: J. Curtis, S. Stewart (eds.), *The Birth of the Persian Empire*. London–New York, 52–84.
- Skjærvø, P.O. 2016: *An Introduction to Old Persian*, <https://sites.fas.harvard.edu/~iranian/OldPersian/opcomplete.pdf>
- Stolper, M.W. 1985: *Entrepreneurs and Empire. The Murašû Archive, the Murašû Firm, and Persian Rule in Babylonia*. Leiden.
- Tavernier, J. 2001: An Achaemenid Royal Inscription: The Text of Paragraph 13 of the Aramaic version of the Bisitun Inscription. *Journal of Near Eastern Studies* 60, 161–176.
- Tavernier, J. 2004: Some Thoughts on Neo-Elamite Chronology. *ARTA* 3, 1–44.
- Tuplin, C.J. 2010: All the King's Men. In: J. Curtis, St. J. Simpson (eds.), *The World of Achaemenid Persia*. London, 51–61.
- Vasilescu, M. 2010: GADATHC. Observații asupra unui antroponim de pe un graffito de la Romula. *Arheologia Moldovei* 23, 151–188.
- Waters, M. 2017: *Ctesias' Persica and Its Near Eastern Context*. Madison–London.
- Wiesehöfer, J. 1996: *Ancient Persia: from 550 B.C. to 650 A.D.* London–New York.

REFERENCES

- Abaev, V.I. 1950: Perevod persidskogo teksta Bol'shoy, ili Bekhistunskoy nadpisi [Translation of the Persian text of the Great or Behistun inscription]. In: V.V. Struve (ed.), *Khrestomatiya*

- po istorii drevnego mira* [Reader on the History of the Ancient World]. Vol. 1. Moscow, 255–263.
- Agostini, F.D'. 1995: Nabonid i tsilindr Kira [Nabonidus and «Cylinder of Cyrus»]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 2, 169–175.
- Bae, C.H. 2001: *Comparative Studies of King Darius's Bisitun Inscription*. PhD Diss. Harvard University.
- Balcer, J.M. 1984: *Sparda by the Bitter Sea: Imperial Interaction in Western Anatolia*. Chico: California University Press.
- Balcer, J.M. 1995: *The Persian Conquest of the Greeks 545–450 B.C.* Konstanz.
- Borbor, D. 2015: The Role of the King of Kings: An Interpretation in Historiography. In: M. Rodziewicz, M. Michalak (eds.), *In Quest of Identity Studies on the Persianate World*. Warsaw, 13–39.
- Bradley, K., Cartledge, P., 2011: *The Cambridge World History of Slavery*. Vol. 1: *The Ancient Mediterranean World*. Cambridge.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Colditz, I. 2000: *Zur Sozialterminologie der iranischen Manichäer. Eine semantische Analyse im Vergleich zu den nichtmanichäischen iranischen Quellen*. Wiesbaden.
- Dyakonov, I.M. 1956: *Istoriya Midii ot drevneyshikh vremen do kontsa 4 v. do n.e.* [History of Media from the earliest times until the end of the 4th century BC]. Moscow–Leningrad.
- Dyakonov, I.M. 1959: Rabovladel'cheskie imeniya persidskikh vel'mozh [Slave-worked estates of the Persian magnates]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 4, 169–175.
- Dyakonov, I.M. 2012: *Istoriya Midii* [History of Media]. Baku.
- Dyakonov, M.M. 1961: *Ocherk istorii drevnego Irana* [Outline of the history of ancient Iran]. Moscow.
- Dandamaev, M.A. 1963: *Iran pri pervykh Akhemenidakh* [Iran under the early Achaemenids]. Moscow.
- Dandamaev, M.A. 1974: *Rabstvo v vavilonii, VII–IV vv. do n.e* [Slavery in Babylonia in the 7th–4th centuries BC]. Moscow.
- Dandamaev, M.A. 1984: *Slavery in Babylonia: from Nabopolassar to Alexander the Great (626–331 B.C.)*. DeKalb.
- Dandamaev, M.A. 1985: *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy* [A political history of the Achaemenid Empire]. Moscow.
- Dandamaev, M.A. 2013: *Akhemenidskaya imperiya. Sotsialno-administrativnoe ustroystvo i kulturnye dostizheniya* [Achaemenid Empire. Socio-administrative structure and cultural achievements]. Saint Petersburg.
- Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. 1989: *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*. Cambridge–New York.
- Edwards, I.E.S., Gadd, C.J., Hammond, N.G.L. 1971: *The Cambridge Ancient History*. Vol. 1. Pt. 2: *Early History of the Middle East*. Cambridge.
- Eilers, W., Herrenschmidt C. 1989: «Banda». In: *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 3. London.
- Folmer, M.L. 1995: *The Aramaic Language in the Achaemenid Period: A Study in Linguistic Variation*. Leuven.
- Frye, R.N. 1984: *The History of ancient Iran*. München.
- Funk, B. 1990: Rannie svyazi grekov s derzhavoy Akhemenidov v svete drevnepersidskikh i antichnykh istochnikov [Early Relations between Greeks and the Empire of the Achaemenians in the light of Old Persian and Classical Sources]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 2, 3–23.
- Gelb, I.J., Landsberger, B., Oppenheim, A.L. 1962: *The Assyrian Dictionary*. Chicago.
- Gerschevitch, I. 1948: Rev.: Cameron G.G. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948. *Asia Major* 2, 139–142.

- Grantovskiy, E.A. 1971: O rasprostraneniі iranskikh plemen na territorii Irana [On distribution of Iranian tribes in Iran]. In: B.G. Gafurov *Istoriya iranskogo gosudarstva i kul'tury: k 2500-letiyu iranskogo gosudarstva* [History of Iranian state and culture: for the 2500th anniversary of the Iranian state]. Moscow, 286–327.
- Greenfield, J.C., Porten, B. 1982: *The Bisitun inscription of Darius the Great. Aramaic Version. Text, Translation and Commentary*. London.
- Greenfield, J.C. 1967: Some aspects of treaty terminology in the Bible. In: *Proceedings of the Fourth World Congress of Jewish Studies: Papers*. Vol. 1. Jerusalem, 117–119.
- Hallock, R.T. 1969: *Persepolis Fortification Tablets*. Chicago.
- Hinz, W. 1976: *Darius und die Perser. Eine Kulturgeschichte der Achämeniden*. Baden-Baden.
- Ivanchik, A.I. 2000: Istoriya derzhavy Akhemenidov: istochniki i novye interpretatsii. Po povodu publikatsii P. Briant. Histoire de l'Empire perse. De Cyrus à Alexandre. P., 1996; idem. Recherches récentes sur l'Empire achéménide. Lyon, 1997 (Topoi. Orient–Occident. Suppl. 1) [The history of the Achaemenid power: sources and new interpretations (Apropos of two publications: Briant P. Histoire de l' Empire perse. De Cyrus à Alexandre: Paris, Fayard, 1996; Recherches récentes sur l' Empire achéménide. Suppl. 1, Lyon, 1997).]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 2), 174–198.
- Kent, R.G. 1950: *Old Persian: Grammar, Text, Lexicon*. New Haven–Conn.
- Khačikjan, M. 1998: *The Elamite language*. Roma.
- Kleber, K. 2017: Neither Slave nor Truly Free: The Status of the Dependents of Babylonian Temple Households. In: L. Culbertson (ed.), *Slaves and Households in the Near East*. Chicago.
- Kozyreva, N.V. 2016: *Ocherki po istorii yuzhnoy Mesopotamii perioda ranney drevnosti (VII – seredina II tys. do n. e.)* [Studies in the History of Southern Mesopotamia in Early Antiquity (from the 7th to the middle of the 2nd millennium BC)]. Saint Petersburg.
- Kratz, R. 2002: From Nabonidus to Cyrus. In: A. Panaino, G. Pettinato (eds.), *Ideology as Intercultural Phenomena*. Milano.
- Lincoln, B. 2015: Representing the Lie in Achaemenian Persia. In: Ph. Swennen (eds.), *Démons iraniens. Actes du colloque international à l'occasion des 65 ans de Jean Kellens*. Liège, 135–144.
- Lyesov S.V. 2009: Arameyskie yaziki [Aramaic languages]. In: A.G. Belov, L.E. Kogan, S.V. Loesov, O.I. Romanova (eds.), *Yaziki mira: Semitskie yaziki*. T. 1: *Akkadskiy yazik. Severozapadnosemitskie yaziki* [Languages of the World: The Semitic Languages. Vol. 1. Akkadian. Northwest Semitic]. Moscow, 414–495.
- Melikov, R.S. 2013: *Drevnepersidskie nadpisi. Transliteratsiya, perevod, gloassiriy* [Old Persian inscriptions. Transliteration, translation, glossary]. Baku.
- Missiou, A. 1993: ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The Politics of Translation. *Classical Quarterly* 43.3, 377–391.
- Mitchell, C. 2015: Achaemenid Persian Concepts Pertaining to Covenant and Haggai, Zechariah and Malachi. In: R. Bautch, G.N. Knoppers (eds.), *Covenant in the Persian Period*. Winona Lake, 291–306.
- Oppenheim, A.L. 1985: The Babylonian Evidence of Achaemenid Rule in Mesopotamia In: I. Gershevitch (ed.), *The Cambridge History of Iran*. Vol. 2: *The Median and Achaemenian Periods*. Cambridge, 529–587.
- Oranskiy, I.M. 1966: Neskol'ko zamechaniy k voprosu o vremeni vvedeniya drevnepersidskoy klinopisi [A few remarks on the date of introduction of ancient Persian cuneiform]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 2, 107–116.
- Oranskiy, I.M. 1975: O sootnoshenii periodizatsii istorii yazika s periodizatsiyey pamyatnikov pis'mennosti (Na materiale istorii iranskikh yazikov) [On the correlation between the

- periodization of the history of a language and written records. (On the base of history of Iranian languages)]. *Voprosy Yazykoznaniiya* [Topics in the study of language] 2, 32–46.
- Orlov, V.P. 2016: Shest' znatnykh persov i ih potomki pri Darii I: polozhenie persidskoy aristokratii v ahemenidskoy imperii [Six noble Persians and their descendants under Darius I: The position of the Persian nobility in the Achaemenid Empire]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series] 158.3, 776–784.
- Perrot, J. 2013: *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. London.
- Potts, D.T. 1999: *The Archaeology of Elam: Formation and Transformation of an Ancient Iranian State*. Cambridge.
- Rastorgueva, V.S., Edel'man, D.I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazikov* [The Etymological dictionary of the Iranian languages]. Vol. 2 (b–d). Moscow.
- Rollinger, R., Khenkelman, W.F.M. 2017: Greki v Akhemenidskoy perspective po dannim klinopisnokh tekstov iz Vavilonii i Persepolya [New observations on “Greeks” in the Achaemenid empire according to cuneiform texts from Babylonia and Persepolis]. In: O.L. Gabelko, E.V. Rung, A.A. Sinitsyn, E.V. Smykov (eds.), *IRANICA: iranske imperii i greko-rimskiy mir v VI v. do n.e. – VI v. n.e.* [IRANICA: Iranian Empires and Greco-Roman World from the 6th Century BC to the 6th Century AD]. Kazan, 65–89.
- Rung, E.V. 2015: Imperskaya ideya v gosudarstve Ahemenidov [The idea of empire in the state of the Achaemenids]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 4, 130–140.
- Sato, S. 1974: Miscellanea on the Achaemenid Empire. *ORIENT: The Society for Near Eastern Studies in Japan (Nippon Oriento Gakkai)* 10, 21–30.
- Schmitt, R. 1991: *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great: Old Persian Text. Corpus Inscriptionum Iranicarum*. London.
- Schmitt, R. 1996: Bemerkungen zu dem sog. Gadatas-Brief. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 112, 95–101.
- Schmitt, R. 2009–2010: *Bisitun iii: Darius's Inscriptions*, <http://www.iranica.com/articles/bisitun-iii>.
- Skjærvø, P.O. 2005: The Achaemenids and the Avesta. In: J. Curtis, S. Stewart (eds.), *The Birth of the Persian Empire*. London–New York, 52–84.
- Skjærvø, P.O. 2016: *An Introduction to Old Persian*, <https://sites.fas.harvard.edu/~iranian/OldPersian/opcomplete.pdf>.
- Stolper, M.W. 1985: *Entrepreneurs and Empire. The Murašû Archive, the Murašû Firm, and Persian Rule in Babylonia*. Leiden.
- Tavernier, J. 2001: An Achaemenid Royal Inscription: The Text of Paragraph 13 of the Aramaic version of the Bisitun Inscription. *Journal of Near Eastern Studies* 60, 161–176.
- Tavernier, J. 2004: Some Thoughts on Neo-Elamite Chronology. *ARTA* 3, 1–44.
- Tjurin, V.O. 1951: Sotsial'noe polozhenie kur-taş po dokumentam iz “sokrovishchnitsi” Persepolya. [The social status of kur-taş according to Persepolis treasury tablets]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 3, 21–39.
- Tokhtasyev, S.R. 2013: Graeco-Iranica iz Severnogo Prichernomor'ya [Graeco-Iranica from the northern Black Sea region]. In: A.N. Kovalenko (ed.), *Prichernomor'e v antichoe i rannesrednevekovoe vremya. Sbornik statey k 65-letiju V.P. Kopylova* [Black Sea region during the antiquity and early medieval times. Studies presented to V.P. Kopylov's 65th birthday]. Rostov-on-Don, 93–96.
- Tuplin, C.J. 2010: All the King's Men. In: J. Curtis, St. J. Simpson (eds.), *The World of Achaemenid Persia*. London, 51–61.

- Vasilescu, M. 2010: GADATHC. Observații asupra unui antroponim de pe un graffito de la Romula. *Arheologia Moldovei* 23, 151–188.
- Waters, M. 2017: *Ctesias' Persica and Its Near Eastern Context*. Madison. London.
- Wiesehöfer, J. 1996: *Ancient Persia: from 550 B.C. to 650 A.D.* London–New York.
- Yusifov, Yu. B. 1961: Termini dlya rabov v Midii, Elame i Persii seredini II tisyacheletiya do n.e. [Terms for slaves in the Media, Elam and Persia of the middle of the II millennium BC.]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 4, 32–49.

PERSIAN ARISTOCRACY IN THE ACHAEMENID EMPIRE:
SOCIAL STATUS (ON THE MEANING OF THE TERM BANDAKĀ)

Vasiliy P. Orlov

Kazan Federal University, Kazan, Russia
777warlock777@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the meaning of the word bandakā, which occurs in the Behistun inscription of Darius I. The issue of the correct way to translate the word bandakā has not been resolved among the historians. This term encounters in the Old Persian version of the Behistun inscription in the phrase manā bandakā. Initially the definition manā bandakā was translated as 'my slave' or 'my servant'. The modern scholars tend to believe that a more correct translation is 'my subordinate' or 'my vassal'. The aim of the paper is to analyze the meaning of the phrase manā bandakā based on its equivalents, which occur in the Elamite, Akkadian and Aramaic versions of the Behistun inscription. The author concludes that an address of the king to his subordinates testifies to their high social status, which was due to the direct political connection with the Persian monarch. The author argues that the phrase manā bandakā, reflected in the Elamite, scholars, often translated Akkadian and Aramaic languages, differently, that sometimes prevents us from adequate understanding of the political realities of the Achaemenid Empire.

Keywords: Achaemenids, aristocracy, Darius I, Behistun inscription, social status

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 78–93
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 78–93
© Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-78–93

ПОЛУОСТРОВ АБРАУ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

А.А. Малышев*, В.С. Батченко**

*Институт археологии РАН, Москва, Россия
maa64@mail.ru

**Институт российской истории РАН, Москва, Россия
vik-batchenko@yandex.ru

Аннотация. На фоне данных письменных источников о юго-восточной периферии Боспора, расположенной на полуострове Абрау, дана развернутая характеристика археологическим данным эпохи античности и раннего железного века, которые получены в ходе многолетних полевых археологических исследований. Показан, в частности, вклад, начиная с середины XX века, двух крупнейших экспедиций Института археологии РАН – Анапской и Новороссийской – в изучение древностей этого региона. Их деятельность является образцом многолетнего успешного сотрудничества академической и музейной науки. Несмотря на то, что расположенная в этом регионе Горгиппия является признанным лидером по числу находок эпиграфических памятников, уступая только столичному Пантикапею, история этого политического центра и его хозяйственной округи (хоры) (кон. VI в. до н.э. – перв. пол. III в. н.э.) освещены крайне неравномерно. Круг археологических источников по истории юго-восточной периферии охватывает материалы, связанные как с доколониционным (аборигенным) (VII–IV вв. до н.э.), так и с боспорским (III в. до н.э. – IV в. н.э.) периодами в истории юго-восточной периферии азиатского Боспора. Впервые систематизированы данные о многолетних исследованиях на некрополе античной Горгиппии и других погребальных памятниках полуострова Абрау. Наиболее обеспеченным материалом оказался римский период – около 1000 комплексов. Эти материалы позволяют проследить развитие этнополитической ситуации в регионе на протяжении тысячелетнего периода (VI в. до н.э. – V в. н.э.).

Ключевые слова: ранний железный век, эпоха античности, Боспорское государство, периферийный регион, некрополь, поселение, городище

С момента образования Боспорского государства его владения связаны с двумя полуостровами: Керченским в Крыму (Европейский Боспор) и Таманским

Данные об авторе: Малышев Алексей Александрович – кандидат исторических наук, заведующий отделом скифо-сарматской археологии РАН; Батченко Виктория Сергеевна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №16-600564 «Реконструкция антропогенного ландшафта периферийных районов азиатского Боспора по естественно-научным материалам и данным GPS-картирования археологических памятников».

(Азиатский Боспор). В эллинистическую эпоху границы азиатских территорий расширяются на северо-восток, в устье реки Дон (Танаис), и на юго-восток, на полуостров Абрау.

Территорию полуострова Абрау (юго-восточной периферии азиатского Боспора) образуют северо-западные отроги Большого Кавказского хребта, а с юга и запада – Черноморское побережье. В связи с этим, этот регион, с одной стороны, издавна находился на стыке культурных традиций и на перепутье этнических передвижений, а с другой – был надежно укрыт природой от внезапных вторже-

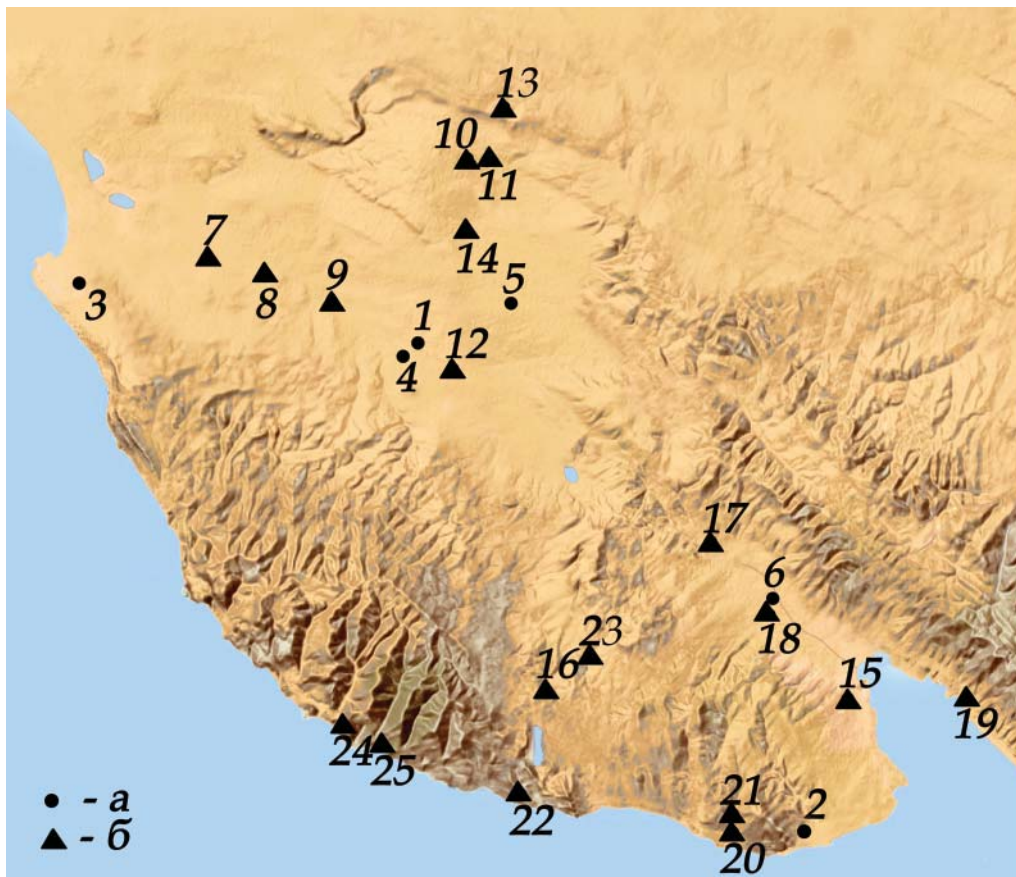

Рис. 1. Исследованные раскопками памятники аборигенной культуры на полуострове Абрау. Бытовые: 1 – Раевское г-ще (Малышев, 2003), 2 – пос. Балка (Мысхако 5) (Дмитриев, 1971; Онайко, 1972); 3 – пос. у горы Широкая (Баранюк, 2013); 4 – пос. Раевское-4 (Малышев, 2001, 2002); 5 – пос. Натухаевское-3 (Федоренко 2012); 6 – пос. Цемдолинское (Малышев, 2002). Могильники: 7 – ОПХ «Анапа», 8 – хут. Рассвет, 9 – РОС-87, курган 3; 10 – Родники-1; 11 – Родники-2; 12 – Колхозная; 13 – Даниленкова Поляна; 14 – Барашник; 15 – Астраханская; 16 – Большие Хутора; 17 – Владимировский; 18 – Цемдолина 1-2; 19 – Шесхарис; 20 – Широкая Балка; 21 – «Ивушка»; 22 – «Спутник»; 23 – Северная Озерейка (дольмены); 24 – Лобанова щель; 25 – Соленое озеро

ний. Географически выделяется две части: северная (Анапская долина), где расположена Горгиппия, и южная, занятая горными массивами с речными долинами

Несмотря на то, что Горгиппия является признанным лидером по числу находок эпиграфических памятников, уступая только столичному Пантикапею¹, история этого политического центра и его хозяйственной округи (хоры) (кон. VI в. до н.э. – перв. пол. III в. н.э.) освящены крайне неравномерно. В связи с этим, значение археологических материалов, как и для остальных регионов Боспора, традиционно очень значительно.

История исследований античных древностей юго-восточной периферии Боспора (полуострова Абрау) мозаична: это и во многом любительские по уровню раскопки XIX в., и многолетние систематические работы, и охранно-спасательные или разведочные работы в рамках одного сезона. Необходимость их систематизации назрела давно. Это позволит дать оценку созданной за длительный (с середины XIX в. по настоящее время) период базы по аборигенному населению предгорий в эпоху РЖВ, истории Горгиппии и ее хоры, а также очертить научный вклад исследователей и научных коллективов (экспедиций).

Первые данные об археологических древностях, в основном археологических достопримечательностях Анапской и Цемесской бухт, появляются в первой половине XIX в., в период присоединения Северокавказского побережья Черного моря к России. Накопление научных знаний об археологических памятниках юго-восточной периферии Боспора начинается в 1830-е гг. интенсивными раскопками погребальных сооружений, прежде всего подкурганных склепов, экспедициями под руководством А.А. Сибирского, Р.С. Байерна, В.Г. Тизенгаузена, Н.И. Веселовского при поддержке Императорской археологической комиссии (далее ИАК). Обобщающая характеристика этим работам дана в исследовании М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор»²

В 1882 г. на средства ИАК была издана составленная Е.Д. Фелицыным «Археологическая карта Кубани» – первая картографическая сводка археологических памятников. На ней античная Горгиппия (Синда) (Γοργυπλία) отмечена на месте современной Анапы, а на месте Новороссийска – Баты (Βάτα) (Strab. XI. 2. 14; Ptol. V. 8. 8), вдоль побережья отмечен ареал племен древних керкетов и торетов (Ps.-Skyl. 72–75; Strab. XI. 2. 1; Plin. NH. VI. 17).

До середины XX в. исследования члена Московского археологического общества В.И. Сизова были основным источником по памятникам внутренних районов полуострова Абрау. Работы 1920–1930-х гг. имели разведочный формат, их результаты, как правило, оставались неопубликованными.

Ощутимый импульс был задан работами В.Д. Блаватского на Анапском (1948, 1949 гг.) и Раевском городищах (1954 г.), которые были продолжены Причерноморской (позднее – Анапской) экспедицией и Новороссийской экспедицией (далее – НАЭ) ИА АН СССР.

Наиболее широкими по охвату и результатам были исследования НАЭ ИА АН СССР под руководством Н.А. Онайко в тесном контакте с сотрудником Новороссийского исторического музея-заповедника (далее НИМЗ) А.В. Дмитриевым: они затронули бытовые (рис. 3, 4, 7, 8, 10) и погребальные памятники (рис. 3,

¹ Кругликова 1977, 28.

² Ростовцев 1925, 296–300.

11, 18) (Мысхако, Широкая Балка) полуострова Абрау. В середине 1960-х гг. Н.А. Онайко начинает активные разведочные обследования по всему полуострову Абрау. К сожалению, исследовательнице не удалось завершить их серией монографических исследований, а в книге «Архаический Торик»³ были подведены лишь самые предварительные итоги.

В 1990-е гг. НАЭ ИА РАН под руководством А.А. Малышева традиционно в тесном контакте с отделом археологии НИМЗ вела работы в южной части полуострова Абрау (рис. 1, 17, 20; 3, 10). С 1998 г. исследовательская деятельность экспедиции была перенесена на север, в Анапскую долину, базовым объектом для стационарных раскопок стало Раевское городище – единственный памятник в регионе, на котором представлены слои от энеолита до позднего средневековья.

Менее значителен ареал работ Синдской экспедиции Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской под руководством Ю.С. Крушкол, которая провела девять экспедиционных сезонов (1963–1966, 1968–1972 гг.) в западной части Анапской долины (рис. 1, 8; 2, 6; 3, 1).

В связи с интенсивным хозяйственным освоением территории региона в начале 1970-х гг. ежегодные разведочные и охранно-спасательные работы ведет экспедиция НИМЗ (А.В. Дмитриев): в 1980-х гг. ей были охвачены объекты Раевской оросительной системы (1984–1987 гг.), в 1990-х гг. – это, прежде всего, Мысхаковский археологический комплекс (1990–1993 гг.).

Вне всякого сомнения, обследования А.И. Салова в составе Анапской археологической экспедиции РАН (1971–1981 гг.) и экспедиции НИМЗ под руководством А.В. Дмитриева положили начало сплошному обследованию по выявлению и фиксации археологических памятников полуострова Абрау, которые проводятся в рамках общегосударственных мероприятий по учету и составлению сводов археологических памятников с начала 1990-х гг.

В связи с расширением масштабов хозяйственной деятельности в регионе последние десятилетия в разведочных и охранно-спасательных работах участвуют экспедиции не только ИА РАН и НИМЗ⁴, но и других профильных организаций, прежде всего Краснодарского края (ЮРЦАИ, НАО «Наследие Кубани» и др.). Результаты исследований очерчены в разделах, посвященных археологии Горгиппии, бытовым и погребальным памятникам эпохи РЖВ полуострова Абрау, а также хоры Горгиппии.

АРХЕОЛОГИЯ ГОРГИППИИ

Исследования культурного слоя Анапского городища были начаты в 1927 г. экспедицией НИИ археологии и искусствознания РАНИОН под руководством А.С. Башкирова. С.Ф. Войцеховским выявлен и описан античный культурный слой Горгиппии, который прослежен на протяжении 210 м. К сожалению, утрачены материалы о результатах работ Г.Ф. Чайковского в 1928 г. на котловане гостиницы «Пятилетка» (ныне – «Анапа»).

³ Онайко 1980.

⁴ В последние десятилетия экспедиционные исследования отдела археологии НИМЗ проводятся под руководством А.В. Шишлова.

В основе систематических стационарных исследований на Анапском городище, в которых традиционно участвуют несколько научных партнеров, работы 1949 г. В.Д. Блаватского на городище (гостиница «Пятилетка») и некрополе Горгиппии⁵

В 1954 г. отряд Синдской экспедиции ИИМК АН СССР начинает первые масштабные исследования горгиппийского некрополя в котловане кинотеатра «Родина»; полевые исследования на протяжении трех полевых сезонов проводились при поддержке Анапского краеведческого музея (далее – АКМ), они позволили пополнить утраченные в годы войны археологические фонды.

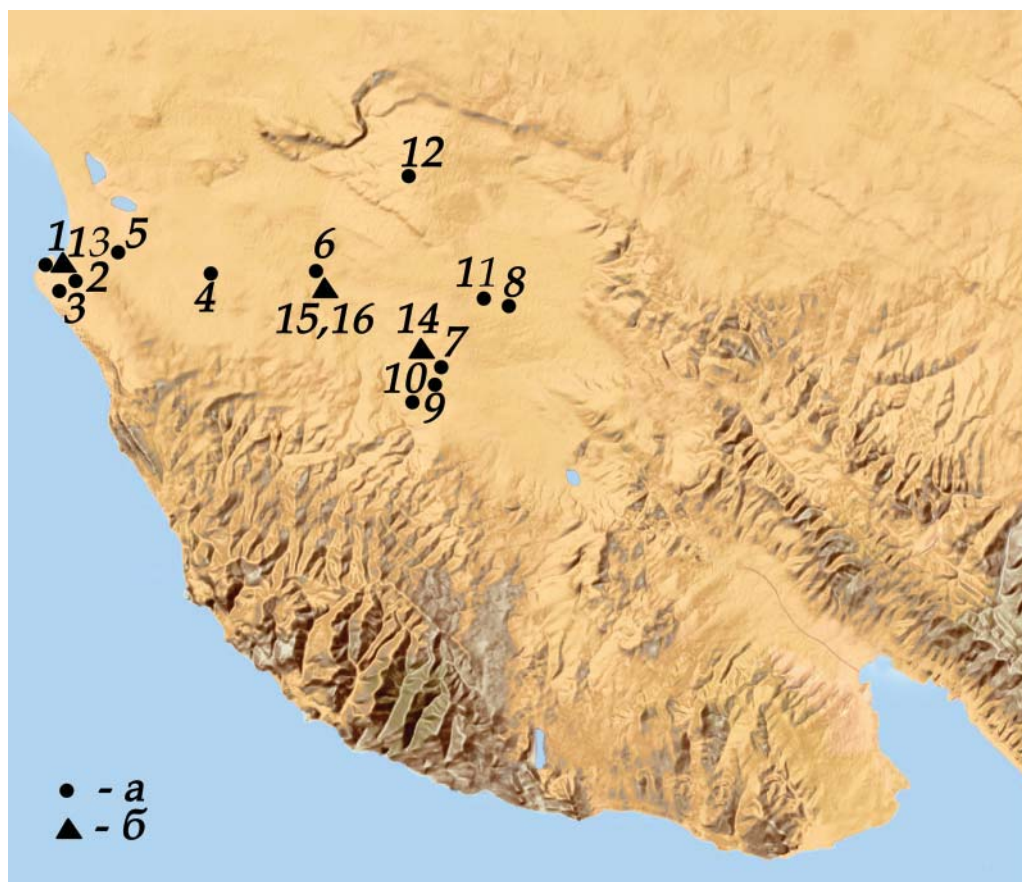

Рис. 2. Исследованные памятники эллинистической эпохи на полуострове Абрау. Бытовые: 1 – Горгиппия; 2 – пос. Андреевская Щель (Новичихин, 1991, 1992; Малышев, 2004; 2005); 3 – усадьба «Виноградник» (Иванов, 2015); 4 – пос. Усатова Балка-3 (Коваленко, 2011); 5 – пос. Анапское (Савостина, Калашников, 1978; Калашников, 1979–1081); 6 – пос. у хут. Рассвет (Крушкол, 1964–1972); 7 – Раевское г-ще (Онайко, 1955–1963; Малышев, 2002–2005); 8 – пос. Помидоры-1–4 (Демичев, 2012); 9 – пос. Раевское-4 (Малышев, 2002); 10 – пос. Раевское-7 (Малышев, 2001, 2002); 11 – пос. Натухаевское-3 (Колпакова, 2007, 2008); 12 – пос. урочище Самойленко. Некрополи: 13 – Горгиппия; 14 – Раевский; 15 – РОС-87, курган 1 (склеп); 16 – РОС-87, курган 2.

⁵ Блаватский 1951, 245–248.

Данные о топографии античного города были получены благодаря раскопкам в прибрежной зоне (раскоп «Берег»), в котлованах гостиниц и пансионатов, в частности, упомянутой выше гостиницы «Пятилетка» (ныне «Анапа»). Открытые в 1959 г. И.В. Поздеевой античные строительные остатки на территории Анапского горкома заложили основу крупнейшему раскопу на протяжении трех десятилетий, за которым закрепилось символическое название «Город», а также привело к созданию Анапской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством И.Т. Кругликовой⁶. На площадях раскопа вдоль широкой, замощенной массивными песчаниковыми плитами дороги были открыты остатки сооружений городских усадеб.

Представление о топографии раскопов на некрополе Горгиппии можно получить по их названиям: они соответствуют улицам современной Анапы (табл. 2).

Сезон 1973 г. для Анапской экспедиции под руководством Е.М. Алексеевой был отмечен широкомасштабными охранно-спасательными археологическими работами как в самом городе, так и в его окрестностях. Городские объекты – котлованы под строящиеся гостиницы и пансионаты («Пансионат», «Анапа», «Кубань», «Океан» и др.). Особое значение имеют исследования на территории пансионата «Океан» (1980, 1989–1990 гг.), где выявлены культурные отложения архаического времени.

Пожалуй, одним из самых ярких и значимых событий в изучении Горгиппии стало открытие в 1975 г. античных склепов римского времени. Во многом это повлияло на появление в 1977 г. постановления Совета Министров РФ об организации музея-заповедника «Горгиппия» площадью 1,6 га. В его основе знаменитый квартал римского времени на раскопе «Город», получивший теперь название «Заповедник». Реставрация и консервация выявленных здесь объектов проводилась силами экспедиции Краснодарского музея-заповедника под руководством А.С. Шавырина.

В 1999 г. Анапская археологическая экспедиция ИА РАН провела последний сезон, в дальнейшем охранно-спасательные работы перешли к НАО «Наследие Кубани». Наиболее масштабные исследования, проведенные совместно с Восточно-Боспорской экспедицией ИА РАН в 2006 г., позволили уточнить северо-восточную границу некрополя в V в. до н.э. и планировку Горгиппии южнее построек, выявленных на «Заповеднике».

Некоторые итоги исследований Горгиппии и ее хоры было подведены в монографии Е.М. Алексеевой «Античный город Горгиппия» (1997 г.), основные вехи в исследовании этого центра очерчены на страницах издания «Античная Горгиппия: история, исследования и исследователи»⁷ опубликованной по материалам интернет-сайта⁸. В настоящий момент особенно ошутима необходимость систематизации и обработки материалов обширного городского некрополя с VI в. до н.э. по V в. н.э. (табл. 2): к настоящему моменту исследовано более 700 погребальных комплексов, из которых введено в научный оборот не более сотни.

До сих пор остается дискуссионным вопрос о местоположении греческого населенного пункта Баты (Strab. XI. 2. 14; Ptol. V. 8. 8). Со времен посещения бух-

⁶ В 1960 г. Анапский отряд Причерноморской (Анапско-Керченской) экспедиции ИА АН СССР, а с 1963 г. Анапская, совместно с АКМ экспедиция ИА РАН.

⁷ Малышев, Новичихин, Жеребятёв, Королева, Моор 2017.

⁸ <http://gorgippia-antiqua.ru>

ты Э. Тетьбу-де-Мариньи, который отметил в пределах Новороссийска развалины древних строений, данные, в том числе и ландшафтные, серьезного археологического подтверждения локализация Баты-гавани на северо-западном побережье Цемесской бухты до сих пор не получили. Думается, что это неслучайно: отмечая гораздо более выгодное положение Анапы, автор весьма скептически отнесся к возможностям этой гавани и перспективам транзитных сообщений через Цемесскую долину⁹.

Не исключено, что расположенные на побережье памятники античного времени, в том числе и на берегах Цемесской бухты, оказались подтоплены в результате подъема уровня моря, а культурный слой был уничтожен волноприбойной эрозией. Это подтверждается находками античной керамики, полученными при очистке Цемесской бухты¹⁰.

Больше определенности с локализацией поселения Бата-деревня, которую связывают с поселением Мысхакского археологического комплекса. Систематические исследования были начаты Н.А. Онайко и А.В. Дмитриевым в конце 1970-х гг. Они выявили на памятнике материалы, датируемые эпохой бронзы, ранне-римского и римского времени, и развитого средневековья (рис. 3, 11; табл. 3).

ИССЛЕДОВАНИЯ ХОРЫ ГОРГИППИИ

Представления об ареале ближней хозяйственной периферии (хоры) боспорского центра – Горгииппии на полуострове Абрау¹¹ сформировались во многом благодаря результатам систематических разведочных обследований А.И. Салова в 1970 – начале 1980-х гг. Раскопки на поселениях ближней хоры были начаты в 1990-е гг. (рис. 2, 2), однако удельный вес изученных эллинистических поселений-усадоб горгииппийской хоры к выделенным по-прежнему невелик (рис. 2, 2–5). Практически не изучен эллинистический некрополь ближней хоры Горгииппии к востоку и югу от города.

Одним из ярких свидетельств боспорской колонизации внутренних районов Анапской долины в эллинистическую эпоху является монументальный комплекс с перистильным двором на Раевском городище¹² (рис. 2, 7). В удобных для земледелия местах долин рек Бедричка (рис. 2, 4, 7) и Котлама (рис. 2, 8) выявлены «поселенческие» холмы – остатки типичных для боспорской строительной традиции сырцовых и сырцово-каменных построек.

На рубеже эр по всему полуострову Абрау получают распространение выполненные в этих традициях монументальные башнеобразные сооружения. Вслед за открытым В.И. Сизовым возле станицы Натухаевская башнеобразным зданием, археологическими раскопками была изучена целая серия подобных сооружений в Анапской (рис. 3, 1–4) и Цемесской (рис. 2, 7–9) долинах. Разведано гораздо больше – около двух десятков; все они расположены вдоль основных транспортных магистралей региона.

⁹ Тетьбу-де-Мариньи 1853, 212–213.

¹⁰ Онайко 1980, 108.

¹¹ Алексеева 1997, 150–151.

¹² До 1940-х гг. носило название Ногай-кале.

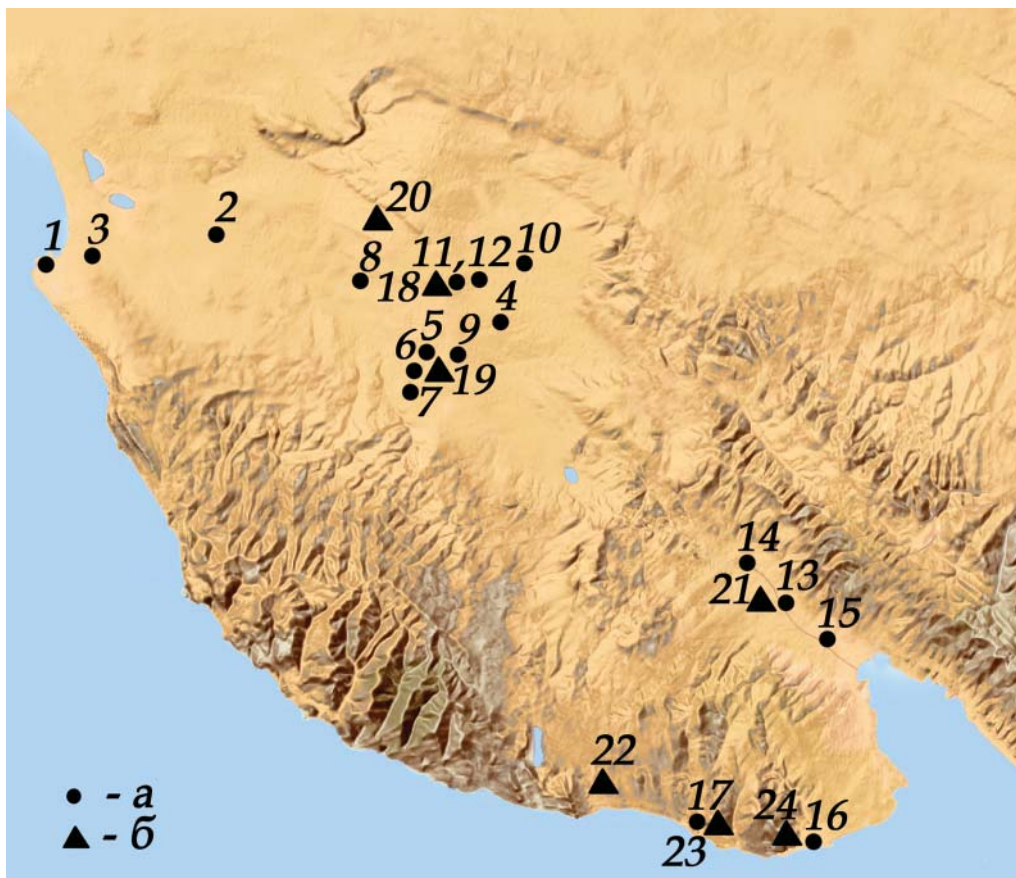

Рис. 3. Исследованные раскопками памятники римского времени на полуострове Абрау. Бытовые: 1 – Горгиппия; 2 – пос. у хут. Рассвет (Крушкол, 1964–1972); 3 – пос. Анапское (Савостина, Калашников, 1978; Калашников, 1979–1081); 4 – пос. Дубки (Малышев, 2005–2009); 5 – пос. Раевское городище (Сизов, 1886, 1887; Малышев, с 2005 г. по н.в.); 6 – пос. Раевское–4 (Малышев, 2002); 7 – пос. Раевское–7 (Малышев, 2001, 2002); 8 – пос. Раевское–12 (Малышев, 2004); 9 – пос. Раевское–13 (Малышев, 2011); 10 – пос. Натухаевское (Сизов, 1886); 11 – пос. Натухаевское–3 (Колпакова, 2007, 2008); 12 – пос. Победа–4 (Колпакова, 2007); 13 – пос. Цемдолинское (Онайко, 1978); 14 – пос. Владимировское (Онайко, 1977); 15 – пос. Цемесская Роща (Карпов, 2014); 16 – пос. Мысхако (Гей, 1990; Дмитриев, 1971, 1972, 1978, 1993, 2002; Малышев, 1996; Онайко, 1966, 1968, 1969; Савченко, 1991), 17 – пос. Широкая Балка (Онайко, 1967, 1969). Некрополи: 18 – Натухаевский-1, 19 – Раевский, 20 – Поляна Тополя; 21 – Цемдолинский; 22 – Южная Озереевка; 23 – Широкая Балка; 24 – Мысхако.

В систему коммуникаций был вписан и фортификационный комплекс на Раевском городище, которое, по словам исследователя, буквально «парит над местностью»¹³. Под защитой внешнего оборонительного контура крепости располагалась цитадель, где В.И. Сизовым были начаты исследования монументаль-

¹³ Сизов 1889, 112.

ного многоуровневого сооружения (рис. 3, 4). Несмотря на значительные утраты в результате интенсивной добычи камня в первой половине XX в., целый ряд исследованных фортификационных сооружений (цитадель, Восточная, Юго-Восточная и Южная башни) отличается редкая для боспорских фортификационных сооружений сохранность.

ИССЛЕДОВАНИЕ АБОРИГЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

С населением предгорий эпохи РЖВ традиционно связывают могильники с захоронениями в каменных ящиках, заключенных в кольцевые кладки (рис. 1, 7–10, 13–19, 21–23; табл. 1). Первое упоминание об исследовании остатков захоронения в грубом каменном ящике аборигенного (керкет-торетского) могильника (окрестности ст. Раевская) содержится в отчете Ю.А. Кулаковского (1894 г.)¹⁴. Наиболее значительные систематические исследования были проведены в западной части Анапской долины на могильнике у хут. Рассвет (рис. 1, 7, 8; табл. 1), на востоке раскопки аборигенных погребальных памятников разворачиваются в последние годы (рис. 1, 9, 10; табл. 1).

Ареал этих памятников охватывает весь полуостров Абрау. Наиболее значительный из исследованных – Владимировский могильник (рис. 1, 14; табл. 1) – расположен в верховьях Цемесской долины, в которой раскопками подтверждено наличие еще двух памятников (рис. 1, 15; табл. 1). Памятники местной погребальной культуры выявлены на всем протяжении причерноморского побережья от Цемесской бухты до долины р. Дюрсо), причем большая часть явно тяготеет к прибрежной зоне (рис. 1, 19, 21–23; табл. 1). Особо многочисленны они оказались на юго-западе полуострова Абрау, в горном ущелье Широкая балка, где традиция сооружения каменных конструкций в виде ящиков в окружении кладки сохраняется до позднеримского времени, причудливо сочетаясь с захоронениями в земляных подбойных гробницах (рис. 1, 17, 18; табл. 1; рис. 3, 17; табл. 3).

Для наиболее архаичных захоронений (эпоха бронзы и раннего железного века) характерно труположение в скорченной позе, поэтому есть основания полагать наличие преемственности с погребальными комплексами в примитивных каменных ящиках в устье рек Мысхако и Дюрсо. Раскопки показали, что в эпоху РЖВ и античное время в качестве усыпальниц интенсивно использовались дольменные комплексы долины реки Озерейка (раскопки А.П. Кононенко (1986–1987 гг.) и А.В. Дмитриева (2000 г.) (рис. 1, 20).

Параллели в могильниках автохтонного населения гор, южного берега Крыма (крымская мегалитическая культура (тавры) и предгорий, части степи и побережья, в частности, Керченского полуострова (кизил-кобинская культура) позволяют некоторым ученым высказать мнение об их кавказском происхождении¹⁵.

Подтвержденный археологическими материалами хронологический диапазон бытования – конец VII – II вв. до н.э. Предметы античного импорта начала VI в. до н.э. обнаружены в погребальных комплексах Цемесской и Анапской долин.

¹⁴ Виноградов 2009, 364.

¹⁵ Лесков 1965, 146.

Исследование аборигенной системы расселения и хозяйствования затрудняют особенности местного домостроительства, для которого типичны трудно фиксируемые археологические сооружения из турлука. Поэтому местоположение бытовых памятников выявляется, как правило, по наличию керамики РЖВ в культурном слое или в хозяйственных ямах (рис. 1, 1–6).

Особый интерес, как свидетельства греко-варварских контактов, вызывают выявленные каменные кладки на поселении эпохи архаики Балка (Мысхако 5) (рис. 1, 2) и на укрепленном поселении V–IV вв. до н.э. в верховьях реки Кума-тырь (рис. 2, 12).

Заметное возрастание античного влияния в Анапской долине, как уже отмечалось выше, происходит в III–II вв. до н.э. Засвидетельствовано расширение на восток до впадения Шум-речки в р. Масагу (рис. 2, 15) ареала склеповых трехкамерных (дромос, основная и вспомогательная камеры) захоронений. Кроме того, по всему полуострову Абрау получает распространение специфическая конструкция погребальных сооружений, «протосклепов», каменных ящиков, доступ в которые был устроен в боковой стенке через небольшой коридор-дромос. Как правило, они выявлены на аборигенных могильниках (рис. 1, 8, 11, 12, 22; табл. 1; рис. 2, 14, 16, 17; табл. 3).

Комплексы некрополя Раевского городища свидетельствуют о формировании здесь мощного этнополитического центра в эллинистическую эпоху: помимо традиции сооружения «протосклепов», засвидетельствован обычай захоронения в грунтовых ямах или подбоях по обряду, типичному для меотской культуры Прикубанья (рис. 2, 14; табл. 2).

Соседство с Прикубаньем ощутимо и в догреческий период¹⁶, однако внутрибоспорская колонизация (III–II вв. до н.э.) Анапской долины сопровождалась распространением меотского погребального обряда, что привело к вытеснению традиций аборигенного населения предгорий¹⁷. Исследования некрополей римского времени, большая часть которых расположена в южной части полуострова Абрау, позволили выявить свыше 1000 комплексов. Они показали, что, начиная с раннеримского времени, почти на всем полуострове Абрау практически безраздельно господствует обычай захоронения в грунтовых ямах или подбоях. Камень в погребальных конструкциях использовался в склеповых захоронениях Горгиипии и при сооружении ящиков и кольцевых оградок на могильниках в долинах рек Озерейка и Чухабль.

Таким образом, благодаря интенсивным разведочным и раскопочным исследованиям в научный оборот введены данные о 275 памятниках эпохи античности и раннего железного века. Круг археологических источников по истории юго-восточной периферии охватывает материалы, связанные как с доколониционным (аборигенным) (VII–IV вв. до н.э.), так и с боспорским (III в. до н.э. – IV в. н.э.) периодом в истории юго-восточной периферии азиатского Боспора (п–ва Абрау).

Раскопками исследована не больше трети из них, причем наиболее значительные по масштабам раскопки были проведены в последние десятилетия. Среди бытовых памятников наиболее значимыми (обширными по площади, сложными по горизонтальной и вертикальной стратиграфии) являются Анапское (Горгиппия) и

¹⁶ Эрлих 2002, 28–30.

¹⁷ Малышев 1995, 151–157.

Раевское городища, а также поселение Мысхако (Бата-деревня по Птолемею). На объектах этих комплексов велись и, если говорить о Раевском городище, продолжают систематические исследования.

Наряду с необходимостью продолжения систематических научно-исследовательских работ хочется отметить важность полномасштабной публикации результатов полевых работ как бытовых, так и погребальных памятников¹⁸, которая позволит дать развернутую сравнительную характеристику исторического процесса на юго-восточной периферии Боспора в широком хронологическом диапазоне.

*Приложения
Таблица 1*

Могильники аборигенного населения эпохи РЖВ

№	Памятник	Исследовано (комплексов)	Датировка	Автор раскопок	Год
Анапская долина					
1	ОПХ «Анапа»	9	VI–V вв. до н.э.	Н.А. Фролова	1981
	-«-	22	VII–V вв. до н.э.	Ю.В. Зуйков	1992–1993
2	Рассвет	8	VI–V вв. до н.э.	Ю.С. Крушкол	1958–1960
	-«-	152	-«-	В.Н. Карасев	1969–1972
3	РОС, курган 3	4	-«-	А.В. Дмитриев	1987
4	Родники-1	2	IV–II вв. до н.э.	К.А. Демичев	2013
	-«-	4	-«-	А.А. Малышев	2014
5	Родники-2	3	VI–V вв. до н.э.	А.А. Малышев	2013, 2018
6	Барашник	2	IV в. до н.э.	К.А. Демичев	2012
7	Даниленкова Поляна	1	VII–V вв. до н.э.	А.С. Клемешов	2017
8	Колхозная	1	II в.до н.э.(?)	А.А. Малышев	2009
Всего		199			
Южная часть					
1	Астраханская	1	III в. до н.э.	А.В. Дмитриев	1978
2	Большие Хутора	11	VI–V вв. до н.э.	А.В. Дмитриев	1973
3	Владимировский	193	VII–V вв. до н.э.	Н.В. Федоренко	1997, 1998, 2000
4	Ивушка	14	VI–V вв. до н.э.	А.В. Дмитриев	1994
5	Спутник	2	VI–V вв. до н.э.	А.В. Дмитриев	1984
6	Лобанова Щель	7	VI–V вв. до н.э.	А.В. Дмитриев	1984
	-«-	8	VI–II вв. до н.э.	А.А. Малышев	1990
	-«-	9	VI–II вв. до н.э.	А.В. Колпакова	2006
	-«-	15	VI–IV вв. до н.э.	А.В. Шишлов	2009
7	Соленое озеро	1	V в. до н.э.	А.А. Малышев	1990
8	Цемдолина 1	8	VI–V вв. до н.э.	А.А. Малышев	1995
9	Цемдолина 2	1	IV–III вв. до н.э.	А.А. Малышев	1995
	-«-	2	VI–II вв. до н.э.	А.В. Шишлов	2009

¹⁸ Малышев 2007, 2009, 2010, 2011.

10	Шесхарис	17	VI–V вв. до н.э.	А.В. Дмитриев	1973
11	Широкая Балка	4	III–II вв. до н.э.	Н.А. Онайко	1967, 1969
Всего		283			

Таблица 2

Некрополь античной Горгииппии

№	Памятник	Исследовано (комплексов)	Датировка	Автор раскопок	Год
1	ул. Новороссийская	1	III в. до н.э.	В.Д. Блаватский	1949
	-»-	11	I–III вв. н.э.	Н.Д. Нестеренко	1982
2	к/т Родина	110	III до н.э. – II в. н.э.	И.В. Поздеева	1954–1956
	-»-	15	III в. до н.э. – III в. н.э.	Е.М. Алексеева	1999
3	ул. Астраханская	26	III в. до н.э. – III в. н.э.	И.Т. Кругликова, Г.А. Цветаева	1963–1964
	-»-	67	V до н.э. – II в. н.э.	Е.М. Алексеева	1979
	-»-	10	I–II в. н.э.	Г.Ф. Шевченко	2003
4	ул. Протапова	69?	I до н.э. – II в. н.э.	И.Т. Кругликова	1965, 1970, 1971
	-»-	79	II до н.э. – III в. н.э.	Т.М. Смирнова	1974–1975
5	Перекресток ул. Протапова и Ленина	12	I до н.э. – III в. н.э.	Т.С. Тихонова	2006
6	ул. Кубанская	10	V в. до н.э.	А.И. Салов	1969
7	ул. Терская	134	II до н.э. – III в. н.э.	Е.М. Алексеева, Т.М. Смирнова, Н.Д. Нестеренко, Т.С. Тихонова, Т.В. Леванова	1974, 1975, 1980, 1991, 1992, 1993
	-»-	2	I–III вв. н.э.	А.М. Новичихин	1999
	-»-	17	III до н.э. – III в. н.э.	Т.С. Тихонова	2002
	-»-	10	I–II вв. н.э.	Г.Ф. Шевченко	2003
	-»-	16	IV до н.э. – III в. н.э.	Т.С. Тихонова	2004
8	Перекресток ул. Ленина и Ки- рова	7	V в. до н.э.	Т.С. Тихонова	2006
9	ул. Горького	48	I–II в. н.э.	Е.М. Алексеева	1975, 1976, 1978, 1979
10	Горпарк	27	V в. до н.э. – III в. н.э.	Е.М. Алексеева	1981
	-»-	5	II–III вв. н.э.	Н.Д. Нестеренко	1982
11	к/т Победа	38	I–III вв. н.э.	Н.Д. Нестеренко	1987
12	-»-	5	I–II вв. н.э.	М.Ю. Вахтина	2012
Всего		717			

Таблица 3

Могильники античного времени (III в. до н.э. – V в. н.э.)

№	Памятник	Исследовано (комплексов)	Датировка	Автор раскопок	Год
Анапская долина					
1	Натухаевский-1	13	V–VI вв. н.э.	А.В. Шишлов	2004
	-«-	44	II–III вв. н.э.	А.В. Колпакова	2008
2	Раевский	99	кон. III в. до – I в. до н.э.	А.В. Дмитриев	1984–1985
	-«-	1	II в. до н.э.	А.А. Малышев	1998
	-«-	11	I–III вв. н.э.	В.С. Батченко	2016
3	РОС, курган 1-2	1	III–II вв. до н.э.	А.В. Дмитриев	1987
4	Колхозная	1	II в. до н.э. (?)	А.А. Малышев	2009
5	Поляна Тополя	74	I в. н.э.	Д.Г. Баринов	2016
		243			
Южная часть					
1	Цемдолинский	88	рубеж эр – VI вв. н.э.	А.А. Малышев	1991
	-«-	12	V–VI вв. н.э.	М.Ю. Лунев	2009
2	Южная Озереевка	126	рубеж эр – VI вв. н.э.	А.В. Шишлов	1995
3	Широкая Балка	180	рубеж эр – VI вв. н.э.	А.В. Дмитриев	1979, 2001
	-«-	143	рубеж эр – VI вв. н.э.	Н.А. Онайко	1980–1982
4	Мысхако	27	I в. до н.э. – I в. н.э.	Н.А. Онайко, А.В. Дмитриев	1978, 1979
	-«-	440	рубеж эр – VI вв. н.э.	А.В. Дмитриев	1990–1991
	-«-	3	рубеж эр	А.Н. Гей, Е.И. Савченко	1990, 1991
	-«-	5	рубеж эр – II в. н.э.	А.А. Малышев	1994, 2002
Всего		1024			

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1997: *Античный город Горгиппия*. М.
Блаватский, В.Д. 1951. Разведки в Анапе. *КСИИМК XXXVII*, 245–248.
Виноградов, Ю.А. 2009: Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского В кн.: Е.Н. Носов, А.Е. Мусин (ред.), *Императорская археологическая комиссия (1859–1917)*. СПб, 248–402.
Кругликова, И.Т. 1977: *Синдская Гавань. Горгиппия. Анапа*. М.
Крушкол, Ю.С. 1970: *Древняя Синдика*. М.
Лесков, А.М. 1965: *Горный Крым в I тысячелетии до н.э.* Киев.
Малышев, А.А. (ред.) 2007: *Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя*. (Некрополи Черноморья I). М.

- Малышев, А.А. (ред.) 2009а: *Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя*. (Некрополи Черноморья II). М.
- Малышев, А.А. (ред.) 2009б: *ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау*. М.
- Малышев, А.А. (ред.) 2010: *Население архаической Синдики по материалам некрополя у хутора Рассвет* (Некрополи Черноморья III). М.
- Малышев, А.А. (ред.) 2011: *Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке*. (Некрополи Черноморья IV). М.
- Малышев, А.А. 1995: К вопросу о причерноморской локальной группе меотской культуры. *БС* 6, 151–157.
- Малышев, А.А., Жеребятьев, Д.И., Королева, С.В., Моор, В.В. 2016: *Антропогенные ландшафты полуострова Абрау в античную эпоху*. М.
- Малышев, А.А., Новичихин, А.М., Жеребятьев, Д.И., Королева, С.В., Моор, В.В. 2017: *Античная Горгиппия: история, исследования и исследователи*. М.
- Онайко, Н.А. 1980: *Архаический Торик – античный город на северо-востоке Понта*. М.
- Ростовцев, М.И. 1925: *Скифия и Боспор*. Петроград.
- Сизов, В.И. 1889: *Восточное побережье Черного моря: археологические экскурсии (Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. II)*. М.
- Тетьбу-де-Мариньи, Э. 1853: Цемесская бухта на восточном берегу Черного моря. *ЗОО-ИД* 3, 210–213.
- Эрлих, В.Р. 2002: Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе (К постановке проблемы). Ч. 1. *РА* 3, 28–30.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyy gorod Gorgippiya [The ancient city of Gorgippia]* Moscow.
- Blavatskiy, V.D. 1951: *Razvedki v Anape [Exploration in Anapa]. Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief reports of the Institute of history of material culture]* XXXVII, 245–248.
- Erlx, V.R. 2002: *Perekhod ot bronzovogo k zheleznomu веку на Северо-Западном Кавказе (K postanovke problemy)*. Ch. 1. [The transition from the Bronze to the Iron Age in the North-West Caucasus (the problem statement). Pt. 1]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 3, 28–30.
- Kruglikova, I.T. 1977: *Sindskaya Gavan'. Gorgippiya. Anapa [The Sindike Harbor. Gorgippia. Anapa]*. Moscow.
- Krushkol, Yu.S. 1970: *Drevnyaya Sindika [Ancient Sindike]*. Moscow.
- Leskov, A.M. 1965: *Gornyy Kry'm v I tysyacheletii do n.e. [Mountain Crimea in the First Millennium BC]*. Kiev.
- Malyshev, A.A. (ed.) 2007: *Yugo-vostochnaya periferiya Bospora v ellinisticheskoe vremya: po materialam Raevskogo nekropolya [The South-Eastern periphery of the Bosphorus during the Hellenistic period: Raevsky necropolis]*. (Nekropoli Chernomor'ya) [Necropolis of the Black Sea Region] I). Moscow.
- Malyshev, A.A. (ed.) 2009а: *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Cemdolinskogo nekropolya [Aspurgians in the South-East Asian Bosphorus: Tsemdolina necropolis]*. (Nekropoli Chernomor'ya) [Necropolis of the Black Sea Region] II). Moscow.
- Malyshev, A.A. (ed.) 2009b: *ABRAU ANTIQUA. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy drevnostey poluostrova Abrau [ABRAU ANTIQUA. Results of complex studies of antiquities of the Abrau Peninsula]*. Moscow.

- Malyshev, A.A. (ed.) 2010: *Naselenie arkhaiskoy Sindiki po materialam nekropolya u khutora Rassvet* [*The population of the archaic Syndike on the materials of the necropolis at the farm Rassvet*]. (Nekropoli Chernomor'ya I) [Necropolis of the Black Sea Region III]. Moscow.
- Malyshev, A.A. (ed.) 2011: *Naselenie predgoriy Severo-Zapadnogo Kavkaza v rimskuyu epokhu: po materialam nekropolya v Shirokoy Balke* [*The population of the foothills of the North-Western Caucasus in the Roman era: according to the materials of the necropolis of Shirokaya Balka*]. (Nekropoli Chernomor'ya I) [Necropolis of the Black Sea Region IV]. Moscow.
- Malyshev, A.A. 1995: K voprosu o prichernomorskoy lokal'noy gruppe meotskoy kul'tury [On the Pontic local group of the Meotian culture]. *Bosporskiy sbornik* [Bosporus collection] 6, 151–157.
- Malyshev, A.A., Zheryatyev, D.I., Koroleva, S.V., Moor, V.V. 2016: *Antropogennyye landshafty poluostrova Abrau v antichnyuyu epokhu* [*Anthropogenic landscapes of the Abrau Peninsula in ancient times*]. Moscow.
- Malyshev, A.A., Novichikhin, A.M., Zheryatyev, D.I., Koroleva, S.V., Moor, V.V. 2017: *Antichnaya Gorgippiya: istoriya, issledovaniya i issledovateli* [*Ancient Gorgippia: history, exploration and scholars*]. Moscow.
- Onayko, N.A. 1980: *Arkhaicheskyy Torik – antichnyy gorod na severo-vostoke Ponta* [*Archaic Torik, the ancient city in the Northeast of the Pontus*]. Moscow.
- Rostovtsev, M.I. 1925: *Skifiya i Bospor* [*Scythia and the Bosporus*]. Leningrad.
- Sizov, V.I. 1889: *Vostochnoe poberezh'e Chyornogo moraya* [*East coast of the Black Sea*]. *Materialy po arkheologii Kavkaza* [*Materials on the archeology of the Caucasus*] II, Moscow.
- Tetbu-de-Marini, E. 1853: *Tsemesskaya bukhta na vostochnom beregu Chernogo moraya* [*Tsemess Bay on the Eastern shore of the Black Sea*]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey* [*Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*] 3, 210–213.
- Vinogradov, Yu.A. 2009: *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i izuchenie drevnostey Bospora Kimmeriyskogo* [*Imperial archaeological Commission and the study of antiquities of the Cimmerian Bosporus*] In: E.N. Nosov, A.E. Musin (eds.), *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917)* [*Imperial archaeological Commission (1859–1917)*]. Saint Petersburg, 248–402.

THE ABRAU PENINSULA IN ANCIENT TIMES (HISTORIOGRAPHICAL ESSAY)

Aleksey A. Malyshev*, Viktoria S. Batchenko**

**Institute of Archaeology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia*
maa64@mail.ru

***Institute of Russian History, Russian Academy of Science, Moscow, Russia*
vik-batchenko@yandex.ru

Abstract. Based on the data from written sources on the Southeastern periphery of the Bosporus, located on the Abrau Peninsula, a detailed description of the archaeological data of the Antiquity and the Early Iron Age was created. These data were obtained in the course of many years of field archaeological research. In particular, the most significant is the contribution of two largest missions of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences from Anapa and Novorossiysk to the study of the antiquities of the region since the middle of the 20th century. Their work is an example of long-term successful cooperation of the academic and museum

science. The data is systematized in several modules. Despite the fact that the Gorgippia, located in this region, is a recognized leader in the number of finds of epigraphic monuments, second only to Panticapaeum, the history of this political center and its chora (the late 6th century BC to the first half of the 3rd century AD) has been investigated extremely uneven. The range of archaeological sources on the history of the Southeastern periphery covers materials related to both the pre-colonization (aboriginal) (7th to 4th centuries BC) and the Bosporus (the 3rd century BC to the 4th century AD) period in the history of the southeastern periphery of the Asian Bosporus. For the first time the data on long-term researches on the necropolis of ancient Gorgippia and other sites of the Abrau Peninsula have been systematized. The Roman period turned out to be the most informative -there are almost 1000 complexes. These materials allow us to trace the development of the ethno-political situation in the region for a thousand years (from the 6th century BC to the 5th century AD).

Keywords: Early Iron Age, Antiquity, Bosporus, periphery, necropolis, settlement, fortress

---

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-94–101

КАМЕННЫЕ ЯДРА ИЗ РАСКОПОК БЕЛИНСКОГО ГОРОДИЩА

И.А. Астахов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия
astahal@rambler.ru

Аннотация. В статье приводятся подробное описание и классификация каменных метательных ядер, обнаруженных в ходе археологических раскопок на территории Белинского городища в 1996–2017 гг. Автор опирается на типологию, предложенную Д.В. Журавлевым и Г.А. Камелиной. В соответствии с ней все обнаруженные на городище ядра делятся на четыре типа в зависимости от их веса. К первому типу относится наибольшее количество ядер (29 экз.), отличающиеся малым весом и предназначенных для метания с помощью пращи и ее производных. Ядра, относящиеся к типам 2, 3, 4, имеют больший вес и размер и предназначались для метания с помощью камнеметательных машин. Общая датировка ядер варьируется от первой четверти II до начала V в. н.э. Данные позволяют сделать ряд выводов относительно истории Белинского городища и Боспорского царства: Белинское городище, являющееся пограничной крепостью в системе обороны Европейского Боспора, подверглось вторжению варваров в период «готского нашествия» в середине III в. н.э.; каменные ядра значительных размеров позволяют сделать вывод, что при штурме использовались метательные машины, однако нет возможности установить, наступающими или обороняющимися они применялись.

Ключевые слова: археология, каменные ядра, метательные машины, праща, Боспор, Белинское городище, готское нашествие

В Северном Причерноморье (и Боспоре в частности) в античное время повсеместно применялось метательное оружие, в первую очередь праща и ее разновидности, в ходе боевых столкновений. Каменные, керамические и свинцовые ядра разного размера и веса обнаружены в слоях многих поселений, в том числе таких как Харакс¹, Пантикапей², Илурад³, Кепы⁴, Суворовское городище⁵, Фанагория⁶, Нимфей⁷ и др.⁸.

Данные об авторе: Астахов Иван Алексеевич – аспирант Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

¹ Блаватский 1951, 250–291; Журавлев 2015, 189–210; Орлов 1983, 331–332; Журавлев, Камелина 2012, 63–69.

² Сокольский 1962, 241–249; Блаватский 1947, 89–93.

³ Гайдукевич 1958, 9–148.

⁴ Сокольский 1958, 53–63; 1961, 66–72.

⁵ Блаватский 1952, 71–80.

⁶ Блаватский 1951, 135–136; Атавин 1993, 149–171.

⁷ Сокольский 1962, 243.

⁸ Винокуров 2008, 103–112; Копылов 2016, 973–981.

Белинское городище, памятник боспорской фортификации римского времени, также не стало исключением. С 1996 по 2017 гг. в ходе раскопок здесь было обнаружено 36 ядер разного размера, веса, формы и материала. Наибольшее количество снарядов (29 экз.) найдено на Северном раскопе, четыре ядра – на Южном раскопе, два ядра – Восточном раскопе и одно ядро – Центральном раскопе. Важно отметить, что из всех метательных ядер, обнаруженных на Белинском городище, только одно было за его пределами. Такое большое количество найденных ядер на Северном раскопе может указывать на активные боевые столкновения, которые велись в этом районе городища, однако это может быть связано и с тем, что северный участок является более исследованным.

Из 36 метательных ядер к 30 экз. можно применить условную датировку на основе культурного слоя, в котором они были обнаружены. Из них к самой ранней дате – первая четверть II – середина III в. н.э. – следует отнести три ядра. Периоду от третьей четверти III до середины IV в. н.э. принадлежит наибольшее количество обнаруженных ядер (14 экз.). К хронологическим рамкам от третьей четверти IV до первой половины V в. н.э. можно отнести шесть ядер. Также шесть ядер из Северного раскопа условно относятся ко второй половине III – началу V в. н.э. Три ядра имеют очень условную датировку и относятся примерно к началу IV в. н.э. Для еще четырех ядер установить датировку не представляется возможным. Материалом для изготовления метательных ядер в трех случаях выступает галька, а для 33 ядер – известняк.

Наиболее удобные классификации метательных ядер были предложены А.М. Акопяном⁹, Д.В. Журавлевым и Г.А. Камелиной¹⁰. Классификация А.М. Акопяна основывается на материале, обнаруженном при раскопках древнего Арташата на холмах I, IV, V, VII, VIII. В ее основе лежит вес ядер. А.М. Акопян выделяет пять групп: первую образуют ядра весом от 4,5 до 6 кг; вторую – от 1,8 до 3,5 кг; третью – от 0,44 до 1,8 кг; четвертую – от 0,075 до 0,35 кг; пятую – ядра, изготовленные из легких пород камней (туф, пемза), вес которых не превышает 150 г, а диаметр составляет не более 11 см.

Классификация Д.В. Журавлева и Г.А. Камелиной основывается на материале, обнаруженном при раскопках Харакса. В основе ее также лежат весовые данные. Авторами выделено пять типов метательных ядер: тип 1 – ядра от 0,056 до 0,196 кг; тип 2 – от 0,2 до 0,3 кг; тип 3 – от 0,308 до 0,498 кг; тип 4 – от 0,506 до 0,891 кг; тип 5 – от 0,909 до 2,298 кг. Эта классификация является наиболее предпочтительной для нас: в нее полностью вписываются размеры и вес метательных ядер, обнаруженных при раскопках Белинского городища. Классифицируя материал данного памятника, мы выделяем четыре типа снарядов¹¹. К первому типу принадлежит наибольшее количество метательных снарядов весом от 0,058 до 0,17 кг (29 экз.). Размер метательных ядер варьируется от 3,2 до 5,7 см. Из ядер, относящихся к первому типу, 24 были обнаружены на Северном раскопе, 2 – на Восточном, 2 – на Южном, одно ядро – на Центральном раскопе. В большинстве случаев материалом для изготовления ядер первого типа является известняк (26),

⁹ Акопян 1986, 232–237.

¹⁰ Журавлев, Камелина 2015, 189–210.

¹¹ Данные взяты из Отчетов об археологических экспедициях на Белинском городище за 2014, 2012, 2008, 2007, 2006, 2005, 2004, 2003, 2002, 2001, 2000, 1999, 1998, 1996 гг.

для трех ядер – галька. Два ядра датируются первой четвертью II – серединой III в. н.э., 10 ядер можно датировать третьей четвертью III – серединой IV в. н.э., 5 ядер относятся к третьей четверти IV – первой половине V в. н.э., 6 ядер – к периоду второй половины III – начала V в. н.э.; 2 ядра датируются приблизительно IV в. н.э. Еще четыре метательных снаряда не имеют датировки.

К второму типу, по классификации Д.В. Журавлева и Г.А. Камелиной, мы относим три ядра. Первое обнаружено на «Северном» раскопе в слое желто-коричневого суглинка, его вес 0,19 кг, диаметр 5,9 см. Материал – известняк. Ядро датируется третьей четвертью III – серединой IV в. н.э. Второе ядро обнаружено на Северном раскопе в прокопе вымостки, его вес – 0,23 кг, диаметр – 5,8 см, материал – известняк. Ядро датируется приблизительно IV в. н.э. Третье ядро обнаружено также на Северном раскопе, в слое золистей супеси. Вес – 0,3 кг, диаметр – 6,5 см. Ядро датируется третьей четвертью III – серединой IV в. н.э. Значительные размеры и вес последнего ядра позволяют отнести его к снарядам, используемым с помощью метательных механизмов для осады или обороны городища.

К третьему типу принадлежат два ядра. Первое было обнаружено на Северном раскопе в слое желто-коричневого суглинка, оно датируется третьей четвертью III – серединой IV в. н.э. Снаряд имеет вес 0,38 кг, диаметр 7,4 см. Второе ядро обнаружено также на Северном раскопе в слое желто-коричневого суглинка и датируется третьей четвертью III – серединой IV в. н.э. Вес – 0,49 кг, диаметр – 8,10 см. Данные ядра, несомненно, относятся к категории снарядов, используемых при помощи метательных механизмов.

К четвертому типу относятся два ядра, обнаруженные на Южном раскопе. Первое было найдено в яме № 94, оно датируется первой четвертью II – серединой III в. н.э. Вес – 0,55 кг, диаметр – 8,5 см. Второе было обнаружено в слое желто-коричневого суглинка, датируется третьей четвертью III – серединой IV в. н.э., имеет вес 0,6 кг, размер 9,3 см, материал – известняк. Оба ядра имеют значительный вес, что также свидетельствует о возможности их применении с помощью метательных машин.

Приложение

Таблица 1. Метательные ядра с Белинского городища¹².

№ п/п	Тип по Журавлеву и Камелиной	Год	Наименование	Место находки	Датировка	Вес (г)	Размер (см)	Материал
1	1	2014	Ядро пращи	Восточный раскоп, золистая супесь	3-я четв. IV – 1-я пол. V в. н.э.	0,076	4,1 х 4,3	Галька
2	1	2014	Ядро пращи	Восточный раскоп, золистая супесь	3-я четв. IV – 1-я пол. V в. н.э.	0,065	3,50	Известняк

¹² Коллекция ядер Белинского городища хранится в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

3	1	2012	Ядро пращи	Южный раскоп, желто-коричневый суглинок	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,07	4,00	Известняк
4	4	2011	Ядро балли-сты	Южный раскоп, желто-коричневый суглинок	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,6	9,30	Известняк
5	1	2008	Ядро пращи	Южный раскоп, серо-коричневый суглинок	1-я четв. II – сер. III в. н.э.	0,058	3,20	Известняк
6	1	2007	Ядро пращи	Центральный раскоп, золистая супесь	3-я четв. IV – 1-я пол. V в. н.э.	0,1	5,00	Известняк
7	4	2007	Ядро балли-сты	Южный раскоп, яма 94	1-я четв. II – сер. III в. н.э.	0,55	8,50	Известняк
8	2	2007	Ядро балли-сты	Северный раскоп, золистая супесь	3-я четв. IV – 1-я пол. V в. н.э.	0,3	6,50	Известняк
9	1	2006	Ядро пращи	Северный раскоп, помещение 23, желто-коричневый суглинок	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,06	3,20	Известняк
10	1	2005	Ядро пращи	Северный раскоп, помещение 12, желто-коричневый суглинок	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,072	4,10	Известняк
11	1	2004	Ядро пращи	Северный раскоп, серо-коричневый суглинок	1-я пол. II – 3/4 III в. н.э.	0,137	5,00	Известняк
12	1	2003	Ядро пращи	Северный раскоп, помещение 24	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,17	5,70	Известняк
13	3	2003	Ядро балли-сты	Северный раскоп, желто-коричневый суглинок	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,49	8,10	Известняк
14	1	2002	Ядро пращи	Северный раскоп, зола	3-я четв. IV – 1-я пол. V в. н.э.	0,06	3,30	Известняк
15	1	2002	Ядро пращи	Северный раскоп, помещение 11	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,07	4,00	Известняк
16	1	2002	Ядро пращи	Северный раскоп, помещение 11	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,065	3,70	Известняк
17	1	2002	Ядро пращи	Северный раскоп, помещение 11	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,062	3,10	Известняк
18	1	2002	Ядро пращи	Северный раскоп, помещение 17	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,085	4,60	Известняк
19	1	2001	Ядро пращи	Северный раскоп, желто-коричневый суглинок	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,075	3,90	Известняк
20	1	2001	Ядро пращи	Северный раскоп, подъемный материал	–	0,080	4,20	Известняк
21	1	2001	Ядро пращи	Северный раскоп, поздний перекоп	–	0,065	3,7 x 3,2	Галька

22	2	2000	Изделие из камня	Северный раскоп, желто-коричневый суглинок	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,19	5,90	Известняк
23	1	2000	Ядро пращи	Северный раскоп, помещение 8	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,06	3,30	Известняк
24	1	1999	Ядро пращи	Северный раскоп, поздний перекоп	—	0,075	4,20	Известняк
25	1	1999	Ядро пращи	Северный раскоп, прокоп вымостки	Прибл. IV в. н.э.	0,07	3,90	Известняк
26	2	1999	Ядро пращи	Северный раскоп, прокоп вымостки	Прибл. IV в. н.э.	0,23	5,80	Известняк
27	1	1999	Ядро пращи	Северный раскоп, поздний перекоп	—	0,063	3,40	Известняк
28	1	1999	Ядро пращи	Северный раскоп, зола	3-я четв. IV – 1-я пол. V в. н.э.	0,065	3,50	Известняк
29	3	1999	Ядро баллисты	Северный раскоп, желто-коричневый суглинок	3-я четв. III – сер. IV в. н.э.	0,38	7,40	Известняк
30	1	1998	Ядро пращи	Северный раскоп, прокоп вымостки	Прибл. IV в. н.э.	0,155	5,30	Галька
31	1	1996	Ядро пращи	Северный раскоп, «Дорога», 0,45 от дневной поверхности	2-я пол. III – нач. V в. н.э.	0,090	4,50	Известняк
32	1	1996	Ядро пращи	Северный раскоп, «Дорога», 0,45 от дневной поверхности	2-я пол. III – нач. V в. н.э.	0,138	5,00	Известняк
33	1	1996	Ядро пращи	Северный раскоп, «Дорога», 0,45 от дневной поверхности	2-я пол. III – нач. V в. н.э.	0,142	5,00	Известняк
34	1	1996	Ядро пращи	Северный раскоп, «Дорога», 0,45 от дневной поверхности	2-я пол. III – нач. V в. н.э.	0,095	4,50	Известняк
35	1	1996	Ядро пращи	Северный раскоп, «Дорога», 0,45 от дневной поверхности	2-я пол. III – нач. V в. н.э.	0,12	5,00	Известняк
36	1	1996	Ядро пращи	Северный раскоп, «Дорога», 0,45 от дневной поверхности	2-я пол. III – нач. V в. н.э.	0,1	4,50	Известняк

Таким образом, подавляющая часть обнаруженных ядер датируется III–V вв. н.э., эпохой начала Великого переселения народов, что подтверждает тезис о вторжении варваров-номадов на территорию Боспорского царства. Белинское городище, являющееся пограничной крепостью, по-видимому, именно в этот период участвовало в отражении кочевой агрессии.

Наибольшее количество ядер было обнаружено на «Северном» раскопе. Это может указывать на активные боевые столкновения, которые велись на этом участке Белинского городища. В пользу этой версии могут также свидетельствовать слабые, относительно других участков городища, следы фортификационных сооружений, обнаруженные на этом раскопе. Однако это может быть связано и с тем, что данный район городища является наиболее исследованным участком.

Среди общей массы выделяются 5 ядер значительных размеров, которые мы условно можем отнести к снарядам, предназначенным для метательных машин. Их вес варьируется от 0,3 кг до 0,6 кг. Исходя из этих данных, мы можем сделать вывод, что на территории Белинского городища либо в качестве оборонительного, либо в качестве наступательного вооружения при штурме использовались метательные машины.

ЛИТЕРАТУРА

- Акопян, А.М. 1986: Каменные ядра из Арташата. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Проблемы античной культуры*. М., 232–237.
- Атавин, А.Г. 1993: Краснолаковая керамика IV–VI вв.н.э. из Фанагории. *БС* 2, 149–171.
- Блаватский, В.Д. 1951: Каменное ядро из Фанагории. *КСИИМК XXXIX*, 135–136.
- Блаватский, В.Д. 1947: Осада и оборона в античном Причерноморье. *КСИИМК XVI*, 89–93.
- Блаватский, В.Д. 1952: Первый год работы Синдской экспедиции. *КСИИМК XLVIII*, 71–80.
- Блаватский, В.Д. 1951: Харакс. В кн.: *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. Т. I. (МИА 19), 250–291.
- Болдырев, А.В., Боровский, Я.И. 1948: Техника военного дела. В кн.: И.И. Толстой (ред.), *Эллинистическая техника*. Л.–М., 269–319.
- Винокуров, Н.И. 2008: Война на ближнем боспорском пограничье и ее последствия (по материалам раскопок городища и некрополя Артезиан в Крымском Приазовье). *БИ XIX*, 103–112.
- Гайдукевич, В.Ф. 1958: Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. В кн.: *Боспорские города*. Т. II. *Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг.* (МИА 85), 9–148.
- Журавлев, Д.В., Камелина, Г.А. 2012: Детали римского воинского снаряжения из Харакса в собрании ГИМ. В сб.: *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И.И. Гуциной*. (Труды ГИМ 191), 63–69.
- Журавлев, Д.В., Камелина, Г.А. 2015: Каменные ядра из Харакса. В кн.: В.Д. Журавлев (ред.), *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова*. М., 189–210.
- Копылов, В.П., Коваленко, А.Н. 2016: Каменные ядра из Елизаветинского городища. *ВДИ* 4, 973–981.
- Орлов, К.К. 1983: *Изучение Харакса*. (АО), 331–332.
- Сокольский, Н.И. 1962: Каменные ядра из Пантикапея. В кн.: *Пантикапей*. (МИА 103), 241–249.
- Сокольский, Н.И. 1958: Раскопки в Кепях в 1957 году. *КСИИМК* 78, 53–63.
- Сокольский, Н.И. 1961: Работы в Кепях в 1958 году. *КСИА* 83, 66–72.

REFERENCES

- Akopyan, A.M. 1986: Kamennyye yadra iz Artashata [Stone projectiles from Artashat]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Problemy antichnoy kul'tury* [Problems of ancient culture]. Moscow, 232–237.
- Atavin, A.G. 1993: Krasnolakovaya keramika IV–VI vv. n.e. iz Fanagorii [Red-lacquered ceramics of the 4th – 6th centuries AD from Phanagoria]. *Bosporskiy sbornik* [Bosporus collection] 2, 149–171.
- Blavatskiy, V.D. 1951: Kamennoye yadro iz Fanagorii [Stone projectile from Phanagoria]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief communications of the Institute of the History of Material Culture] XXXIX, 135–136.
- Blavatskiy, V.D. 1947: Osada i oborona v antichnom Prichernomor'ye [Siege and defense in the ancient Black Sea Coast]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief communications of the Institute of the History of Material Culture] XVI, 89–93.
- Blavatskiy, V.D. 1952: Pervyy god raboty Sindskoy ekspeditsii [The first year of the Sindh expedition]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief communications of the Institute of the History of Material Culture] XLVIII, 71–80.
- Blavatskiy, V.D. 1951: Kharaks [Charax]. In: *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu* [Materials on the archeology of the Northern Black Sea in ancient times]. Vol. I. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Investigations on the Archaeology of the USSR] 19), 250–291.
- Boldyrev, A.V., Borovskiy, Ya.I. 1948: Tekhnika voyennogo dela [Military technology]. In: I.I. Tolstoy (ed.), *Ellinisticheskaya tekhnika* [Hellenistic technique]. Moscow–Leningrad, 269–319.
- Vinokurov, N.I. 2008: Voyna na blizhnem Bosporskom pogranič'ye i yeye posledstviya (po materialam raskopok gorodishcha I nekropolya Artezian v Krymskom Priazov'ye) [The war in the near Bosporan frontier and its consequences (on the materials of the excavation of the Artesian ancient settlement and necropolis in the Crimean Azov Region)]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] XIX, 103–112.
- Gaydukevich, V.F. 1958: Ilurat. Itogi arkheologicheskikh issledovaniy 1948–1953 gg. [Ilurut. Results of archaeological research 1948–1953]. In: *Bosporan cities*. Vol. II. *Works of the Bosporan Mission in 1946–1953*. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR) [Materials and Investigations on the Archaeology of the USSR] 85), 9–148.
- Zhuravlev, D.V., Kamelina, G.A. 2012: Detali rimskogo voinskogo snaryazheniya iz Kharaksa v sobranii GIM [Details of the Roman military equipment from Kharaks in the collection of the State Historical Museum]. *Yevraziya v skifo-sarmatskoye vremya. Pamyati I.I. Gushchinoy. Trudy GIM* [Eurasia in the Scythian-Sarmatian time. In memory of I.I. Gushchina. (Transactions of the State Historical Museum 191), 63–69.
- Zhuravlev, D.V., Kamelina, G.A. 2015: Kamennyye yadra iz Kharaksa [Stone Projectiles from the Roman Fortress of Kharaks]. In: V.D. Zhuravlev (ed.), *S Mitridata duyet veter. Bospor I Prichernomor'ye v antichnosti. K 70-letiyu V.P. Tolstikova* [Wind blows down the mount Mithridates. The Bosporus and the Black Sea in the Antiquity. Studies Presented to V.P. Tolstikov on the occasion of his 70th Birthday]. Moscow, 189–210.
- Kopylov, V.P., Kovalenko, A.N. 2016: Kamennyye yadra iz Yelizavetinskogo gorodishcha [Stone projectiles from the Elizavetinskoe settlement]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 973–981.
- Orlov, K.K. 1983: Izucheniye Kharaksa [Studies of Charax]. *Arkheologicheskiye otkrytiya* [Archaeological discoveries] 331–332.

- Sokolskiy, N.I. 1962: Kamennyye yadra iz Pantikapeya [Stone projectiles from Panticapaeum]. In: *Pantikapey* [*Panticapaeum*]. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR) [Materials and Investigations on the Archaeology of the USSR] 103, 241–249.
- Sokolskiy, N.I. 1958: Raskopki v Kepakh v 1957 godu [1957 Excavations at Kepoi]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief communications of the Institute of the History of Material Culture] 78, 53–63.
- Sokolskiy, N.I. 1961: Raboty v Kepakh v 1958 godu [1958 Excavations at Kepoi in 1958]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 83, 66–72.

STONE PROJECTILES FROM EXCAVATIONS AT THE BELINSKOE FORTRESS

Ivan A. Astakhov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia
astaha1@rambler.ru

Abstract. The article provides a detailed description as well as the classification of stone projectiles found during the archeological excavations at the Belinskoye site in 1996–2017. The classification is the typology of stone projectiles proposed by D.V. Zhuravlev and G.A. Camelina. In accordance with the typology, all stone projectiles discovered at the site of ancient settlement are divided into four types, depending on their weight. The first type is the largest number of projectiles (29 pieces). They are of low weight, and are therefore made for throwing with the help of sling and its derivatives. Projectiles related to types 2, 3, 4 have a greater weight and size and were intended for throwing with the help of stone-throwing machines. The total dating of projectiles varies from the first quarter of the second to the beginning of the fifth century AD. The data presented in the article make it possible to draw a number of conclusions on the history of the Belinskoye fortress and the Bosporan Kingdom. Being a frontier fortress in the European Bosporan defense system, the Belinskoye settlement was invaded by the Goths in the 3rd century AD. Stone projectiles of considerable size allow us to conclude that during the assault propelling machines were used, but there is no way to determine whether they were used by attacking or defending troops.

Keywords: archaeology, stone projectiles, throwing machines, sling, Bosporus, Belinskoye settlement, the Goths

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 102–121
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 102–121
© Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-102–121

ОПЫТ МОРФОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СКЕЛЕТНЫХ ОСТАНКОВ
ПЛОХОЙ СОХРАННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНТИЧНОГО
МОГИЛЬНИКА ВОЛНА 1, ТАМАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ).
ЧАСТЬ 1

А.Н. Абрамова*, Д.В. Пежемский**

*Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
abramovasacha0902@gmail.com

**МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
pezhemsky@yandex.ru

Аннотация. В статье изложена часть результатов исследования краниологической серии очень плохой сохранности, происходящей из грунтового могильника Волна 1, который расположен близ Тамани и датируется VI–III вв. до н.э. На сегодняшний день памятник является одним из самых интересных и изученных на Азиатском Боспоре, что и предопределило скрупулезный подход к его палеоантропологическому исследованию. В результате длительной реставрационной работы удалось частично восстановить почти 80 черепов (58 мужских и 21 женский). Несмотря на неполноту и плохую сохранность данной краниологической серии, опираясь лишь на признаки лобно-теменной области мозгового отдела черепа, удалось показать, что наиболее близкими аналогиями ей являются серии черепов из некрополя Фанагории III в. до н.э. – IV в. н.э. и черепа из некрополя Кобяковского городища. Можно сделать предварительный вывод о наличии на поселении Волна 1 меотского компонента. Данное антропологическое сходство выявлено на основе попарных сопоставлений значений признаков лобно-теменной области при помощи бивариантных графиков. В ходе работы подтверждено, что данная область является достаточно информативной и может быть использована для изучения черепов плохой сохранности в сравнительном аспекте. Кроме того, в работе заостряется вопрос о методах изучения скелетных останков плохой сохранности, что чрезвычайно актуально для Юга России. В связи с повсеместной практикой перезахоронения антропологических коллекций без комплексного палеоантропологического исследования, ежегодно утрачивается огромное количество данных исторического и биологического характера. По мнению авторов, комплексный палеоантропологический подход, основанный на использовании всех методик, выработанных на сегодняшний день физической антропологией, призван обеспечить не только максимально полное исследование каждой ископаемой серии, но и помочь сохранить уникальную историческую информацию при заведомо плохой сохранности костей. Авторы настаивают на том, что последнее обстоятельство не должно приводить к отказу от комплексной палеоантропологической работы.

Данные об авторах: Абрамова Александра Николаевна – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Волгоградского государственного университета; Пежемский Денис Валерьевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ.

Ключевые слова: физическая антропология, археология, палеоантропология, краниометрия, нейрокраниум, ранний железный век, античность, Азиатский Боспор, Прикубанье

С началом нового этапа активного хозяйственного освоения Таманского полуострова, связанного со строительством транспортных путей на полуостров Крым, началось интенсивное исследование археологических памятников региона. Благодаря широкомасштабным археологическим раскопкам ведется активное исследование поселения и грунтового могильника Волна 1, расположенного близ пос. Волна в 10 км от ст. Тамань Краснодарского края. На сегодняшний день могильник – один из самых крупных и самый изученный на территории Азиатского Боспора. Памятник датируется VI–III вв. до н.э. и является уникальным как по масштабу развернувшихся работ, так и по характеру археологических находок¹.

Параллельно с археологическими исследованиями данного могильника производятся и палеоантропологические, позволяющие изучить античное население Таманского полуострова более полно. Это особенно важно с учетом того, что с точки зрения палеоантропологии население Боспорского царства практически не изучалось. Стоит отметить, что первое и последнее на сегодняшний день монографическое обобщение краниометрических данных по античному населению, проживавшему на территории современного Краснодарского края, вышло более 30 (!) лет назад². Традиция изучения краниологических особенностей жителей Прикубанья была продолжена лишь недавно М.А. Балабановой, которая отреставрировала, измерила и опубликовала большую серию черепов из раскопок могильника Старокорсунского городища № 2³.

Помимо этого, существует ряд статей, посвященных другим аспектам палеоантропологии Азиатского Боспора⁴. Обширные остеологические серии, происходящие из могильника Старокорсунского городища № 2 стали объектом специального исследования одного из авторов, которое уже нашло свое отражение в печати⁵.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Северное Причерноморье – одна из крупных географических зон, природно-климатические условия которой негативно сказываются на сохранности костной ткани и общей комплектности скелетов, получаемых в ходе археологических работ, что хорошо известно палеоантропологам⁶.

Для Краснодарского края проблема плохой сохранности ископаемых костей стоит очень остро. Особенности почвы и климата, повсеместная распашка полей, а также удобрение почвы различными химикатами плохо сказывается на, и без того плачевной, сохранности костной ткани.

Плохая сохранность скелетных останков чаще всего становится основной причиной для отказа от комплексного палеоантропологического исследования –

¹ Мимоход и др. 2017; 2018.

² Герасимова 1987.

³ Балабанова 2013.

⁴ Бстиева 2011; Перерва 2005; Громов, Казарницкий 2014; Громов и др. 2015; Свиркина и др. 2017.

⁵ Абрамова, 2017; 2018.

⁶ Konduktorova 1980; Герасимова 1975; 1987; Назарова 1990.

как со стороны организаторов археологических раскопок, так и со стороны привлекаемых к работе антропологов – при том, что эта проблема уже ставилась в литературе, а имеющийся опыт изучения скелетов плохой сохранности показывает их высокую информативность⁷. Однако, максимально успешным такое исследование может быть только в ходе использования нескольких систем признаков, что в конечном счете связано с квалификацией палеоантрополога, взявшегося за такой сложный источник. Ситуация, сформировавшаяся на Юге России с исследованием материалов плохой сохранности, приводит к тому, что мы теряем огромные пласты ценной исторической и биологической информации по целым палеопопуляциям. Единственной областью антропологических знаний, систематически пополняющейся новыми данными, остается палеодемография, так как для отчета о полевых археологических исследованиях требуются лишь половозрастные определения человеческих останков⁸.

На проблему «варварского» обращения с костными останками, получаемыми в ходе археологических работ, указывает и М.В. Добровольская, ставя в вину археологам бездумное перезахоронение ископаемых останков без попыток передать их для изучения специалисту⁹. Однако, с нашей точки зрения, не меньшая ответственность за уничтожение антропологических коллекций лежит и на самих палеоантропологах. Очень часто, изучив на предоставленных авторами раскопок скелетах интересные для самих себя системы признаков, палеоантрополог, выдав археологам необходимые им для отчета половозрастные определения, оставляет антропологическую коллекцию на произвол судьбы. Чаще всего, такая коллекция, из-за отсутствия возможности и желания ее хранить, перезахоранивается археологами, уверенными в том, что специалист-антрополог получил всю возможную информацию по этим скелетным останкам.

Еще одной проблемой, является все более частое появление в регионах с развитой охранно-спасательной археологией, особенно на Юге России, людей, без соответствующих профессиональных рекомендаций выдающих себя за антропологов, по сути таковыми не являющихся. Среди них есть археологи, считающие себя компетентными в этих вопросах, подчас – студенты, просто ознакомившиеся с методической литературой, не редко – люди с медицинским образованием, работающие в области патологической анатомии, а иногда и недоученные подопечные известных антропологов. Все они, не обладая нужными знаниями, профессиональными навыками и возможностями, выполняют для археологического отчета только определения пола и возраста, которые также вызывают сомнения у более опытных специалистов, после чего палеоантропологическая коллекция просто утилизируется. Из-за вышеперечисленных проблем мы ежегодно теряем целые пласты информации. Уничтожаются уникальные, с точки зрения истории и биологии человека, материалы. До тех пор, пока практика перезахоронения человеческих останков без комплексного палеоантропологического исследования не будет прекращена, многие вопросы происхождения и истории бытования целого ряда древних обществ так и останутся нерешенными.

⁷ Пежемский 2000.

⁸ Романова 1986; Малышев, Медникова 1995; Громов, Казарницкий 2014.

⁹ Добровольская 2016, 299.

Под комплексным палеоантропологическим исследованием мы понимаем всестороннюю анатомо-морфологическую характеристику не только черепа, но и костей посткраниального скелета – в самых разных аспектах, основанную как на измерительных, так и на описательных признаках. По сути, речь идет о применении к каждой палеоантропологической серии всех доступных на сегодняшний день инструментов познания, выработанных физической антропологией, популяционной генетикой, медициной, в том числе судебной, экологией человека и биохимией. В минимальный набор таких инструментов должны входить:

- очистка и палеоантропологическая реставрация останков;
- измерение черепа по стандартной, а не только краткой программе;
- описание степени развития макро– и микрорельефа черепа;
- фиксация системы дискретно-варьирующих признаков (анатомических аномалий);
- изучение размеров и особенностей строения зубов по одонтологической программе;
- как можно более подробное измерение и описание костей посткраниального скелета;
- фиксация анатомических аномалий костей посткраниального скелета;
- фиксация особенностей развития макро– и микрорельефа на костях;
- описание маркеров физиологического стресса;
- подробное описание, фото– и, по возможности, графическая фиксация травм и патологий¹⁰.

Одному из важнейших аспектов комплексного палеоантропологического исследования останков из могильника Волна 1, а именно – краниометрической характеристике выборки, и посвящена первая часть настоящего исследования.

Попытка применить к черепам плохой сохранности краниометрическую методику, лежащую в основе любого исследования, где рассматриваются проблемы происхождения, родства и сходства древних популяций, действительно, наталкивается на серьезные трудности. Одна только реставрация объекта изучения занимает немало времени и при этом, чаще всего, восстановлению подлежит исключительно мозговой отдел черепа (нейрокраниум). Таким образом, оказывается сложным набрать достаточную численность выборки для работы с полной краниометрической программой. Здесь стоит еще раз отметить, что систематическое и ежегодное перезахоронение палеоантропологического источника, в том числе со ссылкой на «плохую сохранность», стало уже недоброй традицией. Утилизация этого ценного исторического источника без попыток его отреставрировать и комплексно изучить приведет к тому, что накопить необходимую численность данных не удастся даже с течением длительного времени. В данном исследовании делается попытка подвергнуть краниометрическому анализу заведомо неполные с точки зрения сохранности черепа.

Конечно, приезжая в экспедицию лишь на короткое время и видя плохую сохранность костей, специалист-антрополог, чаще всего не имеет времени для полноценной реставрации черепов, а учитывая почти полное отсутствие лицевых скелетов, сознательно от нее отказывается, ограничиваясь лишь определением

¹⁰ Пежемский 2011; 2014.

пола и возраста. В результате мы имеем целый ряд палеодемографических работ по различным группам населения Азиатского Боспора и единичные кранио- и остеометрические исследования.

Кроме указанных субъективных причин утраты краниологических данных существует и объективная, лежащая в плоскости внутреннего развития популяционной морфологии человека применительно к краниометрическим признакам. Традиционно считается, что основную группоразграничительную нагрузку несет на себе лицевой отдел черепа, а нейрокраниум не обладает столь значимым дифференцирующим потенциалом. Однако, как уже говорилось, именно этот отдел черепа оказывается представлен при плохой сохранности останков или является реставрабельным. Однако, новейшие разработки по морфологии черепа человека показывают, что система измерительных признаков мозгового отдела черепа сильно недооценена¹¹. К изучению особенностей внутригрупповой и межгрупповой изменчивости нейрокраниума обращались в разные годы В.В. Бунак, Ю.Д. Беневоленская, А.П. Пестряков и Ю.К. Чистов¹². Все авторы отмечали высокие дифференцирующие возможности признаков нейрокраниума для разграничения расовых групп. В.В. Бунак, изучив вариабельность морфологических компонентов черепной коробки, даже отмечал возможность некоторых из этих признаков разграничивать не только крупные расовые стволы, но и более дробные единицы классификации – расы третьего порядка.¹³

МАТЕРИАЛЫ

Охранно-спасательные археологические раскопки грунтового могильника Волна 1 ведутся с 2016 г. несколькими археологическими экспедициями. Однако, для данного исследования использованы только скелетные останки, полученные в 2017 и 2018 гг. сотрудниками двух археологических экспедиций – ООО «Ирида», под руководством И.В. Цокур (раскопки 2017 г.), и экспедиции Института археологии РАН, под руководством Р.А. Мимохода (раскопки 2017 и 2018 гг.).

На палеоантропологическую экспертизу было передано около 700 скелетов плохой и очень плохой сохранности. Благодаря кропотливому сбору и реставрации даже из самых мелких фрагментов одному из авторов удалось отреставрировать 58 мужских и 21 женский череп. Чаще всего реставрации подлежал лишь нейрокраниум, лучше всего сохраняющийся в агрессивных почвенных условиях. Измерение этих находок по возможно более полной программе привело нас к необходимости максимально подробно описать их и разработать методы анализа по тому набору признаков, который доступен. Наиболее репрезентативные данные были получены в ходе измерения лобно-теменной области мозгового отдела черепа, по которому и было решено попытаться провести основную часть сравнительного исследования.

Таким образом, на текущем этапе работы задача ограничивалась попыткой показать возможности краниологического анализа серии только по морфометрическим признакам лобно-теменной области. При этом межгрупповой анализ был проведен с помощью простейших математических приемов.

¹¹ Пестряков, Григорьева 2003; Пестряков, Федорчук 2016; Федорчук 2017.

¹² Бунак 1927; Беневоленская 1986; 1991; Пестряков 1995; Чистов 1986.

¹³ Бунак 1959, 245.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методика краниометрического исследования, примененная в работе, соответствует принятым в отечественной физической антропологии традициям¹⁴. Измерение черепов происходило при помощи специализированного инструментария – толстотный и скользящий циркули, точность которых была проверена при помощи верификатора перед началом работы. Все морфометрические характеристики были сведены в базу данных на основе программы Excel, в которой и проведена математическая обработка в рамках одномерных статистических задач. Описательная статистика по изучаемой выборке далее была сведена в табличную форму (табл. 1). Для изучения межгрупповой изменчивости лобно-теменного отдела использовали бивариантные графики, созданные в пакете программ Statistica 7.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Абсолютные размеры мозгового отдела мужских черепов в основном характеризуются средними величинами, и только наименьшая и наибольшая ширины лба находится на границе средних и больших величин. Нейрокраниум у мужчин характеризуется средними пропорциями (мезокранией). Почти все указатели, которые удалось вычислить, описываются средними величинами, кроме лобно-поперечного, который находится на границе средних и больших значений, что говорит об относительно широкой лобной кости (табл. 1).

Нейрокраниум у женщин характеризуется долихокранией, однако, судя по пограничному значению черепного указателя, форма его близка к мезокланной. Далеко идущие выводы из разницы в строении мозгового отдела черепа у мужчин и женщин делать пока преждевременно. Абсолютные размеры мозгового отдела женских черепов в основном имеют значения на границе средних и больших величин, и только затылочные дуга и хорда характеризуются большими значениями. Малыми величинами описывается поперечный диаметр. Почти все указатели, которые удалось вычислить по столь короткой программе, можно описать, как имеющие средние значения, кроме лобно-поперечного указателя и теменно-продольного указателя, которые соответствуют большим и очень большим размерам соответственно.

Таблица 1

**Морфометрическая характеристика черепов из могильника поселения
Волна 1 (VI–III вв. до н.э.)**

Признак	Мужские черепа			Женские черепа		
	n	X	S	n	X	S
1. Продольный диаметр	28	184,5	8,1	10	175,5	2,7
8. Поперечный диаметр	34	141,9	7,4	13	132,6	5,1
8:1. Черепной указатель	24	78,1	6,2	10	74,8	2,8
9. Наименьшая ширина лба	33	97,6	3,3	18	95,2	3,5

¹⁴ Дебец 1935; Алексеев, Дебец 1964; Martin 1928.

9:8. Лобно-поперечный указатель	29	69,4	3,8	11	72,3	3,0
10. Наибольшая ширина лба	31	119,5	4,4	10	113,5	4,0
9:10. Широтный лобный указатель	30	81,7	2,9	9	82,4	2,1
12. Ширина затылка	13	106,2	4,7	9	107,4	6,4
29. Лобная хорда	45	112,0	3,3	16	109,3	3,5
30. Теменная хорда	36	113,3	4,8	12	105,8	2,6
31. Затылочная хорда	18	96,1	4,5	7	97,4	2,8
26. Лобная дуга	45	128,9	5,6	16	125,4	4,6
27. Теменная дуга	36	130,3	6,9	13	120,8	4,7
28. Затылочная дуга	17	118,9	8,5	6	115,5	4,5
29:26. Указатель изгиба лба	46	86,9	2,1	16	87,2	1,6
29:1 Лобно-продольный указатель	25	61,2	2,8	8	62,7	2,0
27:26. Дуговой теменно-лобный указатель	30	100,4	5,1	10	97,2	2,5
30:27. Указатель изгиба темени	37	87,4	2,2	12	88,5	2,3
30:1. Теменно-продольный указатель	27	61,7	2,5	9	60,4	1,6
31:28. Указатель изгиба затылка	18	82,1	2,6	6	83,4	2,5
43. Верхняя ширина лица	31	105,4	3,1	12	101,7	3,6
9:43. Лобно-лицевой указатель	31	92,9	2,7	12	93,6	2,3

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В условиях плохой сохранности костной ткани, когда сохраняется только мозговой отдел черепа, очень важно иметь возможность проанализировать имеющиеся данные по ограниченному набору признаков. Для межгруппового сравнения по признакам лобно-теменной области нами подобран ряд краниологических серий, датирующихся ранним железным веком, располагающихся в сходных климатических условиях и достаточно близких к изучаемому нами памятнику в географическом отношении (табл. 2, рис. 1). К сожалению, существует проблема неполноты краниометрической информации, содержащейся в большинстве палеоантропологических публикаций. Очень часто специалисты не публикуют признаки всего стандартного бланка, хотя и измеряют их. По этой причине морфометрическая характеристика лобной и теменной костей зачастую попросту отсутствует. К счастью, есть авторы, которые не только измеряют хорды и дуги покровных костей черепа, но и щедро делятся этими данными при необходимости¹⁵.

Таблица 2

Краниологические серии раннего железного века, привлеченные для межгруппового анализа

№ п/п	Название серии	Датировка	Автор
1.	Николаевский могильник	VII в. до н.э.	Герасимова 2004
2.	Усть-Лабинский могильник	VI в. до н.э.	Герасимова 2004

¹⁵ Наша работа не могла бы состояться без неопубликованных материалов доктора исторических наук, профессора М.А. Балабановой, которая любезно разрешила ими воспользоваться, за что авторы выражают ей глубочайшую признательность.

3.	Воронежский могильник	VI в. до н.э.	Герасимова 2004
4.	Могильник Гастон-Уота	IX в. до н.э.	Герасимова 2004
5.	Чегемский могильник	II в. до н.э.–II вв. н.э.	Герасимова 2004
6.	Могильник Уллубаганалы	VI–VI до н.э.	Тихонов 1996
7.	Могильник Елизаветинского городища II	I–II вв. н.э.	Громов и др. 2015
8.	Некрополь Танаиса	III в. до н.э.–рубеж эр	Громов и др. 2015
9.	Некрополь Танаиса	Рубеж эр–III в. н.э.	Громов и др. 2015
10.	Нижнегниловский некрополь	I–III вв. н.э.	Батиева 2011
11.	Кобяковский некрополь	I–III вв. н.э.	Батиева 2011
12.	Бegliцкий некрополь	IV в. до н.э.–II в. н.э.	Батиева 2011
13.	Могильники Нижнего Подонья	IX–III вв. до н.э.	Батиева 2011
14.	Могильники Нижнего Подонья	VI–III вв. до н.э.	Батиева 2011
15.	Нижнедонские курганные могильники	III–I вв. до н.э.	Батиева 2011
16.	Нижнедонские курганные могильники	I в. до н.э.–I в. н.э.	Батиева 2011
17.	Нижнедонские курганные могильники	I–II вв. н.э.	Батиева 2011
18.	Нижнедонские курганные могильники	II–IV вв. н.э.	Батиева 2011
19.	Могильник Николаевка	IV–III вв. до н.э.	Великанова 1975
20.	Могильники Олтении, Мунтении, Молдовы	VII–V вв. до н.э.	Великанова 1975
21.	Могильник Добружа (Истрия)	VI в. до н.э.	Великанова 1975
22.	Могильники Матраселе, Чантелек, Сентеш-Якшорпарт, Тапиоселе, Сабатсалаш-Йозан	VII–I в. до н. э.	Великанова 1975
23.	Будештский могильник	II–IV вв. н.э.	Великанова 1975
24.	Малаештский могильник	II–IV вв. н.э.	Великанова 1975
25.	Могильник Сакар-Чага 1, склепы	V–III вв. до н.э.	Яблонский 1999
26.	Могильник Сакар-Чага 1, подбои	V–III вв. до н.э.	Яблонский 1999
27.	Могильник Тумек-кичиджик	VII–III вв. до н.э.	Яблонский 1999
28.	Могильник Тарым-кая 2	VII–III вв. до н.э.	Яблонский 1999
29.	Некрополь Херсонеса, грунтовые погребения	I–IV вв. н.э.	Потехина, Назарова 1990
30.	Некрополь Пантикапея	III в. до н.э.–III в. н.э.	Назарова 1990
31.	Неаполь Скифский	II в. до н.э.–III в. н.э.	Кондукторова 1964
32.	Могильники Греции	VI–II вв. до н.э.	Кондукторова 1964
33.	Могильники Греции	II в. до н.э.–V в. н.э.	Кондукторова 1964
34.	Могильник Казыбаба	V–IV вв. до н.э.	Багдасарова 2000
35.	Некрополь Фанагории	III в. до н.э.–IV в. н.э.	Герасимова 1987
36.	Некрополь Фанагории, грунтовые погребения	III в. до н.э.–IV в. н.э.	Герасимова 1987
37.	Некрополь Фанагории	III–II вв. до н.э.	Герасимова 1987
38.	Некрополь Фанагории	I в. до н.э.–I в. н.э.	Герасимова 1987
39.	Некрополь Фанагории	III–IV вв. н.э.	Герасимова 1987
40.	Некрополь Гермонассы	V–I в. до н.э.	Герасимова 1987
41.	Могильник Елизаветовского городища	VI–III вв. до н. э.	Герасимова 1987
42.	Некрополь Танаиса, суммарная серия	III в. до н. э.–V в. н. э.	Герасимова 1987
43.	Могильник Самтавро	XI–VI вв. до н.э.	Алексеев, Гохман 1984
44.	Могильник Самтавро	Рубеж эр.	Алексеев, Гохман 1984
45.	Моздокский могильник	VI–II вв. до н.э.	Герасимова 1976

46.	Могильник Никопольстрой	IV–III вв. до н.э.	Зиневич 1967
47.	Могильник Николаевка-Казацкое	VII–III вв. до н.э.	Konduktorova 1980
48.	Могильник Журавка	III–IV вв. н.э.	Konduktorova 1980
49.	Могильник Черняхов	II–IV вв. н.э.	Konduktorova 1980
50.	Могильник Гавриловка	II–IV вв. н.э.	Konduktorova 1980
51.	Могильник Косаново	II–IV вв. н.э.	Konduktorova 1980
52.	Могильники среднесарматской культуры	I первая половина–II в. н.э.	Балабанова (неопубликован)
53.	Могильники позднесарматской культуры	Вторая половина II–IV в. н.э.	Балабанова (неопубликован)
54.	Могильник Старокорсунского городища №2	I–III вв. н.э.	Балабанова (неопубликован)
55.	Могильник Старокорсунского городища №2	II–I вв. до н.э.	Балабанова (неопубликован)
56.	Могильник Старокорсунского городища №2	IV–III вв. до н.э.	Балабанова (неопубликован)
57.	Могильник Старокорсунского городища №2	Безинвентарные	Балабанова (неопубликован)

Ограниченный набор признаков и малочисленный сравнительный материал не позволяют нам пока применить методы многомерной статистики, в силу чего был выбран метод попарного анализа линейных признаков и указателей, вычисленных на их основе. Методом, наиболее доступным для визуализации межгрупповой изменчивости при узком наборе признаков, являются бивариантные графики. Для того, чтобы их построить нами были выбраны признаки, которые считаются таксономически значимыми при анализе полных наборов данных, и указатели, имеющие конкретный биологический смысл.

Начнем с наименьшей ширины лба, отнесенной к черепному указателю (рис. 2). Наиболее близкими к изучаемой серии из могильника Волна 1 в межгрупповом морфологическом пространстве оказываются серии из некрополя Фанагории (суммарная выборка), грунтовых погребений Фанагории и из могильника Кобяковского городища. Чуть более отличными по этим признакам выборками, однако составляющими с предыдущими определенное единство, оказались серии черепов меотов Старокорсунского городища (после II в. до н.э.), жителей Танаиса I–III вв., Фанагории рубежа эр, Неаполя Скифского, населения, погребенного в курганах Нижнего Дона II–IV вв., на позднескифском грунтовом кладбище в Нижнем Поднепровье (Николаевка-Казацкое). В это же морфологическое пространство попадают носители поздних этапов кобанской культуры (Уллубаганалы) и греки Эллады классического и эллинистического периодов. Описанное межгрупповое сходство позволяет предварительно согласиться с мнением А.Г. Тихонова о том, что часть населения Северного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа эпохи раннего железного века была представлена единым антропологическим пластом.¹⁶

¹⁶ Тихонов 1996, 81–82.

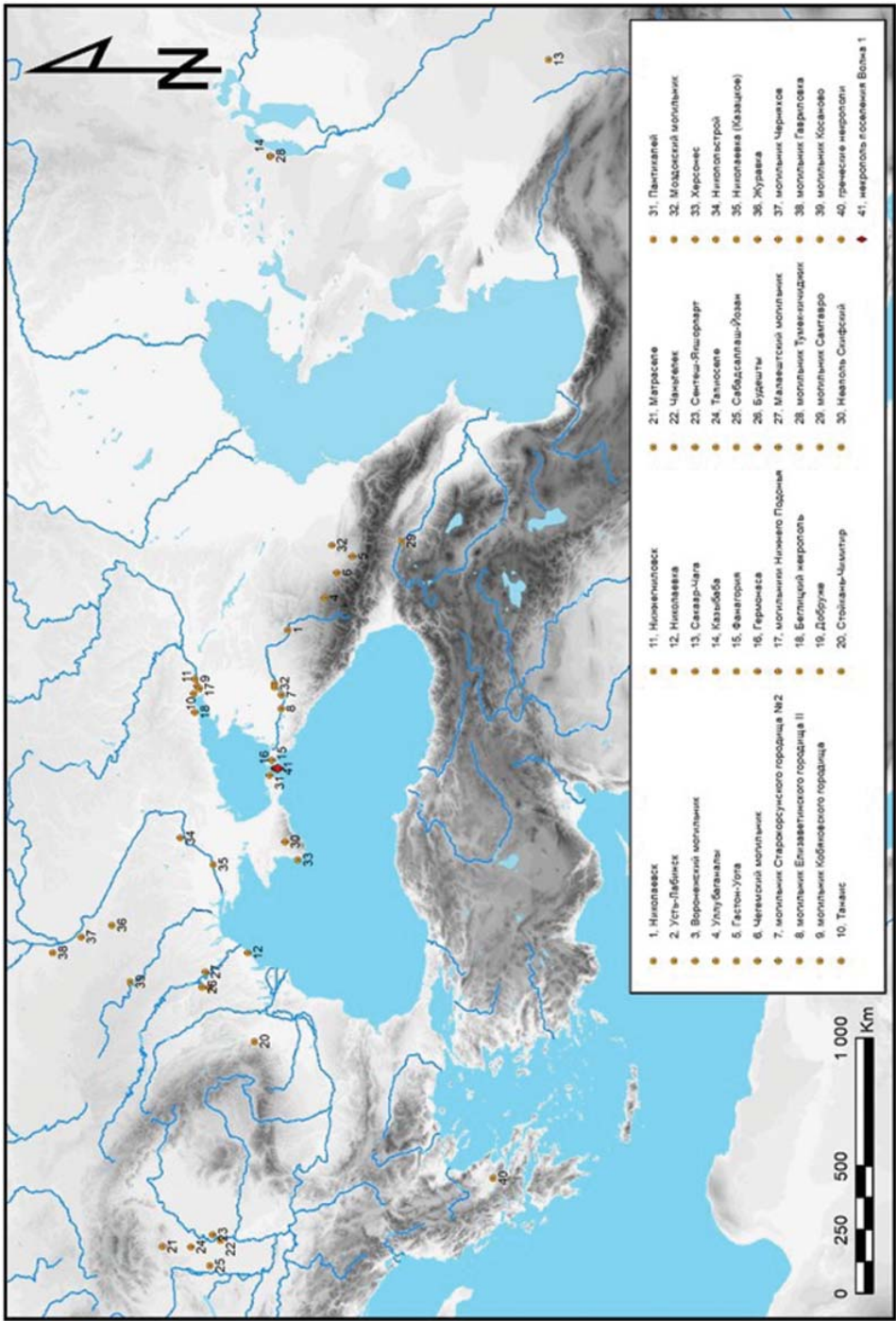

Рис. 1. Местоположение серий раннего железного века, привлеченных для межгруппового анализа

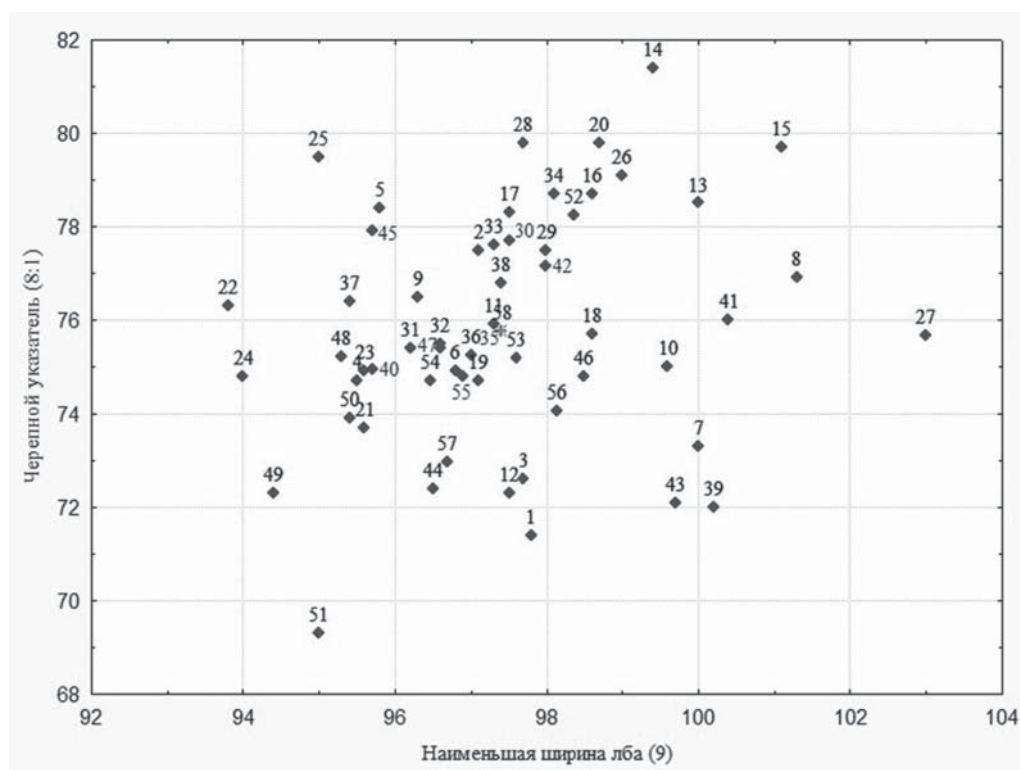

Рис. 2. Распределение серий в пространстве значений наименьшей ширины лба и черепного указателя (номера выборок соответствуют номерам в таблице 2, звездочкой (№ 58) обозначен могильник Волна 1)

Вторая пара признаков, использованная нами для сопоставления, – это лобно-поперечный и черепной указатели (рис. 3). В пространстве значений этих признаков наиболее близкими к изучаемой нами серии черепов оказались черепа III в. до н.э. – IV в. н.э. из некрополя Фанагории, выборка черепов поздних сармат, черепа из грунтовых погребений Фанагории и выборка из могильника Кобяковского городища. Чуть дальше на этом же графике расположились серии из Нижнедонских курганов II–IV вв. н.э., из позднескифского могильника Николаевка-Казачкое, из позднекобанского могильника Гастон-Уота и могильника у села Николаевка.

К сожалению, опубликованных данных по верхней ширине лица оказалось также немного, поэтому количество групп для сравнения по фронто-малярному указателю несколько меньше (рис. 4). Однако, на этом графике мы можем видеть, что в непосредственной близости от выборки из могильника Волна 1 оказываются меоты из Елизаветинского городища 2, поздние сарматы Поволжья, население Фанагории III в. до н.э. – IV в. н.э. и вновь население Кобяковского городища.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание на четыре меотские серии из могильника Старокорсунского городища №2. На всех построенных нами графиках, выборка меотских черепов из безы Inventарных, а значит – недатированных, погребений занимает чуть обособленное положение по отношению к выборкам черепов

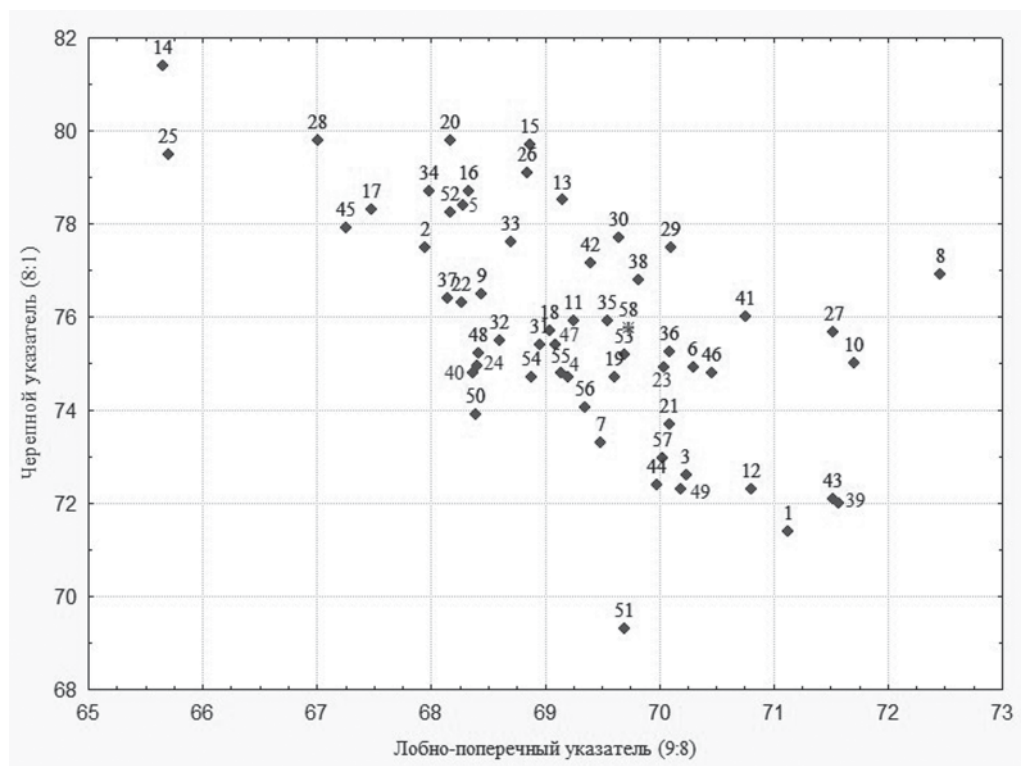

Рис. 3. Распределение серий в пространстве значений лобно-поперечного и черепного указателей (номера выборок соответствуют номерам в таблице 2, звездочкой (№ 58) обозначен могильник Волна 1)

из погребений с инвентарем, то есть имеющих датировку. Зафиксированные нами отличия в строении черепа тех, кто погребен на этом крупном могильнике с инвентарем и без инвентаря, вполне вероятно связаны не только с социальным расслоением, а имеют более глубокие причины и будут выявляться при дальнейших исследованиях.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Сопоставив с помощью бивариантных графиков данные по краниологическим сериям раннего железного века, используя только размеры и указатели лобно-теменного отдела, можно заключить, что данная область является достаточно информативной и имеющей хороший группоразграничительный потенциал.

2. В ходе межгруппового сравнения серии черепов из могильника Волна 1 с другими краниологическими сериями южной части Восточной Европы, удалось показать, что по тем усеченным наборам признаков, что были доступны, наиболее близкими к населению Волны 1 оказались черепа из некрополя Фанагории III в. до н.э. – IV в. н.э. и некрополя Кобяковского городища; вероятно, это может свидетельствовать о наличии на поселении Волна 1 меотского компонента.

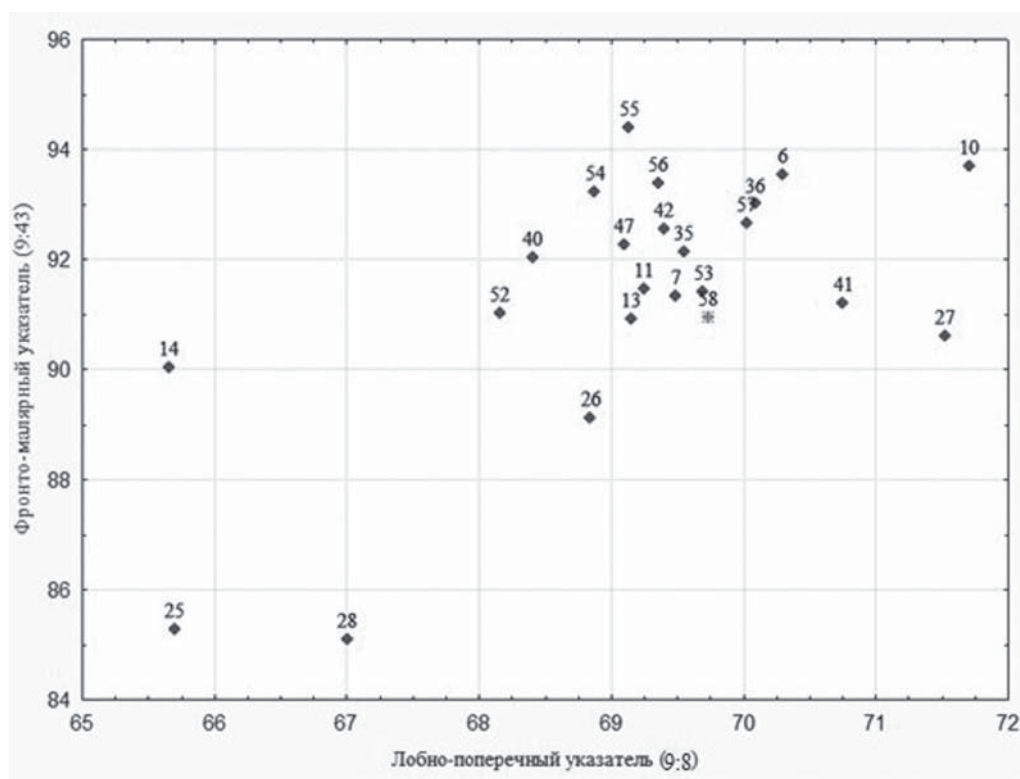

Рис. 4. Распределение серий в пространстве значений лобно-поперечного и фронтально-малярного указателей (номера выборок соответствуют номерам в таблице 2, звездочкой (№ 58) обозначен могильник Волна 1)

3. Важно отметить, что материалы, привлеченные для сравнительного анализа, часто не имеют хронологической соотнесенности и порой разделены несколькими веками. Это связано с мозаичной и плохой изученностью антропологических коллекций, происходящих с Юга России. Исследование будет продолжено и после пополнения антропологических данных с синхронных памятников полученные результаты будут пересмотрены.

4. Кроме того, удалось получить достаточно неожиданный результат – была выявлена морфологическая специфика черепов из безынвентарных меотских погребений могильника Старокорсунского городища № 2 – они значительно отличаются от черепов, происходящих из погребений с инвентарем. Этот вывод пока трудно интерпретировать, в дальнейшем он будет проверен по более широкому набору признаков, однако можно предположить, что за отсутствием инвентаря стоит не только социальная стратификация, но и какие-то популяционные отличия.

5. Как показывают результаты проделанной работы, плохая сохранность черепов и отсутствие лицевого отдела не должны являться поводом для отказа от краниометрического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, А.Н. 2017: Остеологическая характеристика меотов Прикубанья IV в. до н.э. – III в. н.э. *ВА* 2, 5–19.
- Абрамова, А.Н. 2018: Сравнительная остеологическая характеристика меотов Прикубанья IV в. до н.э. – III в. н.э. *ВА* 2, 42–55.
- Алексеев, В.П., Дебец, Г.Ф. 1964: *Краниометрия. Методика антропологических исследований*. М.
- Алексеев, В.П., Гохман, И.И. 1984: *Антропология азиатской части СССР*. М.
- Багдасарова, Н.А. 2000: Савроматы юго-западного Приаралья по материалам могильника Казыбаба. В кн.: *Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии* 2, 78–112.
- Балабанова, М.А. 2013: Антропология меотского населения Кубани (по материалам могильника Старокорсунского городища № 2). В сб.: И.И. Марченко (ред.), *Шестая международная Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 21–25.
- Батиева, Е.Ф. 2011: *Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование)*. Ростов-на-Дону.
- Беневоленская, Ю.Д. 1986: Расовые вариации признаков черепного свода. В сб.: В.П. Алексеев, А.А. Зубов (ред.), *Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас*. М., 108–112.
- Беневоленская, Ю.Д. 1991: Признаки черепного свода как маркеры различных уровней дифференциации рас. В сб.: И.И. Гохман (ред.), *Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии*. СПб, 126–153.
- Бунак, В.В. 1927: *Crania Armenica. Исследования по антропологии Передней Азии*. М.
- Бунак, В.В. 1959: *Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас*. М.
- Великанова, М.С. 1975: *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. М.
- Герасимова, М.М. 1975: *Население Северного Причерноморья (Боспорское царство) в античную эпоху по антропологическим данным*. Рукопись диссертации. М.
- Герасимова, М.М. 1976: Краниологические материалы из меотских могильников Прикубанья. *Советская этнография* 5, 107–113.
- Герасимова, М.М. 1987: Антропологические данные к вопросу об этнических отношениях в Северо-Восточном Причерноморье (Боспорское царство). В кн.: М.С. Великанова (ред.), *Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы*. М., 9–82.
- Герасимова, М.М. 2004: Население Северного Кавказа в раннем железном веке. *Вестник антропологии* 11, 76–86.
- Громов, А.В., Казарницкий, А.А. 2014: К палеодемографии меотов (по материалам могильника городища Елизаветинское II). В сб.: Ю.К. Чистов (ред.), *Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г.* СПб, 10–18.
- Громов, А.В., Казарницкий, А.А., Лунев, М.Ю. 2015: Меотские могильники: палеодемография и краниология. *Записки ИИМК* 2, 156–175.
- Дебец, Г.Ф. 1935: К унификации краниологических исследований. *Антропологический журнал* 1, 118–124.
- Добровольская, М.В. 2016: Опыт изучения скелетных материалов из склепов римского времени Восточного некрополя Фанагории. *КСИА* 244, 299–309.
- Зиневич, Г.П. 1967: *Очерки палеоантропологии Украины*. Киев.
- Малышев, А.А., Медникова, М.Б. 1995: Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии. *РА* 4, 125–135.

- Мимоход, Р.А., Сударев, Н.И., Успенский, П.С. 2017: «Волна-1» – новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.). В сб.: Н.В. Волкодав (ред.), *Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов*. Краснодар, 5–32.
- Мимоход, Р.А., Сударев, Н.И., Успенский, П.С. 2018: Некрополь Волна-1 (2017 г.) (Краснодарский край, Таманский полуостров). Города, селища, могильники. Раскопки 2017. *Материалы спасательных археологических исследований* 25, 220–231.
- Назарова, Т.А. 1990: Антропологическая характеристика погребенных из грунтовых могил некрополя Херсонеса. В сб.: П.Г. Зиневич (ред.), *Антропологические материалы из могильников юго-западного Крыма*. Киев, 1–14.
- Пежемский, Д.В. 2000: Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта). *РА* 4, 64–76.
- Пежемский, Д.В. 2011: Что такое палеоантропология? Часть 1. Введение. *АРХЕО*, 72–83.
- Пежемский, Д.В. 2014: Палеоантропология. В кн.: *Большая Российская энциклопедия* 25. М., 114–115.
- Перерва, Е.В. 2005: К вопросу о некоторых антропологических особенностях меотского населения, оставившего могильники Старокорсунского городища № 2 (палеопатологический аспект). В сб. И.И. Марченко (ред.), *Четвертая археологическая конференция: Тезисы и доклады*. Краснодар, 208–211.
- Пестряков, А.П. 1995: Дифференциация большой монголоидной расы по данным генерализованных тотальных размеров черепной коробки. В сб.: М.В. Крюков, А.И. Кузнецов (ред.), *Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии*. М., 51–67.
- Пестряков, А.П., Григорьева, О.М. 2003: Изменчивость черепной коробки эскимосов в процессе их исторического расселения. В сб.: Г.Г. Ершова, Д.Д. Беляев (ред.), *Древние цивилизации Старого и Нового Света: культурное своеобразие и диалог интерпретаций*. М., 159–165.
- Пестряков, А.П., Федорчук, О.А. 2016: Изменчивость некоторых параметров черепной коробки по сериям, близким к современности с территории Северной Евразии. *ВА* 3, 11–26.
- Потехина, И.Д., Назарова, Т.А. 1990: Новые материалы к изучению антропологического состава населения средневекового Крыма. В сб.: Г.П. Зиневич (ред.), *Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма*. Киев, 32–46.
- Романова, Г.П. 1986: Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III. *Археологические открытия на новостройках: древности Северного Кавказа (материалы работ Северо-кавказской экспедиции)* 1, 195–203.
- Свиркина, Н.Г., Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2017: Население Фанагории римского времени: опыт палеодемографического изучения антропологических материалов Восточного некрополя. *КСИА* 249, 236–250.
- Тихонов, А.Г. 1996: Новые данные к антропологии населения кобанской культуры (по материалам могильника Уллубаганалы). *ВА* 1, 74–97.
- Федорчук, О.А. 2017: Дифференцирующие возможности некоторых признаков мозгового отдела черепа человека. *Вестник Московского университета. Сер. 23: Антропология* 2, 91–110.
- Чистов, Ю.К. 1986: Расовые различия в строении медиально-сагиттального контура черепа человека. В сб.: В.П. Алексеев, А.А. Зубов (ред.), *Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас*. М., 190–197.
- Яблонский, Л.Т. 1999: *Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников)*. М.

- Яблонский, Т.Н. 2000: Краниологические материалы из склепов присарыкамышского могильника Сакар-Чага I (V–III вв. до н.э.). *Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии* 2, 47–77.
- Яблонский, Л.Т. 2015: *Саки в Дельте Окса (теория и практика этногенетического исследования)*. М.
- Konduktorova, T.S. 1980: Scythian Descendants on the Lower Dnieper River According to the Anthropological Material from the Nikolaevka-Kazatskoe Cemetery. *Anthropologie* 1, 41–80.
- Martin, R. 1928: *Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer darstellung*. Bd. II. *Kraniologie. Osteologie*. Jena.

REFERENCES

- Abramova, A.N. 2017: Osteologicheskaya kharakteristika meotov Prikuban'ya IV v. do n.e. – III v. n.e. [Osteological characteristics of the Kuban Meotians the 4th BC to the 3rd AD]. *Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]* 2, 5–19.
- Abramova, A.N. 2018: Sravnitel'naya osteologicheskaya kharakteristika meotov Prikuban'ya IV v. do n.e. – III v. n.e. [Comparative osteological Meotians characteristic in the Kuban the 4th BC to the 3rd AD]. *Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]* 2, 42–55.
- Alekseev, V.P., Debets, G.F. 1964: *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranimetry. Methods of anthropological research]*. Moscow.
- Alekseev, V.P., Gokhman, I.I. 1984: *Antropologiya aziatskoy chasti SSSR [Anthropology of the Asian part of the USSR]*. Moscow.
- Bagdasarova, N.A. 2000: Savromaty yugo-zapadnogo Priaral'ya po materialam mogil'nika Kazybaba [Sauromats of the South-Western Priaralie on materials from the Kazybaba burial ground]. *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniya o naselenii Sredney Azii [Anthropological and ethnographic data on the population of Central Asia]* 2, 78–112.
- Balabanova, M.A. 2013: Antropologiya meotskogo naseleniya Kubani (po materialam mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2) [Anthropology of the Meotian population of the Kuban (based on materials from the burial site of the Starokorsun Settlement No. 2)]. In: I.I. Marchenko (ed.), *Shestaya mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [Sixth International Kuban Archaeological Conference]*. Krasnodar, 21–25.
- Batieva, Ye.F. 2011: *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. – IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie) [The population of the Lower Don in the 9th BC to the 4th AD (paleoanthropological study)]*. Rostov-on-Don.
- Benevolenskaya, Yu.D. 1986: Rasovye variatsii priznakov cherepnogo svoda [Racial variation of cranial features]. In: V.P. Alekseev, A.A. Zubov (eds.), *Problemy evolyutsionnoy morfologii cheloveka i ego ras [Problems of human evolutionary morphology and its races]*. Moscow, 108–112.
- Benevolenskaya, Yu.D. 1991: Priznaki cherepnogo svoda kak markery razlichnykh urovney differentsiatsii ras [Signs of the cranial vault as markers of different levels of differentiation of races]. In: I.I. Gokhman (ed.), *Novye kollektsii i issledovaniya po antropologii i arkheologii [New collections and research on anthropology and archeology]*. Saint Petersburg, 126–153.
- Bunak, V.V. 1927: *Crania Armenica. Issledovaniya po antropologii Peredney Azii [Crania Armenica. Research on the anthropology of Asia Minor]*. Moscow.
- Bunak, V.V. 1959: *Cherep cheloveka i stadii ego formirovaniya u iskopaemykh lyudey i sovremennykh ras [Human skull and the stages of its formation in fossil people and modern races]*. Moscow.
- Chistov, Yu.K. 1986: Rasovye razlichiya v stroenii medial'no-sagittal'nogo kontura cherepa cheloveka [Racial differences in the structure of the medial-sagittal contour of the human

- skull]. In: V.P. Alekseev, A.A. Zubov (eds.), *Problemy evolyutsionnoy morfologii cheloveka i ego ras* [Problems of the evolutionary morphology of man and his races]. Moscow, 190–197.
- Debets, G.F. 1935: K unifikatsii kraniologicheskikh issledovaniy [The unification of craniological studies]. *Antropologicheskii zhurnal* [Anthropological journal] 1, 118–124.
- Dobrovol'skaya, M.V. 2016: Opyt izucheniya skeletnykh materialov iz sklepov rimskogo vremeni Vostochnogo nekropolya Fanagorii [The experience of studying skeletal materials from the Roman crypts of the Eastern Necropolis of Phanagoria]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkhologii* [Brief reports of the Institute of Archeology] 244, 299–309.
- Fedorchuk, O.A. 2017: Differentsiruyushchie vozmozhnosti nekotorykh priznakov mozgovogo otdela cherepa cheloveka [Differentiation capabilities of some signs of the human cerebral cranium]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 23: Anthropology] 2, 91–110.
- Gerasimova, M.M. 1975: *Naselenie Severnogo Prichernomor'ya (Bosporskoe tsarstvo) v antichnyuyu epokhu po antropologicheskim dannym* [The population of the Northern Black Sea Coast (Kingdom of the Bosporus) in ancient times according to anthropological data]. Moscow.
- Gerasimova, M.M. 1976: Kraniologicheskie materialy iz meotskikh mogil'nikov Prikuban'ya [Craniological materials from the Meoti burial grounds of Kuban]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography] 5, 107–113.
- Gerasimova, M.M. 1987: Antropologicheskie dannye k voprosu ob etnicheskikh otnosheniyakh v Severo-Vostochnom Prichernomor'e (Bosporskoe tsarstvo) [Anthropological data on the issue of ethnic relations in the northeastern Black Sea region (Kingdom of the Bosporus)]. In: M.S. Velikanova (ed.), *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Yevropy* [Anthropology of the ancient and medieval population of Eastern Europe]. Moscow, 9–82.
- Gerasimova, M.M. 2004: Naselenie Severnogo Kavkaza v rannem zheleznom veke [The population of the North Caucasus in the Early Iron Age]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology] 11, 76–86.
- Gromov, A.V., Kazarnitskiy, A.A. 2014: K paleodemografii meotov (po materialam mogil'nika gorodishcha Yelizavetinskoe II) [By paleodemography Meotians (Materials repository settlement Elizavetinskoe II)]. In: Yu.K. Chistov (ed.), *Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2013 g.* [Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2013]. Saint Petersburg, 10–18.
- Gromov, A.V., Kazarnitskiy, A.A., Lunev, M.Yu. 2015: Meotskie mogilniki: paleodemografiya i kraniologiya [Meotian burial grounds: paleodemography and craniology]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury* [Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS] 2, 156–175.
- Konduktorova, T.S. 1980: Scythian Descendants on the Lower Dnieper River According to the Anthropological Material from the Nikolaevka-Kazatskoe Cemetery. *Anthropologie* 1, 41–80.
- Malyshev, A.A., Mednikova, M.B. 1995: Naselenie Tsemesskoy doliny v rimskoe vremya po dannym arkhologii i paleodemografii [The population of the Tsemess valley in Roman times according to archeology and paleodemography]. *Rossiyskaya arkhologiya* [Russian archeology] 4, 125–135.
- Martin, R. 1928: *Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer darstellung*. Bd. II. *Kraniologie. Osteologie*. Jena.
- Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskiy, P.S. 2017: «Volna-1» – novyy «gorodskoy» nekropol' arkhaiskogo i klassicheskogo vremeni na Tamanskom poluostrove (po materialam rabot IA RAN v 2016 i 2017 gg.) [“Volna-1”, a new “urban” necropolis of archaic and classical time on the Taman Peninsula (based on materials from the IA RAS in 2016 and 2017)].

- In: N.V. Volkodav (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya na territorii stroyashchegosya terminala SUG i Tamanskogo terminala navalochnykh грузов* [Archaeological research on the territory of the newly built LPG terminal and Taman bulk cargo terminal]. Krasnodar, 5–32.
- Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskiy, P.S. 2018: Nekropol' Volna-1 (2017 g.) (Krasnodarskiy kray, Tamanskiy poluostrov). Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 [Necropolis Volna-1 (2017) (Krasnodar Territory, Taman Peninsula). Cities, settlements, burial grounds. Excavations 2017]. *Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Rescue archaeological research materials] 25, 220–231.
- Nazarova, T.A. 1990: Antropologicheskaya kharakteristika pogrebennykh iz gruntovykh mogil nekropolya Khersonesa [Anthropological characteristics of the buried from the soil graves of the necropolis of Chersonesus]. In: P.G. Zinevich (ed.), *Antropologicheskie materialy iz mogil'nikov yugo-zapadnogo Kryma* [Anthropological materials from the burial grounds of the southwestern Crimea]. Kiev, 1–14.
- Pererva, Ye.V. 2005: K voprosu o nekotorykh antropologicheskikh osobennostyakh meotskogo naseleniya, ostavivshogo mogil'niki Starokorsunskogo gorodishcha № 2 (paleopatologicheskiy aspekt) [On the issue of some anthropological features of the Meotian population, who left the burial grounds of the Starokorsun settlement No. 2 (the paleopathological aspect)]. In: I.I. Marchenko (ed.), *Chetvertaya arkheologicheskaya konferentsiya: Tezisy i doklady* [The 4th Archaeological Conference: Abstracts and Papers]. Krasnodar, 208–211.
- Pestryakov, A.P. 1995: Differentsiatsiya bol'shoy mongoloidnoy rasy po dannym generalizovannykh total'nykh razmerov cherepnoy korobki [Differentiation of the great Mongoloid race according to the generalized total size of the skull]. In: M.V. Kryukov, A.I. Kuznetsov (eds.), *Istoricheskaya dinamika rasovoy i etnicheskoy differentsiatsii naseleniya Azii* [The historical dynamics of the racial and ethnic differentiation of the Asian population]. Moscow, 51–67.
- Pestryakov, A.P., Fedorchuk, O.A. 2016: Izmenchivost' nekotorykh parametrov cherepnoy korobki po seriyam, blizkim k sovremennosti s territorii Severnoy Yevrazii [The variability of some parameters of the skull in a series close to modernity from the territory of Northern Eurasia]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology] 3, 11–26.
- Pestryakov, A.P., Grigoryeva, O.M. 2003: Izmenchivost' cherepnoy korobki eskimosov v protsesse ikh istoricheskogo rasseleniya [The variability of the Eskimo skull in the process of their historical settlement]. In: G.G. Ershova, D.D. Belyaev (ed.), *Drevnie tsivilizatsii Starogo i Novogo Sveta: kul'turnoe svoeobrazie i dialog interpretatsiy* [Ancient civilizations of the Old and New World: cultural identity and dialogue of interpretations]. Moscow, 159–165.
- Pezhenskiy, D.V. 2000: Informativnost' skeletnykh ostankov plokhoy sokhrannosti (po materialam nekropolya Sirenevaya bukhta) [Informativeness poorly preserved skeletal remains (on the materials of the necropolis Sirenevaya bukhta)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archeology] 4, 64–76.
- Pezhenskiy, D.V. 2011: Chto takoe paleoantropologiya? Chast' 1. Vvedenie [What is paleoanthropology? Pt. 1. Introduction]. *Arkheo* [Arkheo], 72–83.
- Pezhenskiy, D.V. 2014: Paleoantropologiya [Paleoanthropology]. In: *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia] 25. Moscow, 114–115.
- Potekhina, I.D., Nazarova, T.A. 1990: Novye materialy k izucheniyu antropologicheskogo sostava naseleniya srednevekovogo Kryma [New materials to study the anthropological composition of the population of the medieval Crimea]. In: G.P. Zinevich (ed.), *Antropologicheskie materialy iz mogil'nikov Yugo-Zapadnogo Kryma* [Anthropological materials from the burial grounds of the South-Western Crimea]. Kiev, 32–46.

- Romanova, G.P. 1986: Demograficheskiy analiz paleoantropologicheskikh materialov mogil'nika Lebedi III [Demographic analysis of paleoanthropological materials of the Lebedi III burial ground]. *Arkheologicheskie otkrytiya na novostroykakh: drevnosti Severnogo Kavkaza (materialy rabot Severo-kavkazskoy ekspeditsii)* [Archaeological discoveries on new buildings: the antiquities of the North Caucasus (materials of the works of the North Caucasus Expedition)] 1, 195–203.
- Svirkina, N.G., Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2017: Naselenie Fanagorii rimskogo vremeni: opyt paleodemograficheskogo izucheniya antropologicheskikh materialov Vostochnogo nekropolya [Population of Phanagoria of the Roman time: the experience of paleodemographic study of anthropological materials of the Eastern Necropolis]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology] 249, 236–250.
- Tikhonov, A.G. 1996: Novye dannye k antropologii naseleniya kobanskoy kul'tury (po materialam mogil'nika Ullubaganaly) [New data on the anthropology of the population of the Koban culture (according to the materials of the Ullubaganaly cemetery)]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology] 1, 74–97.
- Velikanova, M.S. 1975: *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ya* [Paleoanthropology of the Prut-Dniester interfluve]. Moscow.
- Yablonskiy, L.T. 1999: *Nekropoli drevnego Khorezma (arkheologiya i antropologiya mogil'nikov)* [Necropolis of ancient Khorezm (archeology and anthropology of burial grounds)]. Moscow.
- Yablonskiy, L.T. 2015: *Saki v Del'te Oksa (teoriya i praktika etnogeneticheskogo issledovaniya)* [Saki in Delta Oksa (theory and practice of ethnogenetic research)]. Moscow.
- Yablonskiy, T.N. 2000: Kraniologicheskie materialy iz sklepov prisarykamyskogo mogil'nika Sakar-Chaga I (V–III vv. do n.e.) [Craniological materials from the crypts of the Sarykamysk burial ground of Sakar-Chaga I (5th–3rd centuries BC)]. *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniya o naselenii Sredney Azii* [Anthropological and ethnographic information about the population of Central Asia] 2, 47–77.
- Zinevich, G.P. 1967: *Ocherki paleoantropologii Ukrainy* [Essays on paleoanthropology of Ukraine]. Kiev.

EXPERIENCE IN MORPHOMETRIC ANALYSIS OF SKELETAL REMAINS POOR PRESERVATION (BASED ON MATERIALS FROM THE ANCIENT BURIAL GROUND VOLNA 1, TAMAN PENINSULA). PART 1

Aleksandra N. Abramova*, Denis V. Pezhemsky**

*Volgograd State University, Volgograd, Russia

abramovasacha0902@gmail.com

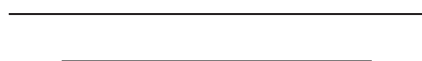
**Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

pezhemsky@yandex.ru

Abstract. The article presents a part of the results of the study of the craniological series of very poor preservation, originating from the necropolis of Volna 1, which is located near Taman and dates back to the 6th – 3rd centuries. BC. Today, the site is one of the most interesting and studied in the Asian Bosphorus, which predetermined a scrupulous approach to its paleoanthropological research. Almost 80 skulls (58 males and 21 females) were partially restored. Despite the incompleteness and poor preservation of this craniological series, relying only on signs of the fronto-parietal region of the cerebral skull, it was possible to show that the closest analogies to it are the skull series from the necropolis of Phanagoria of the 3rd century BC

to the 4th century AD and skulls from the necropolis of the Kobyakovsky settlement. It is probably possible to make a preliminary conclusion about the presence of a Meotian or Meoto-Sarmatian component in the Volna 1 Settlement. This anthropological similarity was revealed based on pairwise comparisons of the values of the signs of the frontal-parietal region using bivariate graphs. The work confirmed that this area is quite informative and can be used to study the skulls of poor preservation in a comparative aspect. In addition, the work focuses on the methods of studying skeletal remains of poorly preserved, which is extremely important for the South of Russia. In connection with the widespread practice of re-burial of anthropological collections without complex paleoanthropological research, a huge amount of historical and biological data is annually lost. According to the authors, an integrated paleoanthropological approach based on the use of all the methods developed by physical anthropology today is designed to ensure not only the most complete study of each fossil series, but also help to preserve unique historical information with the obviously poor preservation of bones. The authors insist that the latter circumstance should not lead to the abandonment of complex paleoanthropological work.

Keywords: physical anthropology, archaeology, paleoanthropology, craniometry, neurocranium, early Iron Age, antiquity, Asian Bosporus, Prikubane

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 122–134
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 122–134
© Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-122–134

ПИКСИДЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ФАНАГОРИИ

О.М. Ворошилова

Институт археологии РАН, Москва, Россия
helga-mir@yandex.ru

Аннотация. При хронологической и культурно-исторической интерпретации погребальных комплексов важную роль играет анализ различных категорий погребального инвентаря. К редким находкам относятся изделия из кости. В Фанагории костяные изделия встречаются не часто, особенно редко их находят в некрополе города. Между тем, находки костяных вещей в погребениях представляют значительный интерес. Они не только позволяют составить представление о развитии косторезного ремесла в древности и роли его продукции в погребальной практике жителей столицы Азиатского Боспора, но и играют важную роль в разработке хронологии позднеантичных древностей Боспора Киммерийского. В результате масштабных исследований Некропольского отряда Фанагорийской экспедиции, за последние годы на Восточном некрополе среди многочисленных позднеантичных комплексов были открыты четыре захоронения, в состав инвентаря которых входили костяные пиксиды. Эти редкие миниатюрные сосуды вытачивались из крупных трубчатых костей животных. Костяные сосуды, открытые в фанагорийских погребениях, относятся к одному типу. В качестве их характерных морфологических признаков можно назвать небольшой диаметр (зависит от внешнего объема костяной заготовки), форма в виде усеченного конуса с наибольшей шириной у дна сосуда, точеные костяные донца и крышки в виде плоских шайб, рельефные орнаментальные композиции из нескольких поясов горизонтальных борозд (от двух до четырех в одном поясе). В половине случаев тулово украшает орнамент в виде пояса из резных кругов с круглым углублением в центре. Судя по содержанию, эти изящные вместилища использовались для хранения косметических средств: румян, пудры, возможно, мазей или порошков. Как правило, пиксиды – принадлежность женских погребений. В Фанагории они дважды встречены в склепах, где относились к инвентарю женских и детских захоронений и дважды – в могилах с подбоем. Оба типа погребальных сооружений использовались для захоронения не рядовых горожан позднеантичного города. Все комплексы, из инвентаря которых происходят пиксиды, датируются достаточно узко: концом IV – началом – первой половиной V в. н.э. Находки подобных сосудов в погребальных комплексах служат достаточно надежным хроноиндикатором указанного периода и маркируют относительно высокий социальный статус их владельцев. Кроме того, наличие в погребениях, выточенных при помощи станка, совершенных костяных изделий недвусмысленно говорит о высоком развитии косторезного ремесла в позднеантичной Фанагории.

Ключевые слова: археология, Фанагория, некрополь, погребальный обряд, погребальный инвентарь, пиксида, эпоха Великого переселения народов

Данные об авторе: Ворошилова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН.

Многочисленные археологические материалы из памятников Северного Причерноморья свидетельствуют о высоком уровне развития античного косторезного ремесла. Почти все известные и применяемые в настоящее время орудия труда из кости, и способы ее обработки были известны мастерам античного времени¹. Доступность сырья, простота его обработки и долговечность получаемых изделий способствовали широкому использованию кости в эпоху античности и средневековья². В Фанагории костяные изделия встречаются довольно редко. Это наблюдение касается не только культурных напластований городища³, оно в полной мере справедливо и для столичного некрополя. В этой связи находки костяных предметов в погребениях особенно интересны.

За последние годы масштабных раскопок Восточного некрополя столицы Азиатского Боспора среди многочисленных погребальных комплексов были открыты четыре позднеантичных захоронения, в состав инвентаря которых входили костяные пиксиды. Известно, что термин «пиксида» происходит от греческого слова «самшит» — *ρύκος*, названия дерева из которого они изначально вытачивались. Под пиксидой принято понимать, цилиндрический сосуд баночной формы с плоскими плечиками и крышкой, греки хранили в таких сосудах украшения. Термин используется также для других сосудов аналогичной формы⁴. Предложенная характеристика вполне уместна и для костяных пиксид. Стоит лишь отметить, что размеры и назначение этих сосудов со временем существенно меняются и в позднеантичную эпоху они используются преимущественно как вместилища косметических средств: румян, пудры и, возможно, кремов.

Известно, что костяные пиксиды изготавливались из крупных трубчатых костей животных. В большинстве случаев они имеют небольшой диаметр и цилиндрическую форму, часто слегка суживающуюся кверху, следуя объему кости. В нижнюю часть пиксиды вставлялось костяное дно. Наружные поверхности тулова, крышек и дна пиксид часто украшались резными и кольцевыми бороздами, валиками, различными орнаментами или рельефом. Эти сосуды получили широкое распространение в античное время, а в I–II вв. н.э. отмечается общее расширение производства костяных пиксид в городах Северного Причерноморья⁵. Форма и орнамент костяных пиксид изменялись во времени. В отличие от цилиндрических пиксид римского времени⁶, позднеантичные сосуды этого типа имеют уже другую форму. Меняется и орнаментация.

Рассмотрим все костяные сосуды, происходящие из фанагорийских погребений конца античной эпохи. Пиксиды были обнаружены в четырех погребальных комплексах (29/2005, 30/2005; 147/2010; 169/2011). Два сосуда рассматриваемой серии происходят из грунтовых склепов, еще два – из могил с подбоем (рис. 1–3). Все они имеют близкую морфологию, общую для всех конструкцию и схожий декор, изготовлены посредством одних и тех же технологических приемов.

¹ Петерс 1986, 39.

² Голофаст, Добровольская 2018, 77.

³ Голофаст, Добровольская 2018, 77.

⁴ Брей, Трамп 1992.

⁵ Петерс 1986, 68.

⁶ Стржелецкий и др. 2003–2004, таб. 53, 21, 38; Гущина, Засецкая 1994, табл. 32, 300; 34, 322.

Рис. 1. Костяные пиксиды из погребальных комплексов, открытых в 2005 г. (раскопки А.П. Медведева):
1 – погребение 29/2005; 2 – погребение 30/2005.

1

2

Рис. 2. Костяная пиксида из погребения 147/2010.

1

2

Рис. 3. Костяная пиксида из погребения 169/2011.

Аналогичные фанагорийским пиксиды известны в захоронениях из Пантикапея, Тиритаки, Херсонеса⁷, в ранних комплексах могильника у села Лучистое в Крыму⁸.

Кратко разберем конструкцию пиксид. Они состояли из трех основных элементов, выполненных отдельно: тулова, дна и крышки. Тулово являлось основной деталью предмета, на которой закреплялись остальные составляющие (рис. 4–5). Оно имело форму усеченного конуса, расширявшегося сверху вниз и полого внутри. Размеры этого элемента определяли величину всего сосуда. Метрические характеристики тулова пиксид следующие: высота – 5–6 см, диаметр основания – 3,6–3,9 см, диаметр по венцу – 2,7–3,2 см. Этот элемент конструкции сосуда имел самую большую площадь обработки – внешнюю и внутреннюю поверхности сосуда, а также две торцевые поверхности, и было самым непростым в изготовлении. Внешняя поверхность тулова во всех случаях отполирована и декорирована, внутренняя – гладко отшлифована. Как правило, стенки были одинаково тонкими на всей высоте сосуда. Их толщина совсем невелика и варьируется в диапазоне от 0,2 до 0,4 см. На внешней поверхности сосуда по периметру его венца, выполнялась неглубокая выборка на несколько миллиметров ниже верхнего прямого края пиксиды. Она формировала строго цилиндрическую форму верхней части сосуда с уступом внизу и, скорее всего, предназначалась для надевания крышки сосуда. На внутренней поверхности тулова, в нескольких миллиметрах над основанием формировался неглубокий паз для крепления дна.

Дно сохранилось у трех пиксид (рис. 4, 1, 2; рис. 5, 2, 3). Во всех случаях оно представляло собой плоский костяной диск, диаметр которого соответствовал внутренним размерам тулова. Для надежной фиксации торцевая часть круглой пластины имела небольшой скос сверху. Он позволял мастеру удобно вставлять дно в тулово и заклинивать его в соответствующем пазу практически без зазоров. Дно одной из пиксид украшено четырьмя концентрическими бороздами (рис. 4, 1; 5, 2).

Конструкция верхней части пиксид – наличие специального цилиндрического паза – предполагает использование крышки, которая надевается сверху. Однако, подобная деталь еще не разу не была встречена в Фанагории. Лишь одна из четырех фанагорийских пиксид имела «крышку» (рис. 4, 1; 5, 2), которая представляла собой костяной плоский диск. С одной стороны он был гладким, с другой – декорированный на токарном станке. Орнамент располагался на одной его плоскости и представлял собой чередование концентрических окружностей с различным профилем. По самому краю круглой пластины были выточены два валика, опоясывавшие плавно-выпуклое кольцо с меньшим по диаметру рельефным выпуклым кольцом и углублением в самом центре пластины. Торцевая часть диска имела скос снизу. Описанная «крышка» может только накрывать пиксиду, но никак не надеваться на венец. Возможно, перед нами вовсе не крышка, а дно от аналогичной пиксиды, которое в погребении использовано в качестве крышки. Находки похожих по форме и орнаменту предметов известны в погребениях⁹. Нельзя исключать и того, что найденная вместе с пиксидой крышка-шайба являлась плоской деталью крышки, аналогичной по конструкции самому сосуду

⁷ Петерс 1986, 69–70, 177, рис. XIV, 9, 12, 14, 15, 17, 19, 20.

⁸ Айбабин, Хайрединова 1998, рис. 19, 3, 4.

⁹ Петерс 1986, 69, рис. 44; таб. XIV, 6, 16.

(в пользу этого может свидетельствовать и стилистическая близость точеного орнамента с плавными переходами форм концентрических желобков, опоясывающих тулово и нанесенных на крышку).

Все элементы пиксид изготовлены из кости на токарном станке. Об этом свидетельствует высокий уровень симметричности деталей и технологические следы резца на их поверхностях. Орнамент в виде опоясывающих тулово сосуда поясов из чередующихся рельефных элементов так же наносился при помощи токарного станка и резцов.

Рис. 4. Пиксиды из фанагорийских погребений:
1 – погребение 30/2005 (по А.П. Медведеву (Медведев 2013, рис. 9, 10.); 2 – погребение 147/2010; 3 – погребение 169/2011.

Кратко остановимся на описании орнаментальных композиций сосудов. Пиксида из погребения 29/2005¹⁰ имеет на поверхности рельефный орнамент в виде горизонтальных поясов из трех борозд/двух валиков с прямоугольным сечением. Три одинаковых пояса расположены в верхней, центральной и нижней частях сосуда. Поле между верхним и средним поясами украшено циркульный орнаментом с круглым углублением по центру (рис. 5, 1). Внешняя поверхность пиксиды из захоронения 30/2005 (рис. 4, 1; 5, 2) украшена кольцевым рельефным орнаментом более плавных очертаний в сечении. Сверху и снизу нанесен орнаментальный пояс из трех борозд/двух валиков, а по центру проходит пояс из широкого выпуклого поля ограниченного по краям узкими горизонтальными валиками. Кроме того, у этой пиксиды точеным орнаментом декорированы и другие детали пиксиды – дно и «крышка». Декор последней уже описан выше и соответствует по своей стилистике орнаменту на тулове. Круглая плоская костяная пластина, формирующая дно сосуда украшена четырьмя концентрическими бороздами по периметру края, в центре заметно круглое углубление, появление которого, вероятно, обусловлено технологической необходимостью. Пиксида из склепа 147/2010 украшена двумя орнаментальными поясами (рис. 2, 1; 4, 2; 5, 3) из четырех борозд/трех валиков с прямоугольным сечением. Пиксида из комплекса 169/2011 украшена четырьмя орнаментальными поясами (рис. 4, 3; 5, 4). Верхний и нижний пояса состоят из четырех борозд/трех валиков с прямоугольным сечением, средние пояса составлены из трех борозд/двух валиков. Поле между двумя нижними поясами украшено циркульным орнаментом с круглым углублением по центру.

Итак, на тулове всех пиксид обязательно присутствует точеный орнамент в виде горизонтальных поясов из трех борозд/двух валиков или четырех борозд/трех валиков. В двух случаях данный орнамент дополнен рельефными окружностями с углублением в центре. Следует отметить, что из четырех орнаментальных композиций три выполнены бороздами с прямоугольным сечением, одна отличается плавностью рельефа (рис. 4, 1; 5, 2). В целом, все сосуды имеют схожую орнаментальную композицию.

Результаты анализа морфологических, конструктивных и технологических особенностей пиксид, подталкивают нас обратить внимание на археологические контексты, из которых они происходят.

Пиксида из погребения 29/2005 (рис. 1, 1) найдена в могиле с подбоем, где была захоронена женщина. Сосуд стоял у головы. В комплексе так же найдены сероглиняная кружка, лепной горшок, золотые рубчатые пронизи, бисер, бусина и зуб лошади. Находки позволяют датировать комплекс концом IV – началом V в. н.э.

Пиксида из склепа 30/2005 обнаружена в гробу, где покоился подросток, вероятно, девочка (рис. 1, 2). Автор раскопок относит это погребальное сооружение к склепам¹¹, но на наш взгляд этот комплекс является могилой с подбоем в торцевой стене шахты. Подобные погребальные сооружения достаточно редкое явление для некрополя позднеантичной Фанагории¹². Сосуд лежал в изголовье.

¹⁰ Следует отметить, что при публикации этого сосуда (Медведев 2013, 368, рис. 25, 1) автор приводит рисунок и фотографию пиксиды. К сожалению, вместо находки из комплекса 29/2005 на фотографии представлен ракурс аналогичного сосуда из другого погребения (30/2005).

¹¹ Медведев 2013, 370–372.

¹² Ворошилов, Ворошилова 2018, 135–136.

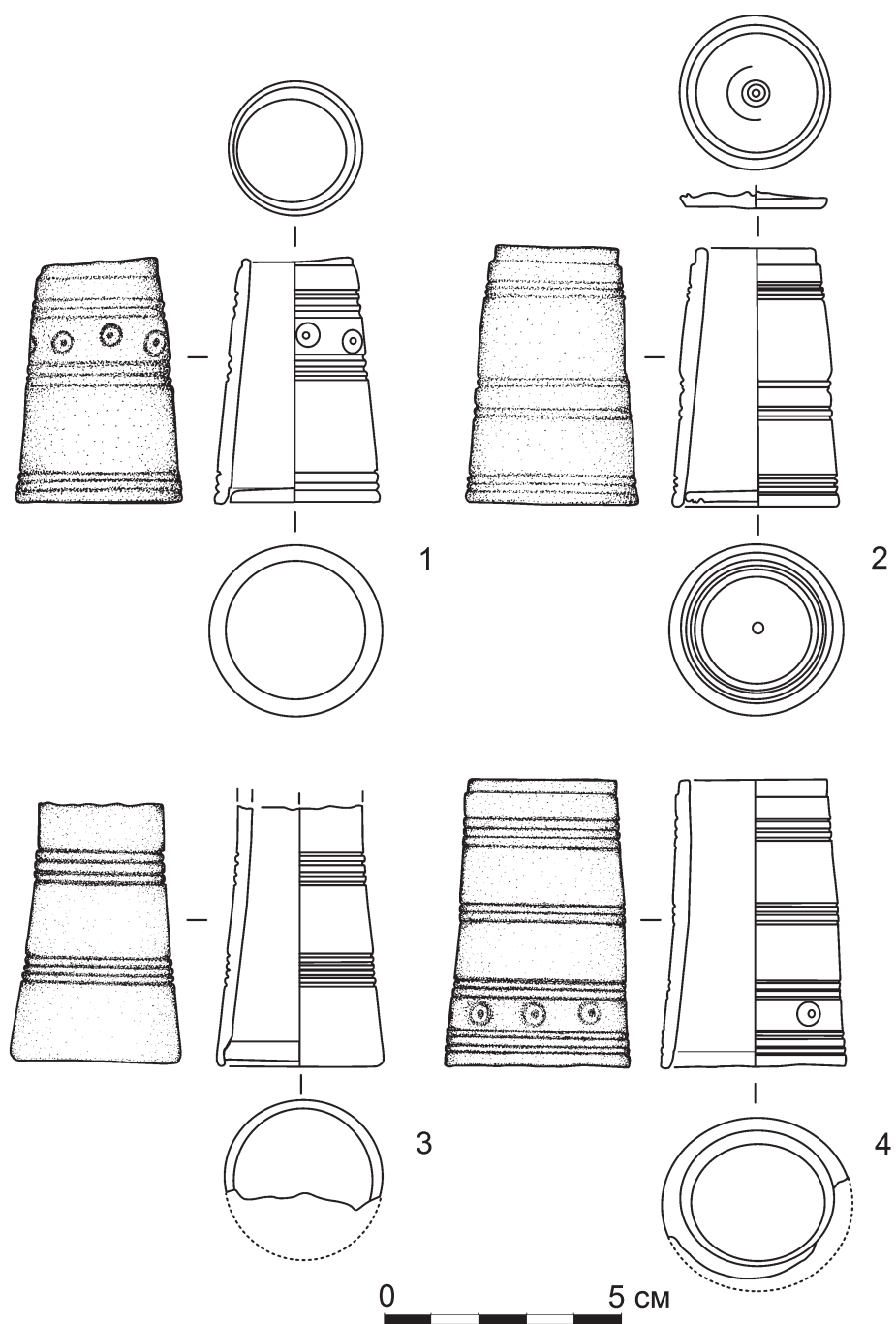

Рис. 5. Пиксиды позднеантичной Фанагории:
 1 – погребение 29/2005; 2 – погребение 30/2005; 3 – погребение 147/2010; 4 – погребение 169/2011

Помимо пиксиды в погребении обнаружены: сероглиняный кувшин, лепной горшок, кремневый отщеп, железный нож, бронзовое зеркало, бронзовый наконечник ремня, две бронзовые пластинчатые фибулы, бронзовая подвязная фибула, бронзовая пряжка и бусы. По погребальному инвентарю захоронение относится к первой четверти V в. н.э.

Пиксида из склепа 147/2010, найдена среди предметов, лежавших в деревянной шкатулке (рис. 2, 2). От шкатулки, помимо деталей механизма, сохранились костяные накладки в виде ромбов и треугольников. Пиксида находилась в ногах ребенка, умершего в возрасте около 3 лет. Среди сопутствующего инвентаря, следует особо отметить: сероглиняный горшок, две бронзовые пряжки с прямоугольным щитком и округлой рамкой, золотые серьги. Помимо этого захоронения в склепе зафиксированы остатки еще двух погребений взрослых мужчин. Комплекс датируется концом IV – первой половиной V в. н.э.

Пиксида из склепа 169/2011 (рис. 3) находилась среди скопления посуды, между гробами на полу погребальной камеры (рис. 3, 2)¹³. В усыпальнице зафиксированы остатки пяти гробов, в которых похоронены двое взрослых – мужчина и женщина и трое детей. Посуда, вместе с которой обнаружена пиксида, стояла при входе в склеп, в головах покойных. В склепе обнаружен многочисленный погребальный инвентарь, позволяющий датировать комплекс концом IV – первой половиной V в. н.э.¹⁴

Из приведенного краткого обзора видно, что костяные пиксиды в большинстве случаев (в трех из четырех) были найдены в изголовье погребенных и использовались в качестве сопутствующего инвентаря женских и/или детских захоронений (вероятно, девочек). Вместе с пиксидами во всех захоронениях присутствуют сероглиняные сосуды (рис. 1–3). В трех погребениях обнаружены детали костюма (фибулы и пряжки) эпохи Великого переселения народов. Так, в погребении 30/2005 находилась пряжка с хоботовидным язычком и ромбовидным щитком¹⁵ и наконечник ремня¹⁶, которые относятся к указанному периоду. В склепе 147/2010 среди предметов, надежно датирующих комплекс, выделяются бронзовые пряжки, которые имеют прямоугольные или округлые щитки, массивные язычки, охватывающие рамку и выходящие за нее. В склепе 169/2011 найдены бронзовые пряжки, полиэдрические серьги, фибулы-цикады, а так же краснолаковая и стеклянная посуда¹⁷. Основной массив погребального инвентаря из этого комплекса характерна для ступени D1–D2.

Таким образом, хронологическая позиция фанагорийских погребений с пиксидами лежит в границах конца IV – первой половины V в. н.э. В трех из них найдены предметы, характерные для ступеней D1–D2 (360/370 – 440–450). Ряд исследователей рассматривает костяные сосуды в качестве хроноиндикаторов ступени D1 на Боспоре¹⁸. Изучение позднеантичных пиксид из Фанагории позволяет сделать вывод о том, что их появление на Боспоре, очевидно, действительно от-

¹³ Ворошилова 2018, 70, рис. 12.

¹⁴ Ворошилова 2013, рис. 2–7.

¹⁵ Медведев 2013, рис. 30, 12.

¹⁶ Медведев 2013, рис. 30, 5.

¹⁷ Ворошилова 2013, рис. 4, 2, 6–8; рис. 5; рис. 6.

¹⁸ Казанский 1999, рис. 5, 16; Медведев 2013, 368.

носится к ступени D1, но присутствие этих сосудов и в комплексах более позднего времени указывает на их использование вплоть до середины V в. н.э.

Несколько слов следует сказать и о функциональном назначении костяных пиксид. Они использовались для хранения косметических порошков и, возможно, кремов/мазей. Свидетельство тому – находки внутри пиксид. В частности, вещества розового цвета (румяна?), обнаруженного внутри сосуда из погребения 29/2005, а также белого порошка (пудра?) на внутренних стенках пиксиды из склепа 169/2011 (рис. 3, 1).

Присутствие в погребениях, выточенных при помощи станка, совершенных костяных изделий недвусмысленно говорит о высоком развитии косторезного ремесла в позднеантичной Фанагории.

Находки костяных пиксид исключительно в престижных типах погребальных сооружений – склепах и подбойных могилах¹⁹, позволяют использовать этот элемент погребального инвентаря в качестве маркера относительно высокого социального статуса их владельцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И., Хайрединова, Э.А. 1998: Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму. *МАИЭТ VI*, 274–311.
- Брей, У., Трамп, Д. 1990: *Археологический словарь*. М.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2015: Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя. В сб.: А.В. Мاستыкова (ред.), *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции*. М., 16–19.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2018: Позднеантичное захоронение с погребальным ремненным гарнитуром из Фанагории. *ПИФК 4*, 125–142.
- Ворошилова, О.М. 2013: Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году. *Stratum plus 4*, 123–131.
- Ворошилова, О.М. 2018: О склепах Фанагории 1–5 вв. н.э. В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по истории и археологии Фанагории*. Вып. 4. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7.). М., 56–76.
- Голофаст, Л.А., Добровольская, Е.В. 2018: Изделия из кости из раскопок слоев хазарского времени Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по истории и археологии Фанагории*. Вып. 4. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7.). М., 77–90.
- Гушина, И.И., Засецкая, И.П. 1994. *Золотое кладбище римской эпохи в Прикубанье*. СПб.
- Казанский, М. 1999: Готы на Боспоре Киммерийском. В сб.: *Сто лет черняховской культуре*. Киев, 277–297.
- Медведев, А.П. 2013а: Эллинистический некрополь Фанагории: вопросы хронологии и периодизации (в свете раскопок 2005–2007 гг.). В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции*. СПб, 232–237.
- Медведев, А.П. 2013 (б): Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.). В сб.: Кузнецов В.Д. (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1). М., 330–402.

¹⁹ Ворошилов, Ворошилова 2015, 18.

- Петерс, Б.Г. 1986: *Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья*. М.
- Стржеleckий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2003–2004. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *Stratum plus* 4, 27–277.

REFERENCES

- Aybabin, A.I., Hayredinova, E.A., 1998: Rannie komplekсы mogil'nika u sela Luchistoe v Krymu [Early burial complexes near the village Luchistoe in the Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] VI, 274–311.
- Brey, U., Tramp, D. 1990: *Arheologicheskiy slovar'* [The Archaeological Dictionary]. Moscow.
- Golofast, L.A., Dobrovolskaya, E.V., 2018: Izdeliya iz kosti iz raskopok sloev hazarskogo vremeni Fanagorii [Bone artifacts from the excavation of layers of the Khazar period at Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials on Archaeology and History of Phanagoria]. 4. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. The Results of Archaeological Research]. Vol. 7). Moscow, 77–90.
- Guschina, I.I., Zasetskaya, I.P., 1994. *Zolotoe kladbishche rimskoy epohi v Prikuban'e* [Golden Cemetery of the Roman Period in Prikubanie]. Saint Petersburg.
- Kazanskiy, M., 1999: Goty na Bospore Kimmeriyskom [Goths in the Cimmerian Bosporus]. In: *Sto let chernyahovskoy culture* [A Hundred Years of the Chernyakhov Culture]. Kiev, 277–297.
- Medvedev, A.P., 2013 (a): Ellinisticheskiy nekropol' Fanagorii: voprosy khronologii i periodizatsii (v svete raskopok 2005–2007 gg.) [Hellenistic necropolis of Phanagoria: issues of chronology and periodization (in the light of the 2005–2007 excavations)]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phenomenon. Greeks and Barbarians at the Eurasian Crossroads: Proceedings of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, 232–237.
- Medvedev, A.P., 2013 (b): Pozdneantichnyy nekropol' Fanagorii 4–5 vv. (raskopki 2005 g.) [Late Antique necropolis of Phanagoria of 4th – 5th centuries AD (excavations in 2005)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials on Archaeology and History of Phanagoria]. 1. (V. D. Kuznetsov (eds.), Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. The Results of Archaeological Research]. Vol. 1)]. Moscow, 330–402.
- Peters, B.G., 1986: *Kostoreznoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomorya* [Bone carving in the ancient states of the Northern Black Sea region]. Moscow.
- Strzheleckiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I., 2003–2004. Naselenie okruga Hersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz № 10») [The population of the Chersonese region in the first half of the 1st millennium AD (according to the materials of the necropolis «Sovkhoz No. 10»)]. *Stratum plus* 4, 27–277.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M., 2015b: Naselenie Fanagorii po materialam pozdneantichnogo nekropolya [Population of Phanagoria based on materials of the Late Antiquity necropolis]. In: A.V. Mastikova (ed.), *Sotsial'naya stratifikatsiya naseleniya Kavkaza v kontse antichnosti i nachale srednevekovya: arkheologicheskie dannye. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Social stratification of the Caucasus population at the

- end of Antiquity and the beginning of the Middle Ages: archaeological data. Materials of the international scientific conference*]. Moscow, 16–19.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M., 2018: Pozdneantichnoe zakhronenie s pogrebalnym remennym garniturom iz Fanagorii [Late Antique burial with burial belt set from Phanagoria]. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 125–142.
- Voroshilova, O.M., 2013: Sklep pozdneantichnogo vremeni iz raskopok Fanagorii v 2011 godu [A Tomb of the Late Antique Period from the excavations at Phanagoria in 2011]. *Stratum plus* 4, 123–131.
- Voroshilova, O.M., 2018: O sklepakh Fanagorii 1–5 vv. n.e. [The 1st – 5th centuries AD tombs in Phanagoria. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials on Archaeology and History of Phanagoria]. 4. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. The Results of Archaeological Research]. Vol. 7). Moscow, 415–481.

PYXIDES FROM THE LATE ANTIQUE PHANAGORIA

Olga M. Voroshilova

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
helga-mir@yandex.ru

Abstract. The analysis of various categories of the grave goods plays an important role for the chronological and cultural-historical interpretation of the burial complexes. Bone items are seldom found in Phanagoria. They are especially uncommon in her necropolis. Meanwhile, the finds of bone items in the burials are of great interest. They indicate the high development of bone carving in the Antiquity and role of bone artifacts in the burial practice of the inhabitants of the capital of the Asian Bosphorus. They also allow us to date some Late Antique assemblages in the Cimmerian Bosphorus. The recent research of the Phanagorian Mission's Necropolis team yielded four graves discovered at the East Necropolis (apart from numerous Late Antique complexes), containing bone pyxides among the grave goods. These miniature vessels were carved out of the large tubular bones of animals. All bone pyxides found in Phanagorian graves are of the same type. Their morphological features are as following: a small diameter (depending on the external volume of the bone blank), a frusta-conical shape with the greatest width at the bottom of the vessel, chiseled bone ends and lids in the form of flat washers, embossed ornamental compositions from several belts of horizontal furrows (from the two to four in one belt). In half of the cases, their bodies are decorated with an ornament in the form of a belt of carved circles with a circular recess in the center. These elegant vessels were used to store cosmetics: the blush, powder, perhaps ointments. All pyxides were generally found in the female burials. In Phanagoria, they were met twice in crypts, in women's and children's burials and twice in graves with lining. Both types of burial structures were used for the burial of non-ordinary citizens of the Late Antique city. All the complexes from which the pyxides came are dated rather narrowly, to the end of the 4th or the beginning and the first half of the 5th century AD. Finds of such vessels in the burial complexes serve as a reliable chronological indicator of the specified period and mark the relatively high social status of their owners. In addition, these perfect bone items carved with the help of the machine clearly indicate a high development of bone-cutting craft in Late Antique Phanagoria.

Keywords: Classical archaeology, Phanagoria, necropolis, funeral rite, grave goods, pyxides, the Migration Period

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-135–152

СРАЖЕНИЯ У КРЕПОСТИ СИНГАРА И РИМСКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ КОНСТАНЦИЯ II: К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СОБЫТИЙ

Д.В. Кареев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
dima75ru@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка осветить проблемные места в хронологии и последовательности событий 30–50-х гг. IV в., связанных с римско-персидскими войнами того времени и восточной политикой римского императора Констанция II. Восточная политика и ведение военных кампаний против Персии во многом достались Констанцию II по «наследству» от своего отца императора Константина I, готовившего незадолго до своей смерти большое военное вторжение на территорию Персии. Однако римско-персидские войны первой половины IV в. развивались как череда непрекращающихся приграничных инцидентов, не перетекавших в итоге в вооруженное противостояние двух держав. Император Констанций, в отличие от своего будущего преемника Юлиана, никогда не предпринимал попыток масштабного вторжения на персидскую территорию, пытаясь сохранить статус-кво на своих восточных границах. Конфликты между Римом и Персией вспыхивали, главным образом, из-за контроля над стратегически важными городами и крепостями в Верхней Месопотамии и прежде всего над Нисибисом, Амидой и Сингарой. Военные кампании, которые вел Констанций против персов, хронологически делятся на два периода – первый из них охватывает события 337–350 гг., второй – 358–360 гг., который заканчивается смертью императора. Отправной точкой здесь служат датировки событий, связанные с битвами и захватом крепости Сингара и тремя осадами стратегически важного города Верхней Месопотамии Нисибиса, которым римская, а впоследствии и византийская историография придавала особую актуальность. Реконструкция событий того времени, происходивших на восточных границах Римской империи, имеет важное историческое значение, поскольку все историки и хронисты, затрагивающие эту проблематику и описывающие внешнюю политику Констанция II в целом как неудачную, при этом не всегда дают нам ясную и последовательную хронологическую картину эпохи.

Ключевые слова: Римская империя, Персия, Констанций II, Шапур II, Юлиан, Сингара, Аммиан Марцеллин, Руф Фест

Целью данной статьи является анализ комплекса вопросов, связанных с восточной политикой римского императора Констанция II, и прежде всего актуаль-

---

Данные об авторе: Кареев Дмитрий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, декан социолого-психологического факультета Ивановского государственного университета.

ных вопросов хронологии и последовательности событий римско-персидских войн 30–60-х гг. IV в. на основе свидетельств имеющихся источников. Историки и хронисты, затрагивающие эту проблематику, не всегда дают нам ясную картину, и во многом реконструкция исторической действительности того времени происходит на основании косвенных данных (особенно это касается событий, происходивших в первые два десятилетия, последовавших после смерти Константина Великого). Ярким примером здесь служит факт неоднозначной датировки т.н. «ночного сражения» близ крепости Сингара, дискуссии вокруг которого идут уже не один десяток лет.

Римский историк второй половины IV в. Руф Фест, характеризуя внешнюю политику Констанция II на Востоке, писал: «Констанций сражался с персами с большими затруднениями и с переменным успехом. Кроме того, он сражался [с врагом] в легких стычках, охраняя границу и девять раз в ожесточенных битвах, семь раз [действуя] через своих полководцев, и дважды лично присутствуя [на поле сражения]. И все же, из-за битв сисарвской, сингарской и вновь сингарской, где Констанций присутствовал лично, и сикгарской, также констанциевской, и когда была взята Амида, в его принципат государство понесло серьезную потерю» (Fest. 27. 1).

Битвам у крепости Сингара римская, а впоследствии и византийская историография придавала особое значение, поскольку в одном из этих сражений в 344 или 348 г. Констанций едва не одержал выгодную для себя стратегическую победу над царем Шапуром II (т.н. «ночное сражение под Сингарой»)¹. По сути, это была единственная относительно успешная битва императора в римско-персидских войнах 30–60-х гг. IV в., во всех остальных он постоянно терпел поражения. Однако авторы, писавшие об этом событии, говорят лишь об одной, «ночной» битве, и только у Руфа Феста мы встречаем упоминания о двух битвах у Сингары, битве у Сисарвы и загадочной битве у Сикгары. О сражении у Сингары с участием Констанция также писали Евтропий (X. 10. 1), Аммиан Марцеллин (XVIII. 5. 7), Павел Орозий (VII. 29. 6), Сократ Схоластик (II. 25. 5), Иероним Стридонский (s. a. 348, p. 236, 3–237), автор или авторы т.н. «Константинопольских консулярий» (p. 236, A.D. 348), Иоанн Зонара (XIII. 5. 33) и особенно подробно Руф Фест (27. 3–4), Либаний (Or. LIX. 103–120) и император Юлиан в «Похвальной речи Самодержцу Констанцию» (Or. 1. 23c–26a).

Сама крепость Сингара находилась достаточно далеко от одного из ключевых римских форпостов в Месопотамии Нисибиса и, по мнению Аммиана Марцеллина, занимала невыгодное географическое положение, «так как все окрестности ее представляют собой безводную пустыню. Хотя еще в древности сооружена была здесь крепость из-за удобства места наблюдения за неприятелем и внезапными его вторжениями, Римскому государству она приносила большой ущерб, так как при неоднократных взятиях города погибали его гарнизоны» (XX. 6. 9). Плиний в своей «Естественной истории» (V. 86) сообщает, что Сингара изначально была столицей арабских племен («*Mox Arabes qui Praetavi vocantur, horum caput Singara*»)². В дальнейшем в ходе парфянских войн императора Траяна Сингару без

¹ О сражении у Сингары см.: Дмитриев 2010, 87–90; 2012, 77–86; Bury 1896, 304–305; Portmann 1989, 1–18; Mosig-Walburg 1999, 330–384; Seek 1900, 1044–1094; Weissbach 1927, 232–233.

² Абрамзон 2006, 111.

боя захватил римский полководец Лусий Квиет (Dio. LXVIII. 22), а затем, начиная с правления императора Александра Севера, Сингара была римской колонией и долгое время (вплоть до 360 г.) служила базой для I Парфянского легиона, набранного Септимием Севером в 197 г. для его кампаний против парфян³.

Цезарь Флавий Юлий Констанций II Август (7. 08. 317–3. 11. 361 гг.), провозглашенный цезарем 8 ноября 324 г., получил в управление восточные провинции в 335 г., а 9 сентября 337 г. стал римским императором⁴. То есть восточная политика и ведение военных кампаний против Персии во многом достались Констанцию II по «наследству» от своего отца императора Константина I.

По некоторым сведениям, Константин под конец своей жизни готовил поход против персов, поскольку к 338 г. истек срок действия сорокалетнего Нисибисского договора и шаханшах Шапур II стал угрожать восточным границам Империи⁵. Согласно Аврелию Виктору, именно персы первыми нарушили условия мира, и Константину не оставалось ничего другого, как начать войну с ними. По мнению историка, император умер «в походе против персов, о которых он слышал, что они начали войну» (De Caes. XLI. 15). Той же версии придерживается Евтропий (X. 8. 2), у которого в оригинальном тексте персы названы парфянами («Bellum adversus Parthos moliens, qui iam Mesopotamiam fatigabant»), и Павел Орозий: «Когда же Константин готовил войну против персов, он скончался на государственной вилле близ Никомидии, передав благоустроенное государство в руки сыновей» (VII. 28. 31). Руф Фест, описывая в панегирическом стиле последние годы жизни Константина, считает, что персы сами просили мира у императора, не решившись вступить с ним в открытое противостояние: «Под конец своей жизни Константин, господин всего мира, подготовил поход против персов. Действительно, усмирив народы по всему миру и недавно [отпраздновав] еще более славную победу над готами, он совместно с полчищами войск проник в Персию. При его приближении Вавилонские царства трепетали до такой степени, что к нему спешило умоляющее посольство персов, которые обещали выполнить [все его] приказания, но, однако, они не были достойны прощения за постоянные внезапные набеги, которыми они атаковали Восток в правление Констанция Цезаря» (Fest. 26. 1–2). К этому пространному сообщению Феста следует относиться с большой долей осторожности, поскольку его «Бревиарий деяний римского народа» содержит сильную пропагандистскую составляющую, не раз отмеченную в современной историографии⁶. Тем не менее схожей версии придерживается и Юлиан в «Похвальной речи Самодержцу Констанцию» (Or. 1. 18b)⁷.

Также сообщает о подготовке персидского похода и Евсевий (Vit. Const. IV. 56), поскольку «персы, узнав о приготовлениях василевса к войне и очень боясь вступить с ним в битву, отправили к нему послов просить мира. Миротворившей-

³ Weissbach 1927, 232–233.

⁴ Seek 1900, 1046–1047.

⁵ Дмитриев 2008, 185.

⁶ Baldwin 1978, 197–217; Barnes 1983, 229–235; Boer 1968, 254–282; 1972, 173–223; Кареев 1999, 30–42; 2004, 3–6; 2009, 21–25.

⁷ «... они (т.е. персы), испугавшись, немедленно возжелали мира. Нарушая и возмущая его каким-то образом еще при жизни твоего отца, они избежали возмездия с его стороны, потому что в приготовлениях к войне он скончался. Позднее же они понесли наказание за содеянное ими от тебя.» (Iul. Or. 1. 18b).

ший василевс, благосклонно приняв персидское посольство, охотно заключил с ними и дружественный договор» (Vit. Const. IV. 57). Информацию о подготовке персидского похода Константином мы находим и в целом ряде других источников, а именно в хрониках Иеронима Стридонского (s. a. 337, p. 234), Феофана Исповедника (А.М. 5828, p. 33), Михаила Сирийца (VII. 3), Иоанна Зонары (XIII. 4. 25–8) в «Извлечениях» Анонима Вalezия (VI. 35) и в речи Либания (Or. LIX. 60–75).

Поводом к новому витку конфликта с Персией послужили массовые гонения на христиан в 330 г. (раннехристианский историк Созомен считает, что было замучено и убито около 60 тыс. человек) со стороны Шапура II (Soz. 14). Именно в это время ко двору Константина прибыло посольство персов, и император посчитал своим долгом выступить с ходатайством перед Шапуром о защите христиан в Персии (Soz. 15)⁸. Несмотря на это в дальнейшем войны не удалось избежать.

Вторая причина начинавшегося противостояния Рима и Персии заключалась в решении традиционного вопроса о контроле над соседней Арменией, поскольку религиозная политика Сасанидов, отныне направленная на репрессии по отношению к христианам, привела к смещению с престола и бегству армянского царя Хосрова II.

К сожалению, о событиях 310–332 гг., происходивших в Персии, мы практически ничего не знаем, и до начала 330-х гг. активная внешняя политика персами явно не велась⁹. Вероятно, какие-то военные действия начались еще в правление Константина, когда тот отправил своего сына Констанция на Восток (Iul. Orat. 1. 13b), поскольку Руф Фест говорит о некоей победе при Нарасаре (27. 2)¹⁰, «где был убит Нарсес» («Narasarensi autem, ubi Narseus occiditur, superiores discessimus»), а Феофан Исповедник под 336 г. сообщает о захвате персами Амиды и убийстве Нарсе, сына персидского царя, хотя, по всей видимости, речь идет не о сыне, а о брате Шапура (А.М. 5815, p. 20, 21–6)¹¹. К концу 336 или к самому началу 337 г. относится упоминание Аммианом Марцеллином факта постройки Цезарем Константином новых стен и башен в Амиде, «чтобы окрестное население могло найти там надежное убежище» (XVIII. 9. 1)¹². В этом же году Констанций восстановил город Антониополь в Месопотамии, заложенный еще Каракаллой между Эдессой и Дарой и впоследствии названный Константином (Amm. Marc. XVIII. 9. 1). Вероятнее всего, что эти действия будущего римского императора были связаны с возросшей активностью Шапура II на Кавказе, где тот в 335 г. ввязывается в конфликт между армянами и маскутами (Iul. Orat. 1. 18d–19a)¹³. К этому же году относится утверждение Константином Ганнибалиана младшего «царем царей», правителем «понтйских областей» и Армении, с дальнейшей перспективой занять персидский трон (Anon. Val. VI. 35; Epit. Caes. XLI. 20; Chron. Pasch. p. 532, 1–3)¹⁴.

⁸ Дмитриев 2008, 188; Мочалов, Полежаев 2016, 49–50; Дьяконов 1961, 265; Potter 2004, 447.

⁹ Дьяконов 1961, 265; Луконин 1997, 1021.

¹⁰ Существует мнение, что «Нарасара» – это неправильно услышанное Руфом Фестом название горной речки, находящейся рядом с Элейей и ныне называющейся Нахр-Гиран: Дмитриев 2010, 88; Peeters 1931, 10–47.

¹¹ Dodgeon, Lieu 2005, 135.

¹² Dodgeon, Lieu 2005, 136.

¹³ Луконин 1997, 1021.

¹⁴ Potter 2004, 459–460.

Таким образом, в последний год жизни Константина Великого начинают предприниматься определенные шаги по организации масштабной кампании против Шапура II, о чем недвусмысленно сообщают практически все наши источники, но смерть императора в местечке Ахилона рядом с Никомедией 22 мая 337 г. помешала этому (Aur. Vic. De Caes. XLI. 15).

После смерти Константина Великого Империя была поделена между его сыновьями. Константин II «получил все земли за Альпами, Констанций – Азию и весь Восток, начиная от Пропонтиды, Констанс – Иллирик, Италию и Африку, Далмацию, Фракию, Македонию и Ахайю; Анибалиан, родной брат Делмация, – Армению и окружающие ее союзные районы» (Epit. Caes. XLI. 20). В результате этого возник кризис власти, отягощенный убийствами ближайших родственников Константина Великого и гражданской войной между его сыновьями¹⁵.

В этих условиях Шапур, обоснованно предполагая, что Констанций будет занят внутренними делами, начинает открытые военные действия. По причине скудости исторических данных мы мало что знаем о подробностях этой кампании против римлян. Вероятно, она началась уже в начале или весной 338 г., и основные события в ней разворачивались в Верхней Месопотамии, где войсками Шапура II был осажден Нисибис¹⁶. Однако шаханшах, безрезультатно простояв у города 63 дня, был вынужден снять осаду и уйти в свои пределы. Об этой осаде есть достаточное количество свидетельств, и прежде всего это «Хроника» Иеронима Стридонского (s. a. 338, p. 234, 17–18), где под 338 г. сообщается, что персидский царь два месяца осаждал Нисибис («Sapor rex Persarum Mesopotamia vastata duobus ferme mensibus Nisibin obsedit») и что город был спасен только благодаря епископу Иакову, возглавлявшему оборону («Jacobus Nisibenus episcopus agnoscitur, ad cuius preces saepe urbs discrimine liberata est»). Подробное описание осады города дали Феодорит Кирский (Ecc. Hist. II. 30. 1–14) и Михаил Сириец (VII. 3), согласно которым она продолжалась 70 дней, а о решающей роли епископа Иакова в организации сопротивления персам писали также Филосторгий (III. 23), Феофан Исповедник (A.M. 5829, pp. 34, 33–5, 10) и Яков Эдесский (CSCO 9, p. 289).

Набеги персов на Месопотамию предположительно продолжились и в начале 340 гг. (Liban. Or. LIX. 77). В ходе этой кампании, по сообщениям Либания (Or. LIX. 83–85) и Юлиана (Or. 1. 22a–c)¹⁷, Констанцию даже удалось развить наступление римских войск, перейти Тигр и захватить один из пограничных персидских городов, пленного которого он перевел и разместил во Фракии. Антиохийский ритор при этом с гордостью отмечает, что только из страха перед императором персы отступали, не дожидаясь битвы (Or. LIX. 76).

В 344 г. Шапур вновь переходит границу с Римской империей и, по всей видимости, именно к этому году относится знаменитое «ночное» сражение у крепости Сингара¹⁸. Руф Фест (27. 3) пишет, что это была «ночная битва у Элии близ Син-

¹⁵ Обзор историографии по данной проблеме см.: Григорюк 2012, 155–166.

¹⁶ Возможно, что военные действия персов начались еще летом 337 г.: Venning 2011, 662. О том, что осада Нисибиса началась уже в июне 337 г., пишут Феофан (A.M. 5829, pp. 34, 33–5, 10) и автор Пасхальной хроники (s. a. 337, p. 533).

¹⁷ Юлиан лишь туманно намекает: «ты много раз переправлялся с войском через эту реку [т.е. Тигр] и долгое время проводил во вражеской стране, возвращаясь со славными победами» (Or. 1. 22b–c).

¹⁸ Обзор историографии по данной проблеме см.: Дмитриев 2012, 77–86.

гары» («Nocturna uero Eliensi prope Singaram pugna»), Аммиан Марцеллин (XVIII. 5. 7) говорит о событиях «при Гилеие и Сингаре, где в ожесточенной ночной битве наши войска потерпели жесточайшее поражение» («apud Hileiam et Singaram, ubi acerrima illa nocturna concertatione pugnatum est, nostrorum copiis ingenti strage confossis»). Естественно видеть в Элии Руфа Феста и Гилеие Аммиана Марцеллина один и тот же топоним¹⁹. По мнению В.А. Дмитриева, «сражение между армиями Констанция II и Шапура II произошло, вероятнее всего, на равнине, простирающейся на 20–25 км к западо-юго-западу от Тигра в направлении Сингары»²⁰.

Существуют две традиционные датировки этого события. Согласно первой, одно время достаточно распространенной в историографии²¹, битва произошла в 348 г., и на этот факт, казалось бы, неопровержимо указывают сообщения в «Хронике» Иеронима Стридонского (s. a. 348, p. 236, 3–237, 2), «Хронологическом каноне» Якова Эдесского (CSCO 5, p. 293) и запись в «Константинопольских консуллярных» (p. 236, 348 г.). Однако еще в конце XIX в. была сделана попытка обосновать более раннюю датировку, основываясь на сведениях «Похвальной речи Самодержцу Констанцию» императора Юлиана, в которой будущий правитель достаточно точно указывает дату сингарской битвы, говоря о том, что шесть лет спустя после этой войны на исходе зимы восстал узурпатор Магненций (Iul. Or. 1. 26b)²². Дата восстания Магненция хорошо известна – это январь 350 г., следовательно, «ночная» битва римлян и персов никак не могла состояться позже лета 344 г. Но данная, более или менее точная, датировка содержится только в «Похвальной речи...» Юлиана, у других же авторов, таких, как Либаний, Евтропий, Руф Фест, Павел Орозий и Сократ Схоластик полностью отсутствуют какие бы то ни было хронологические ориентиры. Либаний дважды упоминает о том, что «ночная» битва у Сингары была последней битвой Констанция на момент создания им речи (Or. LIX. 99) и совсем не упоминает о второй осаде Нисибиса в 346 г., что, казалось бы, он должен был сделать. На этом основании делается вывод о том, что его речь была составлена в 344/345 гг.²³ В то же время Руф Фест единственный, кто пишет о двух сингарских битвах и подробно описывает битву у Элии близ Сингары с участием Констанция II (27. 1–4), что отчасти пересекается и с сообщением Аммиана Марцеллина (XVIII. 5. 7).

Полярны и оценки этой битвы у историков. Авторы, подробно писавшие о данном событии, сходятся в одном – это было одно из самых выдающихся сражений Констанция II. Так, Либаний называет эту битву «великой» (Or. LIX. 99), а Руф Фест считает, что она «могла бы быть событием, [по значению] сопоставимым со всем походом» (27. 3). Более сдержанны в своей оценке Евтропий («ни одна битва против Сапора не была удачной, кроме той, которую он мог одержать у Сингары» (10. 1)), Иероним («И из девяти самых жестоких сражений с персами для Констанция ни одно не было тяжелее этого» (s. a. 348, p. 236, 3–237, 2)) и Юлиан («эта битва принесла одинаковое поражение обеим сторонам и показала, что твоя доблесть превосходит их удачу» (Or. 1. 23b)). Самого императора в не-

¹⁹ Streck 1913, 1606.

²⁰ Дмитриев 2010, 89.

²¹ Weissbach 1927, 232–233; Seek 1900, 1061–1062.

²² Bury 1896, 304–305.

²³ Дмитриев 2012, 81; Portmann 1989, 1–18.

удаче обвиняют Павел Орозий («...упустил почти обретенную победу, да мало того, побежден» (VII. 29. 6)) и Сократ Схоластик («Констанций не имел ни в чем успеха, ибо в ночном сражении <...> персы, хотя и на короткое время, одержали верх» (II. 25. 5)).

Перед тем как в очередной раз напасть на римлян, Шапур провел мобилизацию персидских войск, «всех мужчин, способных носить оружие <...> и женщин в качестве обозных, для войска»²⁴; также были собраны живущие по соседству племена варваров (Liban. Or. LIX. 100). Констанций в этих условиях отдает приказ войскам, охраняющим границу, заманить врага безопасностью переправы и «как можно скорее передвинуться и, не смущаясь, если даже будет наводим мост через реку, не препятствовать высадке и не мешать строить укрепление, но предоставлять и окапываться, если то будет угодно врагам» (Liban. Or. LIX. 102). Персы по наведенным в трех местах мостам, «непрерывно двигаясь и днем и ночью», перешли реку, по всей видимости Тигр, и после переправы воздвигли укрепления вокруг своего лагеря (Liban. Or. LIX. 103). Сам лагерь персов находился на равнинной местности, на правом берегу Тигра, однако, окруженный горными вершинами, где были выставлены «лучники и метатели копий <...> латников поставили впереди стены» (Liban. Or. LIX. 104). Видимо, римляне во главе с императором «правильным построением» располагались поблизости и были уже готовы к этому вторжению (Iul. Or. 1. 23c). Согласно Либанию, персы первыми атаковали римлян, чтобы отеснить их от своего лагеря, но, увидев наступающего противника и применив свою излюбленную тактику,²⁵ поспешно отступили, завлекая войско Констанция под обстрел со стороны холмов (Or. LIX. 104). Противоположной версии придерживается Юлиан, который считает, что Шапур «увидел все наши легионы в боевом строю» и «считал, что нужно как можно скорее бежать, и единственный путь к спасению – успеть переправиться через реку» (Or. 1. 23d). Соответственно, персы стали «отступать лицом к противнику», а затем пустились в открытое бегство (Iul. Or. 1. 23d–24a). Преследование отступающего врага заняло в итоге у римлян большую часть дня, поскольку расстояние между лагерями Констанция и Шапура составляло порядка 100–150 стадий (25–27 км). Видимо, оно началось еще до полудня, и к укрепленной стене лагеря персов римляне приблизились только поздно вечером (Liban. Or. LIX. 105–107; Iul. Or. 1. 24c). Здесь войско Констанция достаточно быстро расправилось с отрядом, стоявшим на охране стены, без особого труда ее разрушило и ворвалось внутрь лагеря (Liban. Or. LIX. 110–112; Iul. Or. 1. 24c; Fest. 27. 4).

Почти все без исключения причиной проигрыша Констанция называют неудовлетворительное и вызывающее поведение солдат, не подчинившихся приказу своего военачальника. Евтропий считает, что это было «высокомерие воинов, которые возмутительно, глупо и вопреки закону войны вынудили его дать сражение уже на закате дня» (X. 10. 1). Схожие причины называют Иероним («по глупости солдат потеряли несомненную победу» (s. a. 348, p. 236, 3–237, 2)) и Павел Орозий («... он, принужденный возмущенными и разнузданными требованиями солдат, начал

²⁴ О подобной мобилизации персидского войска пишет и Геродиан: «...у них собираются поголовно все мужчины, а иногда и женщины, когда прикажет царь. По окончании же войны каждый возвращается к себе домой, обогатившись тем, что досталось ему от награбленного» (Herod. VI. 5. 3).

²⁵ Дмитриев 2008, 95–122.

битву ночью» (VII. 29. 6)). Руф Фест более сдержан в своих оценках, и, по его мнению, «сам император мог бы, взывая, удержать пылкое высокомерие солдат, [стремящихся] в неподходящее время принять бой» (27. 3). При этом он даже называет их «*invicti viribus*» (27. 4). Либаний также приводит эпизод с уговорами императора перед своим войском не вступать в сражение на исходе дня, однако «если бы они [т.е. солдаты – прим. авт.] вняли этим словам и горячность их не восторжествовала бы над увещанием, ничто не помешало бы тому, чтобы и противники были повержены <...> и победители были спасены» (Or. LIX. 106–108). Юлиан говорит о том, что Констанций убеждал своих воинов не вступать в сражение еще до преследования персов, поскольку был приказ оставаться на месте (Or. 1. 24a).

Ворвавшись в лагерь персов, римляне учинили там полный разгром. «Они устремились потоком, считая недостаточным все, что удавалось сделать, расхищают палатки, непосредственно получая плоды труда, только что выполненного, кого захватили, всех тех убивают, только бежавшие спаслись» (Liban. Or. LIX. 112). С точки зрения Руфа Феста (27. 4) и Юлиана (Or. 1. 24c), подобные действия римских солдат были продиктованы поисками воды, из-за мучившей их жажды. Однако, несмотря на, казалось бы, полное поражение, в дело вступили персидские лучники, размещавшиеся на холмах рядом с лагерем. Римляне «были заброшены тучей стрел», поскольку представляли удобную цель из-за света факелов, которыми они освещали свой грабеж лагеря персов («*nimbo sagittarum obruti sunt, cum stolide ad dirigendos certius in se ictus lumina ipsi per noctem accensa praeberent*» Fest. 27. 4).²⁶ Но и персы были вынуждены отступить и «побросали сверх того и богатство в палатках», тем более, что по свидетельствам и Либания (Or. LIX. 117), и Юлиана (Or. 1. 24d), был захвачен и убит сын царя Шапура, а сам Шапур «бежал до тех пор, пока река не осталась у него за спиной».

Персы отошли за Тигр, и военная кампания Шапура против Империи была сорвана, едва начавшись. Либаний пишет, что, по рассказам очевидцев, которым «нельзя не доверять», царь оплакивал убийство своего сына, гибель войска, страду, «оставшуюся без земледельцев», и принял решение казнить тех, «которые не добыли ему, как подобало, римского благосостояния» (Or. LIX. 118).

Какие-то военные действия, видимо, продолжились вплоть до 346 г., когда персы во второй раз осадили Нисибис. Об этом событии пишут Иероним Стридонский («Сапор снова три месяца осаждает Низивию» (s. a. 346, p. 236)) и Феофан Исповедник («Персидский царь Савор вторгнулся было в Месопотамию, опять осаждал город Нисивию целых семьдесят восемь дней и снова со стыдом отступил» (А.М. 5837, p. 38, 9–11)).

Вероятно, что в 348 г. персы вновь подошли к Сингаре и осадили ее. Аммиан Марцеллин, в свою очередь, вскользь упоминает о ночной вылазке из Сингары протектора, а в недалеком будущем комита Элиана, когда римляне «перебили множество погруженных в сон персов» (XVIII. 9. 3). И, скорее всего, именно с этим событием более поздние хронисты спутали «ночную» битву императора Констанция²⁷.

У Аммиана Марцеллина мы обнаруживаем еще два упоминания о событиях, связанных с Сингарой. Первое из них – осада Амиды 359 г., когда историк, описы-

²⁶ По версии Юлиана, было убито три или четыре воина, что является явным преуменьшением потерь римлян (Or. 1. 24d).

²⁷ Дмитриев 2012, 82.

вая штурм города персами, замечает, что «стрелы стеной закрывали небо, и орудия, которыми овладели персы, разграбив Сингару, нанесли многим раны» (Amm. Marc. XIX. 2. 8). И второе упоминание – это уже осада и штурм Сингары 360 г., когда персы использовали таран, который «стал поражать частыми ударами круглую башню, с которой в прошлую осаду, как я о том сообщал, город открылся для римлян» (Amm. Marc. XX. 6. 5). Исходя из современного состояния источников, на сегодняшний день невозможно точно определить, когда произошли оба названных события. Вполне возможно, что штурм Сингары был как раз в 348 г., после чего она была захвачена неприятелем, а впоследствии освобождена римлянами²⁸.

Переход крепости вновь в руки римлян вполне мог состояться в 350 г., когда Шапур в третий раз осаждал Нисибис. Подробное описание этой осады города, длившейся четыре месяца, мы находим в произведениях императора Юлиана (Or. I. 27a–29a; Or. II. 62b–67a), Зосимы (III. 8. 2), Феофана Исповедника (A.M. 5841, pp. 39, 13–40) и Иоанна Зонары (XIII. 7. 1–14). По всей видимости, персы были вынуждены отступить, не только понеся урон от защитников города, но и по причине разыгравшейся эпидемии моровой язвы, поразившей войско Шапура. Как справедливо заметил Руф Фест, «персами трижды осаждался Нисибис, однако враг причинил большой ущерб [себе], пока осаждал [город]» (27. 2).

После этих событий Констанций перед тем, как отбыть в западные провинции Империи для ведения военных действий против узурпаторов, укрепил сирийскую границу, пополнил гарнизоны приграничных городов, чтобы в достаточной мере защитить жителей от возможного внешнего вторжения (Iul. Or. I. 26d–27a). Центром подобных приготовлений стала Антиохия, куда стекались все военные и людские ресурсы, а также необходимые запасы продовольствия (Liban. Or. XI. 177–179).

Подробности следующей войны с Шапуrom II мы узнаем главным образом из *Res Gestae* Аммиана Марцеллина. После событий под Сингарой и Нисибисом в первой половине 350-х гг. Шапур был вынужден обратиться к северо-восточным рубежам своего государства, воюя с племенами хионитов и саков (Amm. Marc. XIV. 3. 1; XVI. 9. 4)²⁹. Однако в течение этого времени разбойные нападения персов на приграничные области Римской империи не прекращались. «Между тем, на Востоке персы захватывали людей и скот скорее путем воровского разбоя, нежели в правильных боевых схватках, как то было в прежнее время» (Amm. Marc. XVI. 9. 1). На одного из персидских вельмож Ногодареса даже было возложено особое «поручение делать набеги на Месопотамию всякий раз, как представится такая возможность, и он тщательно высматривал, не найдется ли места, где бы можно было прорваться неожиданным набегом» (Amm. Marc. XIV. 3. 1). В этих условиях префект претория Востока Музониан и его советник дукс Месопотамии Кассиан на исходе 356 г. начинают тайные переговоры с персидским военачальником Тамсапором с целью заключения мира между персидским царем и римским императором, поскольку и сам Шапур с трудом воевал на своих восточных рубежах (Amm. Marc. XVI. 9. 3). Зимой 356–357 гг. Шапур проводил в области хионитов и евсенов, и Тамсапор пишет ему письмо, в котором просит заключить мир с Констанцием (Amm. Marc. XVI. 9. 4). Заключив в 358 г. мир с хионитами и

²⁸ Дмитриев 2012, 85.

²⁹ Дьяконов 1961, 266.

получив возможность основательно подготовиться к новой войне с римлянами, Шапур соглашается на мир с императором, но в ответ выдвигает тяжелые условия, требуя возврата Армении и Месопотамии, «которые были коварно отняты» у его отца Нарсе и деда Шапура I (Amm. Marc. XVII. 5. 2–6). Послом к Констанцию был направлен некий Нарсей с «дарами и письмом» (Amm. Marc. XVII. 5. 2).

Констанций в ответном письме категорически отклонил территориальные требования Шапура, обвинил своего префекта претория в том, что он завел «с твоим полководцем через каких-то людей низкого состояния (*per quosdam ignobiles*) речи о мире» и заметил, что когда римлян задевают, то они отстаивают свое «достояние с мужественным воодушевлением доброго дела» (Amm. Marc. XVII. 5. 10–14). В конечном итоге император не отказывался и не отвергал мира, главное, чтобы он «был почетный и благородный и ни в каком отношении не ронял ни моей чести, ни моего величия», и в свою очередь сам отправил к персам посольство (Zos. III. 27. 4) в составе комита Проспера, трибуна и нотариия Спектата, а также философа Евстафия, имевшего «репутацию мастера убеждать» (Amm. Marc. XVII. 5. 12–15). Цель этого посольства была очевидна – задержать всеми способами военные приготовления Шапура и укрепить обороноспособность восточных провинций. Несмотря на то, что Шапур принял римлян в своей столице в Ктесифоне, это посольство не добилось успеха и вернулось назад. Вслед за первым посольством было отправлено второе, состоящее из комита Луциллиана и нотариия Прокопия с аналогичной целью «добиться мира на тех же неизменных условиях» (Amm. Marc. XVII. 14. 1–3).

Однако конфликт не удалось предотвратить и на этот раз. В начале следующего 359 г. начинается подготовка Шапура к новой кампании, чтобы вновь с весны, как и прежде до этого, начать наступление.

Подготовка римлян к близящейся войне в этих условиях сопровождалась многочисленными интригами ближайшего окружения императора Констанция против опытного командующего на Востоке – магистра конницы Урзицина, а также фактами перехода на сторону персов чиновников приграничных восточных провинций (Amm. Marc. XVIII. 4–5. 1).

Так, по совету перебежчика – бывшего протектора Антонина – Шапур принимает решение в начале весны форсировать переправу через Евфрат и не заниматься длительной осадой хорошо укрепленных римских городов, «чтобы таким образом, предупредив быстротой движения молву, захватить провинции, которые во всех предшествующих войнах, кроме времен Галлиена, оставались неприкосновенными и разбогатели благодаря продолжительному миру» (Amm. Marc. XVIII. 6. 3).

В ответ римляне перебрасывают контингент своих войск в Нисибис и укрепляют его, «чтобы персы, втайне подготовив осаду, не захватили город врасплох» (Amm. Marc. XVIII. 6. 8). Тем временем «грабительские шайки» персов постепенно начинают переходить Тигр и проникать в пределы Империи в направлении крепостей Кастра Маврорум и Сизара (Amm. Marc. XVIII. 6. 9). На смену Урзицину на Восток прибывает Сабиниан, «человек слабый и бездеятельный» (Amm. Marc. XVIII. 6. 1), но, благодаря своевременным действиям своего бывшего командующего, римляне получают зашифрованное письмо от нотариия Прокопия и узнают о планах Шапура перейти реки Анзабу и Тигр (Amm. Marc. XVIII. 6. 17–19). В дальнейшем предпринимаются усилия по укреплению правого берега Евфрата,

население переводится в более безопасные места и сжигаются все поля с посевами (Amm. Marc. XVIII. 7. 1–3). Тем не менее беспечность главнокомандующего Сабиниана позволила персам и союзным с ними войскам перейти Анзабу и дойти до Нисибиса, который они прошли, по совету Антонина, не штурмуя (Amm. Marc. XVIII. 7. 7–8).

Римские войска разрушили мосты у Зевгмы и Каперсаны, но по причине малодушия и трусости всадников, присланных из Иллирика, передовые отряды персов подошли вплотную к Амиде, вблизи которой произошло сражение (Amm. Marc. XVIII. 8. 1–12). Однако Шапур изменил направление в сторону селений Горру, Мейакарире и Харху, тем самым удаляясь от Амиды, и приступил к осаде крепостей Реман и Бузан, которые впоследствии были сданы своими собственными гарнизонами (Amm. Marc. XVIII. 10. 1–2). И только после этого персидский царь приступил к осаде Амиды.

Обстоятельное описание осады и взятия Амиды дано непосредственным участником этих событий, будущим историком Аммианом Марцеллином (Amm. Marc. XIX. 1–9). Во время этой осады, продолжавшейся 73 дня, персы также овладели еще одной, соседней с городом крепостью Зиаты (Amm. Marc. XIX. 6. 1).

После захвата Амиды, в конце сентября, «Сапор и персы собирались вернуться домой с пленными и добычей» (Amm. Marc. XIX. 9. 1). При этом по версии Аммиана Марцеллина Шапур «потерял гораздо больше людей, чем взял в плен наших или, по крайней мере, перебил в разных битвах. Так случалось несколько раз под Нисибисом и под Сингарой, а также и теперь, когда он <...> потерял 30 тысяч воинов» (XIX. 9. 9).

Император Констанций в это время находился в Паннонии, где отражал набеги лимигантов-сарматов (Amm. Marc. XIX. 11. 1–16). После победы над ними он направился в Константинополь, «чтобы, находясь ближе к Востоку, ликвидировать последствия поражения, полученного при Амиде», поскольку «было очевидно, что Сапор, если не удержит его Провидение и тщательное принятие многообразных мер, оставит Месопотамию в тылу и откроет военные действия на более широком просторе» (Amm. Marc. XIX. 11. 17).

Также Констанций получил еще одну проблему в западных провинциях Империи, где восставшие в Галлии войска провозгласили Августом Юлиана (Amm. Marc. XX. 4. 1–22).

Как и в 337 г., Шапур, зная, что Констанций занят внутренними смутами и подготовкой похода против Юлиана, вновь перешел Тигр и приступил к осаде Сингары (Amm. Marc. XX. 6. 1). Перед тем, как начать очередную осаду римской крепости, персидский царь «сделал сначала попытку через допущенных ближе к стенам вельмож склонить на свою сторону защитников путем мирных переговоров» (Amm. Marc. XX. 6. 3). Когда же эта попытка провалилась, персы начали штурм, который с переменным успехом продолжался несколько дней. Однако с помощью тарана, который был подведен к одной из башен Сингары, персам удалось проникнуть внутрь, как это и произошло, по-видимому, еще в 348 г. (Amm. Marc. XX. 6. 3–7). В плен было уведено множество местных жителей, а также солдаты I Флавиева и I Парфянского легионов, защищавших крепость и составлявших ее гарнизон (Amm. Marc. XX. 6. 8). При этом основная часть римского войска стояла лагерем, охраняя Нисибис, но не оказала помощи гибнущей крепости, что

неоднократно случалось и в прежние годы (Amm. Marc. XX. 6. 9). В результате Сингара окончательно перешла в руки персов и ее римский гарнизон прекратил свое существование³⁰.

После взятия Сингары Шапур вновь из осторожности обошел Нисибис стороной и приступил к осаде следующей крепости Безабда (Бет-Забдэ) (Amm. Marc. XX. 7. 1). Подробное описание осады и взятие Безабды мы также находим у Аммиана Марцеллина (XX. 7. 1–15). Взятие Безабды упоминает и Феофан Исповедник (А.М. 5852, р. 46, 9–10).

Затем персы осадили крепость Вирта, расположенную на самой границе Месопотамии и построенную еще Александром Македонским, однако взять ее не смогли (Amm. Marc. XX. 7. 17–18).

Император Констанций находился в это время в Константинополе, опасаясь начала ответных действий со стороны Юлиана, зимовавшего в Паризиях, и по этой причине не имел возможности выступить в поход против персов, но «с большой предусмотрительностью снабжал восточную границу всяким боевым снаряжением» (Amm. Marc. XX. 8. 1). В планы Констанция входило с началом весны выступить из Фракии и начать войну на востоке, хотя он и колебался в своем выборе «двинуться против персов или же против Юлиана» (Amm. Marc. XX. 9. 3).

Укрепляя свои позиции перед началом очередной военной кампании, Констанций вызвал к себе армянского царя Аршака II, убеждая того остаться верным другом Риму, тем самым предотвращая его возможный союз с Шапуrom (Amm. Marc. XX. 11. 1–3). С той же целью было направлено посольство с дарами к царю Иверии Мерибону (Amm. Marc. XXI. 6. 8).

Закончив все эти подготовительные действия, император выступил из Каппадокии через Мелитену, Лакатены и Самосату, перешел Евфрат и прибыл в Эдессу (Amm. Marc. XX. 11. 4). И только в конце сентября 360 г. Констанций отправился в направлении разоренной Амиды и приступил к осаде Безабды. Предприняв несколько безуспешных попыток штурма и опасаясь бунта солдат из-за приближавшейся зимы и неблагоприятной местности, Констанций отступил в Сирию, намереваясь зимовать в Антиохии (Amm. Marc. XX. 11. 31–32). Таким образом, и эта кампания императора окончилась неудачей.

После завершения похода Констанций в очередной раз столкнулся с проблемой близящейся гражданской войны с Юлианом и начал подготовку к ней. Однако на исходе зимы 361 г. персидская армия снова начинает концентрироваться у берегов Тигра (Amm. Marc. XXI. 7. 6). Напуганный этими известиями, римский император покинул зимние квартиры, «перешел через Евфрат близ Каперсаны по наводному мосту и направился в богатую всякими запасами и хорошо укрепленную Эдессу» (Amm. Marc. XXI. 7. 7) для того, чтобы в непосредственной близости отслеживать перемещения персов. От своих разведчиков в Эдессе Констанций получал достаточно противоречивые сведения, поскольку «персидский царь медлил за Тигром, пока знамения не позволят выступить в поход» (Amm. Marc. XXI. 13. 1–2). Соответственно и римский император «то располагал свои войска для правильной битвы с врагом, то собирался, если представится возможность, приступить к решительной осаде Безабды» (Amm. Marc. XXI. 13. 1). Нерешитель-

³⁰ Weissbach 1927, 232.

ность Констанция была во многом обусловлена и тем, что он щадил свою армию для последующей междоусобной войны, тем более что Юлиан, пройдя Италию и Иллирик, готов был незамедлительно начать боевые действия во Фракии (Amm. Marc. XXI. 13. 2–6). Однако Шапур II отказался от похода и «двинулся по указанию небесных знамений назад в свои земли» (Amm. Marc. XXI. 13. 8). Вероятно, персидский царь был напуган значительной концентрацией римских войск по всей линии фронта, что также не входило в его планы по организации набега на территорию Империи. Очередной виток войны с персами для римлян был закончен. Сам Констанций вскоре умер в Киликии, близ селения Мобсукрены, готовясь уже к прямым военным действиям против Юлиана (Eutr. X. 15. 1; Amm. Marc. XXI. 15. 2–3; Socr. II. 47; Epit. Caes. XLII. 17; Soz. V. 1; Zon. XIII. 11).

Таблица 1. Хронологическая последовательность событий восточной политики Констанция II

Год	Событие	Источник
335/336 гг.	Цезарь Констанций получает в управление восточные провинции Римской империи.	Юлиан «Похвальная речь Самодержцу Констанцию» (Orat. 1. 13b).
336 г.	Захват персами Амиды, победа римлян при Нарасаре (?) и убийство Нарсе, брата Шапура II.	Руф Фест «Бревиарий деяний римского народа» (27. 2), Феофан Исповедник «Хронография» (А.М. 5815, р. 20, 21–6).
336 г./ начало 337 г. (?)	Римляне отвоевывают Амиду. Постройка Цезарем Констанцием новых стен и башен в Амиде. Восстановление Антониополя.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XVIII. 9. 1).
337 г.	Подготовка Константином Великим персидского похода.	Секст Аврелий Виктор «О цезарях» (XLI. 15), Евтропий «Бревиарий от основания Города» (X. 8. 2), Руф Фест «Бревиарий деяний римского народа» (26. 1–2), Евсевий «О жизни блаженного василевса Константина» (IV. 56), Павел Орозий «История против язычников» (VII. 28. 31), Аноним Валезия «Извлечения» (VI. 35), Либаний «Хвалебное слово царям, в честь Констанция и Константа» (Or. LIX. 60–75), Иероним Стридонский «Хроника» (s. a. 337, р. 234), Феофан Исповедник «Хронография» (А.М. 5828, р. 33), Иоанн Зонара (XIII. 4. 25–8), Михаил Сириец «Хроника» (VII. 3).
Лето 337 (?) или 338 г.	Первая неудачная осада Нисибиса.	Иероним Стридонский «Хроника» (s. a. 338, р. 234, 17–18), Феодорит Кирский «Церковная история» (II. 30. 1–14), Филосторгий Сокращение «Церковной истории» (III. 23), Феофан Исповедник «Хронография» (А.М. 5829, pp. 34, 33–5, 10), Михаил Сириец «Хроника», Яков Эдесский «Хронологический канон» (CSCO 9, р. 289).
340–343 гг. (?)	Возобновление набегов персов на Месопотамию. Переход армии Констанция через Тигр и захват одного из приграничных персидских городов.	Юлиан «Похвальная речь Самодержцу Констанцию» (Or. 1. 22a–c), Либаний «Хвалебное слово царям, в честь Констанция и Константа» (Or. LIX. 83–85).

Весна – лето 344 г.	Мобилизация персидской армии, переход ее через Тигр и т. н. «ночное» сражение у Элии или Гилеи близ крепости Сингара.	Юлиан «Похвальная речь Самодержцу Констанцию» (Ог. 22d–25b), Либаний «Хвалебное слово царям, в честь Констанция и Константа» (Ог. LIX. 99–120), Руф Фест «Бревиарий деяний римского народа» (27. 3–4), Евтропий «Бревиарий от основания Города» (X. 10. 1), Павел Орозий «История против язычников» (VII. 29. 6), Сократ Схоластик «Церковная история» (II. 25. 5), Аммиан Марцеллин «Деяния» (XVIII. 5. 7), Иероним Стридонский «Хроника» (s. a. 348, p. 236), Яков Эдесский «Хронологический канон» (CSCO 5, p. 293), Иоанн Зонара (XIII. 5. 33) «Константинопольские консулярии» (p. 236, A.D. 348).
346 г.	Вторая неудачная осада Нисибиса.	Иероним Стридонский «Хроника» (s. a. 346, p. 236), Феофан Исповедник «Хронография» (A.M. 5837, p. 38, 9–11).
348 г. (?)	Осада, штурм и взятие Сингары персами.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XVIII. 9. 3).
350 г.	Третья неудачная осада Нисибиса. Переход Сингары в руки римлян (?).	Юлиан «Похвальная речь Самодержцу Констанцию» (Ог. I. 27a–29a), Руф Фест «Бревиарий деяний римского народа» (27. 2), «Пасхальная хроника» (pp. 536, 18–539), Феофан Исповедник «Хронография» (A.M. 5841, pp. 39, 13–40), Зосим «Новая история» (III. 8. 2), Иоанн Зонара (XIII. 7. 1–14).
350 г.	Констанций II в Эдессе.	Филосторгий Сокращение «Церковной истории» (III. 22).
350 г.	Укрепление Констанцием сирийской границы, мобилизация людских и материальных ресурсов в Антиохии.	Юлиан «Похвальная речь Самодержцу Констанцию» (Ог. I. 26d–27a), Либаний «Хвалебное слово царям, в честь Констанция и Константа» (Ог. XI. 177–179).
Первая половина 50-х гг.	Постоянные набеги персов на приграничные области Римской империи. Шапур в это время занят войной на восточных границах Персии.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XVI. 9. 1).
Конец 356 г.	Тайные переговоры префекта претория Востока Музониана и дукса Месопотамии Кассиана с персидским военачальником Тамсапором с целью заключения мира.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XVI. 9. 3).
358 г.	Возвращение Шапура с восточных границ Персии. Два посольства римлян к персидскому царю с целью заключения мира.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XVII. 5. 2–15; XVII. 14. 1–3), Зосим «Новая история» (III. 27. 4), Евнапий «Жизни философов и софистов» (VI. 5. 1–10), Иоанн Зонара (XII. 9. 25–7).
Начало 359 г.	Подготовка Шапура к войне с римлянами.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XVIII. 4–5. 1).
Весна (?) 359 г.	Переброска контингента римских войск в Нисибис и подготовка города к обороне. Укрепление правого берега Евфрата.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XVIII. 6–7. 3).

Сражения у крепости Сингара и римско-персидские войны Констанция II 149

Начало лета 359 г.	Персы переходят реки Анзабу и Тигр, вторгаются на территорию Римской империи и доходят до Нисибиса, но не осаждают его.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XVIII. 7. 7–8).
Лето 359 г.	Осада и взятие Амиды.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XIX. 1–9).
Конец сентября 359 г.	Персы возвращаются домой с пленными и добычей.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XIX. 9. 9).
Осень 359 г.	Констанций после победы над племенами лимигантов-сарматов прибывает из Паннонии в Константинополь.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XIX. 11. 1–17).
Весна – лето 360 г.	Шапур переходит Тигр. Осада и взятие Сингары. Осада и взятие крепости Безабда (Бет-Забдэ). Неудачная попытка штурма крепости Вирта. Отступление Шапура.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XX. 6–7. 15), Феофан Исповедник «Хронография» (А.М. 5852, р. 46, 9–10).
Август – сентябрь 360 г.	Констанций выступает из Каппадокии, переходит Евфрат и прибывает в Эдессу.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XX. 11. 4).
Конец сентября 360 г.	Констанций выступает в направлении разоренной Амиды и приступает к осаде Безабды.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XX. 11. 31–32).
Конец осени 360 г.	Неудачный штурм Безабды. Отступление Констанция в Антиохию.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XX. 11. 31–32).
Конец зимы 361 г.	Концентрация персидской армии у берегов Тигра. Констанций прибывает в Эдессу. Отказ Шапура от ведения боевых действий из-за неблагоприятных знамений.	Аммиан Марцеллин «Деяния» (XXI. 7. 6–13. 8).

Как мы можем видеть, все войны, которые вели персы с Констанцием II, представляли собой череду более или менее масштабных набегов на территорию Римской империи, не наносивших в целом большого вреда государству. Конфликты вспыхивали главным образом из-за контроля над стратегически важными городами и крепостями в Верхней Месопотамии и прежде всего над Нисибисом и Амидой. Несмотря на то, что все историки и хронисты описывали внешнюю политику Констанция как неудачную, тем не менее императору удавалось сдерживать непрекращающийся натиск Персии на свои границы, хотя к концу его правления и был утрачен контроль над несколькими приграничными крепостями. В отличие от своего будущего преемника Юлиана, Константин никогда не предпринимал попыток масштабного вторжения на персидскую территорию, пытаясь сохранить статус-кво на своих восточных границах, что ему в общем и целом удавалось.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2006: Осроена в римской восточной политике. *ПИФК* XV, 111–119.
- Григорюк, Т.В. 2012: 337 год: Кризис власти в Римской империи и «убийства принцев». *ВДИ* 2, 155–166.
- Дмитриев, В.А. 2008: *«Всадники в сверкающей броне». Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн.* СПб.
- Дмитриев, В.А. 2010: К вопросу о месте и роли «ночного» сражения под Сингарой. *Вестник Военного университета* 3, 87–90.

- Дмитриев, В.А. 2012: «Ночное сражение» под Сингарой: к вопросу о хронологии военно-политических событий середины IV в. н.э. в Верхней Месопотамии. *ПДФК* 3, 77–86.
- Дьяконов, М.М. 1967: *Очерк истории древнего Ирана*. М.
- Кареев, Д.В. 1999: Образ правителя у историка IV века Евтропия. В сб.: А.З. Чернышева (ред.), *Человек в культуре обществ древности, средневековья и возрождения*. Иваново, 30–42.
- Кареев, Д.В. 2004: *Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания города»*. СПб.
- Кареев, Д.В. 2009: Руф Фест: римский историк IV века. *Вестник Ивановского государственного университета* 3, 21–25.
- Луконин, В.Г. 1997: Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии. В кн.: А.И. Павловская (ред.), *Древние цивилизации от Египта до Китая*. М., 1000–1024.
- Мочалов, М., Полежаев, Д. 2016: *Держава Сасанидов 224–652 годы*. М.
- Baldwin, B. 1978: Festus the Historian. *Historia* 27, 197–217.
- Barnes, T.D. 1983: Two victory titles of Constantius. *ZPE* 52, 229–235.
- Boer, W. den 1968: Rome a travers trois auteurs du IVe s. *Mnemosyne* 21, 254–282.
- Boer, W. den 1972: *Some minor Roman historians*. Leiden.
- Bury, J.B. 1896: The date of the battle of Singara. *Byzantinische Zeitschrift* 5, 304–305.
- Mosig-Walburg, K. 1999: Zur Schlacht bei Singara. *Historia* 48, 330–384.
- Peeters, P. 1931: L' Intervention politique de Constance II dans la Grande Arménie en 338. *Académie royale de Belgique, Bulletins de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques* 17, 10–47.
- Portmann, W. 1989: Die 59. Rede des Libanios und das Datum der Schlacht von Singara. *Byzantinische Zeitschrift* 82, 1–18.
- Potter, D.S. 2004: *The Roman Empire at Bay AD 180–395*. London–New York.
- Seek, O. 1900: Constantius. In: *RE* 4 (7), 1044–1094.
- Streck, M.P. 1913: Hileia. In: M.P. Streck, S. Weninger (eds.), *RE*. Stuttgart, 1606.
- Venning, T.A. 2011: *Chronology of the Roman Empire*. London.
- Weissbach, F.H. 1927: Singara. In: J.C. Hinrichs (ed.), *RE*. Stuttgart, 232–233.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2006: Osroena v rimskoy vostochnoy politike [Osroene in the Roman Eastern policy]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] XV, 111–119.
- Baldwin, B. 1978: Festus the Historian. *Historia* 27, 197–217.
- Barnes, T.D. 1983: Two victory titles of Constantius. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 52, 229–235.
- Boer, W. den 1968: Rome a travers trois auteurs du IVe s. *Mnemosyne* 21, 254–282.
- Boer, W. den 1972: *Some minor Roman historians*. Leiden.
- Bury, J.B. 1896: The date of the battle of Singara. *Byzantinische Zeitschrift* 5, 304–305.
- Dmitriev, V.A. 2008: “Vsadniki v sverkeyushchey brone”. *Voennoe delo sasanidskogo Irana i istoriya rimsko-persidskikh voyn* [“Riders in gleaming armor”. *Military of the Sasanian Iran and the history of the Roman-Persian wars*]. Saint Petersburg.
- Dmitriev, V.A. 2010: K voprosu o meste i roli “nochnogo” srazheniya pod Singaroy [The issue of the place and role of the “night” battle of Singara]. *Vestnik Voennogo universiteta* [Bulletin of the Military University] 3 (23), 87–90.
- Dmitriev, V.A. 2012: “Nochnoe srazhenie” pod Singaroy: k voprosu o khronologii voenno-politicheskikh sobyitiy serediny IV v. n. e. v Verkhney Mesopotamii [“Night battle” at Sin-

- gara: the issue of the chronology of military and political events of the middle of 4th century BC in Upper Mesopotamia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 3, 77–86.
- Dyakonov, M.M. 1967: *Ocherk istorii drevnego Irana* [Essay on the history of ancient Iran]. Moscow.
- Grigoryuk, T.V. 2012: 337 god: Krizis vlasti v Rimskoy imperii i “ubiystva prinzev” [Year 337: The power Crisis in the Roman Empire and the “murder of the princes”]. *Vestnik Drevney Istarii* [Journal of Ancient History] 2, 155–166.
- Kareev, D.V. 1999: Obraz pravatelya y istorika IV veka Evtropiya [The image of a ruler from the 4th century historian Eutropios]. In: A.Z Chernysheva (ed.), *Chelovek v kulture obshchestv drevnosti, srednevekov'ya b vrozhdeniya* [Man in the culture of ancient, medieval and Renaissance societies]. Ivanovo, 30–42.
- Kareev, D.V. 2004: *Pozdnerimskaya istoriografiya pered vyzovom vremeni: Evtropiy i ego “Breviariy ot osnovaniya Goroda”* [Late Roman historiography before the challenge of time: Eutropius and his “Breviary from the Foundation of the city”]. Saint Petersburg.
- Kareev, D.V. 2009: Ruf Fest, rimskiy istorik IV veka [Ruf Fest: Roman historian of the 4th century]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Ivanovo state University] 3, 21–25.
- Lukonin, V.G. 1997: Zavoevaniya Sasanidov na Vostoke i problema kushanskoy absolyutnoy khronologii [Conquest of the Sassanids in the East and the problem of Kushan absolute chronology]. In A.I. Pavlovskaya (ed.), *Drevnie tsyvilizatsii ot Egipta do Kitaya* [Ancient civilizations from Egypt to China]. Moscow, 1000–1024.
- Mochalov, M., Polezhaev, D. 2016: *Derzhava Sasanidov 224–652 gody* [The power of the Sassanids 224–652 years]. Moscow.
- Mosig-Walburg, K. 1999: Zur Schlacht bei Singara. *Historia* 48, 330–384.
- Peeters, P. 1931: L' Intervention politique de Constance II dans la Grande Arménie en 338. *Académie royale de Belgique, Bulletins de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques* 17, 10–47.
- Portmann, W. 1989: Die 59. Rede des Libanios und das Datum der Schlacht von Singara. *Byzantinische Zeitschrift* 82, 1–18.
- Potter, D.S. 2004: *The Roman Empire at Bay AD 180–395*. London–New York.
- Seek, O. 1900: Constantius. In: *RE* 4 (7), 1044–1094.
- Streck, M.P. 1913: Hileia. In: M.P. Streck, S. Weninger (ed.), *RE*, 1606.
- Venning, T. A. 2011: *Chronology of the Roman Empire*. London.
- Weissbach, F.H. 1927: Singara. In: J.C. Hinrichs (ed.), *RE*, 232–233.

BATTLE OF THE FORTRESS SINGARA AND ROMAN-PERSIAN WARS
OF CONSTANTIUS II: THE CHRONOLOGY AND SEQUENCE OF EVENTS

Dmitriy V. Kareev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
dima75ru@yandex.ru

Abstract. The article highlights some problematic aspects in the chronology and sequence of events in the AD 330–350s connected with Roman-Persian wars and east policy of Constantius II. East policy and the conduct of military campaigns against Persia largely went to the Constantius II from his father, the Emperor Constantine I, who was preparing before his death a large military invasion of the territory of Persia. The Roman-Persian wars of the first half of the 4th century AD developed as a series of ongoing border incidents. The Emperor Constantius, unlike his future successor Julian, never attempt a large-scale invasion of Persian territory. The conflicts between Rome and Persia primarily broke out because of the control over strategically important cities and fortresses in Upper Mesopotamia, first of all Nisibis, Amida and Singara. Military campaigns led Constantius against Persians, chronologically divided into two periods – the first of which covers the events of AD 337–350, the second – AD 358–360. The starting point here is the dating of events related to the battles and the capture of the fortress of the Singara and the three sieges of the strategically important city of Upper Mesopotamia Nisibis, to which the Roman and later Byzantine historiography gave special relevance. The reconstruction of the events of that time, which took place on the Eastern borders of the Roman Empire is of great historical importance, as all historians and chroniclers dealing with these issues and describing the external policy of Constantius II as unsuccessful do not always give a chronological picture of the epoch.

Keywords: Roman Empire, Persia, Constantius II, Shapur II, Iulianus, Singara, Ammianus Marcellinus, Rufius Festus

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 153–164
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 153–164
©Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-153–164

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛ ДАГЕСТАНА

М.С. Гаджиев*, Ш.О. Давудов**

**Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала, Россия
murgadj@rambler.ru*

***ООО «Археологическое общество Кубани», Ростов-на-Дону, Россия
shamyl@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается группа бронзовых и биллоновых зеркал (11 экз.) из раннесредневековых могильников Дагестана (Аркас, Галла, Хлют, Агачкала, Куркли, Ахалчи, Хунзах, Дуранги, Дусрах, Ботлих, Хуты). По сопутствующему погребальному инвентарю эти погребения и представленные в них зеркала с центральной петлей датируются VI–IX вв. н.э. В отличие от широко распространенных в этот период зеркал с геометрической, солярной символикой, данные зеркала на оборотной стороне имеют стилизованные изображения рептилий (ящериц) и насекомых (сколопендр). На одном зеркале представлено изображение змеи (Ботлихский могильник). За пределами Дагестана известно только три бронзовых зеркала с подобными изображениями из раннесредневековых могильников: Верхне-Салтовский IV (Харьковская область, Украина), Даргавс и Змейский (оба – Северная Осетия) катакомбные могильники. Концентрация и топография находок таких зеркал в Дагестане и их редкое представительство за пределами Дагестана позволяют рассматривать раннесредневековое государственное образование Серир, как их основной ареал и место производства. С другой стороны, находки подобных зеркал на территории исторической Алании, в аланских катакомбах, вероятно, следует рассматривать в контексте алано-серирских политических и культурных связей. Как известно, зеркала выступали сакральными предметами, тесно связанными с погребальной идеологией. Образы хтонических существ, каковыми выступают изображенные на рассматриваемой группе зеркал рептилии и насекомые, подчеркивают эту связь зеркал с представлениями о потустороннем, загробном мире. Вероятно, появление данных образов было обусловлено тесными связями Дагестана с Сасанидским Ираном в религиозно-идеологической сфере, влиянием зороастрийской религии, в которой они предстают в качестве хуфстра – порождений «полного смерти» Ахримана, вредных существ, связанных с миром тьмы.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, Дагестан, могильники, бронзовые зеркала, зооморфные изображения, хтонические существа

Одной из категорий предметов, характерных для раннесредневекового Дагестана, являются круглые литые металлические (бронзовые и биллоновые) зеркала

Данные об авторах: Гаджиев Муртазали Серажутдинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН; Давудов Шамиль Омарович – кандидат исторических наук, научный сотрудник ООО «Археологическое общество Кубани».

с центральной петлей на оборотной стороне. Как и в предшествующий поздне-сарматский период, в это время доминирующими выступают зеркала с геометрической солярной символикой (концентрические окружности, зигзаги, радиальные лучи и др.). Но в раннем средневековье появляется новый тип подобных по форме зеркал – зеркала с зооморфными изображениями на обороте, причем оба типа зеркал встречаются в пределах одного некрополя, как, например, в Галлинском и Дурангинском могильниках¹.

Среди указанной категории зеркал с зооморфными изображениями наиболее распространенными являются зеркала с условно-схематическими изображениями рептилий (ящерицы) и насекомых (сколопендры) на оборотной стороне. Такие зеркала хорошо известны по находкам в ряде раннесредневековых памятников Дагестана: они происходят из Аркасского городища (рис. 1, 3)², Галлинского (рис. 1, 8)³, Хлютского⁴ (рис. 1, 9), Агачалинского (рис. 1, 4)⁵, Курклинского (рис. 1, 2)⁶, Ахалчинского⁷, Хунзахского (рис. 1, 6)⁸ и Дурангинского (рис. 1, 7)⁹ могильников и из разрушенных погребений близ сел. Дусрах (рис. 1, 1)¹⁰ и сел. Хуты (рис. 1, 5)¹¹.

Все зеркала имеют по краю тонкий валик, изображения сделаны в низком рельефе и часто очень условно, так что не всегда можно точно определить представленное существо. На зеркалах из Дуранги и Хлюта, очевидно, изображена ящерица (рис. 1, 7, 9). Несмотря на схематизацию, она ясно определяется на зеркале из Хуты по особенностям очерченных конечностей – изогнутым суставам, удлинённым кистям и стопам (рис. 1, 5). На зеркалах из Куркли и Галла отчетливо распознается сколопендра по многочисленным ножкам, характерным усикам и последней паре ног (рис. 1, 2, 7). На зеркале из Агачкалы (рис. 1, 4) различается только две пары ног, но изображение длинного изогнутого тела, завершающегося двумя «головками с усиками» (что отвечает особенностям строения сколопендры, у которых хвостовая и головная части визуальны схожи), позволяет полагать, что здесь также показано это насекомое.

На остальных зеркалах трудно определить точный вид изображенного существа, хотя почти все исследователи, публиковавшие данные зеркала, видели в них почему-то исключительно скорпионов с последующими выводами, хотя оснований для такого заключения нет – на наш взгляд, они не представлены среди

¹ Атаев 1963, 68, рис. 17, 2; Пикуль 1991, 168, 176, рис. 4, 4.

² Маммаев 1989, 211, рис. 58.

³ Котович 1961, 47, рис. 28, 3.

⁴ Гаджиев 1986, 73–74, рис. 1, 29.

⁵ Смирнов 1952, 95–96, рис. 39, 8.

⁶ Давудов 2012, 48–73, рис. 13, 7.

⁷ Абакаров, Магомедов 1991, 191–192, рис. 1, 2.

⁸ Атаев 1961, рис. 17, 2.

⁹ Атаев 1963, 38, 68, рис. 6, 14, 15.

¹⁰ Абакаров, Давудов 1993, 210, № 1172; Гаджиев, Давудов 2015, 36–37, рис. 1, 2.

¹¹ Зеркало обнаружено в разрушенном в результате оползня погребении летом 2016 г. жителем сел. Хуты (Лакский район Республики Дагестан) Р. Мухуевым. Захоронение датируется V–VI вв. на основании найденных бронзовых сюльгамы с изображением головок барана на концах, фибулы с полусферическим корпусом и 6-тилопастной пряжки. Там же обнаружен нателный бронзовый крест с шишечками-трилистниками на боковых и нижнем концах.

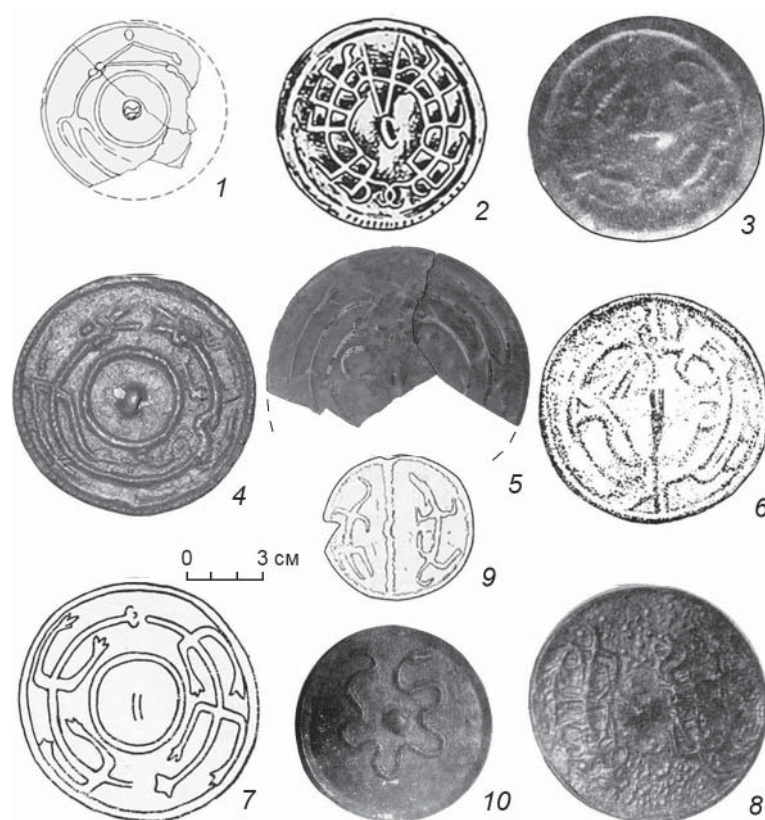

Рис. 1. Раннесредневековые зеркала с зооморфными изображениями с территории Дагестана: 1 – из погребения у сел. Дусрах; 2 – из Курклинского могильника (Давудов 2012); 3 – из Аркаского городища (Маммаев 1989); 4 – из Агачкалинского могильника; 5 – из погребения у сел. Хуты; 6 – из Хунзахского могильника (Атаев 1963); 7 – из Дурангинского могильника (Атаев 1963); 8 – из Галлинского могильника; 9 – из Хлютского могильника (Гаджиев 1986); 10 – из Ботлихского могильника (Мунчаев 1958)

изображений на данной серии зеркал. На основе такого видения М.М. Маммаев уверенно полагал, что изображения скорпиона на рассматриваемых зеркалах «отражают древние идеологические воззрения населения Дагестана» и «должны были служить оберегами-апоτροпеями, отгоняющими от их владельцев темные, злые силы»¹².

Как правило, показаны парные, симметрично расположенные изображения существ, занимающие половинки плоскости зеркала и следующие друг за другом или противостоящие друг другу. Исключение составляет зеркало из Агачкалы, на котором представлено одно существо, обнимающее по кругу все поле зеркала (рис. 1, 4).

¹² Маммаев 1989, 46.

Рептилия изображена еще на одном зеркале из Дагестана – это бронзовое литое зеркало с валиком по краю и с образом змеи, происходящее из погребения 4 Ботлихского 1-го могильника VIII–X вв. (рис. 1, 9). Поле зеркала вокруг петельки занимает изображение извивающейся змеи, выполненное в реалистичной манере в низком рельефе¹³. Находка в этом захоронении витого стеклянного монохромного браслета зеленого цвета¹⁴ подтверждает дату, предложенную для могильника в целом.

Погребальные комплексы, в которых были найдены упомянутые выше зеркала со схематичными изображениями рептилий (ящерицы) и насекомых (сколопендры), датированы исследователями на основании погребального инвентаря в целом в диапазоне V–X вв.¹⁵, который, очевидно, можно сузить до VI–X вв., т.к. надежных хронологических индикаторов V в. в указанных погребениях с рассматриваемыми зеркалами не представлено.

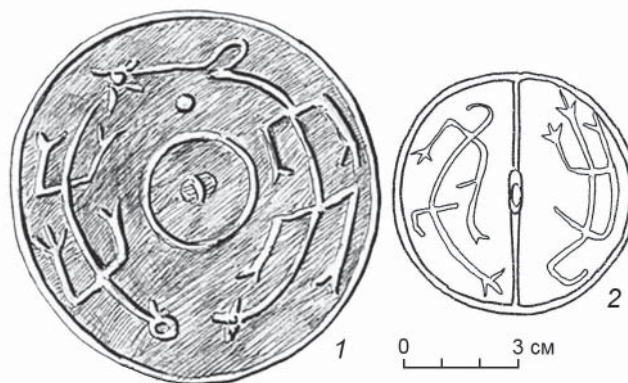

Рис. 2. Зеркала с изображениями ящериц: 1 – из Даргавского могильника (Дзаттиаты 2016); 2 – из Верхне-Салтовского IV могильника (Аксенов 2015).

Зеркала с подобными изображениями рептилий в небольшом количестве (3 экз.) известны за пределами Дагестана и исключительно в социально высокого статуса катакомбных погребениях VIII–X вв., этнокультурно связываемых с аланским миром. Это зеркала из катакомбы 28 Даргавского некрополя¹⁶ (рис. 2, 1), катакомбы 99 Змейского катакомбного могильника¹⁷ и катакомбы 119 Верхне-Салтовского IV могильника (рис. 2, 2)¹⁸. Наиболее узкую дату из них имеет зеркало из катакомбы Верхне-Салтовского могильника: на основании погребального инвентаря и серебряных дирхемов конца VIII в. захоронение датировано серединой/второй половиной IX в.¹⁹

¹³ Атаев 1973, 53, 55, рис. 7, 3; Маммаев 1989, 209, рис. 54.

¹⁴ Атаев 1973, 53, 55, рис. 6, 1.

¹⁵ Смирнов 1952, 93; Котович 1961, 47; Атаев 1963, 27–32, 68–69, 76–78; Гаджиев 1986, 73–75; Давудов 2012, 55–58.

¹⁶ Дзаттиаты 2014, 27, табл. LXVII, 37; Дзаттиаты 2016, 6, 16, табл. VI, 15.

¹⁷ Устная информация З.Х. Албеговой (ИА РАН), которой приносим свою благодарность.

¹⁸ Аксенов 2015, 299, рис. 7, 3; 2016, 117, рис. 8, 3.

¹⁹ Аксенов 2015, 297; 2016, 116.

На этих зеркалах показаны симметрично расположенные парные, занимающие обе половины поля зеркала изображения земноводных (ящериц) в движении друг за другом по кругу. Образы их весьма близки стилистически подобным на зеркалах с территории Дагестана – сходство отчетливо видно в общей композиции, в изображении рептилий и их отдельных деталей – конечностей, лапок, головок. А зеркала из Верхнего Салтова и Хлюта имеют и разграничительные валики, диаметрально разделяющие поле зеркала на две равные половинки.

Концентрация находок рассматриваемых зеркал на территории Дагестана и их редкое представительство за пределами Северо-Восточного Кавказа позволяет рассматривать этот регион как их основной ареал и место производства. Вместе с тем топография находок таких зеркал в пределах предгорного и горного Дагестана дает возможность идентифицировать эту зону с территорией раннесредневекового государственного образования Серир (Авария).

С другой стороны, находки подобных зеркал на территории исторической Алании и в аланских погребальных памятниках, вероятно, следует рассматривать в контексте существовавших в раннем средневековье алано-серирских политических и этнокультурных связей, на что авторам настоящей статьи уже приходилось обращать внимание в связи с находками иных археологических артефактов в контексте данных нарративных и фольклорных источников, языкознания²⁰. Позволим себе вновь указать на засвидетельствованные в письменных источниках и в нартском эпосе эти, очевидно, достаточно тесные контакты.

Герой эпоса нарт Хамиц из рода знатных верхних нартвов Ахсартагата рассказывал: «У меня было две жены. Однажды они валяли мне бурку из ста рун и пели про меня всякие песни: “Эта бурка будет такой счастливой буркой, что господин нашей головы будет ездить в Аварию, будет привозить походные сумы аварских красивых тканей, а красавицу Аварии привезет себе третьей женой”»²¹. Потом он действительно посещал соседнюю Аварию, откуда привозил ткани и где нашел себе жену из благородного рода Бицента (царства Бценов), родившую ему раскаленного младенца Батраза – впоследствии «лучшего среди нартвов», который поддерживал связи со своими родственниками в Аварии по материнской линии.

В Аварию, в горы Ауар-хана (=Авар-хана) отправляется и брат-близнец Хамица, нарт Урызмаг (сказание «Сослан и три сына Телберда»). Это имя-титул находит параллель с сообщением Ибн Руста (нач. X в.) о том, что царь Серира зовется Авар²². Не исключено, что именно он и царь алан, согласно Масуди (X в.), находились в родственных связях, «поскольку каждый из них женился на сестре другого»²³.

Не маркируют ли рассмотренные выше зеркала, имеющие, как представляется, дагестанское (серирское) происхождение и являющиеся характерным атрибутом женского туалета, возможный свадебный (брачный) путь их «импорта» в аланский этнокультурный мир? Заметим, что у многих народов Дагестана зеркало было символическим атрибутом свадебного торжества, входило в состав приданого для невесты, выполняя функцию оберега²⁴.

²⁰ Гаджиев, Давудов 2010, 352–364.

²¹ Хамицаев, Бязиров 1989, 441.

²² Минорский 1963, 220.

²³ Минорский 1963, 204.

²⁴ Гаджиев 1991, 55.

Исследователи, отмечая параллели с китайскими зеркалами эпохи Тан (618–906 гг.), на которых изображены бегущие друг за другом звери, драконы, плывущие рыбы, летящие птицы, тем не менее считали рассматриваемые дагестанские зеркала с изображениями рептилий продукцией местного металлообрабатывающего ремесла²⁵. Можно провести также параллели с зеркалами династии Мин (265–420 гг.), и, говоря о генетических корнях зеркал из Дагестана, можно предполагать их связь с китайскими зеркалами с парными композициями, особенно с популярными зеркалами «два дракона», проводя семантическую параллель «дракон – ящерица». Но ни одной находки таких китайских зеркал на Кавказе, в Предкавказье, на сопредельных территориях, которые могли бы послужить прототипами, нам не известно. Р.Г. Дзаттиаты допускает, что зеркало из Даргавса может быть китайским, и полагает, что попало оно на Северный Кавказ с Востока по трассе Великого Шелкового пути²⁶. Но близкие ему аналоги с территории Дагестана, ареал таких зеркал (см. выше), существенные отличия от китайских зеркал не позволяют принять данную точку зрения.

Представления о зеркалах как магических предметах, оберегах широко распространены. Но что должны были означать, какую религиозно-магическую нагрузку должны были нести эти изображения рептилий и насекомых на рассматриваемых зеркалах?

Изображение змеи может находить объяснение на основе дагестанских этнографических данных. Согласно им, змея выступает амбивалентным существом – она обладает не только отрицательными качествами (вредное существо; встреча со змеей, пересекающей дорогу путнику – плохая примета; змею следует убить; запрет на амулеты с изображением змеи), но и положительными (домовая змея – добрый дух, покровительница дома, хранительница благополучия, достатка в семье, подательница плодородия; язык змеи – оберег, талисман; встреча со змеей, ползущей вверх – к успеху и удаче, она – добрый вестник; браслеты-амулеты с изображением змеиных головок), она связывалась с водной стихией (змея – символ, персонификация воды, дождя; убитая змея использовалась в обряде вызова дождя; вода, в которой плавала змея, использовалась при бесплодии)²⁷. Изображения змеи встречаются на керамических сосудах из памятников Дагестана эпохи раннего железа, албано-сарматского и раннесредневекового времени²⁸, на которых она, вероятно, по поверьям древних, выступала охранителем содержимого сосудов. В раннем средневековье распространяются гладкие и витые браслеты с концами в виде змеиных головок²⁹, выполнявшие роль оберега. Учитывая эти данные, мы можем полагать, что изображение змеи на зеркале из Ботлихского могильника также могло нести подобную функцию апотропея³⁰.

²⁵ Атаев 1963, 68, 69; Маммаев 1989, 46.

²⁶ Дзаттиаты 2016, 7.

²⁷ Чурсин 1995, 56–58; Гаджиев 1991, 106–108; Халидова 1992, 99–100; Сефербеков 2000, 41.

²⁸ Пикуль 1967, 27, рис. 5, 9; Смирнов 1951, 264–267, рис. 21, 1; Атаев 1963, 161, рис. 23, 3; Гмыря 1984, 81–84, рис. 5, 1, 2, 6.

²⁹ Марковин, Твердохлебов 1955, 152–153, рис. 64, 4, 5; Мунчаев 1958, 50, рис. 12, 3; Котович 1961, 54, рис. 35, 1; Маммаев 1969, 195, 196, рис. 2, 5, 6; 1989, 45, рис. 55, 1; 1969, 195, 196, рис. 2, 5, 6.

³⁰ Маммаев 1989, 44–45.

Вместе с тем змея и изображенные на других зеркалах ящерицы и сколопендры относятся к разряду хтонических существ, связанных с подземным, потусторонним миром, с царством мертвых. И уже в силу этого они наделялись отрицательными, вредоносными свойствами.

С другой стороны, как известно, у многих племен и народов, в том числе дагестанских³¹, зеркало выступало и сакральным предметом, находившимся в ассоциативной связи со смертью, тесно связанным с погребальной идеологией, с соответствующими реликтовыми поверьями³², что подтверждается фольклорными, этнографическими и археологическими данными. И, как представляется, образы хтонических существ, каковыми выступают изображенные на рассматриваемой группе зеркал рептилии и насекомые, подчеркивают эту связь зеркал с представлениями о загробном, подземном, нижнем мире.

Обращаясь к изображениям ящерицы и сколопендры и их семантике, следует отметить, что в мифологии, фольклоре, этнографии дагестанских и в целом кавказских народов эти образы практически не представлены. И можно предполагать, что их появление на зеркалах, как предметах, связанных с миром мертвых, было обусловлено тесными связями Дагестана с Сасанидским Ираном в религиозно-идеологической сфере, влиянием зороастрийской религии³³, в которой эти существа предстают в качестве *храфстры* (ср.-перс. *xrafstar*) – порождений «полного смерти» Ахримана, вредных существ, связанных с миром тьмы³⁴. Вероятно, изображая их на зеркалах, воспринимавшихся, по бытовавшим верованиям, как пограничный локус между мирами, вход/выход в загробный мир, в царство мертвых, древние люди устанавливали своего рода защиту, охрану, отпугивавшую злые потусторонние силы, которые могли проникнуть в земной мир через магическое окно зеркала – вступало в действие магическое правило «подобное нейтрализует подобное».

Таким образом, изображения рептилий и насекомых, запечатленные на раннесредневековых зеркалах, отразили бытование апотропетической (отгоняющей) магии, представления древнего населения Дагестана о подземном царстве и связанных с ним хтонических существах.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакаров, А.И., Давудов, О.М. 1993: *Археологическая карта Дагестана*. М.
 Абакаров, А.И., Магомедов, Р.Г. 1991: Новые археологические находки из горного и плоскостного Дагестана. В сб.: О.М. Давудов (ред.), *Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века*. Махачкала, 190–202.
 Аксенов, В.С. 2015: Богатое катакомбное захоронение Верхне-Салтовского IV могильника. *Древности 2014–2015. Харьковский историко-археологический ежегодник* 13, 288–305.
 Аксенов, В.С. 2016: Катакомба № 119 Верхне-Салтовского IV могильника под Харьковом. *РА* 4, 106–123.

³¹ Гаджиев 1980, 42; Бакушев 2008, 140.

³² Толстая 1994, 112–114; Косяненко 1994, 79–80.

³³ Гаджиев, Давудов 2012, 32–37.

³⁴ Moazami 2005, 300–317.

- Атаев, Д.М. 1961: Некоторые средневековые могильники Аварии. В сб.: Г.Д. Даниялов (ред.), *МАД II*. Махачкала, 223–247.
- Атаев, Д.М. 1963: *Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии)*. Махачкала.
- Атаев, Д.М. 1973: Археологические исследования в Горном Дагестане осенью 1962 г. В сб.: Г.Д. Даниялов (ред.), *МАД III*. Махачкала, 51–59.
- Бакушев, М.А. 2008: *Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Ростов-на-Дону.
- Гаджиев, Г.А. 1991: *Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана*. Махачкала.
- Гаджиев, Г.А. 1980: Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин. В сб.: З.О. Османов (ред.), *Семейный быт народов Дагестана*. Махачкала, 29–46.
- Гаджиев, М.С. 1986: Погребальные памятники Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового периодов (I–VII вв.). В сб.: М.А. Агларов (ред.), *Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана*. Махачкала, 71–89.
- Гаджиев, М.С., Давудов, Ш.О. 2010: Резной деревянный столик первых веков н.э. из окрестностей Карабудахкента (Дагестан). В сб.: О.М. Давудов (ред.), *Исследования первобытной археологии Евразии. Сборник статей к 60-летию чл.-корр. РАН Х.А. Амирханова*. Махачкала, 352–364.
- Гаджиев, М.С., Давудов, Ш.О. 2012: К интерпретации образа крылатого коня на зооморфных бляшках из Дагестана. *ВДНЦ* 44, 32–37.
- Гаджиев, М.С., Давудов, Ш.О. 2015: Бронзовая статуэтка быка из погребения близ сел. Дусрах. *ВДНЦ* 57, 36–43.
- Гмыря, Л.Б. 1984: Из истории ремесленного производства в раннесредневековом Дагестане (По материалам Агачкалинского поселения). В сб.: *Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане*. Махачкала, 73–90.
- Давудов, О.М. 2012: Курклинский могильник раннего средневековья. *Вестник Института истории, археологии и этнографии* 3, 48–73.
- Дзаттиаты, Р.Г. 2014: *Аланские древности Даргавса*. Владикавказ.
- Дзаттиаты, Р.Г. 2016: Предметы импорта из катакомб Даргавса. *Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований* 19 (58), 5–16.
- Косьяненко, В.М. 1994: К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). В сб.: В.Я. Кияшко (ред.), *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993г.* Вып. 13. Азов, 70–83.
- Котович, В.Г. 1961: Археологические работы в Горном Дагестане. В сб.: Г.Д. Даниялов (ред.), *МАД II*. Махачкала, 5–57.
- Маммаев, М.М. 1989: *Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление*. Махачкала.
- Маммаев, М.М. 1969: К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени. *Ученые записки Института истории, языка и литературы* 19, 189–224.
- Марковин, В.И., Твердохлебов А.М. 1955: Акушинский могильник. *КСИИМК LX*, 150–154.
- Минорский, В.Ф. 1963: *История Ширвана и Дербенда X–XI веков*. М.
- Мунчаев, Р.М. 1958: Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. *КСИИМК LXXI*, 41–52.
- Пиккуль, М.И. 1967: *Эпоха раннего железа в Дагестане*. Махачкала.

- Пикуль, М.И. 1991: Могильник у сел. Дуранги. В сб.: О.М. Давудов (ред.), *Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века*. Махачкала, 165–181.
- Сефербеков, Р.И. 2000: *Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными)*. Махачкала.
- Смирнов, К.Ф. 1951: Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. В кн.: *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. (МИА 23), 226–301.
- Смирнов, К.Ф. 1952: Археологические исследования в Дагестане в 1948–1950 годах. *КСИ-ИМК* XLV, 83–96.
- Толстая, С.М. 1994: Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах. В сб.: Н.И. Толстой (ред.), *Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал*. М., 111–129.
- Халидова, М.Р. 1992: *Мифологический и исторический эпос народов Дагестана*. Махачкала.
- Хамицаев, Т.А., Бязыров, А.Х. (сост.) 1989: *Нарты: Осетинский героический эпос*. Т. 2. М.
- Чурсин, Г.Ф. 1995: *Авары: Этнографический очерк*. 1928 г. Махачкала.
- Moazami, M. 2005: Evil Animals in the Zoroastrian Religion. *History of Religions* 44.4, 300–317.

REFERENCES

- Abakarov, A.I., Davudov, O.M. 1993: *Arkheologicheskaya karta Dagestana* [Archaeological map of Dagestan]. Moscow.
- Abakarov, A.I., Magomedov, R.G. 1991: Novye arkheologicheskie nakhodki iz gornogo i ploskostnogo Dagestana [New archaeological finds from mountain and plane Dagestan]. In: O.M. Davudov (ed.), *Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i srednie veka* [Mountains and plains of the Northeast Caucasus in Ancient Time and Middle Ages]. Makhachkala, 190–202.
- Aksyenov, V.S. 2015: Bogatoe katakombnoe zakhoronenie Verkhne-Saltovskogo IV mogil'nika [Rich catacomb burial of the Verkhne-Saltovsky IV burial ground]. *Drevnosti 2014–2015. Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik* [Antiquities of 2014–2015. Kharkov historical and archaeological yearbook] 13, 288–305.
- Aksyenov, V.S. 2016: Katakomba № 119 Verkhne-Saltovskogo IV mogil'nika pod Khar'kovom [Catacomb No. 119 of the Verkhne-Saltovsky IV burial ground near Kharkov]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 106–123.
- Ataev, D.M. 1961: Nekotorye srednevekoveye mogil'niki Avarii [Some medieval burial grounds of Avaria]. In: G.D. Daniyalov (ed), *Materialy po arkheologii Dagestana* [Materials on Archaeology of Dagestan]. II. Makhachkala, 223–247.
- Ataev, D.M. 1963: *Nagornyy Dagestan v rannem srednevekov'e (po materialam arkheologicheskikh raskopok Avarii)* [Mountain Dagestan in the Early Middle Ages (on materials of archaeological excavations in Avaria)]. Makhachkala.
- Ataev, D.M. 1973: Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Dagestane osen'yu 1962 g. [Archaeological researches in Mountain Dagestan by Autumn of 1962] In: G.D. Daniyalov (ed.), *Materialy po arkheologii Dagestana* [Materials on archaeology of Dagestan]. III. Makhachkala, 51–59.
- Bakushev, M.A. 2008: *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Dagestana albano-sarmatskogo vremeni (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Death custom of the population of Dagestan of Albano-Sarmatian time (the 3rd century BC – 4th century AD)]. Rostov-on-Don.
- Chursin, G.F. 1995: *Avary: Etnograficheskiy ocherk*. 1928 g. [The Avars: An Ethnographic essay. 1928]. Makhachkala.

- Gadzhiev, G.A. 1991: *Doislamskie verovaniya i obryady narodov Nagornogo Dagestana* [Pre-Islamic beliefs and ceremonies of the peoples of Mountain Dagestan]. Makhachkala.
- Gadzhiev, G.A. 1980: Perezhitki drevnikh predstavleniy v pokhoronno-pogrebal'nykh obryadakh lezgin [The Remnants of ancient representations in funeral and burial ceremonies of Lezgians]. In: Z.O. Osmanov (ed.), *Semeynyy byt narodov Dagestana* [Family life of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, 29–46.
- Gadzhiev, M.S. 1986: Pogrebal'nye pamyatniki Dagestana pozdnealbanskogo I rannesrednevekovogo periodov (I–VII vv.) [Burial monuments of Dagestan of the Late Albanian and Early Medieval periods (the 1st – 7th centuries AD)]. In: M.A. Aglarov (ed.), *Obryady i kul'ty drevnego i srednevekovogo naseleniya Dagestana* [Ceremonies and cults of the ancient and medieval population of Dagestan]. Makhachkala, 71–89.
- Gadzhiev, M.S., Davudov, Sh.O. 2010: Reznoy derevyannyy stolik pervykh vekov n.e. iz okrestnostey Karabudakhkenta (Dagestan) [Carved wooden little table of the first centuries AD from a neighborhood of Karabudakhkent (Dagestan)]. In: O.M. Davudov (ed.), *Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Evrazii. Sbornik statey k 60-letiyu chl.-korr. RAN Kh.A. Amirkhanova* [Researches of Primitive archaeology of Eurasia. The collection of articles dedicated to the 60 anniversary of the corresponding member of RAS Kh.A. Amirkhanov]. Makhachkala, 352–364.
- Gadzhiev, M.S., Davudov, Sh.O. 2012: K interpretatsii obraza krylatogo konya na zoomorfnnykh blyashkakh iz Dagestana [Interpretation of an image of a winged horse on the zoomorphic plaques from Dagestan]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center] 44, 32–37.
- Gadzhiev, M.S., Davudov, Sh.O. 2015: Bronzovaya statuetka byka iz pogrebeniya bliz sel. Dusrakh [Bronze figurine of a bull from burial near the Dusrakh village] *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center] 57, 36–43.
- Gmyrya, L.B. 1984: Iz istorii remeslennogo proizvodstva v rannesrednevekovom Dagestane (Po materialam Agachkalinskogo poseleniya) [From the history of handicraft in Early Medieval Dagestan (On materials from the Agachkala Settlement)]. In: *Drevnie promysly, remeslo i trgovlya v Dagestane* [Ancient crafts and trade in Dagestan]. Makhachkala, 73–90.
- Davudov, O.M. 2012: Kurklinskiy mogil'nik rannego srednevekov'ya [Kurkli burial ground of the Early Middle Ages]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of Institute of history, archaeology and ethnography] 3, 48–73.
- Dzattiaty, R.G. 2014: *Alanskie drevnosti Dargavs* [Alania antiquities of Dargavs]. Vladikavkaz.
- Dzattiaty, R.G. 2016: Predmety importa iz katakomb Dargavs [Import items from Dargavs catacombs]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Researches] 19 (58), 5–16.
- Khalidova, M.R. 1992: *Mifologicheskii i istoricheskii epos narodov Dagestana* [Mythological and historical epos of the peoples of Dagestan]. Makhachkala.
- Khamitsaev, T.A., Byazyrov, A.Kh. (eds.) 1989: *Narty: Osetinskiy geroicheskiy epos* [The Narts: Ossetian heroic epos]. Vol. 2. Moscow.
- Kosyanenko, V.M. 1994: K voprosu o khronologii i ritual'no-magicheskoy roli bronzovykh zerkal iz nekropolya Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956–1962 gg.) [On a issue of chronology and a ritual and magic role of bronze mirrors from necropolis of the ancient Kobyakov settlement (on materials of the 1956–1962 excavations)]. In: V.Ya. Kiyashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1993 g.* [Historical and archaeological researches in Azov and on Lower Don in 1993] 13. Azov, 70–83.

- Kotovitch, V.G. 1961: Arkheologicheskie raboty v Gornom Dagestane [Archaeological works in Mountain Dagestan]. In: G.D. Daniyalov (ed.), *Materialy po arkheologii Dagestana* [Materials on the Archaeology of Dagestan]. II. Makhachkala, 5–57.
- Mammaev, M.M. 1989: *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Dagestana: Istoki i stanovlenie* [Arts and crafts of Dagestan: Origin and development]. Makhachkala.
- Mammaev, M.M. 1969: K kharakteristike metalloobrabatyvayushchego remesla Urtsekskogo gorodishcha albano-sarmatskogo i rannesrednevekovogo vremeni [On the characteristic of metalworking craft of the Urtseki settlement of Albano-Sarmatian and Early Medieval time]. *Uchyenye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury* [Scientific Notes of the Institute of History, Language and Literature] 19, 189–224.
- Markovin, V.I., Tverdokhlebov A.M. 1955: Akushinskiy mogil'nik [The Akushinskiy Necropolis]. *Kratkie soobshcheniya Instituta material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of the Material Culture] 60, 150–154.
- Minorskiy, V.F. 1963: *Istoriya Shirvana i Derbenda X–XI vekov* [History of Shirvan and Derbend of the 10th – 11th centuries]. Moscow.
- Moazami, M. 2005: Evil Animals in the Zoroastrian Religion. *History of Religions* 44.4, 300–317.
- Munchaev, R.M. 1958: Arkheologicheskie issledovaniya v nagornom Dagestane v 1954 g. [Archaeological researches in mountain Dagestan in 1954]. *Kratkie soobshcheniya Instituta material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of the Material Culture] 71, 41–52.
- Pikul, M.I. 1967: *Epokha rannego zheleza v Dagestane* [Dagestan in the Early Iron Age]. Makhachkala.
- Pikul, M.I. 1991: Mogil'nik u sel. Durangi [The burial ground near the Durangi Village]. In: O.M. Davudov (ed.), *Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i srednie veka* [Mountains and plains of the Northeast Caucasus in Ancient Time and Middle Ages]. Makhachkala, 165–181.
- Seferbekov, R.I. 2000: *Traditsionnye religioznye predstavleniya tabasarentsev (bogi i demony; verovaniya svyazannye s zhivotnymi)* [Traditional religious representations of the Tabasarens (gods and demons; the beliefs connected with animals)]. Makhachkala.
- Smirnov, K.F. 1951: Arkheologicheskie issledovaniya v rayone dagestanskogo seleniya Tarki v 1948–1949 gg. [Archaeological researches near the Dagestan village of Tarki in 1948–1949]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Researches on Archaeology of the Northern Caucasus]. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Researches on Archaeology of the USSR]) 23, 226–301.
- Smirnov, K.F. 1952: Arkheologicheskie issledovaniya v Dagestane v 1948–1950 godakh [Archaeological researches in Dagestan in 1948–1950]. *Kratkie soobshcheniya Instituta material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of the Material Culture] XLV, 83–96.
- Tolstaya, S.M. 1994: Zerkalo v traditsionnykh slavyanskikh verovaniyakh i obryadakh [A mirror in traditional Slavic beliefs and ceremonies]. In: N.I. Tolstoy (ed.), *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor: Verovaniya. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan folklore: Beliefs. Text. Ritual]. Moscow, 111–129.

A GROUP OF EARLY MEDIEVAL METAL MIRRORS FROM DAGESTAN

Murtazali S. Gadzhiev*, Shamil O. Davudov**

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of RAS, Makhachkala, Russia

murgadj@rambler.ru

**LLC Archaeological Society of Kuban, Rostov-on-Don, Russia

shamyl@mail.ru

Abstract. The paper deals with a group of eleven bronze and billon mirrors found in the Dagestan early medieval burial grounds (Arkas, Galla, Khlyut, Aghachkala, Kurkli, Akhalchi, Khunzakh, Duranghi, Dusrakh, Botlikh, Khuty). Other grave goods allow dating listed burials and mirrors to the 6th to 10th centuries AD. Unlike widespread mirrors with geometrical solar symbols, these mirrors bear the stylized images of reptiles (lizard and snake) and insect (scolopendra) on their back side. An image of snake is represented on a mirror found in Botlikh. Three only bronze mirrors with similar image were found outside Dagestan in the early medieval burial grounds of Verkhne-Saltovsky IV necropolis (Kharkov Region, Ukraine) and Dargavs and Zmeysky (both in Northern Ossetia) catacomb burial grounds. Concentration and topography of finds the mirrors in Dagestan and their rare finds outside this territory allow considering the early medieval Serir state was the main area of their production. On the other hand, the finds of similar mirrors in the territory of historic Alania, in the Alani catacombs, should be probably considered in a context of Alani-Serir political and cultural contacts. It is generally known that the mirrors were sacral items closely connected with the funeral ideology. The chthonic images (reptiles and insects) represented on this group of mirrors emphasize their connection with ideas of the other, underground, lower world. The emergence of such images on the mirrors has been caused by close ties of Dagestan with the Sasanian Iran in the religious and ideological spheres, as well as by the influence of the Zoroastrian religion in which these chthonic images appear as hrafstra, i.e. harmful creatures connected with the world of darkness, the generation of "full of the death" Ahriman.

Keywords: archaeology, Early Middle Ages, Dagestan, burial grounds, bronze mirrors, zoomorphic images, chthonic creatures

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 165–176
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 165–176
©Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-165–176

ИЗ ИСТОРИИ ЯПОНСКОЙ МЕДИЦИНЫ: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТРАДИЦИИ И ЕВРОПЕЙСКАЯ НАУКА

О.А. Наливайко

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ksankin30@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние средневековой традиции на становление и формирование японской медицины во второй половине XIX – начале XX в., а также выявляются истоки современного синкретического подхода к медицине в Японии. Подписание с иностранными державами неравноправных договоров о «дружбе и торговле» (1858) и последующие события реставрации власти императора (1868) привели к наступлению в Японии эпохи Мэйдзи (1868–1912). В рамках переориентации Японии на методы академической науки был взят курс на освоение основ западной медицины и официально запрещены методы китайской фармакологии *кампо*., господствовавшие в стране с древних времен. Однако архаичные традиции и представления оказались настолько прочны, что это привело к формированию особой системы, включающей в себя элементы как традиционной, так и европейской медицины. На фоне постоянных эпидемий холеры конца XIX в. особую популярность приобрела концепция правильного питания, сформулированная в начале XVIII в. неоконфуцианским ученым Кайбара Экикэн (1630–1714). Его концепция опиралась на многовековую китайскую теорию взаимодействия полярных сил мироздания *инь-ян* и учение о жизненной энергии *ци*. В эпоху стремительной модернизации многие темы, затронутые ученым в своем труде, были переосмыслены и нашли свое отражение в работах просветителей Нового времени. Наиболее подробно вопросы диетологии были рассмотрены в известном романе Гэнсай Мураи (1863–1927) «Наслаждение от приема пищи» (*Куи до:раку*, 1903). По мнению автора, при очевидном превосходстве Запада в сфере клинической медицины именно китайские врачи с давних времен уделяют наибольшее внимание проблемам диетологии. Подобный двойственный подход к медицине, отраженный в романе, можно наблюдать в Японии и в наше время, когда в стране одновременно существуют и западная медицина, и традиционная китайская медицина *кампо*.

Ключевые слова: история Японии, эпоха Мэйдзи, медицина, Гэнсай Мураи, Кайбара Экикэн

В отечественных и западных исследованиях, затрагивающих такие темы, как история медицины или эволюция медицинских знаний в Японии, особое внимание уделяется периоду Мэйдзи (1868–1912), когда на смену архаичным средневе-

---

Данные об авторе: Наливайко Оксана Александровна – аспирант кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

ковым способам врачевания приходят европейские методы медицинской науки. Именно во второй половине XIX в. в Японии появляются первые больницы западного типа¹, открывается первый медицинский отдел при Министерстве образования (1872), приглашаются в университеты иностранные специалисты: военный хирург – Бэнжамин Мюллер (1822–1893), врач и антрополог Эрвин Бэльд (1849–1913), агрохимик и физиолог Оскар Кельнер (1851–1911) и др. Иными словами, с наступлением эпохи Мэйдзи в рамках переориентации Японии на методы академической науки был взят курс на освоение основ западной медицины, а точнее – немецкой медицинской школы. В период с 1868 по 1914 гг. около тысячи двухсот японских студентов были направлены в различные немецкие города для обучения самым передовым методам европейской медицины у лучших профессоров². Результаты не заставили себя долго ждать: несомненными достижениями японской медицинской науки периода Мэйдзи принято считать выделение столбнячного токсина (1890), благодаря которому стало возможным создание противостолбнячной сыворотки; открытие возбудителя чумы (1894)³; разработка препарата *сальварсан* («спасительный мышьяк») для борьбы с сифилисом⁴.

Безусловно, интерес японцев к европейскому подходу в медицине начался задолго до наступления эпохи Мэйдзи: в конце XVI в. португальские миссионеры принесли первые медицинские знания в Японию, в период изоляции страны последователи *рангаку* продолжили знакомство с анатомией, опираясь на различные европейские медицинские трактаты⁵, а с окончанием политики самоизоляции страны *сакоку* (1641–1853) и на протяжении всего периода *бакумацу*⁶ у европейских врачей уже появилась возможность читать лекции в Японии⁷, кроме того, в 1863 г. по приказу сёгуна шестеро японских студентов-медиков впервые были отправлены за границу, в Лейден, учиться западной медицине. В 1861 г. благодаря голландскому военному хирургу Й.Л.С. Помпе ван Меердерворту (1829–1908) в Нагасаки появилась первая клиника, стационарное отделение которой было рассчитано на 128 больничных коек⁸. Несколькими годами ранее, когда в стране разразилась эпидемия холеры, по совету Помпе ван Меердерворта власти Нагасаки издали запрет на употребление в пищу определенных свежих продуктов, к тому

¹ Mace 2013, 232.

² Kim 2014, 5.

³ Китасато Сибасабуро (1856–1931) – один из основоположников микробиологии в Японии. В 1890 г. выделил токсин столбняка и совместно с Э. Берингом выявил антигенные свойства столбнячного и дифтерийного токсинов. В 1894 г. одновременно с французским микробиологом А. Йерсеном (1863–1943), но независимо от него, открыл возбудителя чумы. Являлся членом Лондонского Королевского общества, почетным членом Лондонского Королевского медицинского общества, членом-корреспондентом Прусской академии наук и Французской медицинской академии (см. Петровский 1979).

⁴ В 1909 г. немецкий врач П. Эрлих (1854–1915) вместе со своим учеником Сахатино Хата (1873–1938) разработали и испытали препарат сальварсан (другое название – «препарат № 606») (см. Grimes, Smith, Fagerberg 2013, 222).

⁵ После первого официального вскрытия, проведенного Ямаваки Тойо в 1754 г., был создан трактат по анатомии – Кайтай синсё (Новый трактат по анатомии, 1774). Книга представляла собой перевод на японский язык немецкого трактата по анатомии начала XVIII в. и стала первым японским переводным сочинением по западной медицине (см. Mace 2013, 231).

⁶ Завершающая часть эпохи Токугава (1603–1868), охватывающая период с 1853 по 1869 гг.

⁷ Yoshio, Kazuo 2001, 96.

⁸ Yoshio, Kazuo 2001, 96.

же каждый житель Нагасаки смог бесплатно получить особую микстуру, изготовленную на основе опиума и хинина⁹.

Однако, несмотря на очевидный интерес и поощрение властей европейской медицинской науки, ее методы и нововведения столкнулись с достаточно серьезным непониманием и сопротивлением со стороны японцев. Дело в том, что со времен Средневековья в Японии господствовала китайская медицинская традиция, в основе которой лежала концепция жизненной энергии ци (яп. – *ки*), и под «медициной» понимали прежде всего фармакологию (кит. – *кампо*;) – науку о лекарственных веществах и их действии на организм. Известно, что первые японские сочинения о лечебных свойствах трав были созданы еще в X в.¹⁰, но решающим событием, повлиявшим на рождение и развитие собственной японской фармакологии, принято считать издание в 1596 г. в Китае книги «Компендиум лекарственных веществ» (кит. – *Бэньцао ганму*, яп. – *Хондзокомоку*) и ее ввоз в Японию в 1607 г.¹¹. Японские специалисты по фармакологии фактически заимствовали критическое изучение цитированных текстов и китайские методы исследования природы, что способствовало появлению ряда значительных работ, посвященных лечебным свойствам некоторых растений, корнеплодов и морепродуктов. К примеру, считалось, что их запах стимулирует аппетит у больного человека. Популярность средневековых трудов по фармакологии была настолько велика, что вплоть до 1930-х гг. некоторые растительные компоненты, упомянутые в данных трактатах, широко применялись в качестве лекарств при проблемах с желудком и кишечником¹². К методам же европейской медицины японцы, напротив, долгое время относились с большим сомнением.

Особенно сильную неприязнь у простых жителей во второй половине XIX в. стали вызывать больницы и идея принудительной изоляции во время эпидемий. В народе ходили слухи, что врачи в таких больницах заживо вскрывают пациентов, а затем продают их органы¹³. В 1879 г. в Ниигата даже произошло небольшое выступление сельских жителей (ок. 1000 чел.): они требовали закрытие больниц, а когда со стороны властей не последовало никаких мер, восставшие убили нескольких чиновников и разграбили богатые дома местных торговцев. В этом же году в одной из больниц в Тиба был зверски убит врач, который вызвал ненависть у местных жителей за то, что выкапывал мертвые тела для анатомических исследований¹⁴. Российский дипломат, путешественник и этнограф Григорий Александрович Де-Воллан¹⁵ в своих путевых заметках по Японии, изданных отдельной книгой в 1906 г., отмечал: «Если в настоящее время есть уже много докторов-японцев, выучившихся в Европе и Америке и с презрением относящихся к народ-

⁹ Yoshio, Kazuo 2001, 96.

¹⁰ Одними из самых ранних трудов по фармакологии принято считать «Японские названия лекарственных трав» (Хондзо вамэ, 901–923) и «Методы терапии, составляющие сердце медицины» (Исин хо, 984) (см. Mace 2013, 233).

¹¹ Mace 2013, 233.

¹² Harada 2006, 17.

¹³ Suzuki 2008, 188.

¹⁴ Suzuki 2008, 188.

¹⁵ Г.А. Де-Воллан в период с 1883 по 1891 гг. находился на должностях российского консула в Хакодате и Нагасаки, а затем провел два года (1894–1896) в Токио в качестве секретаря российской миссии.

ной медицине, то, с другой стороны, в каждом японском городе можно найти знахаря, который лечит своими средствами. Они так же популярны в простом народе, как и гадалщики, к которым не зарастает народная тропа»¹⁶. Таким образом, в эпоху стремительной модернизации, в то время, как представители элиты своим примером пытались показать действенность практики изоляции больного, в народе боролись с недугом посредством проведения религиозных обрядов с целью изгнания, к примеру, демона холеры¹⁷.

Единственное, что не вызывало подозрений и отторжения у местного населения, особенно в крупных городах, – многочисленные правительственные рекомендации, касающиеся вопросов диетологии. Фактически на протяжении всей последней четверти XIX в.¹⁸ было напечатано огромное количество различных листовок, таблиц, статей, где приводились списки здоровых и вредных продуктов. Так, к полезным продуктам относили камбалу, яйца всмятку, угря и др., а от осьминога, тунца, гречневой лапши-*соба* и огурцов настойчиво рекомендовали отказаться¹⁹. По мнению японских исследователей Акихито и Мика Судзуки, подобные рекомендации, связанные с вопросами диетологии, были весьма популярны среди японцев, так как они вписывались в традиционную концепцию правильного питания, сформулированную еще в XVIII в. неоконфуцианским ученым Кайбара Экиэн (1630–1714) в труде «Наставления о здоровом образе жизни» (*Ёдзё:кун*, 1713)²⁰. В своей книге Кайбара Экиэн рассматривал отдельные продукты и блюда, исходя из теории взаимодействия полярных сил мироздания – *инь-ян*: «Если овощам позволять лежать долгое время, они потеряют свою жизненную силу и вкус их изменится. Они превратятся в продукты *инь* и станут вредны для желудка и кишечника»²¹.

Ученый также предостерегал от употребления в пищу в жаркое время года сырых «холодных» (т.е. грунтовых) овощей, объясняя это тем, что *инь* переходит из продукта в организм и способствует стагнации жизненной энергии *ки*, что в итоге может привести к расстройству желудка²². Во второй половине XIX – начале XX в., в эпоху развития бактериологии, все подобные положения уже рассматривались с научной точки зрения: например, было доказано, что отсутствие термической обработки многих продуктов питания, особенно грунтовых культур, создает возможность беспрепятственного проникновения возбудителя холеры в организм.

В 1895 г. методы лечения традиционной китайской медицины были официально запрещены. Однако многие темы, затронутые неоконфуцианским ученым в своем труде, такие, как темы правильного питания, пользы и вреда продуктов, гигиены и др. были переосмыслены в эпоху Мэйдзи и нашли отражение в работах просветителей Нового времени, связывающих эти понятия с западной культурой питания.

¹⁶ Де-Воллан 2011, 378.

¹⁷ Suzuki 2008, 189.

¹⁸ В последнюю четверть XIX в. в Японии было зафиксировано несколько эпидемий холеры: 1877, 1879, 1882, 1886, 1890, 1891, 1895 гг.

¹⁹ Suzuki 2008, 192.

²⁰ Suzuki 2008, 195.

²¹ Kaibara 2008, 285.

²² Kaibara 2008, 147.

Наиболее детально концепция правильного питания была представлена в романе Гэнсай Мураи (1863–1927) «Наслаждение от приема пищи» (*Куи до:раку*, 1903), где автор впервые употребил термин *сёкуику* – «наука о правильном питании»²³. Цель романа состояла в том, чтобы наглядно продемонстрировать широкому кругу читателей, как западная кулинария может стать неотъемлемой частью повседневной жизни японцев. В романе «Наслаждение от приема пищи» Гэнсай Мураи создает новую концепцию правильного питания, которая сочетает в себе как традиционные идеи, высказанные Кайбара Экиэн почти за два века до издания романа, так и отдельные положения, характерные для европейской системы медицинских знаний.

Сквозь призму кулинарных советов и «кулинарных» разговоров главных героев в гастрономическом романе не только освещаются социальные проблемы, такие, как состояние науки в стране, положение женщины в обществе, вопросы образования и воспитания, но и приводятся статистические данные и различные факты с целью ознакомления читателей с последними мировыми достижениями науки и техники. В том числе автор упоминает в романе нескольких своих современников – выдающихся немецких врачей конца XIX – начала XX в. Эрвин Бэльтц (1849–1913) – врач и антрополог, в 1875 г. был приглашен в Японскую медицинскую школу в Токио (совр. медицинский факультет Токийского университета), где сначала читал курс по физиологии, а с 1876 г. – курс «по внутренним и женским заболеваниям»²⁴. В романе Гэнсай Мураи цитирует Э. Бэльтца в связи с темой правильного воспитания детей: «Кимоно очень вредно для детей, так как веревки сильно перетягивают и пережимают детское тело, но, к сожалению, даже те взрослые, которые подвержены европейскому влиянию, все равно воспитывают детей, руководствуясь японскими обычаями»²⁵.

Агрохимик и физиолог Оскар Кельнер (1851–1911) работал в области биохимии животных и растений, с 1880 по 1892 гг. был профессором агрохимии в Токийском университете. Ученый разработал комплексную программу по правильному кормлению скота («стандарт Кельнера»), которая в настоящее время принята за основу в японском сельском хозяйстве, поэтому О. Кельнера принято считать основателем японской агрохимии. Гэнсай Мураи упоминает в романе, что О. Кельнер составил для японцев сбалансированную диету²⁶: «Среднестатистический здоровый [японский] мужчина должен в день употреблять 150²⁷ граммов риса вместе с семью кусочками маринованной редьки-такуан; на завтрак – выпить суп мисо, предварительно положив в него три кусочка редьки [редиса], и съесть маленький кусочек соевого творога-тофу; на обед – одну картофелину, ломтик корня лотоса длиной в 3 сун²⁸ и шесть вареных стеблей травы-стрелолист; на ужин – блюдо сукияки²⁹ из говядины за 50 моммэ, в него добавить росток лука и

²³ Мураи 2005/2, 201–203.

²⁴ Брокгауз, Ефрон 1890-1907.

²⁵ Мураи 2005/1, 237–239: Одежда для детей.

²⁶ Мураи 2005/1, 99–102: Основные правила кулинарного дела.

²⁷ Приблизительно 55 кг в год на человека. По среднестатистическим данным, в наши дни в Японии на человека приходится 119 г белого риса в день (≈ 43 кг в год).

²⁸ Около 9 см.

²⁹ Блюдо сукияки представляет из себя мясо птицы или дичи, приготовленное вместе с соевым творогом тофу и овощами. Сукияки относится к категории блюд набэмоно («блюдо в кастрюле») и

вареный клубень плода цукуимо, причем все должно уместиться на тарелке среднего размера <...> Если мужчина съест больше, это уже будет излишек».

Таким образом, О. Кельнер рекомендовал значительно снизить долю риса в рационе. Действительно, к 1900 г. потребление риса в Японии сильно выросло, и на каждого человека приходилось примерно 550-600 граммов белого риса в день, то есть около 200–220 кг в год³⁰. В романе, созданном в 1903 г., автор упоминает о научных экспериментах, результаты которых подтвердили, что потребление хлеба благоприятно влияет на пищеварение в отличие от риса³¹. Известно, что японские солдаты часто страдали заболеванием бери-бери (недостаток витамина В1 в организме), возникающим из-за потребления преимущественно белого риса³², а по указу о воинской повинности от 1873 г. солдатский паек включал в себя 840 граммов белого риса³³. В 1904 г., когда началась русско-японская война, военный хирург Такаки Канэхиро (1849–1920) настаивал на внедрении хлеба в рацион японских моряков, однако меры были приняты только год спустя. В запоздавшей корректировке солдатского пайка принято винить целую плеяду японских врачей, считавших бери-бери инфекционным заболеванием. Среди них был глава медицинского управления японской армии, военный врач, а позже – известный литератор и переводчик, Мори Огай (1862–1922), который полагал, что белый рис с точки зрения питательности является идеальной солдатской пищей³⁴. Развеев миф об инфекционном происхождении бери-бери удалось японскому ученому Судзуки Умэтаро (1874–1943) в 1910 г., когда он выявил связь между данной болезнью и недостатком витамина В1. А с 1925 г. в японской армии был принят новый стандарт: солдатский паек состоял из смеси риса с ячменем в пропорции 7:3³⁵.

В романе «Наслаждение от приема пищи» автор часто упоминает и Эмиля Адольфа фон Беринга (1854–1917) – создателя противодифтерийной сыворотки, в 1901 г. получившего первую в мире Нобелевскую премию по физиологии и медицине. Интересно, что имя известного японского бактериолога, участвовавшего совместно с Э. Берингом в разработке средств против дифтерии, – Китасато Сибасабуру (1853–1931) – в романе ни разу не встречается. Из японских врачей Гэнсай Мурай упоминает Судзуки Коносукэ³⁶, который, по словам автора, доказал спустя 10 лет после американских ученых, что потребление яйца всмятку способствует ускорению пищеварения³⁷. В романе автор часто обвиняет японских врачей в некомпетентности по сравнению с западными, японскую медицинскую науку – в недостаточной развитости, а японцев – в отсутствии необходимых медицинских знаний. К примеру, в главе «Рассказ о жизни»³⁸ одна из героинь произносит фразу: «Я слышала, что на Западе в женских школах обязательно обучают основам

готовится непосредственно на столе перед гостями.

³⁰ Cwierka 2006, 66.

³¹ Мурай 2005/1, 340–343.

³² Во время осады Порт-Артура в русско-японскую войну (1904–1905) около 20–25 тыс. солдат третьей японской армии страдали от заболевания бери-бери и специальным приказом были отправлены с фронта домой. (См. Hawk 2006, 335).

³³ Cwierka 2006, 66.

³⁴ Yoshio, Kazuo 2001, 97.

³⁵ Cwierka 2006, 69.

³⁶ Даты жизни неизвестны.

³⁷ Мурай 2005/1, 112–115.

³⁸ Мурай 200/2, 306–311.

сестринского дела, объясняют, как правильно накладывать бандаж. А я даже в мечтах не могу представить, как ухаживать за порезом мужа».

В другой главе главный герой предостерегает своего заболевшего друга от употребления жидкой пищи в больших количествах во время болезни, так как, по мнению западных врачей, это приводит к ослаблению тонуса: На Западе во время болезни в пищу употребляют кашу, мягкий хлеб с молоком, вареные яйца³⁹. Иными словами, многие продукты, о которых упоминает Гэнсай Мураи в своем романе, вошли в японский рацион только в эпоху Мэйдзи, когда в рамках проводимого под лозунгом «Цивилизация и Просвещение» политического курса вестернизации употребление в пищу ингредиентов и блюд иностранной кухни фактически стало означать принадлежность к «цивилизации», то есть к Западному миру. Такие непривычные для японцев продукты, как молоко, говядина, пиво, шоколад и др. стали преподноситься как продукты, полезные для здоровья: пиво популяризировалось как напиток, благоприятно влияющий на желудок, говядина и молоко – как источники животного белка, а шоколад и карамель – как продукты с высокой питательной ценностью⁴⁰. Подобную тенденцию можно проследить и в 1920-х гг., когда рекламный лозунг на упаковке японских конфет Gliko, достаточно популярных и в современной Японии, гласил: «И вкусно, и придает силы! На одной конфете [пробежишь] 300 м!». Тем не менее в романе «Наслаждение от приема пищи», созданном в начале XX в., автор обвиняет японцев в недоверии к полезным, но незнакомым им продуктам: ... хотя многие врачи советуют в лечебных целях пить молоко, люди часто отказываются, так как считают его неприятным⁴¹.

Однако при очевидном восхищении западным стилем жизни, кулинарными традициями, состоянием науки автор не отвергает японскую традицию. Возможно, это объясняется тем, что время создания романа пришлось на так называемую «вторую волну вестернизации», когда внешнее подражание Западу постепенно сменилось переосмыслением исконно японского культурного, духовного и научного наследия: «Конечно, было бы весьма опрометчиво – слепо следовать традициям Запада и отвергать то хорошее, что есть у нас в Японии. Наша задача несомненно заключается в том, чтобы изучить и вдумчиво отобрать то, что мы хотим перенять»⁴². Так, с одной стороны, Гэнсай Мураи обвиняет японских врачей в неумении пользоваться микроскопом⁴³, а с другой, – европейских врачей, которые уделяют недостаточное внимание проблемам диетологии. Дело в том, что вторая половина XIX – начало XX в. в истории западной медицины считается веком лабораторий и клинических исследований. Гэнсай Мураи родился и вырос в конфуцианской семье, но получил столичное европейское образование, прожил несколько лет в Америке в семье русских эмигрантов и всю жизнь поддерживал дружеские отношения с иностранцами. Писатель демонстрирует в романе прекрасную осведомленность в области анатомии, биохимии, микробиологии. Например, в главе «Яд угря» автор апеллирует к таким терминам, как ихтиотоксин, синильная кислота, подробно объясняет механизм взаимодействия яда угря с же-

³⁹ Мураи 2005/1, 132–135.

⁴⁰ См. Артеменко.

⁴¹ См. Мураи 2005/2, 86–88.

⁴² Аояма 2008, 137.

⁴³ Мураи 2005/1, 345–348.

лудочным соком: «(...) согласно последним исследованиям, в угре содержится достаточно сильный токсин. Во время научных опытов ядовитое вещество, найденное в угре, вводили в кровь других животных, и в результате это приводило к их мгновенной смерти. Яд угря схож по своему составу с ядом гадюки. В Америке из крови угря научились получать сыворотку, которую используют при лечении от укусов змей. Говорят, результаты такого лечения весьма положительны <...> При взаимодействии яда с желудочным соком происходит детоксификация. Это тоже было доказано с помощью опытов: яд, попавший в желудок, обезвреживается, а яд угря в крови человека неизменно приводит к отравлению. Таким образом, если обычно яд растворяется в желудочном соке, то кислоты, содержащиеся, например, в сливах или персиках, способны его активировать»⁴⁴.

Концепция правильного питания, представленная в романе, фактически сводится к тезису о постоянной необходимости соблюдения диеты и к спискам сочетаемых и несочетаемых между собой блюд и продуктов: «(...) говядина легче усваивается вместе с ананасом, но с другой стороны, есть и такие плоды, которые при употреблении их с мясом вызывают несварение желудка»⁴⁵. В отличие от неоконфуцианского ученого Кайбара Экикэн, Гэнсай Мураи не прибегает к теории взаимодействия сил инь-ян и циркуляции жизненной энергии ки. Однако, поскольку вопросам диетологии западная медицинская наука конца XIX – начала XX в. не уделяла должного внимания, автор несколько раз упоминает эффективную китайскую традиционную медицину кампо, несмотря на ее официальный запрет: «некоторые врачи делают лечебные настои для желудка из стебля растений»⁴⁶. По мнению Гэнсай Мураи, «в современном мире намного важнее получить знания о правильном питании, чем должное физическое или умственное воспитание»⁴⁷. На фоне постоянных эпидемий второй половины XIX в. и бесчисленных списков, и правительственных рекомендаций относительно небезопасных продуктов данная мысль кажется весьма актуальной и своевременной. В одной из глав автор упоминает, что в Китае с древних времен существовало два типа врачей: одни уделяли особое внимание правильному питанию и свойствам отдельных продуктов, другие прибегали к лекарствам при лечении болезней, однако «правильное питание превосходит любые лекарства»⁴⁸. Идеи правильного питания, впервые детально разработанные конфуцианским философом Кайбара Экикэн, были настолько популярны в Японии в эпоху Мэйдзи, что, даже когда в конце XIX в. в газете Ёмиури Симбун была опубликована информация об открытии Робертом Кохом (1843–1910) возбудителя холеры, в той же газете приводилась настоятельная рекомендация воздержаться от употребления в пищу продуктов, вредных для желудка, так как именно они долгое время считались первопричиной холеры⁴⁹.

Подобные противоречия, характерные для эпохи Мэйдзи, нашли свое отражение и в гастрономическом романе Гэнсай Мураи. К примеру, несмотря на восхищение научными открытиями и методами западной медицины, автор ни разу не

⁴⁴ Мураи 2005/1, 129–132.

⁴⁵ Мураи 2005/1, 129–132.

⁴⁶ Мураи 2005/1, 123–126.

⁴⁷ Мураи 2005/2, 201–203.

⁴⁸ Мураи 2005/2, 354–356.

⁴⁹ Suzuki 2008, 193.

обратился к теме эффективности изоляции больного. Вероятно, это можно объяснить неприятием японского общества второй половины XIX – начала XX в. больничных заведений. Боязнь изоляции была связана не только с недоверием к врачам и новым хирургическим методам, но и с многовековым отношением японцев к дому как к сакральному месту. Не отрицает автор и действенность китайской медицины *канпо*., аргументируя это тем, что китайские врачи уделяют проблеме правильного питания намного больше внимания, чем западные.

Синкретический подход японцев к медицинской науке отчетливо проявился более чем за полвека до наступления Нового времени. Еще в 1804 г. японский врач Ханаока Сэйсю (1760–1835), практикующий методы голландской хирургии, провел удачную операцию по удалению рака молочной железы с использованием анестезии⁵⁰. В то время, когда в Европе еще не задумывались над проблемой уменьшения чувствительности человеческого тела при хирургическом вмешательстве⁵¹, китайской медицине было известно немало растительных субстанций, способных снизить болевую чувствительность или даже временно парализовать человека⁵². Именно из китайской традиционной медицины в мировую практику вошли многие лекарственные средства, полученные благодаря растениям: женьшень, лимонник, камфора, чай, ревень, смола⁵³. Ханаока Сэйсю, знакомый с методами как европейской, так и восточной медицины, создал специальный анестетик на основе экстрактов дурмана и аконита и достаточно успешно применял его на практике⁵⁴. В эпоху Мэйдзи, когда западный подход к медицине стал считаться приоритетным, военный врач Сагэн Итидзука (1850–1909) разработал макробиотическую концепцию питания, в основе которой лежало китайское представление о взаимодействии полярных сил. Иными словами, ученый разделил продукты на две категории (*ин-янь*), исходя из содержания в них калия и натрия. Благодаря его последователю – Джорджу Одзава (1893–1966) – учение о макробиотике получило широкое распространение на Западе в 1960-е гг., в частности в Калифорнии, Бельгии и США, и является достаточно популярным и востребованным и в наше время⁵⁵.

Таким образом, в романе Гэнсай Мураи «Наслаждение от приема пищи» отражены самые разные аспекты, связанные с медицинской наукой. Важно отметить, что произведение было создано в эпоху, когда «здоровье нации» считалось

⁵⁰ Yoshio, Kazuo 2001, 93.

⁵¹ Несмотря на интерес западных ученых к обезболивающему и усыпляющему эффекту некоторых химических соединений, до начала XIX в. о возможности их применения в хирургии не задумывались. К тому же многие успешные операции с применением обезболивающих средств остались незамеченными, так как информация о них не появилась в печати. Считается, что Уильям Мортон (1819–1868), американский дантист, был первым, кто удачно применил эфирные пары при удалении опухоли в области шеи в 1846 г. (см. Сорокина 2008, 162).

⁵² Знаменитый древнекитайский хирург Хуа То (141–208) прославился тем, что занимался внутренней хирургией, несмотря на давление со стороны ортодоксальных врачей, которые выступали против рассечения тел. При операциях Хуа То часто использовал анестезирующее средство, в состав которого, возможно, входил цветок дурмана или индийская конопля. Упоминания о подобном анестетике встречаются и в труде врача Доу Цай «Книга о сердце Бянь Цао» («Бянь Цяо синь шу», 1146), а также известно, что некоторые целители использовали подобное снадобье вплоть до XVI в. (см. Титаренко 2009, 5, 418).

⁵³ Сорокина 2008, 37.

⁵⁴ Yoshio, Kazuo 2001, 93.

⁵⁵ Dessi 2013, 89.

одной из приоритетных задач национальной политики. Гастрономический роман предназначался для широкой публики и преследовал образовательные цели: автор часто ссылается на последние открытия в западной медицине, приводит в пример результаты научной деятельности известных европейских врачей, дает рекомендации по поддержанию здоровья. Однако особое значение писатель-просветитель придает теме правильного питания. Вероятно, такое пристальное внимание к вопросам диетологии можно объяснить многочисленными эпидемиями второй половины XIX в., а также популярностью отдельных положений средневековой японской фармакологии и концепции правильного питания, сформулированной еще в начале XVIII в. неоконфуцианским ученым Кайбара Экикэн. Синкретический подход к медицине, отраженный в романе Гэнсай Мураи, сформировался в Японии задолго до наступления XX в. и остается актуальным по сей день, когда в стране одновременно существуют и западная медицина, и традиционные китайские методы *кампо*.

ЛИТЕРАТУРА

- Артеменко, О.Л. Учение о «вращивании жизни» (яниэнсюэ) и становление концепции «здоровья» в Японии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.torchinov.com/торчиновские-чтения/четвертые-торчиновские-чтения/артеменко-о-л-учение-о-вращивании-жизни/>.
- Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А. 1890-1907: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>.
- Де-Воллан, Г.А. 2011: *В стране восходящего солнца. Очерки и заметки о Японии Григория Де-Воллана*. М.
- Масе, Ф., Масе, М. 2013: *Япония эпохи Эдо*. М.
- Мураи, Г. 2005: *Куи до:раку (Наслаждение от приема пищи)*: в 2 т. Токио. (на яп.).
- Петровский, Б.В. (ред.) 1979: *Большая медицинская энциклопедия*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://бмэ.орг/index.php/КИТАСАТО_Сибасабуро.
- Сорокина, Т.С. 2008: *История медицины*. М.
- Титаренко, М.Л. (ред.) 2009: Наука. Техническая и военная мысль. Здравоохранение и образование. В кн: *Духовная культура Кумая*. Т. 5. М.
- Aoyama, T. 2008: *Reading Food in Modern Japanese Literature*. Honolulu.
- Cwierka, K. 2006: *Modern Japanese Cuisine: Food, Power and National Identity*. London.
- Grimes, J., Smith, L., Fagerberg, K. (eds.) 2013: *Sexually Transmitted Disease: An Encyclopedia of Diseases, Prevention, Treatment, and Issues* 1. Santa Barbara.
- Harada, N. 2006: The Wisdom behind Foods Developed in Edo. Health Management Integrated into the Daily Diet. *Food culture* 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kikkoman.co.jp/kiifc/foodculture/no12_e.html.
- Hawk, A. 2006: The great disease enemy, Kak'ke (beriberi) and the Imperial Japanese Army. *Military Medicine* 171(4), 333–339.
- Kaibara, E. 2008: *Yojokun: Life Lessons from a Samurai*. Translated by William Scott Wilson. Tokyo.
- Kim, H. 2014: *Doctors of Empire: Medical and Cultural Encounters between Imperial Germany and Meiji Japan*. Toronto.
- Suzuki, A., Suzuki, M. 2008: Cholera, consumer and citizenship. Modernizations of medicine in Japan. In: *The development of modern medicine in non-western countries: historical perspective*. Routledge, 184–203.

Yoshio, I., Kazuo, I. 2001: Modern Japanese medical history and the European influence. *The Keio Journal of Medicine* 50, 91–99.

Dessi, U. 2013: *Japanese Religions and Globalisations*. Routledge.

REFERENCES

- Aoyama, T. 2008: *Reading Food in Modern Japanese Literature*. Honolulu.
- Artemenko, O.L. *Uchenie o vzrashchivanii zhizni i stanovlenie kontseptsii zdorov'ya v Yaponii* [The Teaching of Nurturing the Life and the Formation of Life-concept in Japan], <http://www.torchinov.com/торчиновские-чтения/четвертые-торчиновские-чтения/артеменко-о-л-учение-о-взращивании-жизни/>.
- Brockhaus, F.A., Efron, I.A. 1890–1907: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary], <http://www.vehi.net/brokgauz/>.
- Cwiertka, K. 2006: *Modern Japanese Cuisine: Food, Power and National Identity*. London.
- Dessi, U. 2013: *Japanese Religions and Globalisations*. Routledge.
- Grimes, J., Smith, L., Fagerberg, K. (eds.) 2013: *Sexually Transmitted Disease: An Encyclopedia of Diseases, Prevention, Treatment, and Issues* 1. Santa Barbara.
- Harada, N. 2006: The Wisdom behind Foods Developed in Edo. Health Management Integrated into the Daily Diet. *Food culture* 12. https://www.kikkoman.co.jp/kiifc/foodculture/no12_e.html.
- Hawk, A. 2006: The great disease enemy, Kak'ke (beriberi) and the Imperial Japanese Army. *Military Medicine* 171(4), 333–339.
- Kaibara, E. 2008: *Yojokun: Life Lessons from a Samurai*. Translated by William Scott Wilson. Tokyo.
- Kim, H. 2014: *Doctors of Empire: Medical and Cultural Encounters between Imperial Germany and Meiji Japan*. Toronto.
- Macé, F., Macé M. 2013: *Yaponiya epokhi Edo* [Edo Japan]. Moscow.
- Murai, G. 2005: *Kui do:raku* [Gourmandise]. Tokyo. (in Jap.)
- Petrovskiy, B.V. (ed.) 1979: *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya*, 10 [Great Medical Encyclopedia, 10], http://бмэ.орг/index.php/КИТАКАТО_Сибасабуно.
- Sorokina, T.S. 2008: *Istoriya meditsiny* [The History of Medicine]. Moscow.
- Suzuki, A., Suzuki, M. 2008: Cholera, consumer and citizenship. Modernizations of medicine in Japan. In: *The development of modern medicine in non-western countries: historical perspective*. Routledge, 184–203.
- Titarenko, M.L. (ed.) 2009: Nauka. Tekhnicheskaya i voennaya mysl'. Zdravoohranenie i obrazovanie [The Science. The Technology and Military Spheres. The Health-care and Education]. In: *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [The Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Vol. 5, Moscow.
- Wollant, G. de. 2011: *V strane voskhodyashchego solntsa. Ocherki i zametki Yaponii* [The Land of the rising Sun. Travel notes by Gregoire de Wollant]. Moscow.
- Yoshio, I., Kazuo, I. 2001: Modern Japanese medical history and the European influence. *The Keio Journal of Medicine* 50, 91–99.

MEDICINE IN JAPAN: MEDIEVAL TRADITIONS AND WESTERN SCIENCE

Oksana A. Nalivayko

*Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia
ksankin30@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the influence of the medieval traditions on Japanese medicine during the second half of the 19th and early 20th centuries, as well as the origins of the modern syncretic approach to medicine. The Unequal Treaties signed with Western powers and subsequent events that restored imperial rule to the Emperor of Japan marked the start of the Meiji era (1868–1912). The new policy led to the modernization and Westernization of the country and affected different spheres of political, economic and social life of the Japanese. The medical policy was also focused on the foundations of Western medicine while the methods of Chinese pharmacology *kampo* became strictly prohibited. However, the medieval traditions and medical concepts turned out to be so stable that this fact caused the appearance of a special Japanese medical system that combines some elements of both traditional Chinese and European medicine. At the end of the 19th century in terms of numerous cholera outbreaks, the nutrition principles formulated by a Japanese Neo-Confucianist philosopher Kaibara Ekiken (1630–1714) gained popularity. His theory was based on the idea of interconnection of the contrary forces *yin yang*, as well as on the force of vital energy *qi*. During the Meiji period, many topics mentioned by Kaibara Ekiken were given a new meaning by the Enlighteners of a new era. It was Gensai Murai (1863–1927), one of the famous writers and enlighteners of the Meiji period, who presented to the Japanese society the most detailed nutrition concept depicted in his well-known novel «Gourmandism» (*Kuido:raku*, 1903). Gensai Murai stated that despite the European dominance in the field of clinical medicine, from time immemorial the Chinese doctors paid the great attention to the nutrition issues. Such a dual approach to medicine, reflected in the novel, can also be observed in modern Japan. The traditional Chinese Medicine has become integrated into modern medical system.

Keywords: history of Japan, Meiji era, medicine, Gensai Murai, Kaibara Ekiken

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 177–186
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 177–186
© Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-177–186

МОГИЛЬНИК БЛИЗ АУЛА КАШХАТАУ (по материалам исследований И.А. Владимирова, 1897 г.)

И.А. Дружинина

Институт археологии РАН, Москва, Россия
inga_druzh@mail.ru

Аннотация. Публикация вводит в научный оборот результаты исследований, проведенных И.А. Владимировым в 1897 г. на могильнике, расположенном близ аула Кашхатау, на левом берегу р. Черек (Кабардино-Балкария). Археологический памятник представлял собой курганный комплекс, насчитывавший более 20 каменных насыпей, окружавших почти полностью разрушенный наземный склеп-кешене. Исследователь составил план могильника, выполнил зарисовку усыпальницы и раскопал два кургана.

Часть материалов полевого отчета И.А. Владимирова, относящихся к раскопкам курганов близ аула Кашхатау, введена в научный оборот, однако сведения о склепе-кешене в публикацию не вошли. В дальнейшем, уже в XX и XXI столетиях, ряд авторов, ориентируясь на эту неполную информацию о могильнике, рассматривали склеп и курганный комплекс как два различных, не связанных друг с другом археологических объекта, что привело к появлению в научной литературе ошибочной датировки и не обоснованной этнокультурной интерпретации могильника.

Склеп-кешене представляет собой наземное прямоугольное в плане сооружение с двухскатной крышей, сложен из обработанного камня на известковом растворе, стены оштукатурены. Памятник находит прямые аналогии в ряду балкарских усыпальниц XVI–XVIII вв. Склеп-кешене и окружающие его курганы, без сомнения, принадлежат одной и той же этно-социальной группе. Особенности исследованных под курганами погребений и обнаруженные в них находки позволяют отнести весь могильник к числу погребальных памятников одного из балкарских обществ, которое на рубеже средневековья – нового времени населяло равнинную часть долины р. Черек у входа в предгорья.

Ключевые слова: археология, Кабардино-Балкария, склеп-кешене, каменные курганы, балкарцы, позднее средневековье, новое время

История горских народов Центрального Предкавказья на рубеже средних веков – нового времени слабо отражена в письменных источниках. Пожалуй, к балкарцам это утверждение относится в большей степени, чем к их соседям. Само название Балкар, Болхар появляется в документах только с XVII в. и в качестве топонима, лишь с 1740-х гг. термин балкар начинает использоваться как этноним¹.

Данные об авторе: Дружинина Инга Александровна – научный сотрудник группы археологии Кавказа Института археологии РАН.

¹ Волкова 1973, 87.

В этот период представители пяти крупных «обществ» – Балкарского (Малкарского), Холамского, Безенгийского, Чегемского, Урусбиевского, занимавших ущелья рек Центрального Кавказа – Баксан, Чегем, Хазнидон, Черек были известны как «горские татары», «горские общества Кабарды»².

Тем очевидней значение археологических материалов, позволяющих проследить историю этого народа в периоды, не освещенные в нарративных источниках.

Одним из таких памятников, возникновение которого связано с балкарским обществом, проживавшим в «Кашкатовских вершинах», является могильник, располагавшийся на левом берегу р. Черек при впадении в нее небольшого ручья, примерно в 3,7 км выше аула Кашхатау, исследованный в 1897 г. И.А. Владимировым. Могильник представлял собой группу из 20 каменных курганов, окружавших почти разрушенный склеп-кешене (рис. 1). В 1924 г. этот памятник осмотрел А.А. Миллер, который принял развалины склепа за церковь, в 1946 г. могильник обследовал П.Г. Акритас, в 1947 г. – Е.И. Крупнов, а в 1959 г. – В.А. Кузнецов³.

Но, несмотря на довольно высокое внимание исследователей к этому археологическому памятнику, в научной литературе о нем утвердилось неточное представление. Предпосылкой тому стала неполная первая публикация результатов исследования могильника близ аула Кашхатау. Дело в том, что в полевом отчете И.А. Владимирова представлен глазомерный план памятника, описание и чертежи раскопанных погребений, а также зарисовка кешене⁴ (рис. 1, 3–4), однако в публикацию полевых материалов информация о склепе, как и общее описание могильника, включены не были⁵ и, как следствие, в работах исследователей XX и XXI вв. склеп-кешене и каменные курганы близ аула Кашхатау стали рассматриваться как отдельные, не связанные друг с другом объекты.

Так, в своде археологических памятников Кабардино-Балкарии руины склепа описаны под №355 Советский, 1-ый наземный склеп-кешене, а окружающая его курганная группа – под № 357 Советский, 2-ые курганы⁶. При этом в описании объектов их общее расположение не упоминается. В работе О.В. Милорадович и в монографии А.Х. Нагоева (издана посмертно) каменные курганы могильника близ аула Кашхатау и вовсе рассматриваются в числе кабардинских некрополей⁷, при этом курганная группа отнесена к хронологическому периоду XIV–XVI вв.⁸

Целью данной публикации является введение в научный оборот всей информации о могильнике близ аула Кашхатау, содержащейся в полевом отчете И.А. Владимирова, что поможет исправить сложившиеся вокруг памятника ошибки и неточности.

Прежде всего, следует отметить, что на плане могильника (рис. 1, 1) обозначены 28 курганных насыпей, только двум из них присвоены номера – 15 и 16 (соответствуют сквозной нумерации курганов, исследованных И.А. Владимировым за сезон 1897 г. в Нальчикском округе). Склеп-кешене обозначен на плане квадратом. Усыпальница, а также 12 насыпей, в том числе и раскопанные И.А. Владимиро-

² Миллер 1888, 71.

³ Крупнов 1948, 309; Чеченов 1969, 95–96.

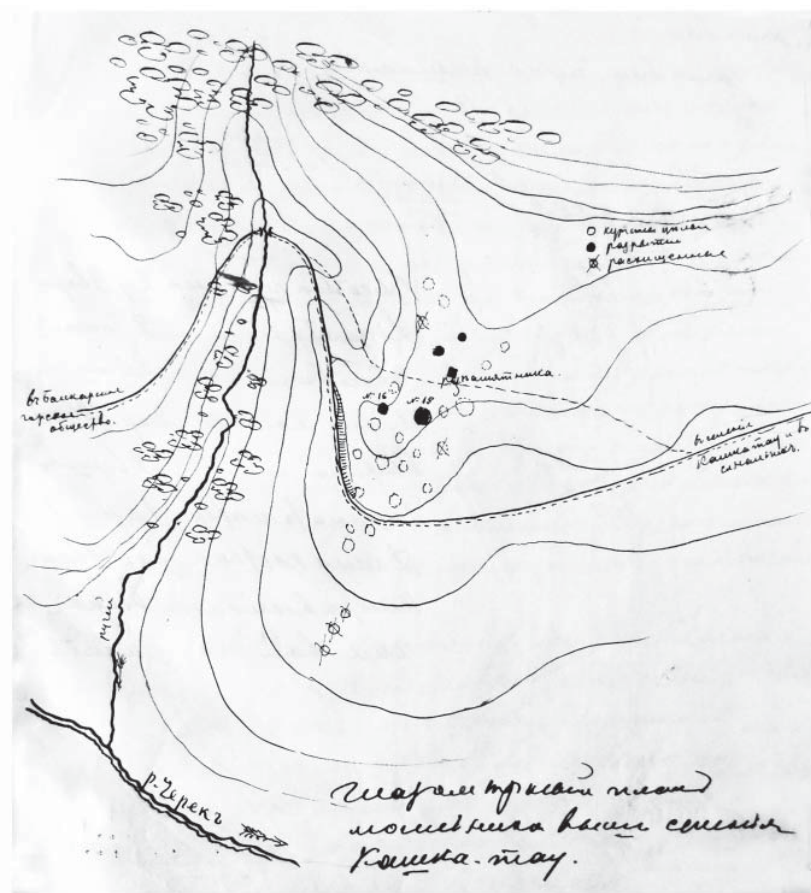
⁴ Ф.1. Д.215/1896. Л. 69–72.

⁵ ОАК за 1897 г., 142–143.

⁶ Чеченов 1969, 95–96.

⁷ Милорадович 1954, 345; Нагоев 2000, 29, № 31.

⁸ Милорадович 1954, 345; Чеченов 1969, 96.

1

2

Рис. 1. 1 – Могильник близ аула Кашхатау. Глазомерный план, снятый И.А. Владимировым в 1897 г. 2 – Склеп-кешене, рисунок И.А. Владимирова 1897 г.

вым, расположены на ровной мысовидной площадке высокого склона и являются самой ранней частью могильника. Остальные 16 курганов располагаются вниз по склону. В соответствии с приведенными в легенде плана условными обозначениями, пять насыпей уже к началу работ оказались разграбленными, четыре насыпи исследованы археологическими раскопками. При этом в отчете приведена информация о раскопках только двух курганов – № 15 и 16.

Об усыпальнице в отчете И.А. Владимирова содержится лаконичная информация: «Посреди могильника возвышается небольшой почти разрушенный мавзолеем – очевидно позднейшей постройки»⁹. Согласно описанию объекта № 355 Советский, 1-ый наземный склеп-кешене, он представлял собой прямоугольное в плане сооружение с двускатной крышей, сложенное из обработанного камня на известковом растворе, стены оштукатурены¹⁰. На рисунке в отчете И.А. Владимирова (рис. 1,2) и на фотографии, приведенной И.М. Чеченовым (рис. 2,1), показана сохранившаяся восточная фасадная стена склепа со сводчатым проемом¹¹, остальная часть сооружения уже в конце XIX в. находилась в руинированном состоянии. Заметим, что рисунок фасадной стены склепа несколько отличается от изображения на фотографии. Так, на фотоснимке не видна полка под сводчатым проемом, а на рисунке местность перед усыпальницей имеет более открытый и презентабельный вид. Объяснить это, по-видимому, можно тем, что художник «убрал» мешающие более информативному изображению памятника детали ландшафта, чего фотограф сделать возможности не имел.

Склеп-кешене представляет собой характерное для позднего средневековья Балкарии погребальное сооружение, относится к I типу – прямоугольных в плане с двускатным перекрытием¹². Аналогичные памятники известны в окрестностях сел. Безенги, Хулам, урочища Джабоевых, Верхняя Балкария, Бабугент («кешене Урусбиевых»), на горе Курноят-Баши, на некрополе Фардык в Верхнем Чегеме (5 усыпальниц)¹³.

Обратимся к описанию окружавших кешене раскопанных курганов.

Курган 15 состоял весь из камней, пересыпанных землей и глиной. Высота насыпи 1,96 м, диаметр – 10,5 м. Длина могилы, выявленной под центром насыпи – 2,13 м, ширина – 0,53 м, глубина – 0,7 м. Могила засыпана камнями. На глубине ок. 0,7 м (по периметру дна могилы) выявлены большие плоские камни, которыми со всех сторон был огражден скелет. Погребенный мужчина средних лет засыпан слоем угля. Длина скелета – 169 см. Он находился в положении вытянуто на спине, руки вдоль тела, череп на затылочных костях, ориентировка СЗ.

В районе пояса и на груди умершего найдены ременные бляшки и пряжки, у левой руки железный нож в ножнах, у головы – медное колечко (рис. 3, 4).

Курган 16 представлял собой «каменную горку», состоял из булыжного камня без всякой пересыпки грунтом. Высота кургана – 1,8 м, диаметр – 6 м. Могильная яма, ориентированная по линии З–В, выявлена в западной половине кургана, так, что ноги погребенного находились под центром насыпи. Длина могилы – 1,85 м,

⁹ Ф.1. Д.215/1896. Л. 70.

¹⁰ Чеченов 1969, 95.

¹¹ Ф.1. Д.215/1896. Л. 70; Чеченов 1969, 95–96, № 355, рис. 64.

¹² Батчаев 2006, 46.

¹³ Чеченов 1969, 88, 89, 91, 93, 95; Батчаев 2006, 46.

1

2

3

Рис. 2. 1 – Склеп-кешене в окрестностях аула Кашхатау (№ 355 Советский, 1-ый наземный склеп-кешене) и его аналогии: 2 – Верхне-Балкарский наземный склеп «Кешене Акуловых», 3 – наземный склеп «Кешене Джабоевых» (по: Чеченов 1969, 89, 91, 95, рис. 56, 58, 64)

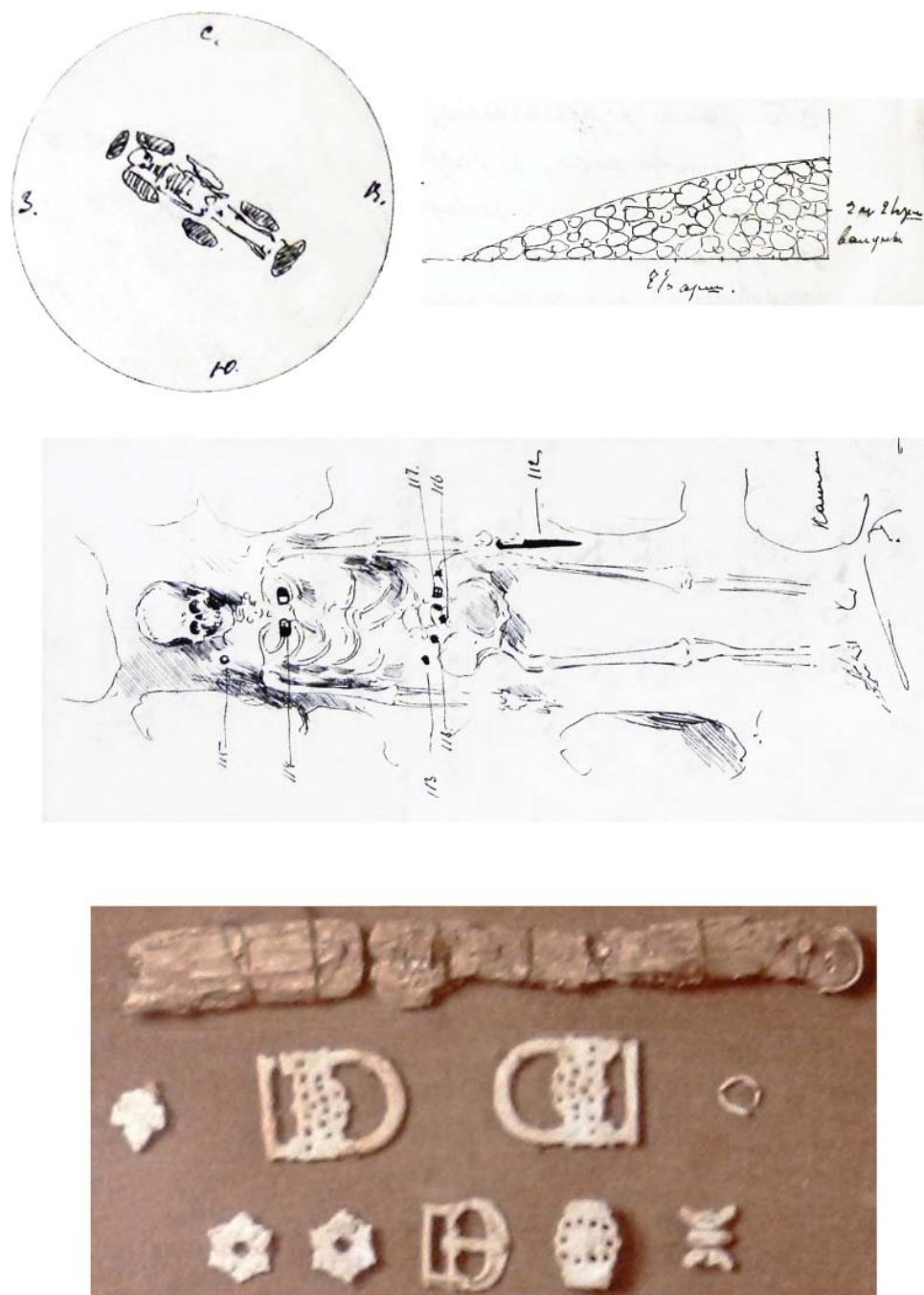

Рис. 3. Могильник близ аула Кашхатау, курган 15: 1 – план кургана (схема), 2 – профиль кургана (схема), 3 – план погребения, 4 – находки из погребения (по: Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 215/1896. Л. 69, 84)

ширина – 0,53 м, глубина – 0,7 м. Могила также завалена камнями, но уже вперемешку с землей.

На глубине ок. 0,7 м по периметру дна могилы выявлена оградка из плоских валунов, которыми был огражден скелет. Погребенный был засыпан мелким щебнем с большим количеством углями, уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, череп на затылочных костях, ориентировка СЗ. Длина скелета – 160 см. В изголовье найдены фрагменты керамики, в отношении которых И.А. Владимиров указал, что «составить из них не удалось ничего»¹⁴ (рис. 4).

Отличительными особенностями курганов могильника близ аула Кашхатау являются насыпи, сооруженные из камня, каменные засыпки могил и подпрямоугольные булыжные обкладки скелетов. Каменные насыпи над грунтовыми могилами известны и на других балкарских памятниках: близ аула Шканы вокруг кешене Абаевых¹⁵, близ аула Зилги (захоронения последнего памятника обнаруживали признаки мусульманского обряда, датированы XVII–XVIII вв.)¹⁶. В отчете Нарышкиных указано, что округа сел. Заюково «вплоть до впадения р. Гунделена в Баксан была покрыта множеством могил, означенных грудями камней и местами довольно правильной формы памятниками, похожие на круглые или квадратные часовни с окнами», сохранившими кое-где арабские надписи XVIII в.¹⁷

Подпрямоугольные обкладки скелета зафиксированы в погребениях Ташлы-Талинского могильника, некрополя Фардык¹⁸. Подпрямоугольные и подовальные наземные каменные обкладки грунтовых могил являются характерными признаками балкарских погребений вплоть до широкого распространения ислама¹⁹.

Погребальный инвентарь. Поясной набор составляли: литые бляшки в виде небольших шестиугольников, обоймица с ажурной подовальной площадкой, трехчастная маленькая бляшка в виде буквы Ж, бляшка в виде четырехлистника, а также пряжка с прямоугольной рамкой. Отдельно от этого набора, на груди выявлены две крупные ажурные безязычковые пряжки с овальной рамкой и прямоугольным щитком (рис. 3, 4). Аналогии этим деталям поясного набора выявлены в белореченских курганах XV в.²⁰, кургане 13 могильника Шенджий²¹, также относящегося к XV в., синхронных им курганах 6, 8 могилы № 3 Чегем II²². Бляшки и обоймицы кашхатауского пояса отличаются от этих аналогий более простым изготовлением и орнаментом, отсутствием сложных фигур и мелких деталей, характерных для литых скользящих обоймиц и безязычковых пряжек рубежа XIV–XV вв. Близкой аналогией поясу из кургана 15 является ременной набор из погребения XVI в. Лефтерова щель 13/1²³.

Однолезвийный нож с длинной рукоятью (ок. 10 см) с деревянными накладками, скрепленными с черенком через пробитые сквозные отверстия заклепками,

¹⁴ Ф.1. Д.215/1896. Л. 72.

¹⁵ Миллер 1888, 81; 1900, 344, 345.

¹⁶ Миллер 1888, 80, 81.

¹⁷ Нарышкин 1871, 327–328.

¹⁸ Батчаев 2006, 207, 209, 225.

¹⁹ Алексеева 1993, 43, 78.

²⁰ Левашева 1953, 198–199, рис. 8, 11–20.

²¹ Носкова 1991, 164–165, рис. 5.

²² Нагоев 1980, 159, рис. 1, 16–17.

²³ Раев 2003. Л. 11, рис. 123–124.

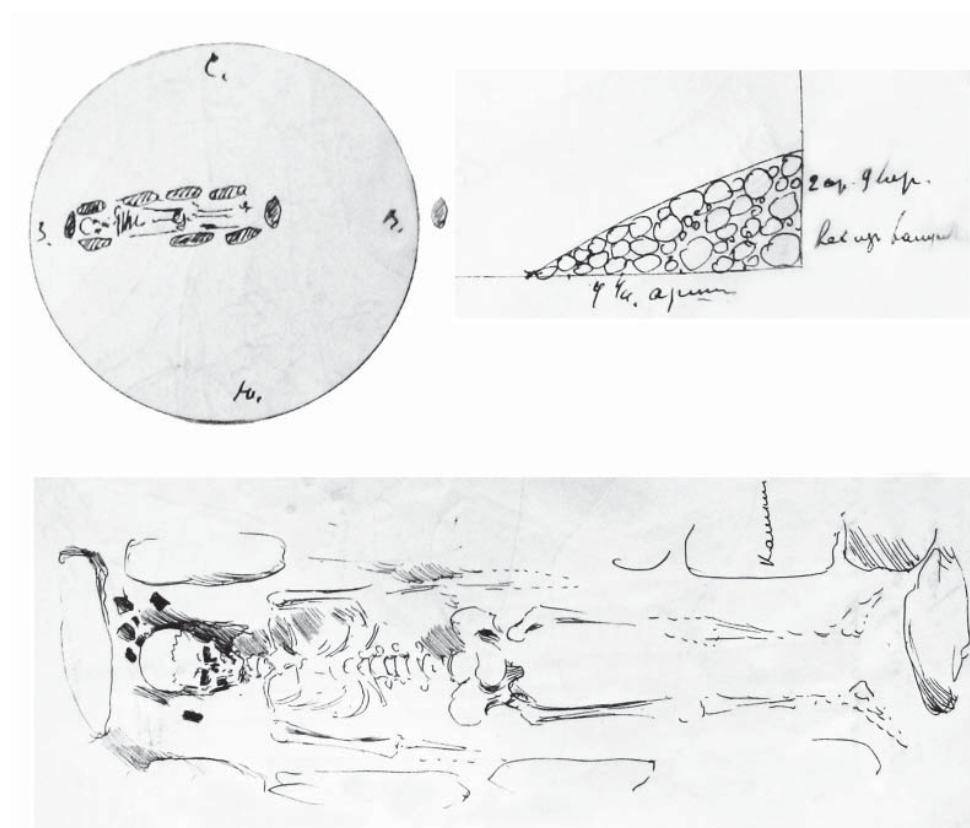

Рис. 4. Могильник близ аула Кашхатау, курган 16: 1 – план кургана (схема), 2 – профиль кургана (схема), 3 – план погребения (по: Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 215/1896. Л. 71,72).

и изогнутой пластинкой – навершием, прибитой гвоздиком к обушку рукояти. Общая сохранившаяся длина ножа – 15 см. Аналогичные ножи выявлены в погребениях к. 11, 34, 37, 48 могильника XVII в. Крепостной 2²⁴.

Учитывая узкий диапазон бытования ножей данного типа, а также принимая во внимание широкую датировку поясного набора и его аналогий, считаем возможным датировать могильник у аула Кашхатау рубежом XVI–XVII вв. Не противоречит этой датировке и безынвентарный характер погребения в кургане 16.

Склеп-кешене представляет собой характерное для позднего средневековья Балкарии погребальное сооружение. Усыпальница, как и окружавший ее синхронный могильник оставлены этнически однородной группой балкарского населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.П. 1993: *Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа*. М.
 Батчаев, В.М. 2006: *Балкария в XV – начале XIX вв. (Историко-культурное наследие народов центрального Кавказа I)*. М.

²⁴ Раев 2001. Л. 6, рис. 59-60.

- Волкова, Н.Г. 1973: *Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа*. М.
- Крупнов, Е.И. 1948: Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. *Ученые записки КНИИ* IV, 296–301.
- Левашева, В.П. 1953: Белореченские курганы. В сб.: *Археологический сборник*. (Труды ГИМ XXII). М., 163–213.
- Миллер, В.Ф. 1900: *Горские Общества Кабарды*. (МАК VIII). М.
- Миллер, В.Ф. 1888: *Археологическая экскурсия в горские общества Кабарды*. (МАК I). М., 71–81.
- Милорадович, О.В. 1954: Кабардинские курганы XIV–XVI вв. *СА XX*, 343–356.
- Нагоев, А.Х. 1980: Кабардинские курганные могильники у сел. Чегем II. В сб.: *Северный Кавказ в древности и средние века*. М., 156–161.
- Нагоев, А.Х. 2000: *Средневековая Кабарда*. Нальчик.
- Нарышкин, Н. 1871: *Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (в Сванетию) с археологической целью в 1867 г.* (ИРАО VIII). СПб, 326–330.
- Носкова, Л.М. 1991: Позднесредневековый курганный могильник близ аула Шенджий. В сб.: *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. М., 156–173.
- Раев, Б.А. 2002: *Отчет о раскопках курганного могильника «Крепостной-2» в Северском районе Краснодарского края в 2001 году*. Архив ИА РАН. Р-1. № 25268–25270.
- Раев, Б.А. 2003: *Отчет о раскопках курганного могильника «Лефтерова щель» в Северском районе Краснодарского края в 2002 году*. Архив ИА РАН. Р-1. № 23003, 23004.
- Чеченов, И.М. 1969: *Древности Кабардино-Балкарии (Материалы к археологической карте)*. Нальчик.

REFERENCES

- Raev, B.A. 2002: *Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika «Krepostnoy-2» v Severskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2001 godu*. [The report on excavation of a burial ground of “Krepostnoi-2” in the Severskiy District of Krasnodar Territory in 2001]. *Arkhir Instituta Arkheologii RAN* [Archives of the Institute of Archaeology RAS]. R-1. No 25268–25270.
- Raev, B.A. 2003: *Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika «Lefterova shel'» v Severskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2002 godu*. [The report on excavation of a kurganny burial ground “Lefterova schel'” in the Severskiy district of Krasnodar region in 2002]. *Arkhir Instituta Arkheologii RAN* [Archives of the Institute of Archaeology RAS]. R-1. № 23003, 23004.
- Alekseeva, E.P. 1993: *Karachaevtsy i balkartsy – drevniy narod Kavkaza* [The Karachays and Balkars, the ancient people of the Caucasus]. Moscow.
- Batchaev, V.M. 2006: *Balkariya v XV – nachale XIX vv.* [Balkaria in 14th – the beginning of 19th century (Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov central'nogo Kavkaza I)] [Historical and cultural heritage of the people of the Central Caucasus I]. Moscow.
- Volkova, N.G. 1973: *Etonimiy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza* [Ethnonyms and tribal names of the North Caucasus]. Moscow.
- Krupnov, E.I. 1948: *Otchet o rabote arkheologicheskoy ekspeditsii 1947 g. v Kabardinskoy ASSR* [Report on works of the archaeological mission in the Kabardian Autonomic Soviet Socialist Republic in 1947]. *Uchenye zapiski KNII* [Scientific notes of Kabardian Research Institute] IV, 296–301.
- Levasheva, V.P. 1953: Belorechenskie kurgany [Belorechensk barrows]. *Arkheologicheskii sbornik. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum] XXII, 163–213.
- Miller, V.F. 1888: *Arkheologicheskaya ekskursiya v gorskie obshestva Kabardy* [Archaeological excursion to the mountain societies of Kabarda]. (Materialy po arkheologii Kavkaza [Materials on the archeology of the Caucasus]) I. Moscow, 71–81.

- Miller, V.F. 1900: *Gorskie Obshestva Kabardy* [*Mountain societies of Kabarda*]. (Materialy po arkheologii Kavkaza [Materials on the archeology of the Caucasus]) I. Moscow
- Miloradovich, O.V. 1954. Kabardinskie kurgany XIV–XVI vv. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] XX, 343–356.
- Nagoev, A.H. 1980: Kabardinskie kurgannye mogil'niki u sel. Chegem II [Kabardian burial mounds near the village of Chegem II]. In: *Severnyy Kavkaz v drevnosti i srednie veka* [*The Northern Caucasus in the ancient time and Middle Ages*]. Moscow, 156–161.
- Nagoev, A.H. 2000. *Srednevekovaya Kabarda* [Medieval Kabarda]. Nalchik.
- Naryshkin, N. 1871: *Otchet gg. Naryshkinykh, sovershivshikh puteshestvie na Kavkaz (v Svanetiyu) s arkheologicheskoy tsel'yu v 1867 g.* [Report of Naryshkins, who traveled to the Caucasus (Svaneti) with an archaeological purpose in 1867]. (Proceedings of the Russian archaeological society) VIII. Saint Petersburg, 326–330.
- Noskova, L.M. 1991: Pozdnesrednevekovyy kurgannyi mogil'nik bliz aula Shendzhiy [The Late Medieval burial ground near the village of Shendzhiy]. In: *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ya* [Antiquities of the Northern Caucasus and Black Sea Coast]. Moscow, 156–173.
- Chechenov, I.M. 1969: *Drevnosti Kabardino-Balkarii (Materialy k arkheologicheskoy karte)* [Antiquities of Kabardino-Balkaria (Materials to the archaeological map)]. Nalchik.

A NECROPOLIS NEAR THE VILLAGE OF KASHKHATAU (ON THE MATERIALS OF RESEARCHES BY I.A. VLADIMIROV, 1897)

Inga A. Druzhinina

Institute of Archaeology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia
inga_druzh@mail.ru

Abstract. The paper deals with the results of I.A. Vladimirov's research of the kurgan necropolis located near the aul of Kashkhatau on the left coast of Cherek River (Kabardino-Balkaria) in 1897. This archaeological site includes more than twenty stone barrows surrounding the almost completely destroyed crypt-keshene. The scholar made the plan of a burial ground, executed drawing of a tomb and dug out two barrows. A part of the materials of his field report on the excavation of barrows near the aul of Kashkhatau was introduced into scientific circulation. However, data on a crypt-keshene weren't included into the publication. Further, already in the 20th and 21st centuries, some authors, being guided by this incomplete information on a burial ground, considered a crypt and barrows as two various, not connected with each other archaeological object that led to emergence in scientific literature of wrong dating and not reasonable ethno-cultural interpretation of a burial ground.

The crypt-keshene is a ground rectangular construction with a gable roof. It was built of dressed stone with lime mortar, its walls are plastered. The construction finds direct analogies among the Balkar tombs of the 16th –18th centuries. The crypt-keshene and the barrows surrounding it, undoubtedly, belong to the same ethno-social group. Features of the burials and grave goods allow us to attribute the whole necropolis to number of funeral sites of one of the Balkar societies which at the turn of the Middle Ages and Modern times occupied flat part of the valley of Cherek River at an entrance to the foothills.

Keywords: archaeology, Kabardino-Balkaria, crypt-keshene, stone barrows, the Balkars, Late Middle Ages, Modern History

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 187–196
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 187–196
©Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-187–196

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ «СИМЕОНОВ СБОРНИК :
ПО СВЕТОСЛАВИЯ ПРЕПИС ОТ 1073 Г. Т. 3: ГРЪЦКИ ИЗВОРИ
/ ГРЪЦКИ ТЕКСТ И ИЗСЛЕДВАНЕ ЯНЕВА П.; СЛАВЯН. ТЕКСТ
ПРЕГЛЕДАН И СВЕРЕН ДОПЪЛНИТЕЛНО: МИНЧЕВА А.,
РАЛЕВА ЦВ., ДОСЕВА Ц., ЯНЕВА П». СОФИЯ: ИЗД-ВО НА БАН
«ПРОФ. МАРИН ДРИНОВ», 2015.: 1242 С.

С.Г. Шулежкова, О.В. Михина

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия
shulezkova@gmail.com, olga-sinyaeva@yandex.ru*

Аннотация. В 2015 г. увидел свет заключительный том масштабного проекта академика Болгарской академии наук П. Динекова, задуманного во имя восстановления текста знаменитого Симеонова сборника, давшего жизнь множеству средневековых славянских текстов, но не дошедшего до наших дней. Болгарские исследователи провели огромную работу по изучению древних славянских памятников, в которых, по их мнению, содержатся фрагменты Симеонова сборника. Они пришли к выводу, что наиболее близкой к Симеоновой антологии копией является Изборник 1073 г., открытый российскими учёными К.Ф. Калайдовичем и П.М. Строевым в 1817 г. Выполненная по заказу князя Святослава Ярославича, эта копия получила название Святославов изборник 1073 г.

Изборник 1073, один из древнейших датированных славянских памятников, отразил состояние общеславянского литературного языка Средневековья, хотя и содержит ряд восточнославянских фонетических и грамматических черт. Последнее обстоятельство было препятствием к использованию его богатейшего лексического фонда при написании словарей старославянского языка как в Германии и Болгарии, так и в России. Памятник издавался в России (Санкт-Петербург, 1880, 1882; Москва, 1983) и Болгарии (София, 1991). Для лингвистов огромную ценность представляет Словарь-индекс Святославова изборника 1073 г., вошедший во 2-й том реализованного проекта П. Динекова. Сопоставление текстов Симеонова сборника конца IX – начала X в. и Святославова изборника 1073 г., в особенности – их фразеологических фондов, служит неопровержимым доказательством существования единого литературного языка славян Средневековья, нашедшего благодатную почву для своего развития на восточнославянской территории. В русистике этот язык называют старославянским и датируют 2-й половиной IX – концом XI в. В Болгарии его принято называть староболгарским / древнеболгарским литературным языком, и рукопи-

---

Данные об авторах: Шулежкова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г.И. Носова. Михина Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода.

си, созданные вне болгарских земель, к каноническим болгарские слависты к старославянским не относят.

Ключевые слова: источниковедение, Симеонов сборник, Святославов изборник 1073 г., фразеологический фонд, общеславянский литературный язык Средневековья

ВВЕДЕНИЕ

Изданию любого древнего памятника письменности всегда предшествует кропотливая работа разных специалистов: палеографов, историков, лингвистов, литературоведов, культурологов. Но проект Динекова потребовал от исполнителей решения более сложной задачи: Симеонов сборник необходимо было *реконструировать*, опираясь на косвенные источники. В качестве таковых были привлечены, во-первых, славянские памятники, которые являются вторичными по отношению к восстанавливаемому тексту, так как они лишь (с большей или меньшей точностью) копировали его фрагменты или расценивали его как образец. Во-вторых, слависты Болгарии опирались на греческие произведения, которые, по их мнению, послужили базой для написания оригинала утраченной рукописи.

Симеонов сборник – легендарная богословская энциклопедия конца IX – начала X в. из сотен статей, принадлежащих различным авторам, по преимуществу византийским (Василию Великому, Григорию Богослову, Иустину Философу и др.). Историки полагают, что эта книга была создана во время наивысшего расцвета Болгарского государства по велению третьего сына князя Бориса I, царя Симеона (893–927). Готовивший себя к церковной карьере и получивший блестящее образование, Симеон стал первым болгарским правителем, воспитанным в истинной христианской традиции¹. Это предопределило философскую и религиозную, точнее – христианско-православную «окрашенность» энциклопедического религиозно-толковательного содержания памятника. Реконструированный текст антологии помещен в последнем из трех томов (1991, 1993, 2015) коллективного исследования болгарских учёных «Симеонов сборник (по Святославову изборнику 1073 г.)»².

Знакомство с трудом болгарских славистов может стать поводом для возобновления разговора вокруг проблемы, связанной со сферой распространения языка переводов Кирилла и Мефодия, с названием этого языка и с квалификацией восточнославянских письменных памятников X–XI вв. как материала при изучении общеславянского литературного языка Средневековья. То, что основным источником для реконструкции *болгарского* Симеонова сборника стал Святославов изборник 1073 г.³, созданный на территории *Древней Руси*, служит одним из самых красноречивых доказательств «вписанности» восточнославянской литературной традиции в общеславянский литературный язык X–XI вв., который русисты называют *старославянским*, а болгарские лингвисты – *древнеболгарским*. Сопоставление восстановленного текста Симеонова сборника⁴ с текстом Изборника 1073 г.

¹ Антонов, Антонова 2018, 41.

² Динеков 1991; 1993; 2015.

³ Бодянский 1882; Рыбаков 1983; Динеков 1991.

⁴ Динеков 2015, 119–1221.

убедит непредвзятого читателя в том, что исключение восточнославянских по происхождению памятников X–XI вв. из состава старославянских рукописей не имеет под собой оснований.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Реализация проекта Динекова совпала с периодом активного лексикографического описания старославянского языка. Когда уже были опубликованы 1-й том интересующей нас трилогии (куда вошёл текст Святославова изборника 1073 г., сопровождаемый научным комментарием и внушительной библиографией) и 2-й том (со «Словарём-индексом Святославова изборника 1073 г»), издательство «Русский язык» выпустило «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)»⁵. Это был второй по счёту собственно старославянский словарь: первый, изданный в Германии⁶, уступает ему и по объёму, и по качеству обработки языкового материала.

Однако авторы «Старославянского словаря» 1994 г. исключили из состава источников описания лексического фонда восточнославянские памятники X–XI вв., в том числе и Святославов изборник 1073 г. К каноническим старославянским они отнесли лишь те памятники, что были созданы на болгарской территории. Параллельно в Софии шла работа над двухтомным «Старобългарским речником»⁷, где на высочайшем уровне описана лексика памятников X–XI вв. только болгарского происхождения. Естественно, составители и этого словаря не касались языка рукописей X–XI столетий, возникших в Древней Руси, в том числе и лексического состава Святославова изборника 1073 г. Такое же отношение к восточнославянским по происхождению памятникам, писанным на общеславянском литературном языке Средневековья, проявляется в ряде российских работ, посвященных лексике старославянского языка⁸.

Возникает вопрос: если Святославов изборник 1073 г. действительно является копией Симеонова сборника, а не вольным переложением его содержания, можно ли считать его язык не старославянским, или (что одно и то же) не общеславянским литературным языком Средневековья?

Святославов изборник 1073 г., его связь с утраченным Симеоновым сборником неизменно вызвали интерес не только у отечественных, но и у зарубежных учёных. После публикации в Санкт-Петербурге «Изборника великаго князя Святослава Ярославича 1073 года» (1880) в Москве в 1882 г. вышло факсимильное издание этой рукописной книги с именем уже умершего к тому времени О.М. Бодянского. Бодянский много лет (после К.Ф. Калайдовича и А.Х. Востокова) самоотверженно добивался разрешения на научное издание Святославова изборника 1073 г., но успел подготовить к печати лишь около 80 её листов. Дело своего учителя завершил А.Л. Дювернуа. Московское издание начиналось предисловием Е.В. Барсова, в котором описывались перипетии с находкой памятника и попытками его публикации, а также запискою А.Л. Дювернуа, где давалась характеристика самого памятника. Текст Святославова изборника 1073 г. в издании 1882 г.

⁵ Благова, Цейтлин, Геродес 1994.

⁶ Sadnik und Aitzetmüller 1955.

⁷ Иванова-Мирчева 1999–2009.

⁸ См., напр.: Цейтлин 1977, Ефимова 2011 и др.

сопровождался греческим и латинским параллелями⁹. В «Чтениях въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ» появился раздел «Мнения», где были помещены документы, связанные с государственной и церковной цензурой, требовавшей на проверку каждый лист памятника, готовящегося к печати¹⁰.

Уже в XIX столетии появились первые теоретические исследования Святославова изборника 1073 г., касающиеся его связи с древнеболгарским протографом и особенностей его языка. Так, в 1899 г. в 41-м номере «Русского филологического вестника» был опубликован обстоятельный очерк А. Розенфельда «Язык Святославова сборника 1073 г.»¹¹.

Всплеск интереса советских исследователей к Святославоу изборнику 1073 г. и его происхождению наблюдается в связи с памятным датами. Так, к 160-летию обнаружения памятника членами экспедиции, которую финансировал известный меценат граф С.Г. Строганов, под редакцией академика Б.А. Рыбакова был опубликован сборник статей «Изборник Святослава 1073 г.»¹². Особого внимания применительно к обсуждаемой проблеме в этом сборнике заслуживают статьи Я.Н. Щапова «“Написание о правой вере” Михаила Синкелла в Изборнике 1073 г. и Дренеславянской кормчей Ефремовской редакции»¹³, Е.М. Верещагина «Ветхо- и новозаветные цитаты в Изборнике Святослава 1073 г.»¹⁴ и Б.А. Рыбакова «**Оже ти собѣ не любо, то того и другоу не твори**»¹⁵.

910-летний юбилей Святославова изборника 1073 г. в СССР был отмечен научным изданием памятника под редакцией академика Б.А. Рыбакова¹⁶. Несмотря на высокое качество этого издания, болгарские исследователи предпочли при реконструкции Симеонова сборника опираться на собственный, «дипломатический», как выразилась П. Янева, вариант публикации восточнославянского памятника, реализованный в 1-м томе трилогии.

В предисловии к теоретической части 3-го тома коллективного труда болгарских славистов П. Янева, изучавшая греческие источники Симеонова сборника, пишет: «Най-популярният препис на Симеоновия сборник става известен на науката през 1817 г., когато К.Ф. Калайдович и П.М. Строев го преоткриват във Воскресенския манастир в околностите на Москва. Именно оттогава благодарение на активността на двамата руски изследователи Изборникът от 1073 г. (нататък **И73**) привлича вниманието с това, че се оказва един от най-старите датирани ръкопис на славянски език, с посвещението на княз Светослав, богатата украса, съдържанието и езика си. Първите учени изследвали **И73**, идват до заключението, че той е препис от старобългарски протограф, който от своя страна е превод от средногръцка антология с подобно съдържание. По-късно са открити и други славянски сборници, някои от които следват сравнително точно от 1073 г., а други <...> по-

⁹ Бодянский 1882, I–XXV; 1–32; 1–184.

¹⁰ Мнения 1982, 25–31.

¹¹ Розенфельд 1899, 152–197.

¹² Рыбаков 1977.

¹³ Щапов 1977, 332–341.

¹⁴ Верещагин 1977, 127–138.

¹⁵ Рыбаков 1977, 217–219.

¹⁶ Рыбаков 1983.

казват много различия»¹⁷. Болгарская исследовательница, применяя проверенные практикой методы анализа языкового материала (палеографический, кодикологический, текстологический и тексткритический)¹⁸, убедительно доказывает, что Святославов изборник 1073 г. представляет собою копию Симеонова сборника. Параллельно с болгарскими учёными историю происхождения Святославова изборника 1073 г. и его судьбу фундаментально изучал российский ученый М.В. Бибиков. Опираясь более чем на 120 греческих рукописей и на многочисленные восточнославянские источники, в которых содержатся фрагменты из Святославова изборника 1073 г., он пришел к аналогичному выводу¹⁹.

При сравнении Святославова изборника 1073 г. с восстановленным болгарскими лингвистами Симеоновым сборником выявляются факты, которые иногда противоречат устоявшимся представлениям о специфических восточнославянских признаках, которые служили поводом для непризнания памятников восточнославянского происхождения X–XI вв. старославянскими. Древнерусскими, например, считаются глагольные формы 3-го лица ед. и мн. числа настоящего и будущего времени на -ть, которые в реконструированном Симеоновом сборнике используются как нормативные: **бываѣтъ, ведѣтъ, въпадѣтъ, въсиѣтъ, дасть, играѣтъ, настанѣтъ, не мимондоуѣтъ, поштадитъ, приемлѣтъ, отънемагають, прѣбываѣтъ, рекоуѣтъ, сължчитъ сѧ, сътворитъ, сѣдѣтъ, сжѣтъ, творѣтъ, оумирають, оумьроуѣтъ, кѣтъ** и т. д. (примеры приводятся в орфографии источника). Вполне естественными на этом фоне представляются нам аналогичные примеры из Святославова изборника 1073 г.: **вѣдѣтъ, въслѣдоуѣтъ, въходѣтъ, вѣдѣтъ, живѣтъ, имѣтъ, исхѣдѣтъ, мимондѣтъ, лѣжоуѣтъ, наричоуѣтъ, не стыдѣтъ сѧ, обрашѣтъ сѧ, приносѣтъ, рекоуѣтъ, слышитъ, сжѣтъ, творитъ, оукажѣтъ** и пр. А.Х. Востоков еще в 1843 г., готовя к изданию Остромирово евангелие, высказал предположение, что формы на -ть, регулярно встречающиеся в этом памятнике, вряд ли следует считать погрешностями писца-русича, ибо дьяк Григорий проявил себя как хорошо подготовленный и внимательный исполнитель. В восточнославянской рукописи 1056–1057 гг., язык которой признан близким к первопереводам Кирилла и Мефодия²⁰, отразились диалектные особенности южнославянского протографа, где финальное -ть в формах 3-го лица настоящего и будущего времени было нормативным.

Думается, у лингвистов, занимавшихся восстановлением текста Симеонова сборника, не случайно то и дело допускаются написания, отражающие путаницу между буквами **ж** и **оу**, **ѧ** и **ѧ**, **ѣж** и **ю**, **ѣѧ** и : **вѣсѣдоуѣѧ** вместо **вѣсѣдоуѣѧ**

¹⁷ Янева 2015, 11. «Популярнейшая копия Симеонова сборника получила научную известность в 1817 г., когда К.Ф. Калайдович и П.М. Строев обнаружили её в Воскресенском монастыре в окрестностях Москвы. Именно с тех пор благодаря активности двух русских исследователей Изборник 1073 г. привлек внимание, так как оказался одной из старейших датированных рукописей с посвящением князю Святославу, с богатым оформлением, содержанием и языком. Первые ученые, исследовавшие И73, пришли к заключению, что он является копией староболгарского протографа, который, со своей стороны, представляет собой перевод с древнегреческой антологии аналогичного содержания. Позднее были открыты и другие славянские сборники.

Некоторые из них следуют сравнительно точно копии 1073 г., а другие <...> содержат много отличий».

¹⁸ Янева 2015, 14.

¹⁹ Бибиков 1996, 103–245.

²⁰ См. об этом: Верещагин 2012.

(7с, с. 141), **чада** вместо **чѧда** (8, с. 151), **ѣдиночадааго** вместо **ѣдиночѧдааго** (5с, с. 133), **пекоуциихъ сѧ** вместо **пекжциихъ сѧ** (5b, с. 131), **виждю** вместо **виждѣ** (5а, с. 131), **пол'жвити** вместо **полюбити** (9d, с. 157), **въпиюцоу** вместо **въпижцоу** (6b, с. 135), **по естъствѣ** вместо **по кстъствоу** (5b, с. 131), **наричоуште** вместо **наричѣште** (10а, с. 159) и пр. Аналогичные написания без особого труда можно найти и в Святославовом изборнике 1073 г. Ср., например, **въпиюцоу словѣ** вместо **въпижцоу словеси** (4.1 стлб. 2), **вѣржешн** вместо **вѣроукишн** (2.1 стлб. 2), **дѣиствѣють** вместо **дѣиствоуѣтъ** (3.1 стлб. 1), **ѣдиночадааго** вместо **ѣдиночѧдааго** (3.2 стлб. 1), **наричоуще** вместо **наричѣще** (2.2 стлб. 2), **пекоуциихъ** вместо **пекжциихъ** (3.1 стлб. 1), **рекоу** вместо **рекѣ** (4.1 стлб. 1) и пр.

Если подобные написания в реконструированном Симеоновом сборнике не признать вполне естественным влиянием Святослава изборника 1073 г., не свидетельствуют ли они о начальном процессе утраты носовых гласных у южных славян во время создания Симеонова сборника?

В восстановленном тексте Симеонова сборника встречаются и другие, казалось бы, типичные восточнославянские приметы. К таковым, например, можно отнести случаи написания **ж** вместо **жд** на месте праславянского *d+j: **ноужамн** вместо **ноуждаамн** / **нжждаамн** (5b, с. 131), **прѣже** вместо **прѣжде** (6b, с. 135), **тожѣства ради** вместо **тождѣства ради** (8b, с. 151), **тожѣствомъ** вместо **тождѣствомъ** (8с, с. 153), **осоужени** вместо **осжждени** (51d, с. 331) и т. д. Аналогичные примеры обнаружены нами и в Святославовом изборнике 1073 г.: **не чоужь с(ы)нъ ни чоужь в(о)жин** вместо **не чоуждь с(ы)нъ ни чоуждь в(о)жин** (2.2 стлб. 2), **прѣже** вместо **прѣжде** (4.1 стлб. 2), **дажъ** вместо **даждъ** (118.2 стлб. 2). Кроме того, в обоих источниках наблюдается колебание в написании начальных **а** и **ѧ** (**акы**, **ѧкы** и **ѧко**, **ѧвѣ** и **ѧвѣѣ**, **ѧвѣати** и **ѧвѣати**), хотя известно, что начальное **а** – признак южнославянского происхождения слова, а начальное **ѧ** сигнализирует о принадлежности лексемы к восточнославянскому языку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нет сомнений в том, что болгарские слависты успешно справились с очень сложной задачей, которую поставил перед ними академик Динеков. Цель достигнута: Симеонов сборник реконструирован. В распоряжении учёных теперь оказался текст, который по своему объёму превышает все известные современной науке славянские рукописи X–XI вв. Возникает вопрос: корректно ли использовать этот реконструированный сборник как материал для исследования общеславянского литературного языка Средневековья? Полагаем, что ответ на этот вопрос должен быть положительным. Разумеется, можно спорить с отдельными решениями авторов, искать ошибки и неточности в восстановленном тексте сборника, но это естественно для новаторской работы.

Что касается языка Святослава изборника 1073 г., который послужил главным источником реконструкции Симеонова сборника, то, хотя в нём и встречаются восточнославянские приметы на фоне южнославянских²¹, нет сомнения в том, что он все же выполнен на общеславянском литературно обработанном языке, на

²¹ См. об этом в коллективном докладе советских лингвистов Г.С. Баранковой, Р.В. Бахтуриной, А.Л. Жуковской, А.М. Молдована и А.А. Пичхадзе 1988, 3–17.

языке Кирилла и Мефодия, созданном в процессе переводческой деятельности славянских первоучителей. Доказательством тому может служить не только фонетический и грамматический строй памятника, но и его лексическая система, основательно изучавшаяся отечественными лингвистами²². Полуторатысячный же корпус устойчивых словесных комплексов Святославова изборника 1073 г., как и фразеологический состав восстановленного Симеонова сборника, должны стать объектом особого исследования, поскольку Симеонова антология создавалась, когда большинство книг Ветхого Завета ещё не было переведено на славянский язык, и многие библейские сверхсловные образования ещё выступают в обоих памятниках не как унифицированные, сложившиеся языковые единицы, а как блоки вариантов, из которых постепенно должны были выкристаллизовываться фразеологические единицы.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов, А., Антонова, В. 2018: *История на България от древността – до наши дни*. София.
- Баранкова, Г.С., Бахтурина, Р.В., Владимирова, А.Л., Жуковская, Л.П., Молдован, А.М., Пичхадзе, А.А. 1988: Изборник Святослава 1073 г. Некоторые древнерусские и южнославянские черты рукописи. В сб.: *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов*. София, 3–17.
- Бибииков, М.В. 1996: *Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.)*. М.
- Благова, Э., Цейтлин Р.М., Геродес, С. 1994: *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10 000 слов*. М.
- Бодянский, О.М. (ред.) 1882: *Изборник Великого Князя Святослава Ростиславича 1073 г., с греческим и латинским текстами. С предисловием Е.В. Барсова и Запиской А.С. Дювернуа*. (Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. Кн. 4). М.
- Верещагин, Е.М. 1977: Ветхо- и новозаветные цитаты в Изборнике Святослава 1073. В сб.: Б.А. Рыбаков (ред.), *Изборник Святослава 1073 г.: сборник статей*. М., 127–138.
- Верещагин, Е.М. 2012: *Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межпредметные и междисциплинарные разыскания. С двумя приложениями*. М.
- Динеков, П. (ред.) 1991: *Симеонов сборник (по Светославия препис от 1073 г.)* Т. 1. *Изследвания и текст*. София.
- Динеков, П. (ред.) 1993: *Симеонов сборник (по Светославия препис от 1073 г.)*. Т. 2. *Речник-индекс*. София.
- Динеков, П. (ред.) 2015: *Симеонов сборник (по Светославия препис от 1073 г.)*. Т. 3. *Гръцки извори и славянски текст*. София.
- Ефимова, В.С. 2011: *Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора*. М.
- Динеков П. (ред.) 2015: Гръцки извори и славянски текст. В кн.: П. Динеков (ред.), *Симеонов сборник (по Светославия препис от 1073 г.)*. Т. 3. *Гръцки извори*. София, 119–1221.
- Иванова-Мирчева, Д. (ред.) 1999–2009: *Старобългарски речник: в 2 т.* София.
- Камчатнов, А.М. 1987: Философская терминология Изборника Святослава 1073 года и её перевод. В кн.: Л.П. Жуковская (ред.), *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*. М., 67–73.

²² См. об этом работы: Левочкин 1983, 35–41; Камчатнов 1987, 67–73.

- Левочкин, И.В. 1983: Византийский энциклопедический сборник в Болгарии и на Руси. В сб.: В.С. Норский (ред.), *У истоков общности философских культур русского, украинского и болгарского народов*. Киев, 35–41.
- Мнение 1883: Мнение о рукописи под заглавием «Изборник болгарского царя и Великого Князя русского Святослава Святославича». В кн.: *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских*. Кн. 4, 25–31.
- Розенфельд, А. 1899: Язык Святослава сборника 1073 г. *Русский филологический вестник* 41, 152–197.
- Рыбаков, Б.А. (ред.) 1977: *Изборник Святослава 1073 г.: сборник статей*. М.
- Рыбаков, Б.А. (ред.) 1983: *Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. Научный аппарат факсимильного издания*. М.
- Рыбаков, Б.А. 1977: «*Оже ти советъ не любю, то того и другоу не твори*». В сб.: Б.А. Рыбаков (ред.), *Изборник Святослава 1073 г.: сборник статей*. М., 217–219.
- Цейтлин, Р.М. 1977: *Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв.* М.
- Щапов, Я.Н. 1977: «Написание о правой вере» Михаила Синкелла в изборнике 1073 г. и Дренеславянской кормчей Ефремовской редакции. В сб.: Б.А. Рыбаков (ред.), *Изборник Святослава 1073 г.: сборник статей*. М., 332–341.
- Янева, П. 2015: Текстология и языковые особенности на гръцките сборници – извори за Симеоновия сборник (по Светославия препис от 1073 г.). В кн.: П. Динеков (ред.), *Симеонов сборник (по Светославия препис от 1073 г.)*. Т. 3. *Гръцки извори*. София, 11–108.
- Sadnik, L., Aitzetmüller, R. 1955: *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg.

REFERENCES

- Antonov, A., Antonova, V. 2018: *Istoriya na Bulgariya ot drevnostta – do nashi dni* [Bulgarian history from the ancient times till the present day]. Sofia.
- Barankova, G.S., Bakhturina, R.V., Vladimirova, A.L., Zhukovskaya, L.P., Moldovan, A.M., Pichkhadze, A.A. 1988: *Izbornik Svyatoslava 1073 g. Nekotorye drevnerusskie i yuzhnoslavianskie cherty rukopisi*. In: *Slavyanskoe yazykoznanie. X Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov* [Slavonic philology. 10 International Conference of slavists]. Sofia, 3 – 17.
- Bibikov, M.V. 1996: *Vizantiyskiy prototip drevneyshey slavyanskoy knigi (Izbornik Svyatoslava 1073 g.)* [Byzantine prototype of the most ancient Slavonic book (Svyatoslav's Miscellany 1073)]. Moscow.
- Blagova, E., Tseytlin, R.M., Gerodes, S. 1994: *Staroslavianskiy slovar' (po rukopisyam X–XI veka): ok. 10 000 slov* [Old Church Slavonic dictionary (based on manuscripts of the 10th–11th centuries) about 10. 000 words]. Moscow.
- Bodyanskiy, O.M. (ed.) 1882: *Izbornik velikago knyazya Svyatoslava Rostislavicha 1073 g. s grecheskim i latinskimi tekstami. S predisloviem E.V. Barsova i Zapiskoyu A.S. Dyuvernuia. Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh* [The Great Prince Svyatoslav Rostislavich's Miscellany 1073 with greek and latin texts, with a preface by E.V. Barsov and note by A.S. Duvernois. Readings in the Imperial Society of history and antiquities of Russia]. 4. Moscow, 1–184.
- Dinekov, P. (ed.) 1991: *Simeonov sbornik (po Svetoslaviya prepis ot 1073 g.)*. T. 1. *Izledvaniya i tekst*. [Simeon's Anthology (on the manuscript copy of Svyatoslav's Miscellany 1073)]. Vol. 1. *Studies and Text*. Sofia.
- Dinekov, P. (ed.) 1993: *Simeonov sbornik (po Svetoslaviya prepis ot 1073 g.)*. T. 2. *Rechnik – indeks*. [Simeon's Anthology (on the manuscript copy of Svyatoslav's Miscellany 1073)]. Vol. 2. *Vocabulary-index*. Sofia.

- Dinekov, P. (ed.) 2015: *Simeonov sbornik (po Svetoslaviya prepis ot 1073 g.)*. T. 3. *Grútski izvori i slavyanski tekst. Grútski tekst i izsledvane* [Simeon's Anthology (based on the manuscript copy of Svyatoslav's Miscellany 1073)]. Vol. 3. *Greek Sources and Slavonic text. Greek text and studies*. Sofia.
- Efimova, V.S. 2011: *Naimenovanie lits v staroslavlyanskom yazyke: sposoby nominatsii i priority vybora* [Personal naming in the Old Church Slavonic language: ways of nomination and priority of choice]. Moscow.
- Ivanova-Mircheva, D. (ed.) 1999–2009: *Starobúlgarski rechnik: v 2 t.* [Old Bulgarian Dictionary]. Vols. 1–2. Sofia.
- Kamchatnov, A.M. 1987: *Filosofskaya terminologiya Izbornika Svyatoslava 1073 g. i eyo perevod* [The philosophic terminology of the Svyatoslav's Miscellany 1073 and its translation]. In: L.P. Zhukovskaya (ed.), *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk v ego otnoshenii k staroslavlyanskomu*. [The Old Russian literary language in its relation to the Old Church Slavonic]. Moscow, 67–73.
- Lyevochkin, I.V. 1983: *Vizantiyskiy entsyklopedicheskiy sbornik v Bolgarii i na Rusi* [Byzantine encyclopedical corpus in Bulgaria and Rus']. In: V.S. Norckyy (ed.), *U istokov obshchnosti filosofskikh kul'tur russkogo, ukrainskogo i bolgarskogo narodov* [The dawn of common in philosophic cultures of Russian, Ukrainian and Bulgarian nations]. Kiev, 35–41.
- Mnenie 1883: *Mnenie o rukopisi pod zaglaviiem "Izbornik bolgarskogo tsarya i velikogo knyazya russkogo Svyatoslava Svyatoslavicha"* [Opinion about the manuscript titled "Miscellany of the Bulgarian Tsar and Great Russian Prince Svyatoslav Svyatoslavich"]. In: *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh* [Readings in the Imperial Society of history and antiquities of Russia]. 4. Moscow, 25–31.
- Rozenfeld, A. 1899: *Yazyk Svyatoslavova sbornika 1073 g.* [The language of the Svyatoslav's Miscellany 1073]. *Russkiy filologicheskiy vestnik* [Russian Philological Bulletin] 41, 152–197.
- Rybakov, B.A. (ed.) 1977: «*Ozhe ti sobh ne lyubo, to togo i drougou ne tvori*». In: B.A. Rybakov (ed.), *Izbornik Svyatoslava 1073: sbornik statey* [Svyatoslav's Miscellany 1073: collected articles]. Moscow, 217–219.
- Rybakov, B.A. (ed.) 1983: *Izbornik Svyatoslava 1073 goda. Faksimil'noe izdanie. Nauchnyy apparat faksimil'nogo izdaniya* [Svyatoslav's Miscellany 1073. Facsimile edition. The scientific apparatus of the facsimile edition]. Moscow.
- Sadnik L., Aitzetmüller R. 1955: *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg.
- Shchapov, Ya.N. 1977: «*Napisanie o pravoy vere*» *Mikhaila Sinkella v izbornike 1073 g. i Drevneslavlyanskoy kormchey Yefremovskoy redaktsii* [Writing about the Right Faith by Mikhail Sinkell in the Miscellany 1073 and in the Old Church Slavonic Book of the Helmsman by Efremov's redaction]. In: B.A. Rybakov (ed.), *Izbornik Svyatoslava 1073 g.: sbornik statey* [Svyatoslav's Miscellany 1073: collected articles]. Moscow, 332–341.
- Tseytlin, R.M. 1977: *Leksika staroslavlyanskogo yazyka: opyt analiza motivirovannykh slov po dannym drevnebolgarskikh rukopisey X–XI vv.* [Vocabulary of the Old Church Slavonic language: the experience of analyzing of motivated words based on the material of the Old Bulgarian manuscripts 10th–11th centuries]. Moscow.
- Vereshchagin, E.M. 1977: *Vetkho- i novozavetnye tsytaty v Izbornike Svyatoslava 1073*. In: B.A. Rybakov (ed.), *Izbornik Svyatoslava 1073 g.: sbornik statey* [Svyatoslav's Miscellany 1073: collected articles]. Moscow, 127 – 138.
- Vereshchagin, E.M. 2012: *Kirillo-Mefodievskoe knizhnoe nasledie. Mezh'yazykovye, mezh'kul'turnye, mezhpredmetnye i mezhdistsiplinarye razyskaniya. S dvumya prolizheniyami*. [Cyril-and-Methodius book heritage. Interlanguage, intercultural, intersubject and interdisciplinary researches. With two adds]. Moscow.

Yaneva, P. 2015: *Tekstologiya i ezikovi osobennosti na grŭtskite sbornitsi-izvori za Simeonovi-ya sbornik (po Svetoslaviya prepis ot 1973 g.)* [Textology and language peculiarities of Greek Miscellanies – sources for Simeon's Anthology (based on the manuscript copy of Svyatoslav's Miscellany 1073)] In: B.A. Rybakov (ed.), *Simeonov sbornik (po Svetoslaviya prepis ot 1973 g.)* T. 3. *Grŭtski izvori [Simeon's Anthology (based on the manuscript copy of Svyatoslav's Miscellany 1073) Vol. 3. Greek sources]*. Sofia, 11–108.

COMMENTARY ON SIMEON'S MISCELLANY (ACCORDING TO SVETOSLAV'S COLLECTION OF 1073. VOL. 3. GREEK SOURCES. SOFIA: PUBLISHING HOUSE OF BULGARIAN ACADEMY OF SCIENCES. 2015)

Svetlana G. Shulezhkova, Olga V. Mikhina

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia
shulezhkova@gmail.com, olga-sinyaeva@yandex.ru

Abstract. In 2015, the final volume of an ambitious project of P. Dinekov, a member of Bulgarian Academy of Sciences, came out. The project was aimed to reconstruct the text of the famous “Simeon's Miscellany”, given birth to many medieval Slavic texts that are no longer extant now. Bulgarian scientists took the task of studying the ancient Slavic manuscripts in which, according to their opinion, the parts from the “Simeon's Miscellany” could be found. The linguists came to the conclusion that the most close copy to Simeon's anthology was The Izbornik 1073, discovered by Russian scientists K.F. Kalaidovitch and P.M. Stroeve in 1817. Written by the order of Svyatoslav Yaroslavovitch, the copy was called Svyatoslav's Izbornik 1073.

The Izbornik 1073 was one of the most ancient dated Slavic manuscripts. Although it contained many East Slavic phonetic and grammatical features, the text was written on the common literary language of all medieval Slavs. Nevertheless, the above-mentioned facts prevented Russian and Bulgarian linguists to use the rich lexical fund of the Izbornik 1073 to compile Old Church Slavonic dictionaries. The text of the Izbornik 1073 was published in Russia (St. Petersburg, 1880, Moscow, 1983) as well as in Bulgaria (Sofia, 1991). Vocabulary-Index to Svyatoslav's Izbornik 1073, entered to the Second volume of the project by P. Dinekov was of high value for linguists. The comparison of the texts of The Simeon's Miscellany, dated the end of the 9th to the beginning of 11th century, and The Svyatoslav's Izbornik 1073, especially their phraseological funds, became an irresistible proof of existence of the common literary language of all medieval Slavs. That language found the breeding ground for its further development on the East Slavic territory. In Russian philology, the mentioned language is called the Old Church Slavonic Language and dated the second part of the ninth to the end of the eleventh century.

Keywords: source study, Simeon's Miscellany, Svyatoslav Izbornik 1073, phraseological fund, common literary language of all medieval Slavs

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 197–215
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 197–215
© Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-197–215

КРЕПОСТЬ ЧАНГЛЫ И ЕЕ ОКРУГА: ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ

В.А. Гаибов

Институт археологии РАН, Москва, Россия
gaibov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается группа памятников, обследованных Среднеазиатской археологической экспедицией ИА АН СССР (РАН) в рамках масштабного проекта по составлению археологической карты Мервского оазиса, инициированного и возглавлявшегося на протяжении более 20 лет (1980–2003 гг.) Г.А. Кошеленко. Эта группа, получившая название Чанглы, по имени самого заметного памятника, включала в себя три разновременных археологических объекта (собственно крепость Чанглы, рабат Кала и кёшк Беш-Агыз) с относящимися к ним сельскими поселениями, располагавшаяся на западном ответвлении магистрального древнего канала Дурнали (Хурмузфарра). Сплошное археологическое обследование района (без раскопок) позволило восстановить следующую картину динамики развития этого «микрооазиса». В I – нач. II в. н.э. возникает мощная крепость Чанглы, функционировавшая вплоть до IV–V вв., когда в результате перестройки она была полностью забутована и на ее поверхности был возведен замок. Одновременно возникает и примыкающее к нему с юго-востока поселение. После арабского завоевания, вероятно на рубеже VII–VIII вв., замок Чанглы перестает функционировать и к юго-востоку от него строится рабат Кала, а новое поселение достигает размеров ок. 50 га. Примерно в X в. рабат подвергается существенной перестройке (укрепляются его стены) и строится кёшк Беш-Агыз. Жизнь на поселении прекращается в начале XIII в., вероятнее всего, в результате монгольского нашествия.

Ключевые слова: археология, Мервский оазис, Маргиана, фортификация, Чанглы, Кала, Беш-Агыз, ирригация, канал Дурнали/Хурмузфарра

Данные об авторе: Гаибов Васиф Абидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

В 1980 г. после короткого периода археологических исследований в Сурхандарьинской области Узбекистана (на городище Зар-тепа), Среднеазиатская экспедиция ИА АН СССР под руководством Г.А. Кошеленко приступила к масштабным работам по составлению археологической карты Мервского оазиса (Маргианы античных авторов). Стимулом к началу этого крупного научного проекта послужило то обстоятельство, что, несмотря на более чем полуторавековую историю изучения региона, не было создано единого свода археологических памятников оазиса. Помимо элементарных трудностей ориентирования на местности на основе полевых отчетов об исследованиях десятков разрозненных памятников, на том уровне знания нельзя было даже и пытаться сделать какие-либо общеисторические выводы, кроме самых общих. Поэтому главной задачей участников проекта стало создание полного каталога всех памятников оазиса, от начала освоения оазиса человеком до позднего средневековья. Сплошное рекогносцировочное обследование территории оазиса осуществлялось традиционными методами археологической разведки с применением разномасштабных топографических карт (в основном «верстовок» 1:100000), аэрофотоснимков, фотофиксации, глазомерной и инструментальной съемки памятников, сбора подъемного материала. На новый уровень точности фиксацию памятников подняло применение (едва ли не впервые в стране) GPS-приемника Trimble Navigation, предоставленного итальянскими археологами, подключившимися к работе по составлению карты дельты Мургаба в начале 1990-х гг., а также появившийся доступ к космоснимкам¹. Помимо собственно археологических разведок перед экспедицией была поставлена задача стационарных раскопок на «ключевых» памятниках, выделенных в ходе обследования региона. Таким объектом (после пробных раскопок в течение одного полевого сезона на городище Чильбурдж²) стала пограничная крепость Гёбеклы-депе³, расположенная на северо-западной оконечности оазиса. Раскопки этого памятника продолжались в течение более чем 20 лет, параллельно с работами по составлению археологической карты оазиса. Таким образом, Гёбеклы-депе стал той «точкой отсчета», от которой начались разведочные маршруты на восток, запад и юг. К северу от памятника почти сразу начиналась зона песков, что значительно затрудняло маршрутные поездки. К тому же, из предшествующих публикаций было известно, что северная часть древнего Мервского оазиса была заселена ранее всего и здесь фиксировались почти исключительно памятники доантичного периода. Этот вывод был подтвержден и работами нашей экспедиции, особенно когда к работам подключились итальянские археологи, сфера интересов которых как раз распространялась на памятники эпохи бронзы и ахеменидского времени.

Таким образом, едва ли не первым обследованным в рамках заявленной программы памятником стало городище Чанглы-депе, расположенное на расстоянии 6,5 км к ЮВ от «базового» памятника Гёбеклы-депе. Местоположение GPS: 37°52'38.42" С, 62°3'15.82" В (UTM: 4192626.99 С, 416839.26 В) (рис. 1–2).

¹ Результатом этой совместной работы стала двухтомная публикация «The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95». Roma, 1998. В ней, в частности, учтены и заняли свое место на карте около 1000 (точнее – 956) памятников различных эпох.

² См. Gaibov, Koshelenko, Novikov 1990, 21–36; Гаилов 2018, 157–169.

³ Гаилов, Кошеленко 2007, 360–374; Гаилов, Никитин 2018 (в печати).

Рис. 1. Чанглы-депе. Космоснимок

Рис. 2. Чанглы-депе. Вид с ЮЗ

Разведочные работы, проведенные на этом памятнике и в его окрестностях, ясно показали, что он существовал не изолированно, а являлся структурообразующим центром некоего «кластера» памятников, сгруппированных вокруг него⁴. Группа памятников, получившая название Чанглы, по имени самого заметного памятника, располагается на западном ответвлении крупного древнего канала Дурнали (название современное). Один из важнейших каналов древности и средневековья в Мервском оазисе, канал Дурнали, видимо, имел в качестве основы одно из четырех древних русел Мургаба, функционировавших еще в эпоху бронзы. В дальнейшем от этого канала были сделаны отводы в нескольких местах, которые, в свою очередь, были соединены в единую систему. В силу этого канал соединен рядом ответвлений со старым руслом Мургаба, которое местное население называет «Джар». После строительства Каракумского канала (поэтапно, в 1950–1970-е гг.), единая система древнего канала разорвана на несколько частей. В своей южной части она еще в какой-то мере функционирует, хотя уже утратила свое значение, поскольку главную роль стали играть современные ирригационные сооружения, получающие воду из Каракумского канала. Часть канала Дурнали, находящаяся к северу от Каракумского канала, наиболее трудна для исследования, поскольку именно здесь наиболее активно строились новые ирригационные системы. В этом районе достаточно хорошо виден только один магистральный канал с немногими ответвлениями от него. В.А. Жуковским⁵, затем Дж. Ле Стрэнджем⁶ и В.В. Бартольд⁷, А. Ляпиным⁸ высказывалось предположение, что здесь проходил действовавший в древности и раннем средневековье канал Хурмузфарра. Канал был замечателен тем, что, беря мургабскую воду южнее Мерва, шел мимо этого города на север и с небольшими водопотерями на орошение доносил свои воды до границ оазиса с пустыней⁹. Именно на этом участке канала Дурнали / Хурмузфарра располагаются памятники группы Чанглы. Наконец, последняя, северная часть канала ярко демонстрирует природное в своей основе происхождение этой системы — здесь канал многократно ветвится, делится на многочисленные протоки, многие из которых теряются в песках, а некоторые уходят далеко на север, к памятникам эпохи бронзы, когда граница оазиса располагалась значительно севернее.

Район Чанглы сравнительно поздно привлек внимание археологов. В фундаментальном исследовании В.А. Жуковского никаких подробностей о Чанглы и его

⁴ Дальнейшие исследования выявили существование на территории оазиса, начиная с ахеменидского периода, значительного числа групп памятников, каждая из которых занимала определенную (относительно небольшую) территорию и пространственно была отделена от иных групп. Каждая такая группа состояла из нескольких разновременных памятников, которые в пределах ограниченной территории сменяли друг друга с течением времени, характеризуя каждый свою эпоху. В отчетах экспедиции и публикациях эти группы условно обозначались как «микрооазисы», поскольку, как правило, они располагались на различных протоках дельты Мургаба или выведенных из них больших и малых каналов (Гаилов, Кошеленко 2000, 50-51).

⁵ Жуковский 1894, 117.

⁶ Le Strange 1905, 399.

⁷ Бартольд 1965, 175.

⁸ Ляпин 1988, 20–22.

⁹ Возникший в античности северный форпост Маргианы перед песками, ныне скрываемый величественными руинами Улы Кишман (этому памятнику предполагается посвящать отдельную публикацию), в средневековье носил то же название, что и питавший его с древности канал — Хурмузфарра.

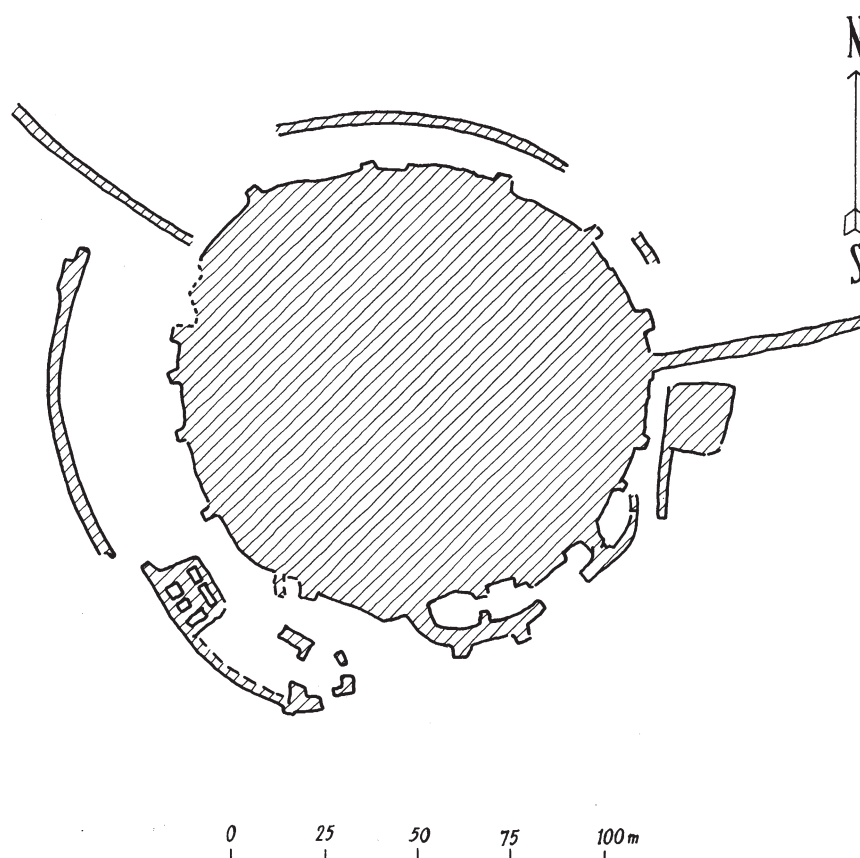

Рис. 3. Крепость Чанглы. Парфянский период

округе не сообщается, хотя на имеющейся там «Карте окрестностей Мерва и мест по Мургабу» среди современных (1890-х гг.) и древних каналов виден и канал Хурмузфарра. Однако памятники вдоль канала, в том числе и группа Чанглы, на карту не нанесены.

В 1903 и 1904 гг. американская экспедиция под руководством Р. Пампелли проводила разведки и небольшие раскопки в Маргиане, в ходе которых был обследован холм Чанглы, однако другие памятники этой группы остались без внимания¹⁰. Исследователь указывает и размеры холма (высота 45 футов при ширине по вершине 150), а также приводит план и схему памятника. По классификации Э. Хантингтона, Чанглы относится ко второму, «переходному» типу тепе (нельзя не сказать о крайней условности этой классификации).

В 1940–1950-х гг. памятник посещали сотрудники ЮТАКЭ. В результате их исследований было отмечено существование «замка» Чанглы¹¹ и кёшка Беш-Агыз

¹⁰ Huntington 1908, 219–232.

¹¹ Пугаченкова 1958, 121.

(который в работах ЮТАКЭ называется Акуйли-кошук)¹². Однако в этих работах нигде не указывается, что оба памятника входят в состав единой группы, не говорится о существовании здесь других памятников и не отмечается историческая эволюция всей группы. Кроме того, были допущены определенные ошибки в описании самих памятников Чанглы и Беш-Агыз.

Чанглы Г.А. Пугаченкова только единожды упоминает среди целого ряда других местонахождений как один из примеров типичных для VI–VII вв. раннесредневековых замков, которые даже издали легко отличить от других типов памятников, поскольку они представляют собой «тепе столового типа».

Наши исследования, однако, показали, что ситуация не столь однозначна¹³. То, что принималось ранее за мощный стилобат, на деле оказалось остатками крепости, круглой в плане. Диаметр ее – ок. 110 м (рис. 3). На аэрофотоснимках часть конструкций этой крепости достаточно хорошо видна, а после специального изучения увеличенного аэрофотоснимка их стало возможным определить и на местности. Стены крепости были снабжены прямоугольными башнями. С юго-восточной стороны располагалось предвратное укрепление сложной конструкции, с восточной – какое-то крупное здание, квадратное в плане. Перед основной стеной прослежены остатки дополнительной стены, меньшей мощности, видимо, своего рода протейхизмы. Она проходила в основном по границе между возвышенной частью местности вокруг крепости и заглубленным пространством, образовавшим то, что обычно Г.А. Пугаченкова называет эспланадой, и что в действительности, вероятнее всего, было искусственным понижением в тех местах, откуда бралась глина для строительных конструкций. Между протейхизмой и основной стеной местами заметны следы построек. Основным строительным материалом для всех конструкций была пахса, хотя для протейхизмы был использован сырцовый кирпич типичного для парфянской Маргианы размера – 41 x 41 x 12 см. К сожалению, не удалось точно определить толщину ни основной стены, ни протейхизмы.

Кроме упомянутых выше конструкций были зафиксированы также остатки двух мощных пандусов, но они относятся уже ко второму периоду существования памятника, в течение которого все строения первого этапа, находящиеся внутри основного кольца стен, были полностью забутованы, а вся территория крепости превратилась в своего рода стилобат для нового сооружения. В такой практике нет ничего нового. Так, в частности, дважды поступали и строители Гёбеклы¹⁴. На этом стилобате было построено квадратное в плане здание со сторонами около 40 м (рис. 7, 2). По углам его находились небольшие полукруглые башни. Это здание было выполнено из сырцового кирпича размером 41–42 x 41–42 x 12–15 см. Два пандуса, о которых говорилось выше, служили для подъема к зданию. При исследовании этих двух сооружений был собран довольно значительный подъемный материал. Необходимо, в частности, отметить находку парфянской бронзовой монеты¹⁵, а также головки статуэтки типа так называемой «Великой Маргианской богини», (рис. 4), общие характеристики которой обнаруживают близость ее к единому типу, получившему широкую популярность во II–III вв. н.э. – стоящая

¹² Пугаченкова 1958, 154, 156–157.

¹³ Košelenko, Bader, Gaibov 1991, 165–186.

¹⁴ Губаев, Кошеленко, Новиков 1990, 122; Гаилов, Кошеленко 2007, 46–54.

¹⁵ Пилипко 1980, тип V/5.

богиня с зеркалом, о чем свидетельствуют многочисленные находки в Мервском оазисе из слоев Гяур-калы и других позднепарфянских городищ¹⁶. Этот образ имел весьма устойчивую иконографию, несмотря на вариации форм тюрбанообразного головного убора и некоторое разнообразие лиц, передающих единый этнический тип. Уже эти единичные находки опровергают начальную дату Чанглы – VI–VII вв. н.э., как это предлагает Г.А. Пугаченкова.

Керамический материал включает в себя столовую посуду позднепарфянского и сасанидского времени. Таким образом, подъемный материал с Чанглы охватывает время с I в. н.э. по VII в. н.э. Этот материал распадается на две достаточно четко определяемые группы: позднепарфянскую-раннесасанидскую (I–IV вв. н.э.) (рис. 5) и позднесасанидскую (V–VII в. н.э.) (рис. 6). С другой стороны, сам памятник также переживает два этапа своего существования. Можно предполагать, что с первым комплексом находок связано существование крепости парфянского и раннесасанидского времени, со вторым же комплексом – замка, построенного над этой крепостью.

На первом этапе крепость снабжалась водой, поступающей по большому магистральному каналу, идущему с востока на запад. Этот канал является ответвлением канала Дурнали (рис. 7, 1). Следы его и сейчас хорошо видны рядом с современным оросительным каналом, который, в сущности, повторяет направление древнего. Невдалеке от крепости канал раздваивается: одна ветвь подходит прямо к крепости, вторая же проходит южнее ее. Видимо, она предназначалась для орошения близлежащих полей.

В позднесасанидское время система водоснабжения несколько меняется, что, видимо, связано с тем обстоятельством, что именно в это время появляется поселение, расположенное, главным образом, к востоку от замка (рис. 7, 2). Точные его размеры определить трудно, но необходимо отметить, что оно было достаточно значительным (до 20 га). На территории поселения нет никаких следов регулярной застройки. В отличие от того, что станет характерным для более позднего времени, застройка здесь имеет очень плотный характер, между отдельными строениями нет никаких незастроенных пространств, хотя иногда выделяются и отдельные крупные здания. Насколько можно судить, в качестве строительного материала использовался, главным образом, сырцовый кирпич размером 34–38 x 34–38 x 8–12 см.

Система водоснабжения в это время несколько усложнилась. От старого ирригационного канала был сделан еще один отвод, который огибал замок с севера; он же стал служить и северной границей поселения.

Рис. 4. Головка терракотовой статуэтки «Великой Маргианской богини»

¹⁶ Пугаченкова 1962, 117–148; Двуреченская 2016, 163–168.

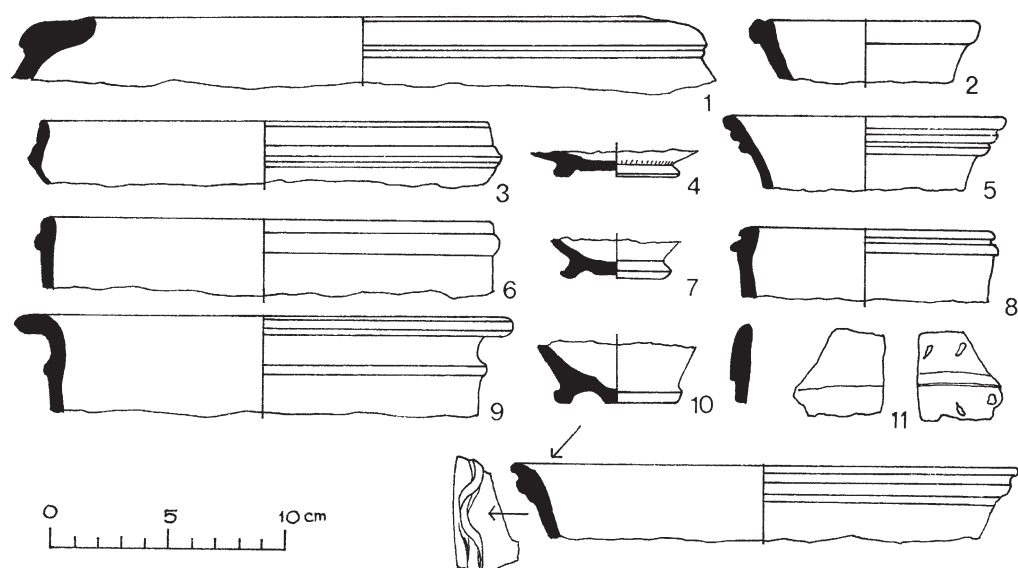

Рис. 5. Чанглы-депе. Керамика позднепарфянского времени

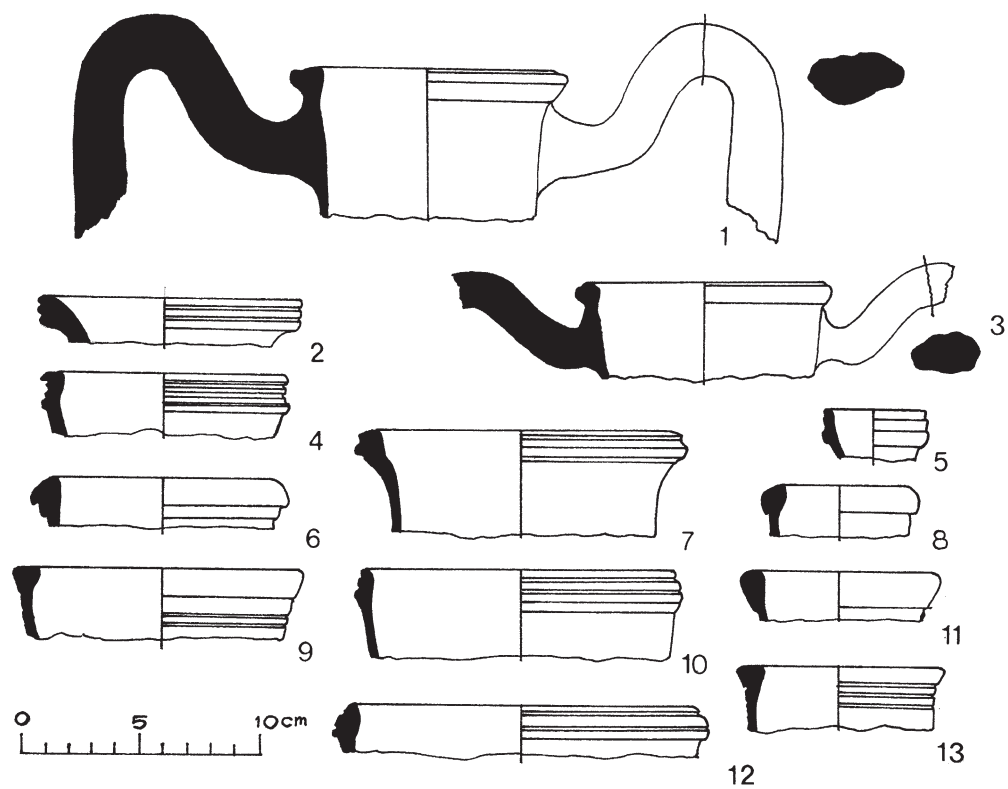

Рис. 6. Чанглы-депе. Керамика сасанидского времени

Керамический материал поселения тесно смыкается со второй группой комплекса Чанглы (рис. 8).

Вероятнее всего, на рубеже VII–VIII вв. в результате арабского завоевания и начавшегося затем нового освоения оазиса жизнь на городище заметно смещается в юго-восточном направлении. Чанглы и его поселение полностью забрасываются, а новое поселение непосредственно примыкает к южным и восточным границам старого (рис. 7, 3). Для раннеарабских городищ характерно такое смещение с пределов старого города на новые территории, но непосредственно примыкающие к границам старого¹⁷. Жизнь на этом этапе существования городища связана со строительством рабата Кала¹⁸. Местоположение GPS: 37°52'22.04" С, 62°3'38.75" В (UTM: 4192116.43 С, 417394.46 В). В плане он образует прямоугольник со сторонами 41х74 м (рис. 9). Углами памятник примерно ориентирован по сторонам света. Сохранность стен рабата на разных участках различная: от небольшого валика высотой 40–45 см на северной стене до гораздо лучшей сохранности южной и западной стены – до 4–4,5 м.

Кала построена, по-видимому, без мощного фундамента. Стены возводились непосредственно на хорошо сnivelированной и утрамбованной площадке. Характер кладки комбинированный. Первоначально в основании стен были положены пахсовые блоки размерами 70 х 70 см. Сырцовая кладка возводилась из двух горизонтально уложенных рядов кирпичей размерами 32 х 32х см. Внутреннее пространство, видимо, было лишено застройки. Возникнув в VIII в., Кала имела вполне определенное назначение рабата. Об этом свидетельствуют его основные характеристики: такие, как слабая оборонная способность, отсутствие типичной фортификационной атрибутики, незастроенность внутреннего пространства¹⁹.

Трудно сказать, что возникло раньше: поселение или рабат Кала. Наиболее вероятным кажется допущение, что возникновение их было примерно одновременным. В эволюции поселения мы можем отметить постепенное расширение его на юг. Основные постройки были сосредоточены к северу и югу от Калы. Общая площадь поселения в VIII–IX вв. – около 60 га. На его территории невозможно проследить каких-либо следов регулярности застройки; ее можно, скорее всего, определить как «свободную».

В это время происходят и серьезные изменения ирригационной системы. Продолжал существовать старый канал, но перестали функционировать два его ответвления: одно, шедшее на северо-запад и служившее границей позднесасанидского поселения (видимо, в связи с прекращением жизни на этом поселении), и второе, шедшее к замку (в силу тех же причин). Взамен появился еще один канал – на юге. Необходимо заметить, что оба канала, в сущности, служили одновременно и границами поселения, которое занимало совсем небольшие площади на противоположных берегах каждого из них.

Можно полагать, что определенные изменения на территории поселения происходят с рубежа IX–X вв. Территория поселения сильно разрастается на восток, а поскольку жизнь на старой территории продолжается, то общая площадь его в период X – начала XIII в. достигает уже 150 га (рис. 7, 4).

¹⁷ Пугаченкова 1958, 143; Беленицкий, Бентович, Большаков 1973, 166.

¹⁸ Никитин, Согомонов 1982, 35.

¹⁹ Пугаченкова 1958, 143–144.

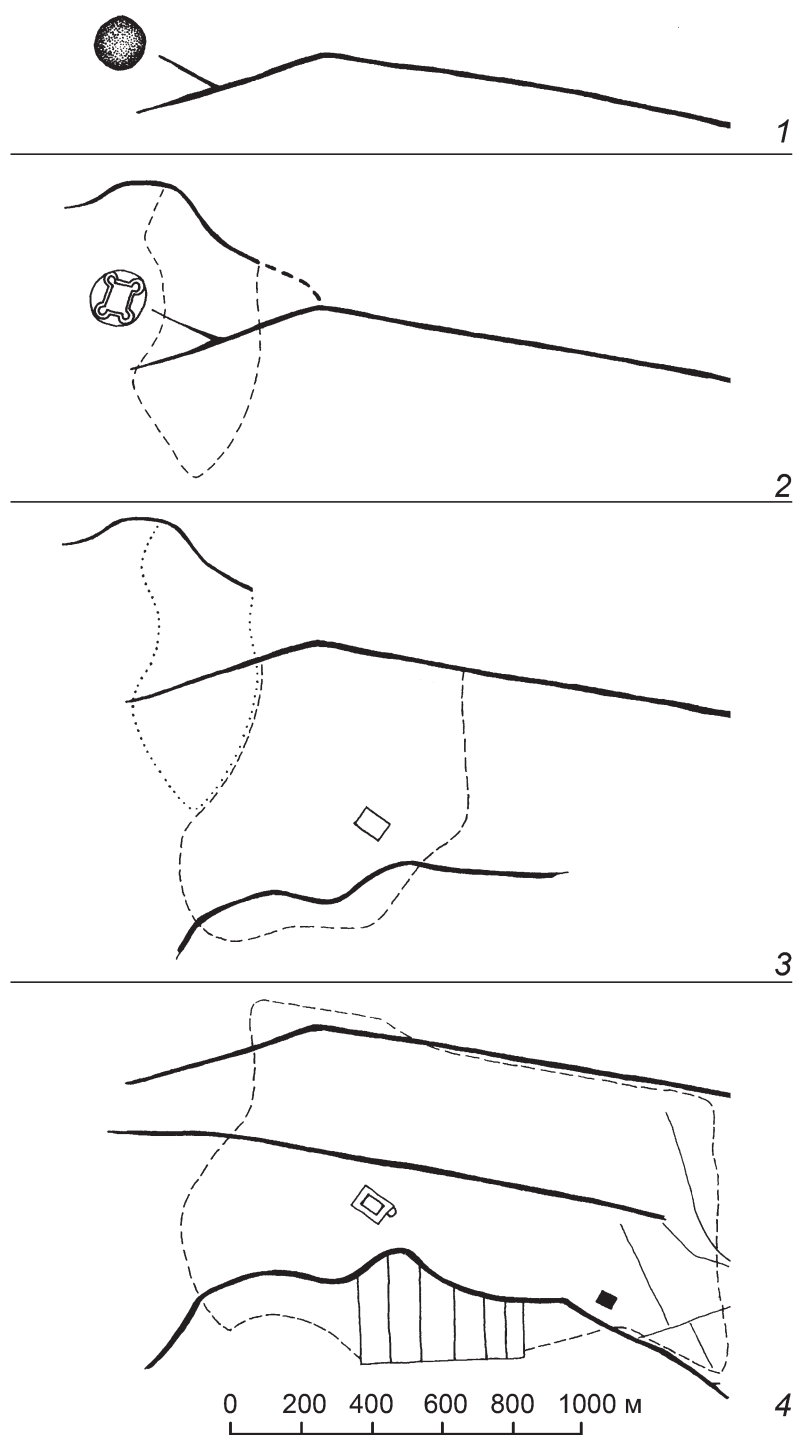

Рис. 7. Динамика развития «микрооазиса» Чанглы. Схема

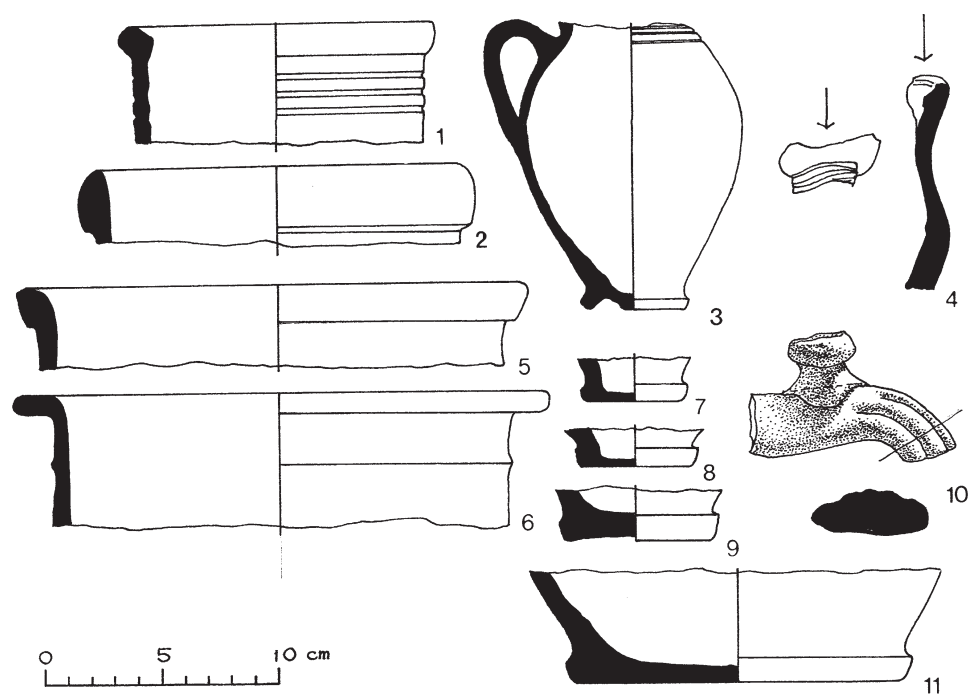

Рис. 8. Поселение Чанглы-депе. Керамика позднесасанидского времени

Рис. 9. Рабат Кала. Вид с СЗ

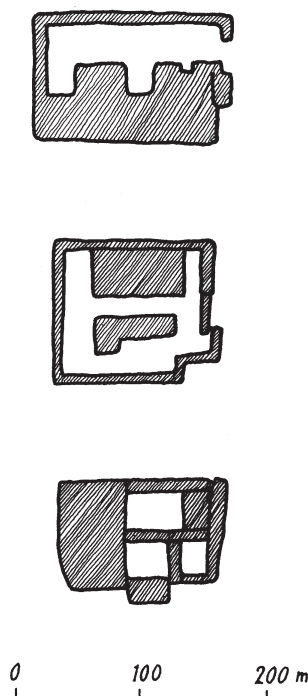

Рис. 10. Планы усадеб на поселении Калы X – начала XIII вв. н.э

В это время, помимо двух существовавших ранее, появляется еще один канал, протекавший практически по середине поселения. К югу от Калы за каналом фиксируются остатки полей, хотя нет полной уверенности в том, что они относятся именно к описываемому времени. На территории поселения и в непосредственной близости от него также видны следы более мелких каналов (арыков), вероятно, синхронных поселению.

На той части территории поселения, которая была освоена в X – начале XIII в. (в отличие от территории, освоенной ранее), хорошо видны остатки крупных усадеб, расположенных хаотично. Размеры усадеб различны: от 75 x 75 м до 150 x 150 м (рис. 10). Большие усадьбы, как правило, были окружены заборами, имели несколько помещений и несколько дворов. Как и ранее, северный и южный каналы служили границей поселения.

Крупной перестройке в этот период подвергается Кала. Вплотную к внешнему фасу приставляется новая стена, сложенная целиком из сырца размером ок. 33 x 33 x 8 см, кладкой в два кирпича. При перестройке между внутренней и внешней стенами были положены два ряда поставленных на ребро кирпичей, тем самым толщина стены достигла 1,60 м. Ворота были устроены в южной стене. Эту стену фланкировали две башни, пристроенные к внешней стене (шов между ними хорошо виден). Башню в юго-западном углу Калы можно именовать башней лишь условно, так как она представляет собой подквадратный выступ в один кирпич. В то же время башня в юго-восточном углу выступает за гладь стены на 2,30 м.

Рис. 11. Кёшк Беш-Агыз. Вид с севера

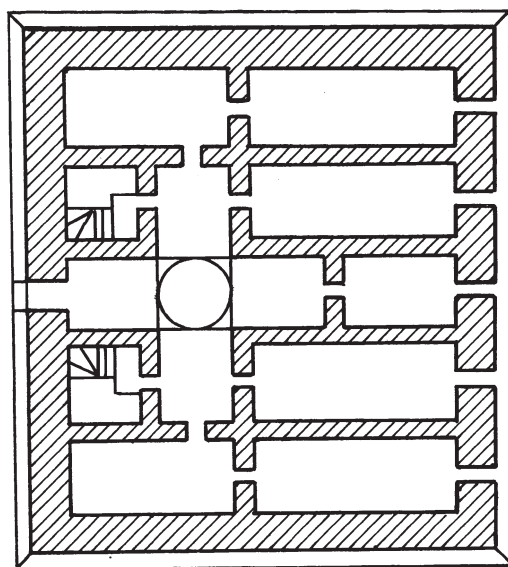

Рис. 12. Беш-Агыз. План первого этажа (по Пугаченкова Г.А.)

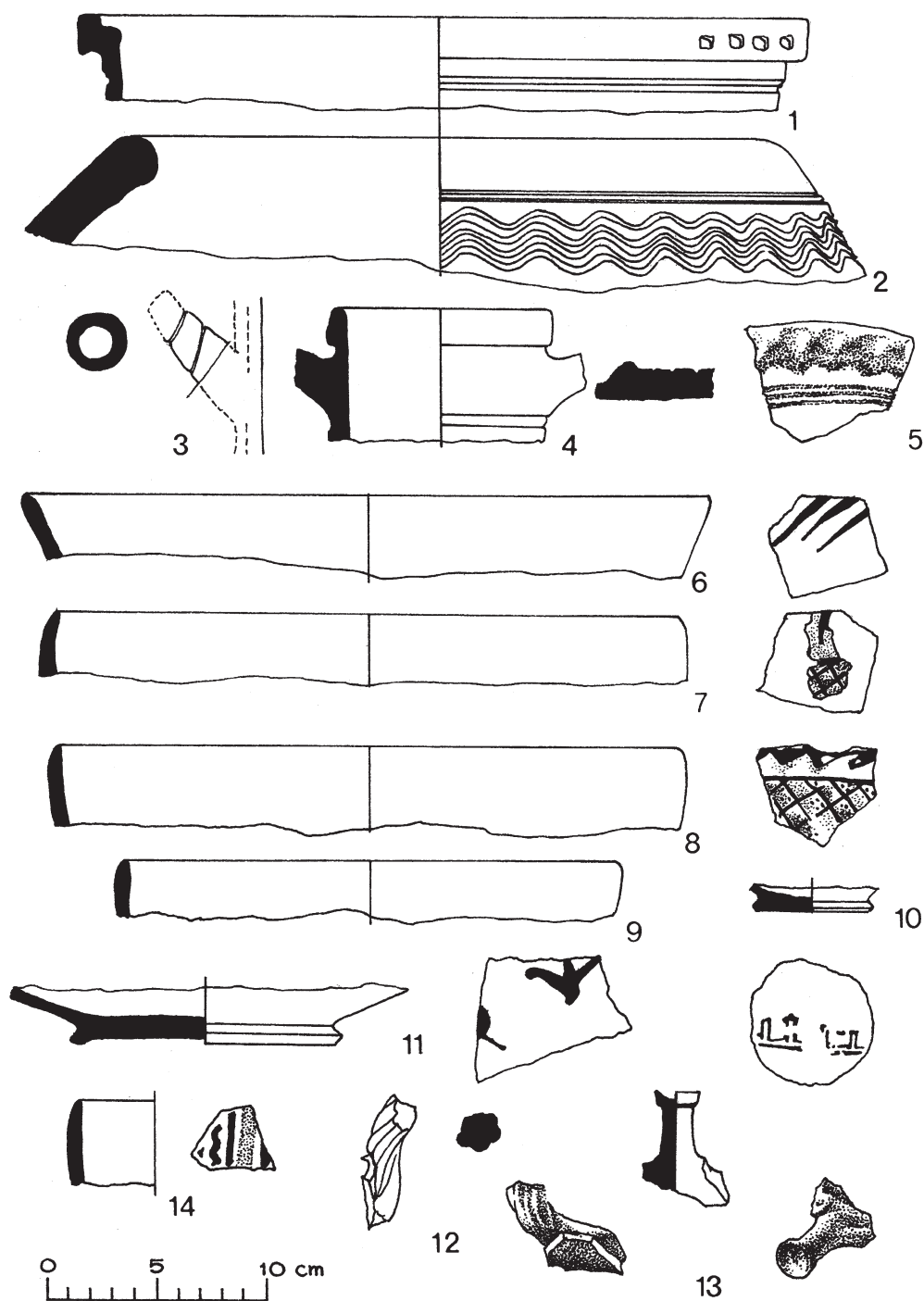

Рис. 13. Керамика с территории Калы и его поселения.

Однако представляется, что и ее следует рассматривать лишь как сохранившуюся часть мощного контрфорса (в его кладке использован обожженный кирпич размером 30 x 30 x 7 см). Внутреннее пространство Калы застраивается преимущественно по периметру стен, так что свободное пространство (ок. 15 x 15 м) – возможно дворик – расположено почти в центре Калы. Ремонтные работы носили характер кардинальной перестройки, постройка приобретает вид довольно типичного кёшка. Во внешнем облике продолжают сохраняться черты укрепленных сооружений. Угловые башни, центрально-дворовая композиция, наконец, слабая оборонная способность роднит его со многими хорезмийскими образцами кёшка, чем-то плановой схемой напоминающими караван-сарай²⁰.

В этот же период возникает еще один кёшк, расположенный в юго-восточном углу поселения (рис. 11; 7, 4) и подробно описанный Г.А. Пугаченковой²¹. В ее описании он присутствует как Акуйли-кошук, хотя местное население называет его обычно Беш-Агыз (туркм. «Пять ртов» – В.Г.). Местоположение GPS: 37°52'11.99" С, 62°4'2.79" В (UTM: 4191800.74 С, 417978.53 В). Это двухэтажный кёшк, главным своим фасадом обращенный на северо-запад. Материал постройки – сырец размерами 32 x 32 x 6,5–7 см. В плане кёшк представляет собой квадрат (20x20 м); толщина фасадной стены – 2,10 м. Первый этаж на северо-западном и юго-западном фасадах имел по пять сводчатых помещений шириной до 2,6 м и глубиной до 5,60 м. Расстояние между помещениями достигало 2 м. Сводчатые помещения юго-восточного фасада несколько длиннее – 6,20 м, шириной до 2,20 м. Прекрасно сохранившиеся изнутри, они демонстрируют основной строительный прием – комбинированную кладку. Пахсовые блоки (0,5 x 0,5 м) сбивались парами (0,5 x 1,0 м) и располагались у основания. Для придания прочности конструкции на них ставились плашмя три ряда кирпичей. Следующий ряд кирпичей, поставленных на ребро, связывал стенную кладку со сводчатой. Каждое помещение имело один бойницеvidный проем. В одном из сводчатых помещений юго-западного фаса в стене была зафиксирована ниша для светильника (24 x 29 x 18 см), сохранившая следы копоты. Каждое из этих помещений связывалось непосредственно с коридором и выходило во дворик кёшка (рис. 12).

Вход в кёшк располагался на юго-западном фасаде и вел прямо на второй этаж. Планировка помещений второго этажа в целом повторяет планировку первого, однако она усложнена (добавлены помещения в северо-западной и юго-восточной частях). Сохранившиеся в ряде помещений второго этажа трюмы, вероятно, свидетельствуют о купольных перекрытиях постройки. Комплекс помещений у северо-восточной стены, возможно, был жилым.

Внешнее оформление стен также типично для средневековых кёшков: первый этаж со скошенными наружными стенами, лишенный гофра, завершался гофрированным вторым этажом с диаметром гофра до 1,20 м. Описанная композиция с характерными конструктивными и строительными приемами роднит Беш-Агыз с большинством среднеазиатских кёшков X–XI вв.²²

Подъемный керамический материал, представленный как поливной, так и непольной керамикой с территории поселения Калы (рис. 13) и кёшка Беш-Агыз

²⁰ Прибыткова 1973.

²¹ Пугаченкова 1958, 154–156.

²² Прибыткова 1973, 24.

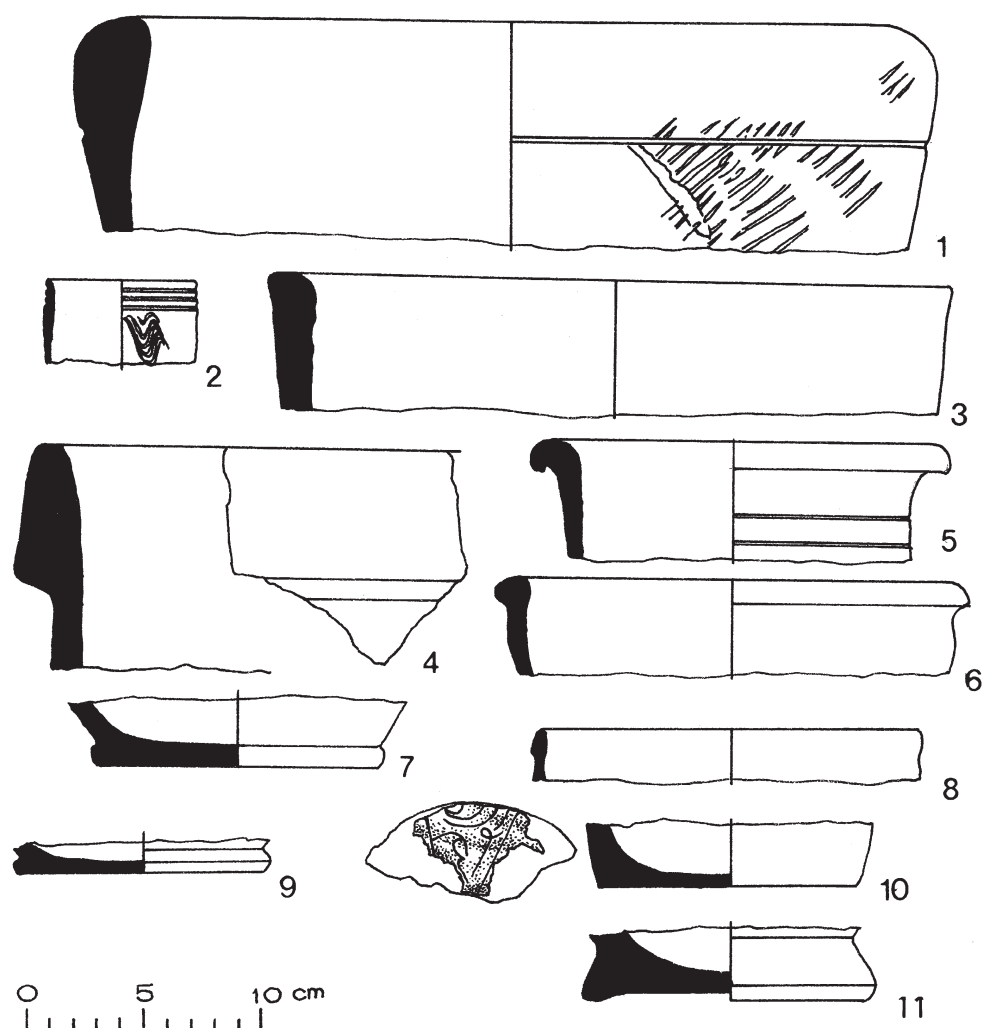

Рис. 14. Керамика с территории Беш-Агыз и его поселения

(рис. 14) показывает, что весь этот комплекс памятников просуществовал вплоть до XIII в. н.э.

Подводя итоги, можно попытаться представить историческую динамику развития микрорайона Чанглы (рис. 7, 1–4; 15)

1. В I (может быть во II) в. н.э. возникает круглая в плане парфянская крепость.

2. В IV–V вв. эта крепость перестраивается. Все ее сооружения забутовываются, на образовавшейся платформе строится замок. В это же время появляется поселение, расположенное к юго-востоку от замка.

3. После арабского завоевания перестает функционировать замок и связанное с ним поселение. Возникают новое поселение к юго-востоку от прежнего и рабат Кала на окраине его. Поселение достигает размера ок. 50 га.

Рис. 15. Эволюция развития «микрорайона» Чанглы (на основе космоснимка)

4. Начиная с X в. происходят новые изменения: расширяется территория поселения (теперь она достигает 150 га), перестраивается рабат и строится кёшк Беш-Агыз. Жизнь на поселении прекращается в начале XIII в., вероятнее всего в результате монгольского нашествия.

История района с группой памятников Чанглы является весьма типичной для Маргианы античной и средневековой эпох.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартольд, В.В. 1965: К истории Мерва. В кн.: Бартольд, В.В. *Сочинения*. Т. IV. М.
- Беленицкий, А.М., Бентович, И.Б., Большаков, О.Г. 1973: *Средневековый город Средней Азии*. М.
- Гаибов, В.А. 2018: К вопросу об оборонительных сооружениях Маргианы. Крепость Чильбурдж. *ПИФК* 3, 157–169.
- Гаибов, В., Кошеленко, Г. 2000: Маргиана – страна на краю ойкумены. *Наука в России* 3, 46–54.
- Гаибов, В.А., Кошеленко, Г.А. 2007: Крепость на границе Мервского оазиса: Гебеклы-депе. *Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал* 2, 360-374.

- Гаилов, В.А., Никитин, А.Б. 2018: Крепость Гёбеклы-депе в Маргиане в контексте развития иранской фортификации. *КСИА* 253 (в печати).
- Губаев, А.Г., Кошеленко, Г.А., Новиков, С.В. 1990: Археологические исследования в Мервском оазисе. *ВДИ* 3, 117–120.
- Двуреченская, Н.Д. 2016: *Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н.э. – IV в. н.э. (археологический аспект)*. СПб.
- Жуковский, В.А. 1894: *Древности Закаспийского Края. Развалины Старого Мерва*. (Материалы по археологии России. Т. 16). СПб.
- Ляпин, А. 1988: Хурмузфарра. *Памятники Туркменистана* 1 (45), 20–22.
- Никитин, А., Согомонов, А. 1982: Археологические исследования в Мервском оазисе. Рекогносцировочные исследования. *Информационный бюллетень МАИКЦА* 2, 34–35.
- Пилипко, В.Н. 1980: Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком. *ВДИ* 4, 105–124.
- Прибыткова, А.М. 1973: *Строительная культура Средней Азии IX–XII вв.* М.
- Пугаченкова, Г.А. 1962: Коропластика древнего Мерва. *ЮТАКЭ* XI, 117–173.
- Пугаченкова, Г.А. 1958: *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*. М.
- A. Gubaev, G. Koshelenko and M. Tosi (eds.) 1998: *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95. Text and Figures*. Rome.
- Gaibov, V., Koshelenko, G. 2000: Margiana, a land on the fringe of the world. *Science in Russia* 3, 46–54.
- Gaibov, V., Koshelenko, G., Novikov, S. 1990: Chilburj. *Bulletin on Asia Institute. New Series* 4, 21–36.
- Huntington, E. 1908: Description of the Kurgans of the Merv Oasis. In: R. Pumpelly (ed.), *Explorations in Turkestan: Expedition of 1904*. Vol. I. Washington, 219–232.
- G. Košelenko, A. Bader, V. Gaibov 1991: Materials for an Archaeological Map of Margiana: The Changly Region. *Mesopotamia* XXVI, 165–186.
- Le Strange, G. 1905: *The Lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur*. Cambridge.

REFERENCES

- Bartold, V.V. 1965: K istorii Merva [On the history of Merv]. In: Bartold, V.V. *Sochineniya [Writings]*. T. IV. M.
- Belenitskiy, A.M., Bentovich, I.B., Bolshakov, O.G. 1973: *Srednevekovyy gorod Sredney Azii [The medieval city of Central Asia]* Moscow.
- Gaibov, V., Koshelenko, G. 2000: Margiana – strana na krayu oykumeny [Margiana, a land on the margins of the world]. *Nauka v Rossii [Science in Russia]* 3, 46–54.
- Gaibov, V.A. 2018: K voprosu ob oboronitelnykh sooruzheniyakh Margiany. Krepost Chilburdzh [To the question of Margiana fortifications. Fortress Chilburj]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 3, 157–169.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A. 2007: Krepost' na granitse Mervskogo oazisa: Gebekly-depe [Fortress on the border of the Merv oasis: Gebekly-depe]. *Antiquitas Aeterna. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal [Antiquitas Aeterna]* 2, 360–374.
- Gubayev, A.G., Koshelenko, G.A., Novikov, S.V. 1990: Arkheologicheskiye issledovaniya v Mervskom oazise [Archaeological research in the Merv oasis]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 117–120.
- Dvurechenskaya, N.D. 2016: *Terrakotovaya plastika drevneyshikh gosudarstv Sredney Azii IV v. do n.e. – IV v. n.e. (arkheologicheskiy aspekt)* [Terracotta plastic of the ancient States of Central Asia 4th c. BC – 4th c. AD (archaeological aspect)]. Saint Petersburg.

- Zhukovskiy, V.A. 1894: *Drevnosti Zakaspiyskogo Kraya. Razvaliny Starogo Merva* [Antiquities of the Transcaspian region. Ruins of Old Merv]. (Materialy po arkheologii Rossii) [Materials on the archeology of Russia]. Vol. 16. Saint Petersburg.
- Lyapin, A. 1988: Khurmuzfarra [Hurmuzfarrah]. *Pamyatniki Turkmenistana* [Monuments of Turkmenistan] 1 (45). 20-22.
- Nikitin, A., Sogomonov, A. 1982: Arkheologicheskiye issledovaniya v Mervskom oazise. Rekognostsirovochnyye issledovaniya [Archaeological research in the Merv oasis. Reconnaissance studies]. *Informatsionnyy byulleten MAIKTsA* [International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin] 2, 34-35.
- Pilipko, V.N. 1980: Parfyanskiye bronzovyye monety so znakom Π pod lukom [Parthian bronze coins with the sign Π under the bow]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 105-124.
- Pribytkova, A.M. 1973: *Stroitel'naya kultura Sredney Azii IX-XII vv.* [Building culture of Central Asia of IX-XII centuries] Moscow.
- Pugachenkova, G.A. 1962: Koroplastika drevnego Merva. [Coroplasty of ancient Merv]. In: *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition] XI, 117-173.
- Pugachenkova, G.A. 1958: *Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistan pory rabovladieniya i feodalizma* [Ways of development of architecture of Southern Turkmenistan in time of slavery and feudalism]. Moscow.

THE CHANGLY FORTRESS AND ITS NEIGHBORHOOD: THE EVOLUTION OF DEVELOPMENT

Vasif A. Gaibov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
gaibov@mail.ru

Abstract. The article deals with a group of sites examined by the Central Asian archaeological expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences USSR (RAS) in the framework of a large-scale project on the archaeological mapping of the Merv oasis, initiated and headed for over 20 years (1980–2003) by G.A. Koshelenko. This group, called Changly, after the most notable monument includes three archaeological sites of different duration (actually Changly fortress, Kala rabat and Besh-Agyz köshk) with associated rural settlements, located on the western branch of the large ancient channel Durnali (Hurmuzfarrah). A complete archaeological survey of the area (without excavations) allowed to restore the picture of the dynamics of this “micro-oasis”: in the 1st and 2nd centuries AD a powerful fortress of Changly emerged and functioned until the 4th–5th centuries, when, as a result of restructuring, it was completely filled and on its surface the castle was constructed. At the same time, there is an adjacent settlement from the southeast. After the Arab conquest, probably at the turn of 7th and 8th centuries, Changly castle ceased to function, to the southeast Kala rabat was built, and a new settlement reached nearly 50 hectares. About the 10th century the rabat underwent significant restructuring (its walls were strengthened) and the Besh-Agyz köshk was being built. The life in the settlement stopped at the beginning of the 13th century, most likely as a result of the Mongol invasion.

Keywords: archaeology, Merv oasis, Margiana, fortification, Changly, Kala, Besh-Agyz, irrigation, Durnali/Hurmuzfarrah channel

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 216–226
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 216–226
© Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-216–226

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, ИЗОБРАЖЕННОГО Ф.П. ТОЛСТЫМ В ОБРАЗЕ РОДОМЫСЛА

У.М. Волкова

*Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва,
Россия*
uliana.volkova@arts-museum.ru

Аннотация. Статья посвящена истории создания портрета императора Александра I в образе славянского божества Родомысла и некоторым его особенностям. Автором этого изображения был знаменитый медальер граф Ф.П. Толстой. Медальон выполнен в 1814 г. после победы российской армии над Наполеоном в битве при Лейпциге. Впоследствии портрет был помещен на лицевые стороны всех двадцати медалей из серии в память Отечественной войны 1812 г., отчеканенных по проектам Ф.П. Толстого в 1834–1837 гг.

Несмотря на то, что за последние два века было издано значительное количество трудов, посвященных биографии и произведениям медальера, до сих пор остаются не до конца изученными некоторые его работы. К ним относится и известный портрет императора Александра I в образе Родомысла. В данной статье подробно рассматриваются детали этого изображения, особое внимание уделено анализу оригинальной задумки медальера – изображению императора Александра в образе славянского божества Родомысла. Выяснилось, что такого божества у славян не существовало, он является плодом фантазии Г.А. Глинки – автора книги «Древняя религия славян», изданной в Митаве (ныне город Елгава в Латвии) в 1804 г. Медальер избрал для своей работы «вымышленного» бога не случайно, его образ сочетает в себе два основных течения в культуре и науке России, характерных для начала XIX в., – интерес к античности и древней Руси.

Ключевые слова: Российская история, нумизматика, медальерное искусство, Александр I, Ф.П. Толстой

Данные об авторе: Волкова Ульяна Михайловна – научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина

Портреты правителей на лицевых сторонах и включение их образов в композицию оборотных являются важнейшими элементами любой официальной медали. Эти изображения позволяли приписать те или иные успехи заслугам правящего монарха.

Портрет стал неотъемлемым элементом медали с того момента, когда в 1438 г. художник Антонио Пизано¹ создал небольшой круглый рельеф с профильным портретом Иоанна VIII Палеолога на одной стороне и изображением императора верхом на коне – на другой. Сам смысл и назначение коммеморативной медали заключаются в сохранении памяти о человеке и его деяниях. Это предполагает портретное изображение человека или его персонифицированного образа.

В течение XIX в. портреты остаются неотъемлемым элементом медали. Унаследованные от предыдущего столетия, типы портрета претерпевают значительные изменения. Благодаря общеевропейской моде правителей перестают изображать в римских доспехах. Единственным элементом, напоминающим об этом, некогда самом распространенном образе, является венчающий голову лавровый венок². Таковы практически все портреты императора Александра I, созданные в течение рассматриваемого периода. Изредка встречаются парадные портреты в современных мундирах и с наградами. Такие образы появляются благодаря увлечению российских правителей XIX в. военным костюмом. Одним из ранних примеров является портрет императора на лицевой стороне медали в память закладки здания Биржи в Санкт-Петербурге в 1805 г.³: император изображен в мундире лейб-гвардии Преображенского полка с орденой лентой.

С начала XIX в. популярным становится и лаконичный профильный портрет – изображение головы либо обнаженного бюста без каких-либо атрибутов власти. Такой образ прочно закрепился в медальерном искусстве и появлялся практически на всех русских медалях вплоть до революции 1917 г.

Однако в течение XIX столетия были созданы и необычные медальные портреты. Наиболее интересный среди них – медальон, выполненный в 1814 г. графом Ф.П. Толстым (рис. 1). Художник создал профильный портрет императора Александра I в образе славянского бога Родомысла. Впоследствии изображение было помещено на лицевые стороны всех двадцати медалей из серии в память Отечественной войны 1812 г. (рис. 2)⁴.

По замыслу автора, российский император предстал в образе языческого славянского божества в шлеме, кольчуге, плаще, с копьем и щитом. В то же время Ф.П. Толстой писал, что «сочинение поручаемых мне медалей и резание штемпелей для отбивки их в металле, я полагал производить в античном греческом вкусе, как лучшем в изящных искусствах»⁵. Портрет выполнен в классическом стиле, а его детали говорят о том, что медальер был хорошо знаком с художественной культурой античности. Некоторые исследователи даже предполагали, что Ф.П. Толстой скопировал тип портрета с римских золотых медальонов, храня-

¹ Scher 1994.

² Наиболее ярким примером такого типа являются портреты Наполеона I.

³ Смирнова и др. 2014.

⁴ Смирнова 2014, 35.

⁵ Толстой 1873, 132.

Рис. 1. Толстой Ф.П. Медальон «Александр I в образе Родомысла», 1814. Гипс. Р-р 196x196 мм. Копия XIX века. Лицевая и оборотная стороны. Из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № В-"27755"

щихся в мюнцкабинете Государственных музеев в Берлине⁶. Особенно обращает на себя внимание визуальное сходство работы медальера с портретом императора Карагаллы⁷. Однако эти древние произведения были обнаружены и опубликованы только в начале XX века и не могли служить образцом для автора. Но в начале XIX в. были известны другие римские медальоны с аналогичными портретами императоров Гордиана III, Галлиена, Проба, Нумериана и Констанция I Хлора⁸. Исходя из сходства композиций древних медальонов и работы Ф.П. Толстого, можно предположить, что последний был хорошо знаком с римскими произведениями.

В первую очередь обращает на себя внимание такая деталь, как щит императора Александра I, в центр которого помещен государственный герб в обрамлении лаврового венка, а по краю – сцены Лейпцигской битвы и персонификация города, выполненные в классическом стиле и напоминающие оборотные стороны медалей этой же серии. Изображение круглого декорированного щита включает в себя элементы известных античных (речь идет, в первую очередь, об описаниях знаменитых щитов Ахилла и Геракла⁹) и европейских¹⁰ образцов разного времени, а также щитов воинов русской армии, используемых с XIV до начала XVIII в.¹¹. Элементы вооружения разных народов и эпох, использованные Ф.П. Толстым при создании щита, подчеркивают серьезное отношение к работе и используемому

⁶ Холодковский, Годлевский 1912, 58, 91; Борина 1992, 118–129.

⁷ Kluge, Alram 2010, 270–280, № III 1.5.

⁸ Grueber 1874, pl. XLII, fig. 1–3; XLVIII, fig. 2, 4, 5; XLIX, fig. 1; LIII, fig. 3–5; LIV, fig. 5; LVI, fig. 3.

⁹ Hom. Il. 18; Hesiod.

¹⁰ Герасимова 2016.

¹¹ Солнцев 1853; Висковатов 1841–1862.

материалу. Само изображение боя помещено Ф.П. Толстым также не случайно. Щиты применялись для обороны и защиты владельца от неприятеля во время сражения, но и имели важное символическое значение в различных культурах. Победа русской армии в битве при Лейпциге воспринималась автором как переломный момент всей военной кампании. Медальер писал, что именно «по получении реляции о лейпцигском сражении, где Наполеон был разбит и владычество его над Францией поколеблено, я тотчас вылепил из воска, в осьми угольном медальоне, шести вершков в диаметре, портрет императора Александра I»¹². Можно предположить, что медальер изобразил щит, чтобы подчеркнуть этим символическим атрибутом покровительство и поддержку страны, даруемые Богом, а императора, держащего этот щит в своих руках, — помазанником Божиим. Медальер, изобразив оборонительное вооружение у монарха, подчеркивает его личный вклад в победу армии и защиту страны. Двуглавый орел, помещенный в центр композиции и обрамленный лавровым венком, символизирует саму страну и ее войско, одержавшее славную победу в сражении при Лейпциге, ставшую гарантом безопасности и триумфа.

Другой интересной деталью медального образа является шлем императора. Ф.П. Толстой отмечал, что «костюмы изображаемых на медалях фигур, согласно представляемому фигурами званию и относительно времени и страны, в которой происходило действие, должны быть изображаемы археологически верно»¹³. Шлем императора Александра I создан мастером по образу ерихонской шапки царя Михаила Федоровича, приписываемой в начале XIX в. князю Александру Ярославичу Невскому¹⁴. Ф.П. Толстой, как и многие его соотечественники, проявлял интерес к изучению предметов старины. Изображение шлема Александра Невского было очень популярным в художественной культуре первой половины XIX в., а в 1857 г., уже при императоре Александре II, шлем увенчал большой и средний гербы государства¹⁵. Такая деталь портрета на медали иллюстрирует символическую преемственность одного правителя и полководца Александра — второму¹⁶.

Рис. 2. Толстой Ф.П. Медаль «Освобождение Москвы», 1834. Серия, посвященная Отечественной войне 1812 года. Бронза. Р-р 65 мм. Лицевая сторона. Из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № Н-206702.

¹² Толстой 1873а, 518.

¹³ Толстой 1873, 133.

¹⁴ Файбисович 1998, 187–188.

¹⁵ ПСЗРИ 1825–1881/XXXII, №31720 от 11.04.1857.

¹⁶ Подобные параллели проводились достаточно часто в XVIII в., но связано это с династическими проблемами наследования трона. Возможно, самым известным примером является надпись

В первой четверти XIX в. общество обращалось уже не только к античному наследию, но и к истории своей страны, к героическим событиям в собственном прошлом. Таким образом, современные события наполеоновских войн ассоциировались с деяниями Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Эти параллели показывали длительную историю славных побед русского войска над европейскими захватчиками и способствовали появлению патриотизма.

Интересны не только детали этого портрета, но и оригинальность задумки медальера – изображение императора Александра в образе славянского божества Родомысла. При выборе мифологического персонажа Ф.П. Толстой, скорее всего, использовал труд Г.А. Глинки, вышедший в свет за десять лет до создания медальона. Автор писал в своей книге: «Родомысл – божество славян варяжских, покровитель законов, податель благих советов, мудрости, красных и умных речей»¹⁷. При начатии градских совещаний или сходок, относящихся к благоденствию града, или к отвращению угрожающей общей напасти, ему молились, принося жертвы. При всяком важном предприятии, требующем мудрости, Родомысл был призываем. Сие божество имело в городах при Варяжском море свои храмы. Истукан его представлял человека в размышлении, упершего в лоб указательным перстом правой руки; в левой же руке щит с копьём. Сие божество кажется быть тоже, что у кельтов Биддер¹⁸, бог мудрости и красноречия»¹⁹. В предисловии к своему труду Г.А. Глинка писал о том, что при необходимости домысливает и дополняет те сведения о славянской мифологии, которые были известны к моменту издания книги. Главной опорой при написании своего труда автор избрал не источники и научную литературу, а художественную поэму М.М. Хераскова «Владимир»²⁰, в на памятнике Петру I 1782 г. работы Э. Фальконе: Петру первому Екатерина вторая.

¹⁷ На оборотной стороне медальона, который хранится в Отделе нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина, клеена бумажная этикетка с надписью в семь строк: РОДОМЫСЛЪ по некоторымъ преданіямъ, / былъ Богъ древнихъ славянъ. Главныя свой-ства приписывались ему: Храбрость, Му-/дрость, Правда. По симъ свойствамъ въ чер-/тахъ Благословеннаго освободителя народовъ / кто непознаетъ Родомысла девятого наде-/сятъ века? (Смирнова и др. 2014, 35).

¹⁸ Имеется в виду кельтское божество, происхождение которого, как и Родомысла, является сомнительным. Подробнее, например: Маккалох 2004. Однако автор отсылает читателя к кельтской мифологии не случайно. С середины XVIII века в России были крайне популярны «переводы» кельтского поэта Оссиана, изданные Дж. Макферсоном. Подробнее, например: Левин 1980.

¹⁹ Глинка 1804. Переиздана в: Кайсаров, Глинка, Рыбаков 1993.

²⁰ Херасков 1820. Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807) был членом Медального комитета по созданию серии на события ранней истории страны. Херасков интересовался не только историей, но и литературой, фольклором, славянской мифологией и культурой. Он является автором научных трудов и художественных произведений. Поэма «Владимир» написана в духе европейской литературы Возрождения и Нового времени. Отдельные главы, например, напоминают текст «Божественной комедии» Данте Алигьери. О том, что произведение создано на сюжет древней истории России напоминают лишь имена персонажей (в большинстве своем выдуманные) и географические названия. Херасков – один из первых хранителей университетской коллекции монет и медалей. В 1759 г., помимо административного надзора за канцелярией, типографией и библиотекой, М.М. Херасков получает должность директора Синодальной типографии, а в 1778 становится куратором Московского университета. Как писал позднее С.П. Шевырев, «все поприще его жизни и службы, от первой известности до конца дней... было посвящено Московскому университету». М.М. Херасков, ознакомившись с нумизматическим собранием, обнаружил, что в нем не представлены памятные медали, отчеканенные в честь основания Императорского Московского университета, а также наградные медали, которые каждый год вручались учащимся гимназий и студентам. Выразив сожаление по поводу того, что «Кабинет медалей» не получил ничего на память «о щедрости ее Императорского

которой упоминаются различные славянские божества, причем некоторые являются плодом фантазии автора. Исследователь русского фольклора М.К. Азадовский указывал о влиянии на Г.А. Глинку известных в XVIII – начале XIX в. трудов М.Д. Чулкова и М.И. Попова²¹. Родомысл не упоминается в этих и других изданиях XVIII–XIX в.²², а связано это с тем, что такого бога у славян просто не существовало. Глинка его выдумал, чтобы заполнить лакуны, имевшиеся, по мнению автора, в славянском пантеоне, как упоминалось выше. Такой подход к изучению, собиранию и публикации сведений о мифологии не является уникальным.

Интерес к фольклору и дохристианским верованиям славян появляется в середине XVIII в. в среде ученых и литераторов Просвещения. Все они отмечали отсутствие достаточного количества источников, их позднее происхождение, а ту информацию, которую содержали эти тексты – скудной. Кроме того, исследователей не устраивал язык, которым были написаны источники, и многие авторы перед публикацией поправляли документы в соответствии с современным им стилем. Деятели эпохи Просвещения считали, что отечественный пантеон должен быть таким же, как у греков или римлян (античная мифология считалась эталонной), поэтому старались «дополнить» его путем придания псевдославянских имен заимствованным божествам. По описанию Г.А. Глинки можно сделать вывод, что на создание славянского божества Родомысла его вдохновил в первую очередь образ Афины (Минервы)²³.

Почему же медальер, отличавшийся в работе вниманием к деталям и точной передаче исторических событий и артефактов, избрал такой образ? Сам он лишь кратко описывал историю создания портрета императора: «...вылепил из воска, в осьми угольном медальоне, шести вершков в диаметре, портрет императора Александра I, в военном славянском костюме, в шлеме, со щитом и копьем в руках. С надписью кругом: “Родомысл девятого на десять века”...»²⁴. Есть и еще одно описание, имеющее значение для настоящей работы: «Когда пришло к нам известие о совершенном разбитии всей собранной Наполеоном армии под городом Лейпцигом и о бегстве его с этого крепкого пункта, я убедился, что пришел уже конец величию Наполеонова владычества над Европой, и тотчас начал лепить портрет нашего императора в военном древне-славянском костюме, в шлеме, с копьем в правой руке, а в левой – со щитом, по борту которого в барельефе вылепил пешее и конное сражение, а в середине – русский герб. Я изобразил государя в виде славянского божества Родомысла, которому приписывались качества Минервы и Марса»²⁵. Таким образом, медальер использовал изображение «вымышленного» бога не случайно, оно сочетает в себе несовместимые на первый взгляд элементы. Перед зрителем предстает портрет императора в образе славянского божества, но

величества к учащимся в университете», он просил предоставить в нумизматическую коллекцию по одному образцу всех университетских медалей, которые вскоре были получены (Тихомиров 1960, 111).

²¹ Азадовский 1958, 129; Чулков 1768; Попов 1768.

²² Издание Г.А. Глинки не рассматривали как серьезное исследование ни современники, ни ученые последующих столетий. Во многих трудах его имя и публикации даже не упоминаются. Например: Строев 1815; Рыбаков 1981; Топорков 1997; Рыбаков 2016.

²³ Интересующий нас медальный образ упоминается в: Пчелов 2007, 232–234.

²⁴ Толстой 1873а, 518.

²⁵ Толстой 1873, 139.

зрительно он отсылает к хорошо знакомой современникам античной мифологии, а композиция при этом выполнена в стиле господствовавшего в европейских странах классицизма.

Ф.П. Толстой объединил в портрете два основных течения в культуре и науке России, характерных для начала XIX в., – интерес к античности и древней Руси. Такие направления общественной и исторической мысли не были чем-то новым, а продолжали наметившиеся в петровское время тенденции, и были популярны в среде европейски образованных людей, прекрасно знающих античную и европейскую историю, культуру, мифологию, древние и современные языки.

Интерес к национальному наследию возник еще в начале XVIII в. В петровское время была обоснована необходимость изучать историю родной страны. Самого Петра интересовала не древность, а период с конца XV века (правление Ивана III Васильевича (1462–1505)), однако с течением времени исследователи обратились к изучению и дохристианского периода истории государства. За это время было собрано значительное количество источников и различных материалов не только по истории, но и фольклору, мифологии, культуре, ставших основой научных трудов последующих веков²⁶. Начало XIX в. характеризуется противопоставлением России и Франции, а позднее – России и Европы после революции 1780-х гг. и заключения Тильзитского мира с Наполеоном²⁷. Поражение русской армии в военной кампании 1805–1807 гг. привело к росту патриотических настроений и «порицанию французского воспитания и иноземных нравов (делалось это, как правило, людьми, учившимися у французских наставников и говоривших по-французски охотнее, чем на родном языке), которым противопоставлялась благодетельность исконных российских добродетелей и традиций»²⁸. Особенно остро неприятие французской культуры чувствовалось в период вторжения армии Наполеона на территорию России в 1812 г. «Канонизировались составляющие русского национального характера: любовь к своим царям, вера, верность, чистосердечие, терпение и повиновение. Война продемонстрировала обществу, что сила нации состоит в ее единстве и самобытности, а России предуготована великая миссия в мировой истории»²⁹. Так, современники Ф.П. Толстого, прежде всего А.Н. Оленин, старались «обосновать преемственность национальной русской культуры от культуры Древней Греции через посредство Византии»³⁰, тем самым ослабляя значение европейских традиций в развитии отечественной культуры. Таким образом, высшее общество старалось в свою повседневную жизнь, устроенную по-европейски, впустить давно вытесненные из нее элементы русской традиционной культуры и быта, воспринимавшиеся со времен петровских реформ как устаревшие и чужие.

Собранные воедино классические и национальные элементы композиции медальона Ф.П. Толстого создают цельный образ императора Александра I и представляют его как правителя, наделенного свыше силой одолеть грозного непри-

²⁶ Шанский 1988, 122–161.

²⁷ Подробнее, например: Федосов др. 1985–1990; Лотман 1994; Уортман 2002; Кошман и др. 1998–2003.

²⁸ Бокова. 2003, 46.

²⁹ Бокова 2003, 77.

³⁰ Абрамова (сост.) 2012, 8.

ителя³¹. Это изображение иллюстрирует идеализированное отношение высшего общества, деятелей культуры и науки и самого Толстого к самодержавной власти и личности императора, характерное для периода наполеоновских войн. Как справедливо отмечала Э.В. Кузнецова, «образ императора связывался в сознании художника, современника Отечественной войны, с торжеством победы народа над Наполеоном, с его героической борьбой»³².

Таким образом, медальон с портретом императора Александра I в образе славянского божества Родомысла, выполненный Ф.П. Толстым в 1814 г. в традициях западного классицизма, увековечивает победу русской армии над Наполеоном как события государственной и общеевропейской важности, прославляет Россию и ее правителя. Он также иллюстрирует сложную и противоречивую эпоху в развитии русской культуры, старающейся объединить античность, европейские и традиционные отечественные ценности в единое целое.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, Е.Е. (сост.) 2012: *«Мы все в одну сольемся душой!..»: Отечественная война 1812 года в медалях А.Н. Оленина и его современников: каталог выставки*. СПб.
- Азадовский, М.К. 1958: *История русской фольклористики*. М.
- Бокова, В.М. 2003: *Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в.* В кн.: *Очерки русской культуры XIX века*. Т. 4. М., 17–146.
- Борина, М.А. 1992: Медальная серия Ф.П. Толстого «На события Отечественной войны 1812 г.». *Нумизматика, бонистика, фалеристика. Исследования и материалы. Нумизматический сборник*. (Труды ГИМ XI). М., 118–129.
- Висковатов, А.В. 1841–1862: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*: в 30-ти ч. СПб.
- Герасимова, А.А. (сост.) 2016: *Королевские игры. Западноевропейское оружие и доспехи позднего Ренессанса в собрании Исторического музея*. Каталог выставки. М.
- Гесиод 2001: *Полное собрание текстов*. М.
- Глинка, Г.А. 1804: *Древняя религия славян*. Митава.
- Кайсаров, А.С. Глинка, Г.А. Рыбаков, Б.А. 1993: *Мифы древних славян. Велесова книга*. Саратов.
- Кузнецова, Э.В. 1977: *Федор Петрович Толстой. 1783–1873*. М.
- Левин, Ю.Д. 1980: *Оссиан в русской литературе: конец XVIII – первая треть XIX века*. Л.
- Лотман, Ю.М. 1994: *Беседы о русской культуре (быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX в.)*. СПб.
- Маккалох, Д.А. 2004: *Религия древних кельтов*. М.
- Кошман, Л.В. и др. 1998–2003: *Очерки русской культуры XIX века*: в 6-ти т. М.
- Попов, М.И. 1768: *Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного из разных писателей, снабженного примечаниями*. СПб.
- ПСЗРИ, 1825–1881: *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание второе. С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года: в 55-ти т. СПб.
- Пчелов, Е.В. 2007: Образ Минервы в эмблематике русской культуры XVIII – начала XIX века: медальерное искусство, сфрагистика и геральдика. В сб.: *XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. СПб, 232–234.

³¹ Внимание акцентируется больше на нем, чем на армии или полководцах. Надписи и изображения, как на памятных, так и на наградных медалях, связанных с Отечественной войной 1812 г. подчеркивают, что победа была достигнута в первую очередь императором и при поддержке Бога.

³² Кузнецова 1977, 56.

- Рыбаков, Б.А. 2016: *Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи*. М.
- Рыбаков, Б.А. 1981: *Язычество древних славян*. М.
- Смирнова, Н.М. и др. 2014: *Великие русские победы в медали и гравюре. К 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года*. (Каталог медалей и гравюр из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина). М.
- Солнцев, Г.Ф. 1853: *Древности российского государства*. Отд. III. *Броня, оружие, кареты и конская сбруя*. М.
- Строев, П. 1815: *Краткое обозрение мифологии славян российских*. М.
- Тихомиров, М.Н. (ред.) 1960: *Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в.* Т. 1. М.
- Толстой, Ф.П. 1873: Записки графа Ф.П. Толстого, товарища президента Императорской академии художеств. *Русская старина* 7, 123–145.
- Толстой, Ф.П. 1873а: Обзор художественной деятельности. *Русская старина* 9, 517–532.
- Топорков, А.Л. 1997: *Теория мифа в русской филологической науке XIX века*. М.
- Уортман, Р. 2002: *Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии*. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.
- Файбисович, В.М. 1998: Русский воин на медалях XIX в. В сб.: *VI Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. СПб, 187–188.
- Федосов, И.А. и др. 1985–1990: *Очерки русской культуры XVIII века: в 4-х т.* М.
- Херасков, М.М. 1820: *Эпические творения*. Ч. 2. *Владимир*. М., 1–248.
- Холодковский, И.М. Годлевский, Н.Н. 1912: *Нумизматические памятники Отечественной войны. Описание медалей и жетонов 1812–1912 гг.* СПб.
- Чулков, М.Д. 1768: *Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч.* М.
- Шанский, Д.Н. 1988: Историческая мысль. В кн.: *Очерки русской культуры XVIII века*. Ч. 3. *Наука. Общественная мысль*. М., 122–161.
- Grueber, H. 1874: *Roman Medallions in the British museum*. London.
- Kluge, B. Alram, M. 2010: *Gold Giganten. Das große Gold in der Münze und Medalille*. Berlin.
- Scher, S.K. (ed.) 1994: *The Currency of Fame. Portrait medals of the Renaissance*. New York.

REFERENCES

- Abramova, E.E. (ed.) 2012: «*My vse v odnu sol'yemysya dushu!..*»: *Otechestvennaya voina 1812 goda v medalyakh A.N. Olenina i ego sovremennikov: katalog vystavki* [“*We will all merge into one soul...*”: *Patriotic War of 1812 perceived through medals of A.N. Olenin and his contemporaries: catalogue of exhibition*]. Saint Petersburg.
- Azadovskiy, M.K. 1958: *Istoriya russkoy folkloristiki* [The history of Russian folkloristics]. Moscow.
- Bokova, V.M. 2003: *Bespokoynny dukh vremeni. Obshchestvennaya mysl' pervoy treti XIX veka* [The Unquiet Spirit of Time. Social thought of the first tertial of the 19th century]. In: *Ocherki russkoy kul'tury XIX veka* [Essays on Russian culture of the 19th century] Vol. 4. Moscow, 17–146.
- Borina, M.A. 1992: Medal'naya seriya F.P. Tolstogo «*Na sobytiya Obshchestvennoy voyny 1812 g*» [Medallic series by F.P. Tolstoy dedicated to the Patriotic War of 1812]. *Numizmatika, bonistika, faleristika. Issledovaniya i materialy. Numizmaticheskiy sbornik* [Numismatics, bonistics, phaleristics. Researches and materials] (Trudy GIM XI [Proceedings of the State Historical Museum XI]). Moscow, 118–129.
- Chulkov, M.D. 1768: *Abevega russkikh sueveriy, idolopoklonnicheskikh zhertvoprinosheniy, svadebnykh prostonarodnykh obryadov, koldovstva, shamanstva etc.* [Collection of the Rus-

- sian superstitions, idolatrous immolations, vernacular marriage rites, magic, shamanism etc.*]. Moscow.
- Faybisovich, V.M. 1998: Russkiy voyn na medalyakh XIX v. [Russian warrior on medals of the 19th cent.]. In: *VI Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [The VIth All-Russian numismatic conference. Thesis of papers and reports]. Saint Petersburg, 187–188.
- Fedosov, I.A. et al. 1985–1990: *Ocherki russkoy kul'tury XVIII veka* [Essays on Russian culture of the 18th century]. Vols. 1–4. Moscow.
- Gerasimova, A.A. (ed.) 2016: *Korolevskie igry. Zapadnoevropeyskoe oruzhie i dospekhi pozdnego Renessansa v sobranii Istoricheskogo muzeya. Katalog vystavki* [Games of the kings. Western European arms and armor of the late Renaissance in the collection of the State Historical museum. Catalogue of the exhibition]. Moscow.
- Glinka, G.A. 1804: *Drevnyaya religiya slavyan* [Ancient religion of the Slavs]. Mitava.
- Grueber, H. 1874: *Roman Medallions in the British museum*. London.
- Kaysarov, A.S. Glinka, G.A. Rybakov, B.A. 1993: *Mify drevnikh slavyan. Velesova kniga* [Myths of the ancient Slavs. Book of Veles]. Saratov.
- Kheraskov, M.M. 1820: *Epicheskie tvoreniya* [Epic works]. P. 2. Vladimir [Vladimir]. Moscow, 1–248.
- Kholodkovskiy, I.M. Godlevskiy, N.N. 1912: *Numizmaticheskie pamyatniki Otechestvennoy voyny. Opisanie medaley i zhetonov 1812–1912 gg.* [Numismatic monuments dedicated to the Patriotic War of 1812. Description of medals and tokens of 1812–1912]. Saint Petersburg.
- Kluge, B. Alram, M. 2010: *Gold Giganten. Das große Gold in der Münze und Medalille*. Berlin.
- Koshman, L.V. et al. 1998–2003: *Ocherki russkoy kul'tury XIX veka* [Essays on Russian culture of the 19th century]. Vols. 1–6. Moscow.
- Kuznetsova, E.V. 1977: *Fyodor Petrovich Tolsyoy. 1783–1873.* [Fyodor Petrovich Tolstoy. 1783–1873]. Moscow.
- Levin, Yu.D. 1980: *Ossian v russkoy literature: konets XVIII – pervaya tret' XIX veka* [Ossian in Russian literature: the end of the 18th – the first third of the 19th cent.]. Leningrad.
- Lotman, Yu.M. 1994: *Besedy o russkoy kul'ture (byt i traditsii russkogo dvoryanstva XVIII – nachala XIX v.)* [Conversations about Russian culture (Life and traditions of the Russian nobility of the 18th – beginning of the 19th century)]. Saint Petersburg.
- Macculloch, J.A. 2004: *Religiya drevnikh kel'tov* [The Religion of the Ancient Celts]. Moscow.
- Pcheylov, E.V. 2007: *Obraz Minervy v emblematike russkoy kul'tury XVIII – nachala XIX veka: medal'ernoie iskusstvo, sfragistika i geraldika* [Minerva in the emblem studies of Russian culture of the 18th – beginning of the 19th cent. Medallistic art, sphragistics and heraldry]. In: *14 Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov i soobshcheniy.* [The 14th All-Russian numismatic conference. Abstracts and Papers]. Saint Petersburg, 232–234.
- Popov, M.I. 1768: *Opisanie drevnego slavyanskogo yazycheskogo basnosloviya, sobrannogo iz raznykh pisateley, snabzhennogo primechaniyami* [Description of the ancient Slavonic mythology, collected from various writers and provided with notes]. Saint Petersburg.
- Rybakov, B.A. 2016: *Drevnyaya Rus': Skazaniya. Byliny. Letopisi* [Ancient Rus. Legendry. Epic poems. Chronicles]. Moscow.
- Rybakov, B.A. 1981: *Yazychestvo drevnih slavyan* [Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow.
- Scher, S.K. (ed.) 1994: *The Currency of Fame. Portrait medals of the Renaissance*. New York.
- Shanskiy, D.N. 1988: *Istoricheskaya mysl'* [Historical thought]. *Ocherki russkoy kul'tury XVIII veka.* [Essays on Russian culture of the 18th century]. Vol. 3: *Nauka. Obshchestvennaya mysl'* [Science. Social ideas]. Moscow, 122–161.
- Smirnova, N.M. et al. 2014: *Velikie russkie pobedy v medali i gravyure. K 200-letiyu pobedy v Otechestvennoy voyne 1812 goda. Katalog medaley i gravyur iz sobraniya GMI im.*

- A.S. Pushkina. [Great Russian victories perceived through medals and engravings. The bicentennial of victory at the Patriotic War of 1812. Catalogue of medals and engravings from the collection of the Pushkin museum]. Moscow.
- Solntsev, G.F. 1853: *Drevnosti rossiyskogo gosudarstva*. [Antiquities of the Russian state]. Bronya, oruzhie, karety i konskaya sbruya [Armour, weapon, carriages and horse harness]. Vol. III. Moscow.
- Stroev, P. 1815: *Kratkoe obozrenie mifologii slavyan rossiyskikh* [Brief review of the mythology of the Russian Slavs]. Moscow.
- Tikhomirov, M.N. (ed.) 1960: *Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroy poloviny XVIII v.* [Documents and materials on the history of the Moscow University of the second half of the 18th century]. Vol. 1. Moscow.
- Tolstoy, F.P. 1873: Zapiski grafa F.P. Tolstogo, tovarishcha prezidenta Imperatorskoy akademii hudozhestv [Notes by Count F.P. Tolstoy, the president of Imperial Academy of Arts]. *Russkaya starina* [Russian antiquity] 7, 123–145.
- Tolstoy, F.P. 1873a: Obzor khudozhestvennoy deyatel'nosti [Review of the artistic activity]. *Russkaya starina* [Russian antiquity] 7, 517–532.
- Toporkov, A.L. 1997: *Teoriya mifa v russkoy filologicheskoy nauke XIX veka* [Theory of myth in philology of the 19th century]. Moscow.
- Viskovatov, A.V. 1841–1862: *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiyskikh voysk* [Historical description of clothing and arms of Russian troops]. Vols. 1–30. Saint Petersburg.
- Wortman, R. 2002: *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. 1: *From Peter the Great to the Death of Nicolas I*. Moscow.

F.P. TOLSTOY'S PORTRAIT OF THE EMPEROR ALEXANDER I REPRESENTED AS RODOMYSŁ: SOME PECULIARITIES

Uliana M. Volkova

Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia
 uliana.volkova@arts-museum.ru

Abstract. The article deals with the history and some aspects of the portrait of the Russian emperor Alexander I portrayed as the ancient Slavonic pagan deity Rodomysl by the count F.P. Tolstoy. The medallion with this portrait was created in 1814 after the victory in the battle of Leipzig (or battle of the Nations). Medallion series dedicated to the victory at the Patriotic war of 1812 was minted in 1834–1837. Portrait of Alexander I became an obverse of all twenty medals. The author analyzes the details of this portrait. The special attention is paid to the original idea of the medalist, i.e. the image of Emperor Alexander as the ancient Slavonic pagan deity Rodomysl. Conducted study shows that this god did not exist in the Slavonic mythology and it was the invention of G.A. Glinka, the author of the book “Ancient religion of the Slavs” which was published in Mitau (city of Jelgava in Latvia) in 1804. This image illustrates the existence of two trends in Russian culture and science at the beginning of the 19th century, namely, interest in antiquity and ancient Rus.

Keywords: Russian history, numismatics, medallion art, Alexander I, F.P. Tolstoy

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БС	–	Боспорский сборник. Москва
ВА	–	Вестник антропологии. Москва
ВДИ	–	Вестник древней истории. Москва
ВДНЦ	–	Вестник Дагестанского научного центра
ЗООИД	–	Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса
Изв. АН Арм. ССР. Сер. общ. наук	–	Известия Академии наук Армянской ССР. Серия общественные науки. Ереван
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
МАД	–	Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
МАИЭТ	–	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь–Керчь
МАК	–	Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Москва
МХАЭЭ	–	Материалы Хорезмской Археолого-Этнографической Экспедиции. Москва
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА	–	Российская археология. Москва
СА	–	Советская археология. Москва
УЗБГУ	–	Ученые записки Белорусского государственного университета Минск
AJA	–	American Journal of Archaeology. Boston
AS	–	Anatolian Studies. Ankara
CQ	–	Classical Quarterly. Cambridge
MDAFA	–	Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan Paris
RE	–	Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
RE	–	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1924
TAD	–	Porten B., Yardeni A. (eds.) Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt: in 4 vol. Jerusalem, 1986

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ» В 2018 ГОДУ

	№	Стр.
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Новичихин А.М.</i> (Анапа) – Клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. с хоры Горгииппии (1986 г.)	3	234
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Сапрыкина И.А.</i> (Москва), <i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь) – Содержание серебра в статерах Савромата IV	3	107
<i>Абрамова А.Н., Пежемский Д.В.</i> (Волгоград) – Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). Часть 1	4	102
<i>Алимизов А.Н.</i> (Баку) – Кто был третьим Правителем кутиума	4	42
<i>Астахов И.А.</i> (Тула) – Каменные ядра из раскопок Белинского городища	4	94
<i>Безруков А.В.</i> (Магнитогорск) – V Абхазская Международная Археологическая конференция, посвященная 100-летию выдающегося Абхазского археолога-кавказоведа М.М. Трапша (Сухум, 20–24 ноября 2017 г.)	3	257
<i>Безруков А.В.</i> (Магнитогорск), <i>Улитин В.В.</i> (Краснодар) – Категории античной керамики в Прикубанье и междуречье Волги и Урала: проблемы изучения функционального использования и роли в культуре варваров	1	80
<i>Болгова А.М.</i> (Белгород) – Гипатия и ее школа в Александрии (начало V в.)..	1	184
В честь профессоров А.А. Масленникова и В.Д. Кузнецова	3	5
<i>Вахтина М.Ю.</i> (Санкт-Петербург) – Две «мегарские» чаши из порфмийского некрополя	3	215
<i>Ващева И.Ю.</i> (Нижний Новгород) – «Церковная история» Евсевия Кесарийского: терминология и проблемы этно-культурной идентичности на пороге средневековья	1	169
<i>Виноградов Ю.А.</i> (Санкт-Петербург) – Особенности расписного склепа кургана Большая Близница	3	80
<i>Волкова У.М.</i> (Москва) – Некоторые особенности портрета императора Александра I, изображенного Ф.П. Толстым в образе Родомысла	4	216
<i>Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М.</i> (Москва) – Позднеантичное захоронение с погребальным ременным гарнитуром из Фанагории	3	125
<i>Ворошилова О.М.</i> (Москва) – Пиксиды позднеантичной Фанагории	4	122
<i>Ворошилова О.М.</i> (Москва) – Погребения в каменных ящиках из раскопок Фанагории в 1975 г.	1	5
<i>Гаврилюк Н.А.</i> (Киев), <i>Молев Е.А.</i> (Нижний Новгород) – Лепная керамика из объектов и слоев III–VI вв. н.э. боспорского города Китея	3	60
<i>Гаджиев М.С.</i> (Махачкала), <i>Давудов Ш.О.</i> (Ростов-на-Дону) – Об одной группе раннесредневековых металлических зеркал Дагестана	4	153
<i>Гаилов В.А.</i> (Москва) – Крепость Чанглы и ее округа: эволюция развития	4	197
<i>Гаилов В.А.</i> (Москва) – К вопросу об оборонительных сооружениях Маргианы. Крепость Чильбурдж	3	157
<i>Гарбузов Г.П.</i> (Ростов-на-Дону) – К оценке урожайности зерновых на античном Боспоре	1	12
<i>Голофаст Л.А.</i> (Москва), <i>Рыжов С.Г.</i> (Севастополь) – К вопросу о происхождении посуды группы «Понтийской позднеримской лощеной»	3	47
<i>Демещенко С.А.</i> (Санкт-Петербург) – Композиционные закономерности в искусстве палеолита	2	177

<i>Дружинина И.А.</i> (Москва) – Могильник близ аула Кашхатау (по материалам исследований И.А. Владимирова, 1987 г.).....	4	177
<i>Дэвлет Е.Г.</i> (Москва), <i>Ласкин А.Р.</i> (Хабаровск), <i>Пахунов А.С.</i> (Москва) – Факторы разрушения и проблемы сохранения нижнеамурских петроглифов	2	25
<i>Дэвлет Е.Г.</i> (Москва), <i>Уранчимэг Д.</i> , <i>Баяртур Б.</i> (Улан-Батор), <i>Свойский Ю.М.</i> , <i>Романенко Е.В.</i> (Москва) – Наскальные изображения Гачуурта (Монголия): новые наблюдения	2	101
<i>Журавлев Д.В.</i> (Москва), <i>Хмелевский Д.Н.</i> (Киев) – Фигурный сосуд в форме головы африканца из Ольвии	3	198
<i>Завойкин А.А.</i> (Москва) – Дом 460 на акрополе Фанагории (предварительные замечания)	1	229
<i>Завойкин А.А.</i> (Москва) – Новая строительная жертва из Фанагории	3	90
<i>Завойкина Н.В.</i> (Москва) – Граффито трапезита из Фанагории	3	224
<i>Зайцева И.В.</i> (Белгород) – К вопросу об образовании Александрийской школы при Пантене.....	1	161
<i>Застроженова Е.Г.</i> (Санкт-Петербург) – Исследования В.Д. Блаватского в акватории Фанагории (1958 и 1959 гг.).....	3	250
<i>Зинько В.Н.</i> (Симферополь) – Косторезная мастерская в боспорском городе Тиритака	3	73
<i>Кареев Д.В.</i> (Иваново) – Сражения у крепости Сингара и римско-персидские войны императора Констанция II: к вопросу о хронологии и последовательности событий	4	135
<i>Клейменов А.А.</i> (Тула), <i>Иванов С.С.</i> (Бишкек) – «Со мной будут скифы...»: среднеазиатские конные лучники в армии Александра Македонского	1	123
<i>Король Г.Г.</i> , <i>Наумова О.Б.</i> (Москва) – О возможности сопоставления декоративного искусства и фольклорных источников (по материалам раннесредневековой металлической пластики Центральной Азии).....	2	7
<i>Котов В.Г.</i> , <i>Румянцев М.М.</i> (Уфа) – Феномен использования природных форм в палеолите Евразии: «галечные скульптуры»	2	136
<i>Ласкин А.Р.</i> , <i>Дэвлет Е.Г.</i> , <i>Гринько А.Е.</i> , <i>Свойский Ю.М.</i> , <i>Романенко Е.В.</i> (Москва) – Новые результаты документирования петроглифов и моделирование сакральных ландшафтов памятников наскального искусства Дальнего Востока	2	244
<i>Лозовская О.В.</i> (Санкт-Петербург). Основные формы изобразительной деятельности в позднем мезолите и раннем неолите Волго-Окского междуречья по материалам стоянки Замостье	2	208
<i>Малышев А.А.</i> , <i>Батченко В.С.</i> (Москва) – Полуостров Абрау в античную эпоху (исторический очерк).....	4	78
<i>Малышев А.А.</i> , <i>Требелева Г.В.</i> (Москва) – Эволюция системы расселения в периферийных районах Азиатского Боспора (на примере п-ва Абрау).....	3	143
<i>Меликов Р.С.</i> (Баку) – Мидийский язык и некоторые древнемидийские этимологии	4	29
<i>Миролюбов И.А.</i> (Москва) – «Сын божественного Константина»: об особенностях культа Константина Великого в правление императора Констанция.....	1	152
<i>Мозаричев Ю.М.</i> , <i>Прохоров Д.А.</i> (Симферополь) – А.С. Уваров о происхождении и истории крымских караимов.....	1	237
<i>Мокроброродов В.В.</i> (Москва) – О находках человеческих костей на среднеазиатских поселениях середины I тысячелетия до н.э.	1	39

<i>Мустафаев Л. Х., Гейдарова У.Р.</i> (Баку) – Археологические находки эпохи Поздней бронзы – раннего железа из античного городища Габалы.....	4	7
<i>Наливайко О.А.</i> (Москва) – Из истории японской медицины: средневековые традиции и европейская наука	4	165
<i>Обухов С.В.</i> (Москва) – Коммагена и Персидская держава Ахеменидов (по археологическим данным).....	4	49
<i>Обухов С.В.</i> (Москва) – О изображениях на одном типе монет Митридата I Каллиника (100– 70 гг. до н.э.), правителя античной Коммагены	1	61
<i>Орлов В.П.</i> (Казань) – Социальный статус персидской аристократии в Ахеменидской империи (к вопросу о значении термина <i>bandakā</i>).....	4	61
<i>Осипова А.А., Позднякова Н.В.</i> (Магнитогорск) – Особенности сюжета и языка жития Иакова Черноризца (Постника) (об одном необычном отрывке из Супрасльской рукописи)	1	223
<i>Пахунов А.С.</i> (Москва) – О связи состава красной краски и ее оттенка: рисунки Каповой пещеры и изображения на плитах Каракола	2	152
<i>Поляков А.В., Васильев С.А., Гиря Е.Ю.</i> (Санкт-Петербург) – Открытие мобильного искусства в финальном палеолите Верхнего Енисея (гравированная галька со стоянки Ирба 2)	2	158
<i>Рунг Э.В.</i> (Москва) – «Длиннорукий» или «Долгорукий»? Греческие прозвища персидских царей	1	114
<i>Савченко С.Н.</i> (Екатеринбург) – Раннемезолитическое роговое навершие в виде головы фантастического зверя из Среднего Зауралья.....	2	191
<i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь) – Открытие поселений Поздней бронзы с двойными загонами в Северо-Западном Крыму с помощью дистанционных и геофизических методов.....	4	17
<i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь) – О древних проездах через Узунларский вал	1	24
<i>Смирнов Н.Ю.</i> (Санкт-Петербург) – Путеводный олень: сюжет преследования оленя героем на колеснице в изобразительной традиции востока и запада Евразии второй половины II – рубежа II–I тыс. до н.э. и некоторые фольклорно-эпические параллели	2	63
<i>Советова О.С.</i> (Кемерово) – Антропоморфные персонажи в укороченных штанах в наскальном искусстве Минусинской котловины	2	92
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Прозвища у греков архаической и классической эпох. IV. Афины: от «великих остракизмов» до «великих демагогов»	3	170
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Прозвища у греков архаической и классической эпох. III. Прозвища политиков: архаика и ранняя классика.....	1	89
<i>Терещенко А.Е.</i> (Санкт-Петербург) – Монетные комплексы в античных погребениях (к постановке проблемы)	1	68
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Берлин) – Персонификация Африки на атташах ручек амфоры из Нижнего Подонья (о римских бронзовых амфорах в Сарматии) .	3	10
<i>Труфанов А.А.</i> (Симферополь), <i>Мордвинцева В.И.</i> (Москва) – Погребения I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым).....	3	30
<i>Фролов Д.Л.</i> (Ярославль) – Светская власть и ортодоксы в государствах крестоносцев: между волей Рима и верой подданных	1	197
<i>Хлопачев Г.А.</i> (Санкт-Петербург) – Фигуративное искусство верхнего палеолита центра Русской равнины: проблема соотношения зооморфного и антропоморфного сюжетов.....	2	116
<i>Чореф М.М.</i> (Нижневаторск) – К атрибуции монет Крымского ханства из раскопок поселений Виноградный 7 и Тамань-16	1	75

<i>Шелов-Коведяев Ф.В.</i> (Москва) – К ранней истории Фанагории	3	98
<i>Широков В.Н.</i> (Екатеринбург) – Анималистические изобразительные мотивы Колокольной (Серпиевской 2) пещеры на Южном Урале	2	165
<i>Шулежкова С.Г., Костина П.М.</i> (Магнитогорск) – Насильственная смерть как наказание за веру христову, отраженная в памятниках общеславянского литературного языка средневековья	1	212
<i>Шулежкова С.Г., Михина О.В.</i> (Магнитогорск) Размышления над книгой «Симеонов сборник: по светославия препис от 1073 г.). т. 3: Гръцки извори / гръцки текст и изследване Янева П.; Славян. Текст прегледан и сверен допълнително: Минчева А., Ралева Цв., Досева Ц., Янева П.». София: изд-во на бан «проф. Марин Дринов», 2015.: 1242 с.	4	187
Юбиляру – Марианне Арташировне Дэвлет	2	5
<i>Ярцев С.В., Бутовский А.Ю.</i> (Тула) – К вопросу о восточном походе императора Нерона	1	146
<i>Cassen S., Grimaud V. (Nantes), Pétrequin P. (Besançon)</i> Objets-signes et signes de l'objet. Iconographie des anneaux et des haches néolithiques dans le nord de la France	2	227
<i>Wu Jiakai</i> (Hohhot) – A Study on the Prehistoric Non-outlined Human Face Rock Art in Chifeng Area, China and the Application of Micro erosion Dating Method	2	44

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравления юбилярам	5
<i>Мустафаев Л. Х., Гейдарова У.Р.</i> (Баку) – Археологические находки эпохи Поздней бронзы – раннего железа из античного городища Габалы	7
<i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь) – Открытие поселений Поздней бронзы с двойными загонами в Северо-Западном Крыму с помощью дистанционных и геофизических методов	17
<i>Меликов Р.С.</i> (Баку) – Мидийский язык и некоторые древнемидийские этимологии	29
<i>Алимирзоев А.Н.</i> (Баку) – Кто был третьим Правителем кутиума	42
<i>Обухов С.В.</i> (Москва) – Коммагена и Персидская держава Ахеменидов (по археологическим данным)	49
<i>Орлов В.П.</i> (Казань) – Социальный статус персидской аристократии в Ахеменидской империи (к вопросу о значении термина <i>bandakā</i>)	61
<i>Мальшиев А.А., Батченко В.С.</i> (Москва) – Полуостров Абрау в античную эпоху (исторический очерк)	78
<i>Астахов И.А.</i> (Тула) – Каменные ядра из раскопок Белинского городища	94
<i>Абрамова А.Н., Пежемский Д.В.</i> (Волгоград) – Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). Часть 1	102
<i>Ворошилова О.М.</i> (Москва) – Пиксиды позднеантичной Фанагории	122
<i>Кареев Д.В.</i> (Иваново) – Сражения у крепости Сингара и римско-персидские войны императора Констанция II: к вопросу о хронологии и последовательности событий	135
<i>Гаджиев М.С.</i> (Махачкала), <i>Давудов Ш.О.</i> (Ростов-на-Дону) – Об одной группе раннесредневековых металлических зеркал Дагестана	153
<i>Наливайко О.А.</i> (Москва) – Из истории японской медицины: средневековые традиции и европейская наука	165
<i>Дружинина И.А.</i> (Москва) – Могильник близ аула Кашхатау (по материалам исследований И.А. Владимирова, 1987 г.	177
<i>Шулежкова С.Г., О.В. Михина</i> (Магнитогорск) Размышления над книгой «Симеонов сборник: по светославия препис от 1073 г.). т. 3: гръцки извори / гръцки текст и изследване янева п.; славян. текст прегледан и сверен допълнително: минчева а., ралева цв., досева ц., янева п». софия: изд-во на бан «проф. марин дринов», 2015.: 1242 с.	187

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Гаибов В.А.</i> (Москва) – Крепость Чанглы и ее округа: эволюция развития	197
--	-----

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Волкова У.М.</i> (Москва) – Некоторые особенности портрета императора Александра I, изображенного Ф.П. Толстым в образе Родомысла	216
--	-----

CONTENTS

In honour of R.M. Munchaev and V.A. Gaibov	5
<i>L.Kh. Mustafayev, U.R. Heydarova</i> (Baku) – Ancient City of Gabala: Archaeological Finds of the Late Bronze to the Early Iron Period	7
<i>T.N. Smekalova</i> (Simferopol) – Discovery of the Bronze Age Pinfolds in Northwestern Crimea: Remote Sensing and Geophysical Methods	17
<i>R.S. Melikov</i> (Baku) – Median Language and Some Old Median Etymologies.....	29
<i>A.N. ogly Alimirzoyev</i> (Baku) – Who was the Third Ruler of the Gutium	42
<i>S.V. Obukhov</i> (Moscow) – Commagene and the Persian Empire of the Achaemenids (Base on Archaeological Sources).....	49
<i>V.P. Orlov</i> (Kazan) – Persian Aristocracy in the Achaemenid Empire: Social Status (on the Meaning of the Term <i>Bandakā</i>)	61
<i>A.A. Malyshev</i> (Moscow) – The Abrau Peninsula in Ancient Times (Historiographical Essay)	78
<i>I.A. Astakhov</i> (Tula) – Stone Projectiles from Excavation at the Belinskoe Fortress	94
<i>A.N. Abramova</i> (Volgograd), <i>D.V. Pezhemsky</i> (Moscow)– Experience in Morphometric Analysis of Skeletal Remains Poor Preservation (Based on Materials from the Ancient Burial Ground Volna 1, Taman Peninsula). Part 1	102
<i>O.M. Voroshilova</i> (Moscow) – Pyxides from the Late Antique Phanagoria.....	122
<i>D.V. Kareev</i> (Ivanovo) – Battle of the Fortress Singara and Roman Persian Wars of Constantius II: the Chronology and Sequence of Events	135
<i>M.S. Gadzhiev</i> (Makhachkala), <i>Sh.O. Davudov</i> (Rostov-on-Don) – A Group of Early Medieval Metal Mirrors from Dagestan.....	153
<i>O.A. Nalivayko</i> (Moscow) – Medicine in Japan: Medieval Traditions and Western Science	165
<i>I.A. Druzhinina</i> (Moscow) – Necropolis Near the Village of Kashkhatau (on the Materials of Researches by I.A. Vladimirov, 1987)	177
<i>S.G. Shulezhkova, O.V. Mikhina</i> (Magnitogorsk) – Commentary on Simeon's Micellany (According to Svetoslav's Collection of 1073. Vol. 3. Greek Sources. Sofia: Publishing House of Bulgarian Academy of Sciences. 2015)	187

ANCIENT CIVILIZATION: NEW DISCOVERIES

<i>V.A. Gaibov</i> (Moscow) – The Changly Fortress and its Neighborhood: the Evolution of Development	197
---	-----

IN WORLD MUSEUMS

<i>U.M. Volkova</i> (Moscow) – F.P. Tolstoy's Portrait of the Emperor Alexander I Represented as Rodomysl: Some Peculiarities	216
---	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!!!!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для литературных произведений:

Толстой, Л.Н. 1980–1982: *Полное собрание сочинений*. М.

Пушкин, А.С. 1960–1968: *Собр. соч.*: в 10 т. М.

Пушкин, А.С. 1978: *Избранное*: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'е* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [Numismatics and Phaleristics] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosphorus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [Letters from the Front], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	a	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2018

Сдано в набор 29.11.2018. Подписано в печать 17.12.2018.

Дата выхода 30.12.2018.

Формат 70х1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.